Собр. ...

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 9-10
СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

Издание газеты „ПРАВДА"
МОСКВА 1932

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая. — 15 лет пролетарской диктатуры 1

Л. Мадьяр. — Конец капиталистической стабилизации 33

И. Разумовский. — Октябрь и исторический материализм 51

А. Максимов. — К итогам успехов естествознания в СССР за 15 лет 70

В. Кирпотин. — 15 лет советской литературы 84

К. Таболов. — О национальной культуре 113

В. Адоратский. — О «Немецкой идеологии» 137

А. Леонтьев. — К новому русскому изданию «Капитала» Маркса 144

В. Кирпотин. — Горький — великий пролетарский писатель 157

Э. Кольман. — На текущие темы 163

Ф. Гальперин и М. Марков. — Соотношение неточностей в квантовой механике 171

П. Юдин. — Предисловие к письму Л. Б. Каменева к А. А. Богданову 197

Л. Каменев. — Письмо Богданову 202

М. Шейнман. — Социальная демагогия церкви в связи с мировым экономическим кризисом 203

С ФРОНТА НАУКИ

С. Хайкин. — Достижения в области физики за 15 лет. 221

А. Сахалтуев. — О развитии и значении работ Мичурина 230

ОБЗОР РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ КОНГРЕССОВ

Х. Коштоянц. — 14-й международный конгресс физиологов в Риме 238

Л. Дунаевский. — 1-й международный конгресс по психологии религии 250

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Брушлинский. — Обзор журнала «Erkenntnis» за 1931 г. 250

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ № 9—10 1932 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — 15 лет пролетарской диктатуры (1). **Л. Мадьяр** — Конец капиталистической стабилизации (33). **И. Разумовский** — Октябрь и исторический материализм (51). **А. Максимов** — К итогам успехов естествознания в СССР за 15 лет (70). **В. Кирпотин** — 15 лет советской литературы (84). **К. Таболов** — О национальной культуре (113). **В. Адоратский** — О «Немецкой идеологии» (137). **А. Леонтьев** — К новому русскому изданию «Капитала» Маркса (144). **В. Кирпотин** — Горький — великий пролетарский писатель (157). **Э. Кольман** — На текущие темы (163). **Ф. Гальперин и М. Марков** — Соотношение неточностей в квантовой механике (171). **П. Юдин** — Предисловие к письму Каменева — Богданову (197). **Л. Каменев** — Письмо Богданову (202). **М. Шейнман** — Социальная демагогия церкви в связи с мировым экономическим кризисом (203). С ФРОНТА НАУКИ. **С. Хайкин** — Достижения в области физики за 15 лет (221). **А. Сахалтуев** — О развитии и значении работ Мичурина (230). ОБЗОР РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ КОНГРЕССОВ. **Х. Коштоянц** — 14-й международный конгресс физиологов в Риме (238). **Л. Дунаевский** — 1-й международный конгресс по психологии религии (250). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. **В. Брушлинский** — Обзор журнала «Erkenntnis» за 1931 г. (256).

15 лет пролетарской диктатуры

I

Пятнадцать лет прошло со времени первой в мире победоносной пролетарской революции в России, открывшей новую эпоху в истории человечества.

За эти годы рабочий класс СССР под руководством ленинской партии одержал победы всемирно исторического значения. В ожесточенной классовой борьбе с силами мирового империализма и отечественной контрреволюции, в борьбе с враждебными классами в нашей стране пролетариат СССР не только удержал свою власть, но и добился огромного укрепления и усиления мощи диктатуры пролетариата; он восстановил разрушенное империалистической войной и интервенцией хозяйство и на этой основе развернул невиданные в истории человечества темпы построения и завершения фундамента социалистической экономики, развернул борьбу за социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства. В этом году мы успешно завершаем первую пятилетку в четыре года, подготовляя базу для еще более мощного роста социализма в СССР и полного уничтожения классов в течение второй пятилетки.

С невиданной решительностью и быстротой осуществляется в нашей стране под руководством ленинской партии большевиков во главе с т. Стали-

ным смелый и грандиозный план революционного преобразования старого капиталистического общества в общество новое, бесклассовое, социалистическое. Опыт диктатуры пролетариата в СССР является блестящим подтверждением истинности теории научного социализма Маркса—Энгельса, развитого Лениным применительно к новой империалистической эпохе и т. Сталиным в период развернутого наступления социализма на капитализм по всему фронту.

Жизнь неопровержимо доказала на примере диктатуры пролетариата в нашей стране правильность гениального открытия В. И. Ленина о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране в период империализма. «Вопрос о строительстве социалистического хозяйства в одной стране впервые был выдвинут в партии Лениным еще в 1915 г.» (Сталин). Руководствуясь единственно научным методом — революционной марксистской диалектикой, развивая и разрабатывая ее со всех сторон, В. И. Ленин применил ее к анализу закономерностей развития монополистического капитализма. Он открыл закон скачкообразного, катастрофического развития капитализма новой эпохи, когда весь мир экономически оказался поделенным к началу XX века между ничтожной кучкой сильнейших капиталистических государств мира, за спиной которых стоят десятка два-три гигантских мировых капиталистических трестов, взаимная борьба которых за мировое господство не может не вести к вооруженному переделу уже раз поделенного мира, к империалистическим войнам, гигантским социальным катастрофам и пролетарской революции.

Прошло всего лишь семнадцать лет со времени гениального ленинского открытия в исторической науке — о возможности построения социализма в одной стране, и оно за этот срок претворено уже в жизнь. Социализм стал фактом, действительностью. СССР окончательно утвердился на социалистическом пути. В этом — гигантская победа ленинизма. Практическим движением передового класса пролетариата, десятков миллионов трудящихся в СССР доказана лживость, гнусность, корыстность клеветнических утверждений вождей социал-фашистского II интернационала и идеолога контрреволюционной буржуазии Троцкого о невозможности построения социализма в одной стране, о якобы несоциалистическом, непролетарском, буржуазном характере Октябрьской революции, о якобы «далеко не пролетарском характере» нашего государства.

Жизненная правда оказалась на нашей стороне. Все грязные вымыслы злейших врагов коммунизма — Каутского, Гильфердинга, Бауэра и всех Абрамовичей, Данов и Троцких — опрокинуты историческим фактом успешного выполнения плана первой пятилетки, завершения фундамента социалистической экономики и окончательного укрепления СССР на социалистическом пути.

Ленинское учение о победе пролетарской революции в одной стране в условиях империализма открывает мировому пролетариату величайшую перспективу ближайшей окончательной победы пролетарской революции во всем мире, вселяет уверенность в неизбежной победе коммунизма.

В. И. Ленин в своей книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» писал об интернациональном социалистическом характере Октябрьской революции в России следующее:

«Тактика большевиков была правильной, была единственно интернационалистической тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции, не на мещанском «неверии» в нее, не на узко националистическом желании отстоять «свое» отечество (отечество своей буржуазии), а на все остальное «наплевать» — она была основана на правильном... общепризнанном учете европейской революционной ситуации. Эта тактика была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, побуждения революции во всех странах.

Большевизм популяризировал на весь мир идею «диктатуры пролетариата», перевел эти слова с латинского сначала на русский, а потом на все языки мира, показав на примере Советской власти, что рабочие и беднейшие крестьяне даже отсталой страны, даже наименее опытные, образованные, привычные к организации, в состоянии были целый год [1]) среди гигантских трудностей, в борьбе с эксплоататорами (коих поддерживала буржуазия всего мира) сохранить власть трудящихся, создать демократию, неизмеримо более высокую и широкую, чем все прежние демократии мира, начать творчество десятков миллионов рабочих и крестьян по практическому осуществлению социализма.

Большевизм помог на деле развитию пролетарской революции в Европе и Америке так сильно, как ни одной партии ни в одной стране не удавалось до сих пор помогать... Не только общеевропейская, но мировая пролетарская революция зреет у всех на глазах, и ей помогла, ее ускорила, ее поддержала победа пролетариата в России».

Эти слова Владимира Ильича еще больше подтверждаются сейчас, в итоге наших достижений за 15 лет Октябрьской революции.

Наша партия всегда рассматривала победоносную Октябрьскую революцию в России как первый этап мировой пролетарской революции, как могучую базу дальнейшего ее развертывания, наша партия всегда рассматривала дело построения социализма в СССР как средство ускорения победы пролетариата во всех странах.

Тем более важное значение имеет подведение итогов строительства социализма у нас в условиях современной международной обстановки, когда назревает второй тур революций и войн.

---

[1]) Это гениальное произведение Ленина было написано через год после Октябрьской революции, в октябре—ноябре 1918 г.—**Ред.**

Еще на XVI с'езде партии, в середине 1930 г., т. Сталин говорил, что «последние годы были периодом испытания на практике, периодом экзамена двух противоположных систем хозяйства, советской и капиталистической... Эти годы лишний раз показали, что капиталистическая система хозяйства является системой несостоятельной, что советская система хозяйства обладает такими преимуществами, о которых не смеет мечтать ни одно буржуазное государство, будь оно самое «демократическое», «общенародное» и т. п.».

Поэтому проверка наших достижений в настоящий момент имеет значение: во-первых, с точки зрения перспектив конечного исхода борьбы двух экономических систем — социализма и капитализма, во-вторых, в свете наших международных революционных задач, в условиях быстро надвигающегося нового тура революций и войн, и наконец, в-третьих, с точки зрения дальнейшего нашего внутреннего развития.

С точки зрения дальнейшего развертывания международного революционного движения имеет огромное значение тот факт, что международному империализму, несмотря на все попытки сколотить против нас единый антисоветский фронт для новой интервенции, сорвать наше строительство путем организации заговоров внутри страны, несмотря на попытки втянуть нас в военные авантюры, все же не удалось надолго задержать наш переход к развернутому социалистическому строительству. Сейчас уже весь мир знает (из бесчисленных мемуаров, опубликованных в последние годы «героями» и организаторами первой вооруженной интервенции против СССР), что инициатива гражданской войны на следующий день после победы Октябрьского восстания принадлежала не нам, а свергнутой русской буржуазии совместно со всей международной империалистической буржуазией во главе с самыми мощными мировыми империалистическими державами — Англией, Францией, Японией и САСШ. Ими была предпринята попытка вооруженной силой подавить пролетарскую революцию.

«Западноевропейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно,— как писал В. И. Ленин,— сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны. Именно такой выход из империалистической войны представлялся конечно имеющим значительные выгоды: если мы не опрокинем революционного строя в России, то во всяком случае мы затрудним его развитие к социализму,— так примерно рассуждали эти державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе».

Однако интервенты просчитались. Они не свергли нового строя, они не могли воспрепятствовать и построению социализма в нашей стране, хотя в гигантской степени разрушили наше хозяйство в период гражданской войны и интервенции и создали огромные трудности по его восстановлению. Этим в частности и об'ясняются те особенные трудности в строительстве социализма в нашей стране, которые пришлось испытать первой в мире пролетарской революции. Нет и не было еще в истории такой революции, даже в эпоху

перехода от феодализма к капитализму, которая бы не испытывалась самым серьезным образом в борьбе, в огне.

«Таких революций,— писал Ленин,— которые, завоевав, можно положить в карман, в истории не бывало. Кто думает, что такие революции мыслимы, тот не только не революционер, а самый худший враг рабочего класса».

В этом отношении наша пролетарская революция прошла самые суровые испытания, но это же и явилось для нее закалкой. В результате борьбы с мировым империализмом, при огромной помощи, оказанной нам со стороны всемирного пролетариата, мы не только удержали диктатуру пролетариата, но и сумели в кратчайший срок восстановить разрушенное хозяйство, в корне реконструировать его, руководствуясь гениальным ленинским планом построения социализма в нашей стране, руководствуясь его методом материалистической диалектики. Под руководством вождя нашей партии т. Сталина мы осуществили ленинский план социалистической индустриализации страны и завершения фундамента социалистической экономики.

Вкратце можно было бы изложить наши хозяйственные достижения следующим образом.

СССР успешно завершает в этом году пятилетку в четыре года и становится страной тяжелой индустрии, тяжелого машиностроения. Удельный вес социал. промышленности в народном доходе страны уже возрос до 70%. Социалистическая промышленность держит в своих руках 99,8 проц. валовой продукции всей промышленности (по данным 1931 г.). СССР, занимавший 3—4 года тому назад четвертое и пятое место в мире по количеству добываемого чугуна и стали, в результате выполнения первой пятилетки выдвигается сразу на второе место после САСШ и первое место в Европе. По инициативе т. Сталина создана вторая металлургическая база на Востоке—Урало-Кузбасс, который не был предусмотрен первоначальным планом пятилетки. В течение первой пятилетки пущены гигантские по масштабу производства—магнитогорские и сталинские домны. Выстроены и уже работают машиностроительные гиганты — Свердловский машиностроительный завод, автотракторные и др. индустриальные гиганты—АМО, Сталинский, Сталинградский, Харьковский, Нижегородский заводы, завод «Шарикоподшипник» и др. Впервые в нашей стране организована собственная мощная машиностроительная промышленность, мы развернули массовое производство тракторов, автомобилей, с.-х. машин и т. д. Впервые налаживается химическое производство: пущены Бобриковский, Березниковский и другие комбинаты-гиганты. СССР из страны аграрно-индустриальной превратился в страну крупной индустрии, из страны, ввозящей машины, в страну тяжелого машиностроения. Заложен прочный фундамент для осуществления задачи технической реконструкции всего народного хозяйства в течение второй пятилетки. В течение первой же пятилетки переоборудована на 75 проц. старая промышленность.

Еще в 1923 г. в своем завещании В. И. Ленин учил нас, что «если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим

возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и пр.

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну,— на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.».

При этом Владимир Ильич подчеркивал, что преимущество нашего советского строя открывает такие возможности использования современной техники, что мы можем строить не мелкие, куцые планы игры в индустриализацию, а заложить на основе современной техники научно обоснованный смелый план социалистической индустриализации, электрификации всей страны, и не только промышленности, но также и сельского хозяйства.

В области промышленности разрешена не только задача создания своей собственной металлургической и машиностроительной базы, но также гигантскими темпами за последние четыре года развертывается энергетическая промышленность. В этом году пущен в эксплоатацию Днепрострoевский гигант, построен ряд других крупнейших электростанций. По выработке электроэнергии мы превзошли уже довоенный уровень больше чем в 7 раз. Наша электротехническая промышленность в 1931 г. дала продукцию в 12 раз большую, чем продукция 1913 г. Первоначальный план ГОЭЛРО перевыполнен. Во второй пятилетке будет осуществляться еще более грандиозный план электрификации, который охватит также и самые отдаленные национальные окраины. С осуществлением этого плана, на базе вновь выстроенной электрификационной сети в будущем пятилетии будет быстро изживаться противоположность между городом и деревней, и тем самым откроется возможность для перехода к высшей стадии социализма — к коммунизму.

В первую пятилетку в СССР почти полностью реконструирована также и угольная промышленность. Здесь произведена по существу техническая революция. До 56,6 проц. предприятий в 1931 г. перешли на механическую добычу угля, поставлена задача завершения полной механизации, достигнуты огромные успехи в деле нового шахтного строительства. В 1931 г. выстроено 79 новых шахт с производительностью в 28,5 млн. т. угля, в 1932 г. угольная промышленность должна пустить в эксплоатацию 119 новых, оборудованных по последнему слову техники, шахт с производительностью в 46 млн. т По количеству добычи угля СССР с шестого места в 1929 г. вышел на четвертое место в 1931 г.

Исследованы гигантские площади новых угольных месторождений, открывающих неисчерпаемые возможности для развертывания социалистической энергетики.

Колоссальнейшие достижения имеются и в нефтедобыче. Пятилетний план добычи нефти геройски выполнен в 2½ года. Успехи нашего нефтяного

хозяйства, факт его полной реконструкции не в состоянии уже скрыть наши классовые враги. Вся наша нефтедобыча растет большими, невиданными темпами. Открыты новые богатые месторождения нефти, и в разных частях Советского союза развертывается промышленная эксплоатация этих богатств.

По инициативе Владимира Ильича была выдвинута идея уничтожения старых, бюрократических пережитков в нашем аппарате, была сломана старая система административно-территориального деления России и заложена новая территориальная основа экономического районирования страны, позволяющая государству рабочего класса с максимальной расчетливостью использовать необ'ятные богатства в целях развития производительных сил социализма. Эти гигантские преобразования были осуществлены нашей партией во главе с т. Сталиным, который конкретно разработал и осуществил гениальные замыслы Владимира Ильича Ленина.

В настоящее время, без помощи со стороны капиталистических стран в виде кредитов и займов, СССР разрешил самую трудную, ответственную задачу пролетарской революции — завершил фундамент социалистической экономики для полного построения социализма. За первую пятилетку СССР вложил свыше 30 миллиардов в социалистическую промышленность, в совхозное и колхозное строительство, разрешил величайшей трудности вопрос об источниках социалистического накопления.

Таким образом в итоге выполнения первой пятилетки в основных отраслях тяжелой индустрии СССР добился огромных успехов и ликвидировал в основном то противоречие, которое существовало в первые годы революции, именно — противоречие между новыми, социалистическими отношениями и низким уровнем производительных сил. Именно в этом заключалась основная трудность и в период гражданской войны и в восстановительный период нэпа. Ликвидации этого противоречия и была посвящена первая пятилетка.

Шесть условий т. Сталина являются важнейшим боевым лозунгом для преодоления наших трудностей на данном этапе и для всего периода второй пятилетки в области организации рабочей силы, внедрения социалистической дисциплины, борьбы с уравниловкой, обезличкой, в деле организации новых, социалистических форм труда, новых методов организации производства и управления, в деле овладения техникой и наукой.

Уже в течение первой пятилетки на основе быстрого скачкообразного под'ема нашей индустрии ликвидирована безработица в СССР, систематически повышается материально-культурный уровень рабочего класса. Благодаря правильной политике нашей партии произошел коренной перелом в рабочем классе в отношении развития новых, социалистических форм труда—соцсоревнования и ударничества. Это массовое движение, которым в настоящее время охвачены миллионы и миллионы энтузиастов социалистической стройки, является ярчайшим свидетельством неисчерпаемой мощи революционного пролетариата и его непоколебимой уверенности в победе. Без этого творческого энтузиазма масс несомненно не удалось бы реализовать большевистские темпы выполнения ленинского плана индустриализации. Революционное творчество масс открывает все новые и новые формы более высокой организации

труда, как встречно-сменный план, хозрасчетные бригады и т. д. Всему миру известны те рекордные темпы, которые показали энтузиасты социалистической стройки на Днепрострое, Сталинградском заводе, Магнитострое. Только пролетарская революция могла вызвать такой творческий энтузиазм у рабочего класса и идущих за ним многомиллионных трудящихся масс.

Однако указанные достижения еще больше обязывают нас мобилизовать наши силы для борьбы с остающимися и возникающими в процессе нашего гигантского под'ема новыми трудностями. К числу не изжитых еще в течение первой пятилетки трудностей относится текучесть рабочей силы, значительный недостаток квалифицированных кадров, слабое освоение техники, наблюдающиеся в ряде предприятий, нарушения трудовой дисциплины, прогулы, обезличка, уравниловка, недовыполнение плана понижения себестоимости продукции и т. д. Со всеми этими недостатками и трудностями, которые являются трудностями классовой борьбы, наша партия ведет беспощадную борьбу. Последнее постановление о борьбе с прогулами встречено передовыми рабочими с огромным удовлетворением. Только упорная борьба за внедрение социалистической дисциплины труда, дальнейшее развертывание соцсоревнования и ударничества смогут обеспечить успешное выполнение второй пятилетки социалистического строительства. Борьба с рвачеством, прогулами и с правооппортунистическими извращениями в вопросах организации труда и производства, в вопросах зарплаты представляет задачу не одного дня, она требует упорной систематической работы, включающей в себя не только элемент раз'яснения, но также твердость большевистского руководства, применение средств революционного воздействия.

Вопрос о темпах индустриализации страны был и является боевым вопросом в период развернутого наступления социализма на капитализм. Вопрос о темпах наша партия считает не только экономическим, но также и важнейшим практически-политическим вопросом.

Владимир Ильич говорил, что «десять—двадцать лет правильных соотношений с крестьянством — и обеспечена победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора».

Эти сроки, указанные Вл. Ильичем (10—20 лет), не являются случайными. Они вытекают из существа гениального ленинского плана построения социализма в СССР и в предвидении нового тура революций и войн, в предвидении новых попыток вооруженной интервенции против СССР. Вопрос о темпах неразрывно связан с вопросами укрепления нашей экономической самостоятельности и независимости, с вопросом укрепления обороноспособности страны, усиления мощи нашей Красной армии и Красного морского и воздушного флота в тот короткий срок «передышки», который мы завоевали у истории в итоге первой победоносной схватки с международным империализмом. Эту передышку мы должны максимально использовать для превращения Советского союза в кратчайшие, данные нам историей, сроки в неприступную крепость мировой пролетарской революции и для поддержки зреющих революций на Западе и национально-революционных движений на Востоке.

Это неспособны были понять троцкисты, перебежавшие в лагерь буржуазии, превратившиеся в передовой отряд контрреволюционной буржуазии, этого не могут понять агенты капиталистических элементов в рядах нашей партии — правые уклонисты и мелкобуржуазные «левые» крикуны, забегающие вперед и своим голым администрированием срывающие действительные темпы нашего движения.

Тов. Сталин в статье «О задачах хозяйственников» говорил:

«Иногда спрашивают, нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи. Нельзя снижать темпы!.. Задержать темпы— это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми... Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было бито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства.

Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР.

Но у нас есть еще другие, более серьезные и более важные обязательства. Это — обязательства перед мировым пролетариатом. Они совпадают с обязательствами первого рода, но мы их ставим выше».

Выполняя завет Ленина, наша партия под руководством т. Сталина, сознавая всю ответственность за свои интернациональные задачи, по-большевистски поставила и разрешила вопрос о темпах, разбив в пух и прах капитулянтские установки троцкистов, правых оппортунистов, одернув «левых» загибщиков. Только жесточайшая борьба, которую выдержала наша партия, с контрреволюционным троцкизмом, с право-«левым» оппортунизмом и гнилым либерализмом могла обеспечить СССР блестящую победу первой пятилетки и подготовить основу для перехода ко второй пятилетке.

* * *

Важнейшим практически-политическим вопросом для нашей партии В. И. Ленин считал вопрос о правильном разрешении соотношения политики и экономики в переходный период. Владимир Ильич посвятил этому вопросу специальную статью —«Об экономике и политике в эпоху диктатуры пролетариата», написанную ко второй годовщине Октябрьской революции.

Вопрос о соотношении политики и экономики был запутан, извращен вождями меньшевизма и II интернационала пожалуй больше, чем какой-либо другой вопрос социалистического движения. Пресловутая ссылка социал-фашизма на недостаточный уровень развития производительных сил в России как на неустранимое препятствие для победы социалистической революции — известна всем. Ее хором повторяли все меньшевики, от архи-«левого» Троцкого, «левого» Суханова и до махрово-правых социал-демократов II интернационала. Плеханов например считал, что лозунг большевиков о превращении империалистической войны в гражданскую, лозунг завоевания диктатуры про-

летариата в России является «грезо-фарсом». Эту же песню тянули и остальные меньшевики и все современные социал-фашисты. И не только открытые меньшевики, но также и октябрьские штрейкбрехеры — Зиновьев, Каменев и др. — пытались оправдать свое предательство интересов пролетариата в октябрьские дни все той же пресловутой ссылкой на отсталость экономики, на преобладание мелкого крестьянского хозяйства в России. Гнуснейшие выпады против СССР всех ренегатов и предателей социализма неизменно сопровождались ссылками на отсутствие экономической базы для построения социализма в нашей стране. С этим доводом, поистине как с писаной торбой, носились все враги марксизма-ленинизма, пытаясь опорочить социалистический международный характер Октябрьской революции, социалистическую природу наших государственных предприятий, совхозов, колхозов, социалистическую природу нашего советского государства, предвещая «крах» наших социалистических начинаний.

Разве не ссылки на низкий уровень советской экономики, на преобладание мелкокрестьянского хозяйства в нашей стране служили главным козырем для контрреволюционного троцкизма в борьбе против большевистского плана построения социализма в нашей стране?

«Кто дал контрреволюционной буржуазии,— писал т. Сталин,— духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения советской власти, о вероятности возврата к капитализму» (Сталин, «О некоторых вопросах истории большевизма»).

Теперь от этой контрреволюционной троцкистской клеветы не осталось и следа.

Вопрос о соотношении политики и экономики в переходный период впервые был поставлен Марксом и Энгельсом. Как и все вопросы социалистического движения, они разрешали его с единственно последовательной научной точки зрения материалистической диалектики.

«К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, — писал Энгельс К. Шмидту, направляя свои гневные слова против немецкого оппортунизма, мечтавшего о мирном врастании старого свинства в социализм,— к чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Сила (т. е. государственная власть) — это есть точно так же экономическое могущество... Чего всем этим господам нехватает, так это диалектики».

Это энгельсовское положение еще более ярко выразил в наше время В. И. Ленин в словах: «Политика есть концентрированное выражение экономики».

Маркс и Энгельс никогда не рассматривали социализм готовеньким, чистеньким, сваливающимся с неба, а всегда подчеркивали, что он рождается

(в тяжелых муках родов) из недр старого капиталистического общества. В «Критике Готской программы» Маркс, критикуя немецких оппортунистов, разоблачил их наивные антинаучные оппортунистические представления о социализме.

Новому зарождающемуся социалистическому обществу, вышедшему только что из недр капитализма, неоткуда взять еще соответствующую ему материально-техническую базу. Оно вынуждено использовать то наследство, которое получило от старого строя, и, исходя из наличного уровня производительных сил, двигаться вперед к коммунизму. Так же рассматривал этот вопрос и Ленин, развивая, конкретизируя дальше учение Маркса о переходном периоде.

Пролетариат, завоевав насильственным путем власть, немедленно экспроприирует экспроприаторов, превращая частную собственность капиталистов и помещиков в общественную собственность, принадлежащую пролетарскому государству, и принимает немедленные меры к улучшению материального и культурного положения рабочих и трудящихся масс. На этой исторически данной, унаследованной от капитализма основе он строит новые, социалистические отношения, используя для этого всю политическую мощь органов диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата, непосредственно опирающаяся на насилие вооруженного пролетариата над эксплоататорами, устраняет все помехи для организации новых, социалистических отношений.

Диктатура пролетариата является активной политической формой, мощной политической надстройкой, возвышающейся над об'единенным в государственном масштабе социалистически организованным крупным индустриальным производством и коммунистически организованным в этом производстве трудом, той формой политической организации пролетариата — гегемона революции,—при помощи которой он уничтожает и переделывает остатки старых экономических отношений, силой подавляя сопротивление эксплоататоров, их попытки сорвать развитие новых, социалистических производственных отношений, руководя классом мелкого крестьянства, вовлекая его в русло социалистического строительства.

Диктатура пролетариата всей своей мощью содействует быстрейшему развитию производительных сил социалистического общества.

Маркс и Энгельс никогда ни на один момент не сомневались в неизбежности *такого рода* переделки старого мира в новый, социалистический; больше того,—они научно доказали и всегда учили, что *этот путь есть единственно возможный для победившего пролетариата*.

В условиях новой эпохи открылась возможность построения социализма и в одной, отдельно взятой, стране, в условиях неравномерного, скачкообразного развития капитализма. В. И. Ленин так же, как Маркс и Энгельс, руководствовался методом материалистической диалектики в разрешении этого вопроса. В своей статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» он писал:

«Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически об'единенного в едином масштабе

громадного государства труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе капитализмом... Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую, имеющую очень глубокие, очень прочные корни базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь в самой ожесточенной форме».

В. И. Ленин, дав эту основную экономическую характеристику общественного хозяйства в России, приходил к выводу, что «с точки зрения основной экономической проблемы диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом», что буржуазия «превосходно понимает неизбежность нашей победы перестройки общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удастся» (Ленин, «Экономика и политика в переходный период»).

В отношении крупной капиталистической собственности задача диктатуры пролетариата разрешается политикой экспроприации экспроприаторов и политикой подавления сопротивления эксплоататорских классов. Наиболее трудной задачей в деле преобразования унаследованной экономики являлся переход мелкого товарного хозяйства на путь крупного социалистически организованного производства.

Это «задача,— писал Ленин,— несравненно более трудная и в силу необходимости длительная. Это задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса, ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному, крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен... Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне».

Основную массу мелких товарных производителей составляло у нас среднее крестьянство, экономическое положение которого в условиях обостренной борьбы между пролетариатом и буржуазией неизбежно вызывает колебания. По отношению к этому классу В. И. Ленин ставил задачу «руководства им, борьбы за влияние на него». «Вести за собой колеблющихся, неустойчивых,— вот что должен делать пролетариат»... «Пролетариат, свергнувший буржуазию, делает этим самый решительный шаг к уничтожению классов, и для довершения этого пролетариат должен продолжать свою классовую борьбу, используя аппарат государственной власти и применяя различные приемы борьбы, влияния, воздействия по отношению к свергнутой буржуазии и по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии».

На основе этого теоретического анализа вырос ленинский кооперативный план переделки мелкого товарного производителя в труженика социалистического общества, выросла ленинская политика союза рабочего класса со средним крестьянством, которую проводила наша партия под руководством т. Сталина.

Величайшей заслугой т. Сталина является изыскание форм и конкретных методов для осуществления этого плана.

Наша партия осуществила перевод мелкотоварного производства на социалистические рельсы через политику высоких темпов индустриализации нашей страны. Только подведя мощную индустриальную базу для реконструкции сельского хозяйства, только придерживаясь политики насаждения колхозов и совхозов на основе индустриализации страны, можно было достигнуть того перелома в основных массах мелкого крестьянского хозяйства, который произошел летом 1929 г.

«Подготовлялся он (поворот крестьянства к социализму.—*Ред.)* всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии и прежде всего развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в его новых формах за 1928 и 1929 гг., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцких и середняцких масс. Подготовлялся он развитием с.-х. кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготовлялся он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. Подготовлялся он наконец сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получил возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники... Вот на какой основе возникло то массовое колхозное движение миллионов бедняков и середняков во второй половине 1929 г., которое открыло собой период великого перелома в жизни нашей страны».

Таково диалектическое, единственно научное, политически правильное разрешение одного из самых трудных вопросов социальной революции, которое практически осуществлено нашей партией под гениальным руководством т. Сталина.

* * *

Великие материалисты-диалектики — Маркс, Энгельс, Ленин — считали вопрос о переделке мелкого крестьянского хозяйства в крупное социалистическое самым трудным вопросом в переходный период от капитализма к коммунизму.

Трудность этого вопроса уже обуславливается всей историей развития класса мелких земельных собственников. Мелкая земельная собственность имеет более чем двухтысячелетнюю историю и в различных общественно-экономических формациях претерпевала различные изменения в зависимости от уровня развития общественно-производительных сил и от господствующих способов производства. История этой мелкой земельной собственности обстоятельно исследована, изучена Марксом, Энгельсом и Лениным.

Маркс в «Капитале» неоднократно касается этого вопроса, освещая, какую крутую ломку в отдельные исторические периоды, преимущественно в переходные эпохи, претерпевало это мелкое производство. В условиях антагонистических экономических формаций оно не раз подвергалось самой бес-

пощадной, насильственной экспроприации и служило основой для образования новых исторических классов. Так, в древнем античном мире, в частности в Риме, массовая экспроприация мелких земельных собственников послужила к образованию класса рабов. Римский крестьянин не превратился в пролетария, он превратился в раба. Причину этого надо искать в слабом развитии производительных сил античного общества, поэтому и труд экспроприированного крестьянина, превращенного в раба, не мог превратиться во всеобщий, необходимый труд наемного рабочего, каким он является в капиталистическом обществе.

Другой мучительный период экспроприации, нечеловеческих страданий, массовой гибели класс мелких товаропроизводителей пережил в переходную эпоху от феодализма к капитализму. История развития капитализма, в особенности в Англии, ярко доказывает нам перепитии этого класса. Он был насильственно согнан с земли и превращен (конечно не сразу) в наемного раба капиталистической мануфактуры и фабрики. Здесь мы наблюдаем, что в условиях народившегося капиталистического общества класс капиталистов ускорил неизбежный экономический процесс экспроприации мелкого производства крупным производством, ускорил этот стихийный экономический процесс развития применением насильственных добавочных политических средств. В других капиталистических странах процесс экспроприации шел значительно медленнее и мучительнее в форме стихийного процесса дифференциации крестьянства.

Было бы ошибочно думать, что только один голый политический акт насилия со стороны господствующих экономических классов мог превратить в одном случае крестьянина в раба, а в другом случае — в наемного рабочего пролетария. И в первом и во втором случае насилие играло только подсобную роль ускорителя экономических процессов.

Вся история человечества подтверждает тот неопровержимый факт, что мелкое крестьянское хозяйство при всех предшествующих экономических формациях никогда не играло господствующей экономической силы, и всегда над ним брало перевес крупное производство (в тенденции). И во всех антагонистических формациях мелкий товаропроизводитель являлся самым забитым, угнетенным, придавленным и экономически и политически классом, перед которым стоял путь или медленного мучительного процесса разорения или внезапной насильственной гибели. И только диктатура пролетариата, экспроприировав экспроприаторов, уничтожив частную собственность на фабрики, заводы, транспорт, банки и уничтожив частную собственность на землю, впервые открывает в человеческой истории светлую страницу для труженика-крестьянина и бедняка-полупролетария. Победивший в революции пролетариат сразу же освобождает основные массы крестьянства от вековой кабалы и эксплоатации, уничтожая один из основных источников этой эксплоатации — частную собственность на землю. Национализация земли, передача ее в распоряжение пролетарского государства является важнейшим актом завершения буржуазно-демократической революции и вместе с тем является основным условием для социалистического преобразования отсталого, индивидуального,

мелкокрестьянского хозяйства в крупное социалистическое хозяйство. Победивший в революции пролетариат оказывает классу мелкого крестьянства помощь в государственном масштабе, и экономическую и культурную, для перехода на рельсы крупного об'единенного коллективного социалистического производства, открывая для него путь превращения в сознательного работника социалистического общества.

Пролетариат как самый угнетенный класс современного общества после завоевания своей власти не может относиться, в силу исторических особенностей развития мелкой земельной собственности, к основному ее представителю — классу средних крестьян, — как он относится к классу эксплоататоров, представителям крупной капиталистической и феодальной собственности. Пролетариат неизбежно должен учитывать исторические условия развития крестьянства, а также его тысячелетние навыки и привычки, его вековые предрассудки. Пролетариат стремится завоевать его на свою сторону в борьбе с эксплоататорскими классами и на второй же день пролетарской революции оказывает ему посильную помощь в налаживании коллективного хозяйства, освобождая от всех мучительных пут, которыми он был связан по рукам и по ногам деревенскими ростовщиками, кулацко-капиталистическим классом в сельском хозяйстве.

Наша партия не пошла по пути, который предлагала троцкистско-зиновьевская оппозиция, считавшая неизбежным разрыв между пролетариатом и крестьянством в процессе пролетарской революции, пытавшаяся стащить ленинскую партию на путь авантюристического наскока на крестьянство, на путь немедленного наступления на класс кулачества без предварительного создания опорных пунктов социалистического хозяйства в деревне, без наличия соответствующей индустриальной базы в области промышленности. Совершенно несомненно, что этот путь привел бы к неизбежной гибели диктатуру пролетариата. Партия также отбросила правооппортунистический план врастания кулака в социализм как явно ведущий к реставрации капиталистических отношений в СССР.

Только в борьбе с контрреволюционным троцкизмом, правым оппортунизмом и левацкими административными перегибами наша партия, проводя ленинскую политику союза пролетариата с крестьянством, линию переделки, перевоспитания крестьянства методами как убеждения, так и пролетарского воздействия, добилась всемирно исторического значения успехов в деле коллективизации деревни.

Этим наша партия показала пример того, как должны будут разрешить этот труднейший вопрос пролетарской революции братские коммунистические партии в недалеком историческом будущем.

Только добившись коренного перелома в основной массе крестьянства в отношении к социализму, наша партия во главе с т. Сталиным на основе сплошной коллективизации могла предпринять историческую, смелую и решительную задачу ликвидации кулачества как класса. Тов. Сталиным разработан гениальный план развернутого наступления социализма на капитализм, который проводится с таким успехом, что приводит в изумление и в бешенство

весь капиталистический мир. Тов. Сталиным выбрано то основное звено в деле переделки колхозника в работника социалистического общества, которое обеспечивает успешный перевод колхозного хозяйства на высшую ступень. Это звено—с.-х. артель, представляющая основной тип колхозного производства для данной стадии его развития, в котором сочетаются общественная и личная заинтересованность колхозного крестьянина.

Колхозное крестьянство в настоящее время является центральной фигурой нашего земледелия, опорой советской власти в деревне. Свыше 62 проц. крестьянских хозяйств к настоящему времени об'единено в колхозы. Колхозное и совхозное производство является господствующим в сельском хозяйстве. СССР превратился в первую в мире страну крупного социалистического производства. Таким образом на основе ленинской политики была разрешена всемирно историческая задача перевода мелких крестьян на социалистический путь. Наша социалистическая индустрия имеет сейчас собственную социалистическую индустриальную колхозную и совхозную базу в сельском хозяйстве. Завершено тем самым построение фундамента социалистической экономики как базы дальнейшего нашего развития.

Ошибочно было бы предполагать, что величайшие сдвиги в нашей экономике могли произойти самотеком, без ожесточенной классовой борьбы в нашей стране и без руководства классовой борьбой пролетариата со стороны ленинской партии. Только в жесточайшей классовой борьбе с капиталистическими элементами в экономике, с колебаниями класса мелких товаропроизводителей и с остатками разбитых классов при помощи приведения в движение всех рычагов системы диктатуры пролетариата, всей политической мощи пролетарского государства наша партия могла справиться с всемирно историческими задачами. Только в борьбе на два фронта — с правым оппортунизмом как главной опасностью на данном этапе и «левацкими» заскоками — наша партия добилась этих успехов.

В настоящее время колхозное хозяйство поднимается на новую ступень своего развития. Около 2½ тысяч государственных машинно-тракторных станций осуществляют пролетарское руководство в области организационно-хозяйственного укрепления колхозов, технической реконструкции социалистического земледелия и в деле подготовки новых колхозных кадров. Наша партия осуществляет политику организационно-хозяйственного укрепления колхозов, развертывания советской и колхозной торговли как новой, более высокой формы союза рабочего класса с крестьянством.

Перед колхозным строительством стоит сейчас задача освоения новой с.-х. техники и всемерного поднятия урожайности. «Наступило время, когда от роста хозяйства вширь путем увеличения посевных площадей необходимо повернуть к борьбе за лучшую обработку земли, к борьбе за повышение урожайности как главной и центральной задаче в области сельского хозяйства на данной стадии развития» (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о мероприятиях по повышению урожайности от 29/IX 1932 г.).

На этом этапе отнюдь еще не изжиты трудности дальнейшего роста колхозного движения. Ход хлебозаготовок этого года по Советскому союзу

и в особенности на Украине и Северном Кавказе, в Нижневолжском крае показывает, что классовсая борьба продолжается, что не изжиты еще колебания у отдельных колхозов и отдельных колхозников, попадающих под влияние деревенского кулачества, еще не добитого, применяющего своеобразную форму борьбы с диктатурой пролетариата на данном этапе. Эти колебания, наблюдающиеся в отдельных районах, отражаются также и в рядах нашей партии в форме даже прямого предательства интересов диктатуры пролетариата классовому врагу. Не так давно раскрытая контрреволюционная белогвардейская группа из осколков разбитых антипартийных групп и контрреволюционных троцкистских элементов отразила на себе чаяния ликвидированного в основном класса кулачества, ведя подпольную антисоветскую работу за восстановление капиталистических отношений в нашей стране. Чрезвычайно характерным для этой группы является то, что в ней об'единились и бывшие правые оппортунисты и контрреволюционные троцкисты, уже вышвырнутые из партии, и что их платформы на данном этапе совпадают целиком и полностью. Это требует от каждого члена партии особой бдительности по отношению к малейшим попыткам извращения генеральной линии партии, беспощадной борьбы с правым оппортунизмом как главной опасностью на данном этапе, как агентурой недобитого кулачества в рядах партии и с «левым» оппортунизмом и проявлениями примиренчества к ним.

* * *

В настоящее время вся наша партия напрягает свои силы для выполнения задач по завершению четвертого года первой пятилетки и по созданию базы для еще более быстрого нашего движения во второй пятилетке.

XVII партийная конференция подвела основные итоги по завершению первой пятилетки социалистического строительства и наметила дальнейший путь развития социализма в течение второй пятилетки. «Основной политической задачей второй пятилетки,— говорится в ее решении,— является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества». Ключ к разрешению этой основной политической задачи конференция указала в технической реконструкции всего народного хозяйства, создании новейшей технической базы для всех отраслей народного хозяйства. К разрешению всех этих всемирно исторических задач наша партия будет также применять испытанные методы классовой борьбы пролетариата. Всяким попыткам рассматривать процесс нашего развития во второй пятилетке как плавное движение без классовой борьбы, без трудностей наша партия будет давать и впредь решительный отпор.

Аксиомой для всякого марксиста является истина, что классы могут быть уничтожены только путем и методами классовой борьбы. Отсюда вытекает важнейшая задача дальнейшего укрепления диктатуры пролетариата в нашей

стране, всемерное укрепление единства рядов нашей партии как ведущей и руководящей силы в системе диктатуры пролетариата. Всем разговорам левых крикунов об отмирании советов, всякой левацкой недооценке роли партии на данном этапе необходимо давать самый решительный отпор. Роль диктатуры пролетариата и нашей партии неизмеримо возрастает в течение второй пятилетки, в особенности в условиях назревающих решительных боев на всемирно исторической арене между мировым пролетариатом и мировой буржуазией.

* * *

На основе достигнутых успехов в области экономического и политического строительства СССР добился значительных сдвигов и в области материального и культурного под'ема рабочего класса, колхозного крестьянства и трудящихся масс Союза. Лозунг т. Сталина «Овладеть наукой и техникой» всколыхнул миллионные массы ударников социалистической стройки, колхозников. В последние годы наша партия успешно разрешала и разрешает важнейшую задачу подготовки своих рабочих и инженерно-технических производственных кадров. В настоящее время партия выдвинула новую задачу подготовки квалифицированных специалистов и организаторов колхозного и совхозного строительства в сельском хозяйстве.

XVII партийная конференция поставила всемирно историческую задачу ликвидации пережитков капитализма в экономике и сознании людей, перевоспитания трудящихся масс в сознательных работников социалистического общества и тем самым поставила во весь рост задачу практического осуществления культурной революции. Помимо так называемых собственно культурных задач вопрос о культурной революции в ленинском его понимании включает также и такого рода культурную работу, как воспитание социалистической дисциплины труда, переделку старого быта, ломку застарелых привычек, унаследованных от капиталистического общества, борьбу за высокую дисциплину, большевистские методы работы, борьбу за большевистские темпы, за овладение новыми методами управления в условиях новой обстановки.

Тот процесс глубокой революционной ломки, который происходит сейчас в семейном быту рабочих в связи с вовлечением женщин в производство, а также глубокие революционные процессы, которые происходят в жизни и быту трудящихся отсталых национальностей в связи с политикой индустриализации окраин, вовлечения местного коренного населения окраин на фабрики и заводы,— все эти процессы также не могут быть оставлены вне поля зрения работы партийных, советских, профессиональных организаций.

Завершение фундамента социалистической экономики, изумительно быстрый под'ем социалистического хозяйства вызвали огромные сдвиги также и в области постановки научно-исследовательского дела и изобретательства в нашей стране. В то время как в капиталистическом мире буржуазная наука в связи с кризисом капиталистического хозяйства переживает глубокий процесс гниения, разложения, в нашей стране наука впервые получает мощную

материальную социалистическую базу для своего расцвета и развития. Уже имеется целый ряд признаков, которые указывают на значительные сдвиги в области например физики, химии и других естественных наук, а также в области дальнейшей разработки исторических наук.

Современная революционная эпоха дает такой огромный материал для теоретической мысли в СССР, которого не было еще ни в один из предшествующих периодов истории. Величайший триумф празднует материалистическая диалектика Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

«Диалектика,— говорит т. Сталин,— дает возможность большевикам брать самые неприступные крепости».

«Кто не понял этого своеобразия и «противоречивости» нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма.

Беда наших уклонистов состоит в том, что они не понимают и не хотят понять марксовой диалектики».

Весь пятнадцатилетний путь изумительного под'ема социалистической экономики является в мировой истории неопровержимым практическим доказательством торжества большевистского понимания действительности при помощи метода, который мы называем диалектическим материализмом.

Именно сейчас, когда всем ходом развития мировой экономики и политики выдвигается перед международным пролетариатом серьезнейшая и ответственная задача по подготовке к решающим боям за власть, за диктатуру пролетариата, именно сейчас приобретает огромную важность изучение и усвоение богатейшего опыта первой в мире пролетарской революции, опыта удержания, укрепления пролетарской диктатуры и построения социализма.

Значение опыта нашей революции тем более велико, что пролетариату СССР до сих пор приходилось и приходится преодолевать все трудности гигантской стройки социалистического общества в условиях враждебного капиталистического окружения, когда пролетарские революции в других странах еще не подоспели, хотя они уже назревают и срок их наступления благодаря существованию диктатуры пролетариата в нашей стране быстро приближается.

Пролетарская диктатура стала величайшим фактором ускорения хода мировой истории, она расшатала до самых основ капиталистическую систему хозяйства, приближая победу мировой революции.

В итоге растущего под'ема социализма выросла хозяйственно-политическая мощь страны диктатуры пролетариата, ликвидирована безработица, систематически улучшается материальное положение и культурное обслуживание рабочего класса и трудящихся масс, рабочий класс в союзе с беднейшим и мелким крестьянством отстоял экономическую независимость страны от капиталистического мира, укрепил ее обороноспособность и гигантски усилил международные позиции СССР.

Таков в общих чертах итог развития социализма за истекшее пятнадцатилетие, таковы основные достижения нашей партии, высоко несущей боевое знамя ленинизма.

II

Значение диктатуры пролетариата в СССР как оплота мировой революции, мощного двигателя, ускорителя всемирной истории подтверждено всем опытом революционного движения и всей историей глубочайшего кризисного развития империализма после мировой войны.

Диалектика истории такова, что послевоенный империалистический капитализм уже не является единой всеохватывающей системой мирового хозяйства. «Из империалистической войны, из империалистического мира вырвала первую сотню миллионов на земле первая большевистская революция. Следующие вырвут из таких войн и из такого мира все человечество» (Ленин). Пролетарская революция в России прорвала систему империализма. Мир распался на две диаметрально противоположные системы — мир социализма и мир капитализма.

В итоге первой империалистической войны и первой пролетарской революции в России мировой империализм вступил в полосу общего кризиса капитализма, одна из основных существенных черт которого состоит в том, что единства мирового хозяйства больше не существует, что капиталистической системе сейчас противостоит новый мир, социалистический, который одним уже фактом своего существования разлагает, расшатывает капитализм в его основе. Эта новая существенная особенность в развитии послевоенного капитализма не могла не вызвать ряда глубочайших сдвигов в экономике и политике империалистических стран. Пролетарская революция в СССР подняла все мировое революционное движение угнетенных капитализмом классов на новую, высшую ступень развития, знаменующую собой вступление в эру социалистической революции.

Борьба между двумя противоположными и экономически и политически самостоятельными системами в гигантской степени усиливает все основные противоречия капитализма. Она «вскрывает до корней все противоречия капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических порядков» (Сталин). Эти противоречия будут обостряться тем сильнее, чем быстрее и успешнее будет развиваться социализм, чем шире будут вовлечены в борьбу с империализмом пролетарии других стран и эксплоатируемые рабочие и трудящиеся массы в колониях и зависимых странах.

«Несомненно также и то,— говорит т. Сталин,— что самое развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма».

Борьба растущего с каждым днем социализма в СССР против умирающего, но еще не умершего капитализма становится узловым пунктом всей мировой политики и экономики. Вне этой борьбы нельзя правильно понять сейчас ни одного важного вопроса в области международной экономики и

политики, нельзя правильно оценить удельный вес и значение событий и фактов в революционном движении отдельных отрядов международного пролетариата и угнетенных народов в колониальных и полуколониальных странах.

15-я годовщина СССР совпала с коренными сдвигами в международной обстановке, сдвигами в соотношении классов, народов и государств мира.

XII пленум ИККИ в своем анализе международной обстановки охарактеризовал этот перелом как конец относительной стабилизации капитализма, как момент перехода к новому туру революций и войн, как наступление новой полосы в развитии мировой революции, полосы п е р е х о д а к решающим боям пролетариата за власть, за диктатуру пролетариата.

История блестяще подтвердила прогноз, данный т. Сталиным еще в декабре 1927 г. на XV с'езде ВКП(б): «Из частичной стабилизации,— говорил он,— вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию — такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент». На XVI с'езде нашей партии т. Сталин охарактеризовал истекший период как период переломный не только для нас, для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. «Но между двумя переломами, — говорил т. Сталин, — существует коренная разница. В то время, как перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического п о д'е м а, для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому упадку. У нас в СССР растущий п о д'е м социалистического строительства и в промышленности и в сельском хозяйстве. У них, у капиталистов, р а с т у щ и й к р и з и с экономики и в промышленности и в сельском хозяйстве». Тогда же Сталин бесспорными фактами доказал, что капиталистическая система обанкротилась, оказалась не в состоянии справиться с вызванными ею к жизни производительными силами.

VI конгресс Коммунистического интернационала констатировал наступление третьего периода в развитии послевоенного капитализма. «Этот третий период,—говорится в резолюции VI конгресса,—особенно резко обостривший противоречие между ростом производительных сил и суженными рынками, делает неизбежной новую полосу империалистических войн между империалистическими государствами, их войн против СССР, национально-освободительных войн против империализма и интервенции империалистов, гигантских классовых битв. Обостряя все международные противоречия... обостряя внутренние противоречия в капиталистических странах... развивая колониальные движения, этот период неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма... Развитие противоречий капиталистической стабилизации неизбежно приводит... в конечном счете к перерастанию текущего стабилизационного периода в период громадных катастроф».

Эта оценка, данная VI конгрессом, целиком оправдалась на практике последних лет; мы уже вступили в последнюю, решающую полосу этого третьего периода в развитии послевоенного капитализма.

Особенно важным с точки зрения развития мировой революции является факт громадного сдвига, который произошел в соотношении между социализмом в СССР и капиталистическим миром благодаря успехам социализма, возросшей международной мощи, укреплению обороноспособности СССР, благодаря усилению его революционизирующего воздействия на трудящиеся и эксплоатируемые массы в странах капитала.

Огромное значение успехов социализма в СССР становится особенно наглядным на мрачном фоне кризиса капитализма.

Мировой экономический кризис, продолжающийся уже 4-й год, придал невиданную остроту общему кризису всей капиталистической системы, подводя всеобщий кризис капитализма к новой ступени развития. Экономический кризис, как это теперь уже ясно всем, оказался по своей разрушительной силе, размерам и продолжительности во много раз превосходящим все имевшиеся до сих пор экономические кризисы. Последствия его могут быть скорее всего сравнимы с размерами разрушений и бедствий, нанесенных человечеству преступной империалистической войной.

Анализ современной экономики капитализма показывает, что мировой кризис не только полностью ликвидировал все успехи частичной капиталистической стабилизации в области производства, но и отбросил капиталистический мир далеко назад — за пределы довоенного уровня. Если считать производство на душу населения, то в 1932 г. мировое капиталистическое производство сократилось по сравнению с 1913 г. на 20 проц. Падение производства в отдельных отраслях тяжелой индустрии приняло угрожающие размеры. Так например по чугуну и стали мировое производство отброшено сейчас назад — к 1890 и 1904 гг.; по углю—к уровню 1899 г. По сравнению с 1929 г. производство средств производства сократилось наполовину, а все производство — на 40 проц. Особенно тяжелые удары кризис нанес транспорту и в частности судостроению в связи с огромным сокращением мирового товарооборота. В сравнении с предвоенным 1913 г. внешний оборот мировой торговли сократился в ценностном отношении почти на 33 проц.; при этом процесс свертывания продолжается и дальше.

К настоящему времени почти во всех странах прекратился вывоз капитала — этот один из главных и основных признаков, характерных для монополистической стадии капитализма.

Сокращение мирового товарооборота, катастрофическое сокращение вывоза капитала, глубокое расстройство валютно-финансовой системы свидетельствуют о глубоком процессе разрушения системы экономических связей мирового капитализма, растущей тенденции капиталистических стран к автаркии, к распаду мирового хозяйства на части, к созданию самодовлеющих «национальных организмов», отгороженных друг от друга системой таможенных пошлин, импортных контингентов и т. д. Мировой кризис привел к расстройству систему валютных, кредитно-денежных связей в крупнейших империалистических странах, привел к банкротству не только ряд мировых монополистических об'единений (Крейгер, Борзик, Юнкерс и другие), но и к экономическому банкротству целых стран. Гнет финансового

капитала над этими странами усилился до чудовищных размеров, вместе с тем наблюдается колоссальный рост явлений паразитизма и ростовщичества.

Кризис довел до крайней степени отчаяния сотни миллионов трудящихся в странах капитала. Численность одних только рабочих, безработных полностью или частично, доходит до 40—50 млн. человек, осужденных на медленную голодную смерть, одичание, вымирание. Предстоящая четвертая голодная зима несет невыносимые страдания, лишения для сотен миллионов мужчин, женщин и детей безработных. Доведенный до отчаяния, поставленный на край гибели пролетариат несомненно будет искать выхода из кризиса в революции.

Углубляющийся мировой аграрный кризис с другой стороны ударил по трудящимся крестьянским массам, в особенности в колониях и сельскохозяйственных странах, разорил миллионы крестьянских семей, вызывая восстания голодных масс крестьянства, поднимая эти массы на борьбу с капитализмом. Волна крестьянских восстаний прокатилась в Польше, Венгрии, Чехо-Словакии, Румынии, Финляндии, Японии, Корее, Индии и т. д. и т. д. Победоносная советская революция в Китае сотрясает весь колониальный мир капитализма, быстро революционизирует порабощенные трудящиеся массы колоний, показывая им выход из капиталистического рабства.

Вся об'ективная обстановка указывает на новый огромный революционный под'ем, назревающий в массах рабочего класса и трудящихся.

Капиталистический мир все более и более запутывается в сетях противоречий, будучи не в состоянии ни устранить, ни смягчить кризиса, ни предотвратить дальнейший рост безработицы и чудовищных страданий трудящихся.

Между крупнейшими капиталистическими государствами уже идет ожесточенная таможенная война, предвестник назревающих крупных вооруженных конфликтов, военных столкновений.

Бешеный рост хозяйственной автаркии всюду вызвал под'ем мутной волны национализма, шовинизма, рост фашизации капиталистических государств и политических партий буржуазии и мелкой буржуазии. Быстрый рост национал-шовинистических настроений чреват огромными опасностями для дела мира, питая военный психоз, предвещая собой новую мировую войну, еще более страшную, чем первая империалистическая война 1914—1918 гг.

Мировая буржуазия при данной сложившейся обстановке, в условиях усиливающегося экономического развала капиталистической системы, в условиях быстро нарастающего революционного возмущения придавленных нищетой и голодом масс рабочего класса и крестьянства ищет выхода из кризиса на путях жесточайшего наступления на рабочий класс, на трудящихся метрополий и колоний, чтобы переложить на их плечи тяжесть кризиса; буржуазия ищет выхода в усиленной фашизации буржуазного государства, в сколачивании сил фашистской контрреволюции против нарастающих сил революции.

Империалистическая буржуазия ищет выхода из кризиса, из сети глубочайших противоречий в новой преступной империалистической войне и в новом вооруженном нападении на СССР.

Мировой экономический кризис, обострив до крайней степени все основные противоречия капитализма, уже поставил в порядок дня вопрос о новой переделке мира путем империалистической войны. Эта война уже стала фактом на Дальнем Востоке.

Идет бешеная подготовка к вооруженной интервенции против Советского союза, цитадели мировой пролетарской революции. «Над СССР нависла и висит угроза непосредственной военной интервенции». XII пленум констатировал, что в определенных, чрезвычайно важных узловых пунктах антагонистические силы уже развязываются для столкновений, что в настоящий момент совершается именно переход к новому туру столкновений между классами и между государствами, к новому туру революций и войн».

Такова в самых грубых, общих чертах действительная, фактическая обстановка, сложившаяся сейчас в капиталистическом мире в результате развития послевоенного империализма.

Борьба с подготовляющейся империалистической войной стала вопросом жизни и смерти десятков миллионов людей. Предвидя эту новую мировую войну, В. И. Ленин писал, что вопрос о ней, «это — вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающей из капитализма, империалистической войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10 миллионов, убитых в войне 1914—1918 гг. с дополняющими ее «мелкими» войнами, не конченными и посейчас), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 гг. 30 миллионов)».

Если взять современное состояние вооружений важнейших империалистических государств и учесть то обстоятельство, что военные бюджеты к 1930/31 г. возросли почти втрое больше, чем накануне последней мировой войны, и что производственная мощность военной промышленности возросла с 1918 г. на 60—80 проц., а в области танкостроения и выработки газов возросла в 5 и даже в 10 раз, и если прибавить сюда гигантский рост авиации и химической промышленности, то размеры тех разрушений и истреблений в войне, подготовляемой империалистами, которую предсказал Ленин, не будут преувеличены.

Несомненно, подготовляемая на всех парах империалистическими державами мировая война приведет человечество на край гибели.

Буржуазия ищет этой войны, она возможно уже и начала бы ее, если бы не боязнь пролетарской революции, боязнь превращения этой империалистической войны в гражданскую по опыту войны 1914—1918 гг. и если бы не боязнь экономической и политической мощи СССР и его политики активной борьбы против новой мировой бойни.

Об'ективные условия развития капиталистической экономики делают неизбежной эту войну, об этом говорит военная борьба, которая идет на Востоке между Японией и Китаем, говорят факты быстрого нарастания острейших политических конфликтов между Японией и САСШ из-за дележа Китая, противоречий между Англией и САСШ, Германией и Францией и ее вассалами, Италией и Францией и т. д.

Сейчас мир больше похож на пороховую бочку, чем до войны 1914 г. Катастрофа неизбежна, если мировой пролетариат смелыми, решительными действиями не покончит с империалистическим миром и империалистической войной. И нет иного средства для избавления от надвигающейся угрозы войны, как только пролетарская революция в странах капитала.

«Нельзя вырваться из империалистической войны и из порождающего ее неизбежно империалистического мира... нельзя вырваться из этого ада иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией» (Ленин).

Только победоносные пролетарские революции могут вырвать человечество из теперешнего империалистического «мира» и низвергнуть капитализм раньше, чем он успеет реализовать надвигающуюся страшную угрозу империалистической войны.

Единственное действительное средство против войны — это подготовка к пролетарской революции, беззаветная борьба мирового пролетариата за революционный выход из кризиса.

Два класса — пролетариат и буржуазия — сейчас отстаивают два противоположных выхода из всеобщего кризиса капитализма: пролетариат ищет выхода в свержении капитализма, в социалистической революции, буржуазия же — в войне.

От решимости, готовности мирового пролетариата и его авангарда — братских компартий — зависит сейчас исход борьбы за революционный выход из кризиса и стало быть решение того вопроса, суждено ли еще раз угнетенным и эксплоатируемым массам пережить ужасы новой мировой войны.

Было бы самым гибельным делом для пролетарской революции предполагать, что подготовкой к пролетарской революции явится для нас только война и что уничтожение новых десятков миллионов людей на грабительской войне должно произойти с фатальной необходимостью.

Такая установка является опаснейшей угрозой для дальнейшего развития мировой революции, особенно теперь, когда наступил конец относительной стабилизации капитализма.

Вопрос об отношении революции к «миру» и войне стал самым злободневным практически-политическим вопросом сегодняшнего дня.

XII пленум ИККИ, руководствуясь учением Ленина, с большевистской четкостью разрешил этот вопрос, наметив линию стратегической подготовки для перехода к непосредственной борьбе за власть, за диктатуру пролетариата. Конец относительной стабилизации капитализма открывает перед мировым революционным движением перспективу ближайшей победы пролетарской революции, перспективу уничтожения капитализма.

Теперь весь вопрос состоит в практической подготовленности компартий к предстоящим решительным боям за диктатуру пролетариата, т. е. в завоевании большинства рабочего класса, подведении резервов революции на стратегические позиции, в развертывании стачечной борьбы, превращении ее в политические стачки и в переводе всего движения на следующую, новую

высшую ступень — к организации массовой политической стачки и вооруженного восстания.

XII пленум ИККИ подчеркнул неизбежность известной неравномерности в развитии нынешнего революционного под'ема по отдельным странам и необходимость конкретного учета обстановки в каждой отдельно взятой стране, учета специфических условий в деле подвода масс к революции.

Пленум поставил важнейшей задачей перед братскими компартиями ликвидировать отставание организационно-массовой работы компартий от благоприятных об'ективных возможностей развернуть беспощадную борьбу с правооппортунистической установкой, как главной опасностью на данном этапе, на стихийный ход событий, установкой, обрекающей массы на пассивное выжидание революции, а также с «лево»-оппортунистической недооценкой руководства борьбой за частичные требования, за повседневные интересы рабочего класса, с «девацким» игнорированием борьбы за завоевание большинства рабочего класса и необходимости развертывания работы внутри реформистских профсоюзов и среди рабочих низов внутри социал-демократических партий.

Только решительная борьба на два фронта с оппортунизмом может привести рабочий класс к победе.

С точки зрения соотношения сил мировой революции и мировой реакции нынешняя обстановка является глубоко отличной от той, которая была накануне первого тура войн и революций. Силы революции за это время неизмеримо возросли и окрепли. Теперь имеется могущественная материально-техническая, экономическая и политическая база в лице страны диктатуры пролетариата. Теперь имеется новый очаг, плацдарм для развития национально-революционного движения на Востоке — советский Китай с героической китайской красной армией, с киткомпартией во главе. У международного пролетариата имеется всемирно исторический опыт превращения первой империалистической войны в гражданскую, опыт ряда революций, советского движения на континенте и в колониальных странах. Мировой пролетариат имеет самый боевой передовой авангард движения — массовые коммунистические партии — во всех странах мира во главе с ленинским руководящим штабом мировой революции — III коммунистическим интернационалом.

Этот гигантский рост сил мировой революции несомненно является для буржуазии самым страшным, самым большим препятствием в деле организации и подготовки новой мировой империалистической войны и в деле подготовки новой контрреволюционной войны против СССР. Неуклонная последовательная политика мира, проводимая СССР, уже неоднократно срывала военные интервенционистские планы воинствующего империализма, разоблачала преступность империалистических правительств, вскрывая перед массами трудящихся грабительские намерения провокаторов и поджигателей новой всемирной бойни.

Страх перед назревающими классовыми боями пролетариата за власть, политика наступления на рабочий класс вынуждают буржуазию к переходу от прикрытых парламентских форм фашистского господства к методам открытой фашистской диктатуры и к усилению фашистских организаций.

Силы революции, говорил Маркс, сплачивают также и силы реакции. Конец капиталистической стабилизации характеризуется дальнейшим усилением реакции, ростом фашизма и фашизации буржуазного государства. Буржуазия пытается удержать революционизирующиеся массы путем усиления террора, применения методов устрашения по отношению к отдельным отрядам революционного пролетариата. Расстрелы рабочих демонстраций, фашистские суды, каторжные тюрьмы, расстрелы ветеранов войны, безработных, насильственное подавление стачек, драконовские мероприятия против стачечников и т. д.—вот те методы фашистской расправы, при помощи которых буржуазия пытается удержать революционизирующиеся массы от активного перехода к решительным действиям. При помощи этих методов буржуазия ведет развернутое наступление на все прежние социальные и экономические завоевания рабочего класса.

Усиленный рост реакции, фашизма свидетельствует о наступившем кризисе буржуазной демократии. Парламентаризм как одна из форм управления буржуазии переживает серьезный кризис. В течение последних лет наблюдается усиленный рост фашистского движения во всех крупных и средних капиталистических государствах. Рост фашизма на данном этапе однако означает не только рост реакции, но он содержит в себе также и черты разложения, ибо фашизм сам есть продукт разложения капитализма. Характерной чертой в фашистском движении на данном этапе является начинающийся процесс разложения фашизма. Острейшие противоречия конца относительной стабилизации капитализма не могут не вызвать трений и склок и в лагере самой буржуазии, между отдельными ее фракциями, не могут не усилить колебаний мелкой буржуазии между пролетариатом и буржуазией. В такие острые моменты классовой борьбы мелкая буржуазия всегда колебалась между двумя основными силами — революцией и контрреволюцией, и в настоящее время признаки этих колебаний намечаются уже весьма явственно. Часть мелкобуржуазных слоев, составляющих основу социал-фашистского движения, начинает разочаровываться в фашистской политике, начинает покидать ряды фашистских отрядов. В значительной степени охвачены брожением те пролетарские и полупролетарские элементы, которые шли за фашистами, они начинают понимать контрреволюционную реакционную роль фашистского движения. Социальная демагогия, которую в широкой мере применяет фашизм в целях одурачивания рабочего класса, разоблачается самой же практикой фашизма. Таким образом в разношерстном по своему социальному составу фашистском лагере уже намечаются признаки разложения. Особенно ярко этот процесс наблюдается в старых странах фашизма—Италии и Польше. Однако было бы ошибочно предполагать, что фашизм разложится сам собой, без активного вмешательства пролетариата. Усилить, ускорить этот начавшийся процесс гниения фашизма может лишь наступление пролетариата на капитализм, проявление революционной силы, решительной действенной политики коммунистических партий. Само собой разумеется, что методы и формы борьбы с фашизмом, а также быстрота разложения фашизма в разных странах будут итти по-разному.

Аналогичные процессы происходят и в лагере социал-фашизма, этой

основной опоре контрреволюционной буржуазии. Социал-фашизм, этот вчерашний социал-империализм, также переживает момент назревания кризиса. Конец относительной стабилизации капитализма выбивает экономическую основу, питающую аристократию рабочего класса, питающую оппортунизм, социал-фашизм. Экономический кризис ударил также по рабочей аристократии, лишая ее тех подачек, которыми она кормилась в течение десятков лет. Империалистская буржуазия в условиях данного кризиса уже лишена возможности огребать гигантские сверхприбыли за счет усиленной эксплоатации колоний. Поэтому и подачек для рабочей аристократии перепадает все меньше и меньше, что вызывает колебания, растерянность в рядах буржуазных рабочих партий. В последнее время как в Германии, так и в других странах по данным выборов о ходе стачек и политических демонстраций мы можем судить, что все чаще и чаще часть социал - демократических рабочих вопреки угрозам своих вождей выступает совместно с коммунистическими рабочими, поддерживая тактику единого фронта революционной борьбы против капиталистического наступления на рабочий класс. Часть социал-демократических рабочих, еще не столь давно чуравшаяся революционных методов борьбы, все чаще и чаще применяет эти формы совместно с коммунистическими рабочими в стычках с вооруженными отрядами фашистских банд. Даже в Англии — цитадели социал-реформизма — в последнее время мы имеем небывалые уже давно в истории английского рабочего движения факты применения активных революционных форм борьбы.

Экономический кризис суживает социальную базу буржуазии, ускоряя процесс отхода части социал-демократических рабочих на сторону революционного пролетариата. Однако нельзя забывать, что этот процесс происходит еще крайне медленно. Чтобы его усилить, необходимо дальнейшее обострение классовой борьбы и активизация коммунистических рабочих, чтобы разбудить сознание зараженных ядом реформизма рабочих низов социал-фашистских партий и реформистских профсоюзов.

В настоящее время идет дальнейший рост фашизации социал-демократических партий. Часть социал-демократов под влиянием роста классовой борьбы открыто переходит в лагерь буржуазии, в лагерь фашизма, другая часть социал-демократического руководства пытается всяческими мерами удержать революционизирующиеся низы от отхода к коммунистам. Она применяет новые приемы и новые методы работы. Во-первых, прожженные дельцы из социал-фашистского руководства типа Вельса, Вандервельде пытаются разыгрывать оппозицию по отношению к буржуазному государству, осуждая на словах политику коалиции. Во-вторых, социал-демократия играет с идеей единства рабочего класса, пытаясь использовать тягу рабочих к установлению единства революционного фронта, чтобы отвлечь движение в русло буржуазного демократизма. Наконец социал-фашизм снова перекрашивается под цвет социализма, пытаясь обмануть рабочих так же, как он их обманывал проектами социализации в период 1918—1919 гг. Буржуазную демократию социал-фашизм облачает в яркие по форме революционные одежды: в борьбу за социализм, за пролетарскую демократию, даже за диктатуру пролетариата, но только без насилия, без вооруженного восстания, словом, без революции.

Так например тот же Вельс заявляет, что германская социал-демократия пришла к убеждению, что капитализм изжил себя и социализм становится в порядок дня. Бюро II интернационала например даже постановило обсудить вопрос о созыве интернациональной конференции для обсуждения вопроса о методах борьбы за власть рабочего класса. А вождь французских социал-фашистов Блюм в «Попюлере» пишет даже, что «важнейшей ошибкой германской социал-демократии являлся ее отказ в свое время проводить подлинную пролетарскую диктатуру». В одном из номеров гильфердинговского журнала «Гезельшафт» некто Деккер с самым серьезным видом доказывает, что диктатура пролетариата есть одна из форм «чистой», «полной» демократии, что и Ленин тоже был не против «полной» демократии, которую теперь защищают немецкие социал-демократы, что демократическая республика, за которую ведут борьбу против фон-Папена немецкие социал - демократы, есть также одна из форм пролетарской демократии, одна из форм диктатуры пролетариата. К таким приемам прибегает сейчас социал-фашизм, чтобы попытаться еще раз обмануть массы в условиях развертывающихся решительных боев за власть, за диктатуру пролетариата. Этими маневрами социал - фашизм пытается парализовать решительные революционные действия пролетариата против наступающего капитализма, пытается спасти капитализм от пролетарской революции.

Первый натиск пролетарских революций на Западе был подавлен империалистической буржуазией с помощью социал-фашистских партий II интернационала, а также благодаря слабости организации сил революции и почти полному отсутствию массовых коммунистических партий. Несмотря на наличие об'ективных условий для победы пролетарских революций, эта возможность не была претворена в действительность. Буржуазия отлично учла неподготовленность, неорганизованность сил западноевропейского пролетариата, чтобы разбить революцию и удержаться у власти.

В. И. Ленин тогда говорил, что «абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший, потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплоатируемых такими-то уступками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание в такой-то части угнетенных и эксплоатируемых; пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятие и словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплоатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной победоносной революции» (Ленин, Доклад на II конгрессе Коминтерна).

Этой большевистской организованности, умения использовать глубочайший кризис, наступивший непосредственно в результате империалистической войны, для успешной и победоносной пролетарской революции нехватало

для большинства революционных отрядов пролетариата на Западе. Социал-фашистские партии II интернационала оказались тогда сильнее — им удалось обмануть массы при помощи демократических иллюзий, удалось нанести пролетарской революции в западных странах удар в спину. Они еще недавно цинично заявляли, что только благодаря им уцелел капиталистический мир, что только они спасли капитализм от пролетарской революции, диктатуры пролетариата.

Насколько они оказались подлее своей буржуазии, можно судить по тем документам, которые в последнее время появились во французской буржуазной печати. Французские социал - фашисты по уговору с французской буржуазией всячески старались скрыть, замолчать глубокое революционное брожение во французской армии летом 1918 г. И только в 1932 г., т. е. только через 14 лет, мир узнал об этих потрясающих событиях. Оказывается, революционным движением было охвачено 115 полков во французской армии. При этом движение представляло собой не простую демонстрацию солдат, а восстание целых дивизий, корпусов и армий. Эту восставшую армию социал-демократия помогла буржуазии расстрелять в окопах, чтобы революционная зараза не проникла в глубокий тыл и не вылилась бы в организованное вооруженное восстание против французского империализма. Союз империалистической буржуазии и социал-демократических предателей задушил начинающееся восстание французского пролетариата.

Недаром В. И. Ленин на II конгрессе Коминтерна клеймил французскую социал-демократическую партию как подлейшую из всех подлых партий II интернационала.

Сейчас все эти активные участники кровавого подавления пролетарских революций, в том числе и французские социал-фашисты — организаторы вооруженной интервенции против Советского союза, под давлением революционизирующихся рабочих низов социал-демократических партий снова пытаются спекулировать великим именем Маркса, швыряться фразами о революции и даже диктатуре пролетариата, чтобы еще раз попытаться овладеть движением и снова его предать и расстрелять.

Чем больше фашизируется современная социал-демократия, тем более широкие маневры она вынуждена применять, чтобы удержать массы от отхода к коммунизму.

В этом же грязном болоте социал-демократической контрреволюции подвизаются теперь мелкобуржуазные авантюристические группы в рабочем движении — троцкизм в России, брандлеризм в Германии и т. д. Они вслед за Каутским, Носке, Блюмом также пытаются перехитрить историю. Однако диалектика истории такова, что она заставила эти колебавшиеся между большевизмом, с одной стороны, и оппортунизмом — с другой, мелкобуржуазные элементы проделать полный цикл развития. От меньшевизма через короткий срок фракционного пребывания в коммунизме они снова возвратились в привычное для них буржуазно-контрреволюционно-меньшевистское болото. Процесс эволюции этих презренных ренегатов марксизма к социал-фашизму очень метко выразил т. Сталин, давая характеристику современному троцкизму: «Собака вновь вернулась к своей блевотине».

Этот политический зигзаг послевоенного троцкизма, брандлеризма и других мелкобуржуазных охвостьев в рабочем движении еще раз подтвердил классическое положение марксизма-ленинизма, что мелкая буржуазия в решительные моменты революции не может не колебаться между партией пролетариата и партией буржуазии, не может не перебегать от одного лагеря к другому в зависимости от соотношения борющихся сил.

Все эти мелкобуржуазные группы в период временной частичной стабилизации капитализма очутились снова на стороне империалистской буржуазии, превратившись в передовой отряд буржуазной контрреволюции.

Сейчас контрреволюционный троцкизм, брандлерианство и др. являются передовым отрядом буржуазной контрреволюции, тоже прикрывающимся учением Маркса.

«Одним из необходимых условий подготовки пролетариата к его победе,— писал Ленин,— является длительная и упорная беспощадная борьба против оппортунизма, реформизма, социал-шовинизма и тому подобных буржуазных влияний и течений, которые неизбежны, поскольку пролетариат действует в капиталистической обстановке. Без такой борьбы, без предварительной полной победы над оппортунизмом, а равно и анархизмом в рабочем движении не может быть и речи о диктатуре пролетариата. Большевизм не победил бы буржуазию в 1917—1919 гг., если бы не научился предварительно, в 1903—1917 гг., побеждать и беспощадно изгонять из партии революционного авангарда меньшевиков, т. е. оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов.

И опаснейшим самообманом, — а иногда простым надувательством рабочих — являются теперь словесные признания диктатуры пролетариата вождями немецких «независимых» или французскими лонгетистами и т. п., которые на деле продолжают старую, привычную политику уступок и уступочек оппортунизму, примирения с ним, раболепства перед предрассудками буржуазной демократии («последовательной демократии» или «чистой демократии», как они говорят), буржуазного парламентаризма и так далее» (Ленин).

Эти слова В. И. Ленина еще в большей степени относятся к современному этапу борьбы наших братских компартий с международным социал-фашизмом, в особенности с «левым» его крылом, наиболее опасным для революционного движения пролетариата, а также с оппортунизмом в собственных рядах.

Перед коммунистическими партиями встает ответственнейшая задача широкой пропаганды вопросов пролетарской революции, диктатуры пролетариата, задача беспощадного разоблачения социал-фашистских теоретиков буржуазного социализма. Особенно четко необходимо ставить вопрос о власти и о формах революционного действия — массовой политической стачке и вооруженном восстании, используя опыт всех предшествующих революций, опыт Парижской коммуны, а также огромный опыт и победы диктатуры пролетариата в России.

Решающее значение для исхода борьбы имеет уменье коммунистического руководства владеть самым острым и могущественным оружием — ре-

волюционной теорией марксизма-ленинизма, уменьем применять марксистско-ленинскую диалектику к условиям быстро меняющейся обстановки, к условиям неожиданных крутых поворотов, к умению владеть всеми формами классовой борьбы, чтобы добиться победы пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

* * *

Сроки временной исторической «передышки» приходят к концу. Совершается один из важнейших исторических переходов к новому туру революций и войн.

Исход борьбы между коммунизмом и капитализмом может решить лишь самая упорная, тяжелая и беззаветная борьба революционного пролетариата с умирающим, но еще не умершим капитализмом.

И в этой борьбе решающая роль принадлежит нашим братским компартиям, ибо они являются единственной силой, которая может обеспечить победу коммунизма во всем мире.

К новым решающим боям за власть, за диктатуру пролетариата международный пролетариат идет несравненно более вооруженным, чем в период первого тура войн и революций. К настоящему времени мы имеем почти во всех странах мира братские коммунистические партии, которые уже одержали крупнейшую победу над социал-фашизмом. Об этом говорит неуклонный систематический, хотя и неравномерный, рост массовых компартий в крупнейших капиталистических странах. В таких странах, как например в Германии, компартия уже насчитывает до 300 тыс. членов. Мы имеем массовые братские компартии в Польше, Болгарии, мы имеем боевую китайскую компартию, которая геройски ведет борьбу против контрреволюционного Гоминдана, иностранных империалистов, руководит развивающимся советским движением и геройской китайской красной армией. Растут массовые партии в других странах, ведя борьбу за завоевание масс к моменту решительного штурма.

Силы революции растут во всем мире, силы капитализма уменьшаются.

В этой гигантской схватке двух миров, двух систем — социализма и капитализма — решающее значение отведено историей нашей стране. «Кому много дано, от того много и спросится» — писал Ленин об интернациональных задачах первой в мире страны диктатуры пролетариата. Интернациональные обязательства СССР необычайно велики. Они требуют напряжения всех наших сил для всемерного ускорения нашего движения, еще большего усиления экономической и политической мощи диктатуры пролетариата, укрепления обороноспособности нашей страны и усиления мощи Красной армии.

«Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию, со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства, с этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире. Да здравствует ленинизм» (Сталин).

Конец капиталистической стабилизации

Л. Мадьяр

XII пленум ИККИ собрался в переломный для всей международной ситуации момент. Оценка международного положения, данная XII пленумом, несомненно является главным, основным в его решениях, ибо из этой оценки вытекают все стратегические и тактические выводы для всех секций Коминтерна. Оценка эта заключается в следующем:

«Наступил конец относительной стабилизации капитализма, но еще нет непосредственной революционной ситуации в важнейших и решающих капиталистических странах. В настоящий момент совершается именно переход к новому туру крупных столкновений между классами и государствами, к новому туру революций и войн».

Тем самым XII пленум поставил во весь рост проблему конца относительной временной стабилизации капитализма.

В то же время в решениях пленума констатируется и подчеркивается переходный характер переживаемого периода, переход к новому туру революций и войн.

В ведущих империалистических странах еще нет непосредственной революционной ситуации, но уже в ходе кризиса наступил п е р е л о м, наступила своеобразная раскачка антагонистических сил, которые в отдельных, чрезвычайно важных узловых пунктах приходят в столкновение.

Итак XII пленум констатировал:

1) конец относительной стабилизации;

2) отсутствие непосредственно революционной ситуации в решающих капиталистических странах;

3) переход в настоящий момент к новому туру крупных столкновений между классами и государствами, к новому туру революций и войн.

* * *

Проблема временной относительной стабилизации была в течение всего периода этой стабилизации одним из центральных вопросов международного рабочего движения, своего рода водоразделом между различными течениями в международном рабочем движении. В то же время она явилась одним из центральных вопросов, разделивших Коминтерн и ВКП(б) — с одной стороны, и те течения внутри ВКП(б) и Коминтерна, которые уклонились вправо или «влево» от ленинской оценки и установки. До известного срока они находились еще внутри Коминтерна и ВКП(б), отдельные же группы, расходившиеся с Коминтерном в оценке ситуации, с тех пор очутились за бортом Коммунистического интернационала, стали ренегатами коммунизма и тем самым оказались по ту сторону баррикад.

Разногласия в оценке относительной временной стабилизации капитализма впервые возникли в тот самый момент, когда Коминтерн констатиро-

вал наступление этой стабилизации. Правые оппортунисты отрицали временный, шаткий, гнилой, относительный характер стабилизации. «Левые» оппортунисты оспаривали или пытались оспаривать самый факт стабилизации. Эти разногласия возобновились на новой основе в 1926 — 27 г., когда троцкистская оппозиция выступила с тезисом об окончании периода относительной временной стабилизации капитализма. В то время троцкизм пытался критиковать установку Коммунистического интернационала «слева». Когда еще не наступил конец относительной стабилизации капитализма, троцкизм пытался перескочить несозревший еще этап и тем самым увлечь Коммунистический интернационал на путь авантюры. Теперь, когда конец относительной стабилизации капитализма уже наступил, контрреволюционный троцкизм отрицает его, отрицает революционный под'ем и считает, что мы идем навстречу целой полосе черной реакции.

II интернационал вовсе не признавал шаткости, относительности этой стабилизации. Он выдвинул тезис о ее долговечности, о новой эре процветания капитализма, о целой эпохе, содержанием которой должно было быть развитие «организованного капитализма», «организованного хозяйства», «хозяйственной демократии» и на этих основах политики классового сотрудничества между буржуазией и пролетариатом в форме коалиционного правительства. Правые оппортунисты, впоследствии выброшенные из Коммунистического интернационала (группа Брандлера, Ловстона, Чильбум, Рой и т. д.), под влиянием II интернационала отстаивали прочность, долговечность, продолжительность стабилизации капитализма, не поняли противоречий этой стабилизации, не видели нарастания противоречий самой стабилизации.

Под влиянием правых оппортунистов примиренцы даже еще на VI конгрессе Коминтерна утверждали о прочности стабилизации. Больше того, устами вождя германских примиренцев Эверта они провозглашали, что стабилизация капитализма даже еще упрочивается. Против этих установок было направлено выступление т. Сталина на XV с'езде нашей партии. Тов. Сталин уже на XV с'езде указывал, что «из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как пределы мирового рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными,— именно из этого вырастает самый глубокий, самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации. Из частичной стабилизации вырастает усиленный кризис капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию — такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент. Из стабилизации рождается нарастание кризиса капитализма» («Вопросы ленинизма», стр. 392).

Именно оценка проблемы стабилизации придала чрезвычайную остроту и спорам вокруг вопроса о содержании «третьего периода». Правые и примиренцы считали, что содержанием «третьего периода» будет дальнейшее развитие стабилизации капитализма, ее упрочение, укрепление. Тов. Бухарин например считал, что основным содержанием «третьего периода» будет лишь нарастание внешних противоречий капитализма, т. е., нарастание противоречий между империалистическими державами, с одной стороны, и нарастание противоречий между СССР и империализмом, с другой стороны, в условиях относительного ослабления внутренних противоречий.

Из этой оценки вытекал логический вывод, что вызревание революции возможно лишь из империалистических войн и интервенций.

В тот период троцкизм совершенно отрицал «третий период» в развитии послевоенного империализма, совершенно отрицал, что в международной обстановке произошли какие бы то ни было качественные изменения. Коммунистический интернационал и ВКП(б), наоборот, считали, что основным содержанием «третьего периода» будет обострение всех основных противоречий империализма, т. е. обострение противоречий между империалистическими державами, между империализмом и колониальными народами, между буржуазией и пролетариатом, между СССР и империализмом и между странами побежденными и странами победительницами.

Спор о содержании «третьего периода» на VI конгрессе Коминтерна был по существу спором не только о перспективе относительной стабилизации капитализма, но и о перспективе дальнейшего развития мировой революции. Теперь в свете решений XII пленума становится совершенно ясно и очевидно, что содержанием «третьего периода» было и есть именно расшатывание и конец относительной стабилизации капитализма и переход к новому туру революций и войн. Такое понимание «третьего периода» и такую перспективу стабилизации дал т. Сталин в своем выступлении на XVI с'езде нашей партии. В своей оценке международной ситуации уже в момент развертывающегося мирового экономического кризиса т. Сталин указывал на то, что «важнейшим результатом мирового экономического кризиса является обнажение и обострение противоречий, присущих мировому капитализму. Обнажаются и обостряются,— говорил он,— противоречия между важнейшими империалистическими странами, борьба за рынки сбыта, борьба за сырье, борьба за вывоз капитала... Обнажаются и будут обостряться противоречия между странами победительницами и странами побежденными... Обнажаются и обостряются противоречия между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами... Обнажались и обострялись противоречия между буржуазией и пролетариатом в капиталистических странах... Таково состояние основных противоречий мирового капитализма, до крайности обострившихся в связи с мировым экономическим кризисом.

О чем говорят все эти факты?

О том, что стабилизации капитализма приходит конец.

О том, что под'ем революционного движения масс будет нарастать с новой силой.

О том, что мировой экономический кризис будет перерастать в ряде стран в кризис политический» («Вопросы ленинизма», стр. 497 — 498).

С тех пор прошло два года. Мировой экономический кризис обострился и углубился. Обнажились и обострились все основные противоречия мирового капитализма. На этом основании XII пленум пришел к выводу, что наступил конец относительной стабилизации капитализма.

* * *

Из каких же элементов складывается конец относительной стабилизации капитализма?

Конец относительной стабилизации капитализма складывается из изменений в соотношении сил между СССР и империализмом. Капитализм вследствие мирового экономического кризиса откатился назад на целые десятилетия. СССР, проводя политику социалистической индустриализации, социалистической переделки сельского хозяйства, осуществив пятилетку в четыре года, завершив построение фундамента социалистической экономики, укрепился окончательно на социалистическом пути. Советский союз все больше обеспечивает свою полную экономическую самостоятельность по отношению к капиталистическому миру. Он укрепил свою международную

мощь, свое революционизирующее воздействие на трудящихся и эксплоатируемых всех стран, укрепил свое значение как базы мировой социалистической революции.

Конец относительной стабилизации капитализма складывается, далее, из обострения мирового экономического кризиса в капиталистических странах, из нарастания революционного под'ема как в империалистических, так и в колониальных странах, из дальнейшего обострения противоречий между империалистическими государствами, из усиления подготовки контрреволюционной войны против СССР.

Рассмотрим эти элементы в отдельности.

Относительная стабилизация капитализма возникла после мировой империалистической войны, после Октябрьской революции, после того, как мировому империализму удалось при прямом участии партий II интернационала временно подавить революции на Западе. На одной шестой части земного шара победил пролетариат, установивший в СССР свою пролетарскую диктатуру, отразивший нашествие международного империализма, интервенцию 14 государств. Однако в остальном мире международной буржуазии удалось отразить революционный натиск пролетариата; в колониях международный империализм временно отразил революционный натиск национально-освободительных войн, восстания угнетаемых колониальных народов. Мир разделился на две части, распался на две принципиально противоположные социально-экономические системы — на СССР и империалистический мир.

Таков итог первого тура войн и революций. Пролетарская революция в СССР явилась величайшей победой мировой резолюции. Временное же поражение революций на Западе было обусловлено целым рядом обстоятельств. Организованная, закаленная, воспитываемая Лениным большевистская партия существовала только в бывшей царской России. На Западе в империалистических странах не было организованных, закаленных, воспитываемых в духе марксизма-ленинизма коммунистических партий. Не было таких партий и на Востоке.

В империалистических странах международная социал-демократия в лице II интернационала имела еще огромное влияние на рабочий класс, удерживала под своим влиянием большинство рабочего класса. На колониальном Востоке различные национал-реформистские течения также имели еще огромное влияние на подавляющее большинство пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии. Относительная стабилизация капитализма выросла в результате того, что империализму после мировой войны удалось временно подавить революции на Западе и повести наступление на пролетариат. Из этого мы должны исходить и в оценке итогов относительной стабилизации капитализма.

В чем состояла относительная стабилизация капитализма? В области экономической буржуазии удалось восстановить производство и достигнуть довоенного уровня в области промышленной продукции, а также перешагнуть довоенный уровень. Международной буржуазии частично удалось в период относительной стабилизации капитализма развить производительные силы, развить технику, использовать технический прогресс, провести, хотя и частично, рационализацию своего производственного аппарата. Буржуазии временно удалось восстановить разрушенное в Европе сельское хозяйство и смягчить аграрный кризис. В то же время в период относительной стабилизации восстановилось единство мирового рынка и подорванное во время войны и послевоенного революционного кризиса единство мировой капиталистической кредитной и денежной системы. Эти частичные «успехи» пошли главным образом в пользу монополистического капитализма, финансового капитала и в особенности финансовой олигархии. За период относительной

стабилизации капитализма еще более укрепилась власть финансового капитала над всем хозяйством и позиции финансовой олигархии.

В области межгосударственных отношений империалистической буржуазии удалось временно разрешить целый ряд крупнейших и острейших международных проблем. Сговор между САСШ, Англией и Францией относительно метода и размеров ограбления Германии; сговор между САСШ, Англией и Японией относительно установления сферы влияния в Китае, относительно методов и размеров ограбления китайского народа; сговор между империалистами относительно невмешательства в дела своих колоний обозначал собой известную относительную стабилизацию версальской системы. Версальская система обозначала собой закрепление передела мира в результате первой мировой империалистической войны. В то же время международному империализму удалось, отразив революционный натиск колониальных народов, временно стабилизировать империалистическую колониальную систему, подавляя с помощью национал-реформистских групп и течений национально-революционное движение в колониальных странах.

В отношениях между СССР и империалистическим миром после первого тура интервенций наступила известная относительная устойчивость. СССР удалось отвоевать «передышку» для социалистического строительства.

В то же время в межклассовых отношениях относительная стабилизация означала наступление капитала на рабочий класс, прорываемое гигантскими классовыми конфликтами. Разумеется, тут не было никакой идиллии. Достаточно указать на всеобщую стачку в Англии в 1926 г., на восстание рабочих в Вене в 1927 г., на всеобщую стачку в Лодзи, на фашистский переворот в Польше и т. д., чтобы убедиться в том, что между пролетариатом и буржуазией возникли крупнейшие классовые конфликты. Достаточно указать на то, что в период относительной стабилизации империалистический колониальный режим был потрясен такими национально-революционными выступлениями, как восстание в Марокко и в Сирии в 1925 г., как вооруженное восстание в Индонезии в 1926 г., как великая китайская революция в 1925—1927 гг., чтобы убедиться в том, что относительная стабилизация империалистического колониального режима была на самом деле временной относительной, гнилой и шаткой. Борьба в лагере империалистов за рынки, за сырье, за территории для вывоза капитала продолжалась, вызывая острейшие конфликты. Но эта борьба удерживалась в стабилизационных рамках. Разумеется, и в отношениях между СССР и империалистическим миром не наступило никакой классовой идиллии. Борьба между двумя мирами продолжалась, и наскоки империалистических стран на СССР, провокации, разрыв дипломатических отношений между СССР и Англией — острые конфликты, спровоцированные империалистами,— организация вредительства, поддержка контрреволюционных классовых организаций империалистами внутри СССР продолжались с возрастающей силой. Достаточно указать на кризис во взаимоотношениях между СССР и империалистическим миром, возникший вследствие разрыва дипломатических отношений со стороны Англии в 1927 г. Достаточно указать на конфликт вокруг КВЖД на Дальнем Востоке в 1929 г., на весьма реальную подготовку интервенции французским империализмом в 1930 г., чтобы убедиться в том, что борьба между двумя мирами, между СССР и империализмом, продолжалась не только средствами мирного соревнования двух принципиально различных социально-экономических систем.

Как раз в период относительной стабилизации капитализма происходит усиленным темпом развитие социал-демократии к социал-фашизму, и это развитие ускоряется и усиливается под воздействием мирового экономического кризиса. Именно после первого тура войн и революций возни-

кает фашизм как продукт всеобщего кризиса капитализма. Фашизм развивается также и в период относительной стабилизации капитализма. В период относительной стабилизации капитализма, на почве известного усиления и укрепления рабочей аристократии, II интернационалу как отраженной силе буржуазии все же еще удалось сохранить за собой в решающих империалистических странах большинство рабочего класса, так же как национал-реформистские партии и течения сохранили за собой влияние на большинство трудящихся в колониальных странах. Кроме того международной буржуазии удалось за этот период отточить в целом ряде стран столь острое оружие в классовой борьбе, как фашизм. Оба эти оружия буржуазия использует в своей борьбе против пролетариата и против национально-освободительных движений.

За этот же период СССР восстанавливает свое хозяйство, достигает довоенного уровня производства ,перешагнув этот уровень, приступает к реконструкции своего хозяйства на социалистических началах, ликвидирует кулачество как класс на основе сплошной коллективизации и строительства совхозов. СССР осуществляет первую пятилетку, завершает построение фундамента социалистической экономики, укрепляется на социалистическом пути, проводит социалистическую переделку сельского хозяйства, решает проблему «кто кого» и в области промышленности и в области сельского хозяйства, развертывает культурную революцию, развивает производительные силы социалистической индустрии, создает новые производства и усилиями трудящихся создает новые, невиданные гиганты социалистической индустрии, как Магнитогорск, Кузнецкстрой, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Днепрострой и т. д.

За этот же период укрепляются коммунистические партии на Западе; они устанавливают тесную связь с массами, большевизируются. Коммунистический интернационал все больше становится мировой партией ленинизма, все больше распространяет свое влияние. Он укрепляется организационно в 64 странах капиталистического и колониального мира, дает крупнейшие бои буржуазии и II интернационалу в капиталистических странах, империализму и национал-реформизму в колониальных странах.

Стабилизация капитализма оказалась относительной, временной, шаткой, гнилой, а развитие советского строя шло гигантскими шагами вперед. В «третий период» начинается расшатывание относительной стабилизации капитализма, а после наступления мирового экономического кризиса начинается стремительное развитие капитализма вспять. А в СССР как раз после наступления мирового экономического кризиса происходит осуществление первой пятилетки, гигантское развитие производительных сил, ликвидация кулачества как класса, невиданные темпы социалистической индустриализации и коллективизации, создание собственных кадров, количественный и качественный рост пролетариата, поворот огромных крестьянских масс к колхозному строительству.

СССР продолжает ускоренными темпами свое продвижение вперед, а капиталистический мир стремительно катится вспять. Именно в этом и заключается один из важнейших моментов конца относительной стабилизации капитализма.

* * *

В связи с этим стоит вопрос об обострении мирового экономического кризиса. Решения X и XI пленумов достаточно ясно говорят о том, что этот кризис является цикличным кризисом на фоне всеобщего кризиса капитализма.

XII пленум говорит уже о том, что обострение общего кризиса капитализма, совершающееся огромными сдвигами, перевело этот кризис на новую ступень.

В то время как заседал XII пленум ИККИ, Гувер развертывал свои маневры в САСШ, пытаясь искусственно положить конец экономическому кризису, начать новый цикл, переход к новому под'ему. Правительство Папена—Шлейхера в Германии занималось конечно на других основах, но такими же попытками. Франция и Англия пытались конверсацией части государственного долга, расширением кредита (а Англия еще и снижением учетной ставки) создать предпосылку для перехода к новому промышленному циклу. II интернационал не был бы II интернационалом, если бы он сразу же не попытался теоретически обосновать и поддержать эти попытки буржуазных правительств.

Основные теоретические предпосылки всех этих буржуазных попыток ликвидации мирового экономического кризиса и создания нового под'ема капиталистического хозяйства заключались в том, что экономический кризис достиг уже самого глубокого пункта, что дальнейшее обострение и углубление кризиса уже невозможно, что должен наступить новый цикл. Буржуазные экономисты и их социал-демократические подпевалы рассуждали так: поскольку капиталистическое производство движется в циклах, поскольку само движение капиталистического производства происходит в последовательных фазисах застоя, средней деятельности, расцвета, кризиса, поскольку самый глубокий пункт кризиса достигнут — должен совершиться переход к фазису депрессии, а вмешательство крупнейших монополистических об'единений и буржуазных правительств со своей концентрированной хозяйственной мощью ускорит этот процесс, сократит фазис депрессии, обеспечит быстрый переход к новому под'ему.

Идеологи социал-фашизма вдруг вспомнили, что во всех марксистских учебниках говорится о цикличности кризиса, о смене периодов депрессии и кризиса периодом нового под'ема. Всякий кризис, говорят они, является взрывом и выравнением противоречий капитализма. Всякий кризис преодолевается внутренней механикой развития капитализма и автоматически ведет к новому под'ему. Теоретики II интернационала, которые еще недавно провозгласили новое учение об организованном хозяйстве, об организованном капитализме, о возможности регулирования и уравнения кон'юнктуры, стали ярыми сторонниками «марксовой» теории кризиса, как обычно она излагается в социал-фашистских учебниках. Они начали возлагать надежды на самодвижение капиталистического производства, на действие механизма изжития кризиса. При этом они забывают только следующее: речь идет о кризисе монополистического капитализма, это несомненно, но данный кризис является не простым цикличным кризисом капитализма, а цикличным кризисом монополистического капитализма, развертывающимся на фоне всеобщего кризиса капитализма. Из этого вытекают новые качества, именно на них, на эти особенности кризиса указывают решения XII пленума ИККИ.

В чем выражаются эти особенности?

Они выражаются между прочим в том, что господство монополистического капитала ныне подчиняет себе почти всю экономику капиталистического общества. Это первое. Второе, — что в условиях общего кризиса капитализма именно нынешняя ступень развития монополистического капитализма чрезвычайно затрудняет изжитие экономического кризиса обычным для капитализма времен свободной конкуренции путем. А третье — нынешняя ступень развития монополистического финансового капитала дает возможность верхушке финансовой олигархии при уменьшающейся массе при-

были урвать свою долю за счет других, ограбить трудящихся, ограбить другие, немонополизированные отрасли. Но тем самым они создают добавочные затруднения к изжитию кризиса.

Именно постоянное вмешательство монополистических об'единений, крупнейших банков, сильнейших групп финансовой олигархии и буржуазных правительств, находящихся целиком в руках финансовой олигархии, нарушает обычный ход «механизма» обычного изжития кризиса, и без того уже нарушенного самим развитием монополистического капитализма.

Все своеобразия и особенности развития данного мирового экономического кризиса вытекают именно из этого обстоятельства. Разумеется, из этого отнюдь не следует фаталистический вывод об автоматическом крушении капитализма. XII пленум ИККИ самым резким образом отвергает подобный вывод. Нет и не будет автоматического крушения, автоматического падения капитализма. Об этом достаточно ясно говорил уже Ленин на II конгрессе Коминтерна. Но отсюда следует, что в период всеобщего кризиса капитализма при нынешней ступени господства монополистического капитализма, при нынешней власти финансовой олигархии, при теперешних успехах социалистического строительства в СССР вовсе нельзя ставить проблему выхода из кризиса упрощенно, механически, исключительно с точки зрения действия механизма кризиса. Ведь самый ход кризиса приводит в движение массы. Самый ход кризиса приводит в движение классы, и проблематика выхода из кризиса является не вопросом об автоматическом действии механизма изжития кризиса, а проблемой классовой борьбы.

Автоматического крушения капитализма нет, но это говорит лишь о неизбежности дальнейшего роста революционного под'ема, дальнейшего обострения основных противоречий империализма, толкающих буржуазию на путь насильственного разрешения этих противоречий как внутри страны, так и на международной арене, толкающих пролетариат на путь борьбы за революционный выход из кризиса.

Только с этой точки зрения можно рассматривать на данном этапе развитие мирового экономического кризиса, проблему выхода из кризиса. Только с этой точки зрения можно правильно оценить буржуазные и социал-демократические теории «государственного капитализма». Совершенно ясно, что вмешательство буржуазных правительств в ход кризиса, попытки ликвидировать кризис, привести капиталистическое хозяйство к подступам нового под'ема, как показывает и опыт,— политика Гувера в САСШ, политика Папена в Германии,— не может достигнуть поставленных буржуазией целей. Социал-фашистские теоретики пытались в порядке приспособления к политике финансовой олигархии в период кризиса изобразить совокупность всех этих мероприятий как «госкапитализм», а самый капитализм — как некую переходную к социализму формацию. Опровергнуть, разбить эти теории не особенно трудно, тем более потому, что сами социал-демократы разоблачают сами себя. Теория «госкапитализма» играла, как и все прочие теории социал-демократии, лишь подсобную роль в порядке обслуживания интересов финансовой олигархии и в порядке идеологического и теоретического обоснования предательства социал-фашистских верхов. Для германской социал-демократии например теория хозяйственной демократии и организованного капитализма служила аргументом, обоснованием участия в коалиционном правительстве. Эти теории знаменовали собой теоретическое оформление политики кабинета Мюллера. Теория «госкапитализма» служила идеологическим обоснованием «толерирования», значит поддержки кабинета Брюнинга. После свержения Брюнинга социал-фашистские лидеры и теоретики в Германии с изумительной легкостью и изворотливостью отказываются от

теории «госкапитализма», ибо она уже не подходит для приспособления к политике правительства Папена и к мнимо оппозиционной политике социал-демократической партии. При правительстве Папена германская социал-демократия уже выступает на словах за социализм и устами Вельса провозглашает, что Германия созрела для введения социализма. С.-д. была за хозяйственную демократию при правительстве Мюллера, за государственный капитализм при правительстве Брюнинга, за социализм при правительстве Папена. Теории социал-фашистских лидеров меняются в зависимости от изменившейся политической обстановки, и вопрос заключается не только в том, чтобы разбить эти созданные наспех теоретические построения. Задача заключается в том, чтобы раз'яснить классовый смысл и классовое содержание этих теорий. Теория «госкапитализма» служила именно обоснованием приспособления социал-демократии к политике буржуазии в период кризиса. Политика финансовой олигархии в период кризиса заключается между прочим в том, что гигантские государственные средства расхищаются для поддержки самой сильной, самой влиятельной группы финансовой олигархии и зачастую помещиков.

Чрезвычайно важно разоблачение классового содержания этих теорий социал-демократии. Теория социал-демократии о том, что кризис достиг самого глубокого пункта своего развития и тем самым наступил момент для государственного вмешательства к переходу капиталистического хозяйства к новому промышленному циклу, обслуживала политику Гувера, Папена, Макдональда, Эррио и пр. буржуазных правительств. А по существу вопрос заключается в том, что без насильственных столкновений между классами, без насильственных столкновений между государствами нет выхода из этого кризиса, ибо массы уже пришли в движение.

* * *

Проблема конца стабилизации, само собой разумеется, заключается не только в индексе продукции, в размерах омертвления производственного аппарата, в индексах цен, в сокращении торговли, в техническом регрессе, в уничтожении гигантских товарных запасов, в количестве банкротств, в движении цен и в прочих показателях кризиса. Проблема конца относительной стабилизации решается также на основе этих показателей, но она решается как проблема классовой борьбы, значит, как проблема революционного под'ема масс. При этом надо учесть, что экономические изменения в положении классов не сразу, не немедленно, не прямолинейно претворяются в социальные и тем более в политические эффекты. С точки зрения развития рабочего движения главное и решающее в развитии кризиса несомненно заключается в том, что экономическое и политическое положение рабочего класса ухудшается, что половина рабочего класса состоит из полностью или частично безработных, что идет наступление на рабочий класс, на его социальные завоевания и политические права. А с точки зрения структурных изменений в самом рабочем классе главное и решающее заключается в том, что сокращается масса сверхприбылей, тем самым сокращается возможность, если она и не утрачивается полностью, подкупа верхушечных слоев рабочего класса, суживается базис рабочей аристократии и тем самым суживается база реформизма и оппортунизма в рабочем движении. Это создает об'ективную почву для развертывания революционных классовых боев под руководством коммунистической партии.

В то же время наступление на политические права рабочего класса, обострение всех видов буржуазной диктатуры — буржуазно-демократической и фашистской разновидностей, — рост реакции, рост национализма,

рост фашизма создают об'ективную почву для рассеивания демократических иллюзий у рабочего класса.

Пятнадцатилетний опыт всего международного рабочего движения после Октябрьской революции научил рабочий класс ставить проблему власти, разоблачил социал-демократическое учение о мирном переходе к социализму, о коалиционных правительствах как средстве перехода к социализму. Эти иллюзии разбиваются, изживаются, рассеиваются. Процесс этот происходит чрезвычайно неравномерно. Мы не можем говорить о том, что он уже завершен в решающих империалистических странах. Было бы опаснейшим упрощенством считать, что экономические эффекты претворяются прямолинейно и непосредственно в политические. Но огромные сдвиги, новые черты в рабочем движении — несомненные факты. Обострение действия закона неравномерности относится не только к экономике, но и к политическим явлениям империализма. Следствием мирового экономического кризиса несомненно являются новые особенности во всем движении рабочего класса и пожалуй не только рабочего класса. Отсюда вытекают изменения в самой структуре рабочего класса и в его экономическом и политическом положении. Эти качественные изменения обнаруживаются даже в Англии, стране, где развитие революционного рабочего движения в силу ряда исторических условий идет сравнительно замедленным темпом. Достаточно указать на то, что всеобщая забастовка английского рабочего класса и всеобщая стачка горняков в 1926 г. проходили без единого выстрела, без серьезных столкновений между рабочими и вооруженными силами буржуазии. В настоящее время хотя в Англии и развертываются массовые стачки, как стачка ткачей и прядильщиков, но мы еще стачечного движения подобной массовости, как в 1926 г., не имеем. Тем не менее и в стачках и в движении безработных, в выступлениях, демонстрациях в Глазго, Ливерпуле, Лондоне осенью 1931 г. и тем более в выступлениях в Биркенхеде, Бельфасте, где дело дошло до баррикадных боев, в походе безработных на Лондон, в столкновении перед английским парламентом, в стотысячной демонстрации в Лондоне под руководством компартии обнаруживалось глубочайшее брожение, новые, революционные качества.

В Бельгии всеобщая стачка горняков, стачка солидарности металлистов привели к столкновениям с войсками, к выдвижению из самого рабочего класса новых вожаков-активистов. Это же движение обнаружило, что в острейший критический момент реформистские профсоюзы и бельгийская социалистская партия в смысле влияния на массы дали огромную осечку. Братание между войсками и рабочими, все формы и методы руководства стачкой, упорство этих стачек показывают, что в стране Вандервельде рабочее движение переживает переломный момент, обнаруживает новые черты. Или возьмем такую, с точки зрения развития рабочего движения, отсталую страну, как Япония. Японская буржуазия, японские помещики начали грабительскую империалистическую войну, пытаясь сеять среди трудящихся шовинистический угар. Мы хорошо помним, что прошли месяцы после начала первой империалистической войны, пока в воевавших странах разразились первые стачки, и даже в бывшей царской России большевикам удалось лишь только спустя несколько месяцев начать развертывание стачечной борьбы. А в настоящее время в Японии в течение всей империалистической войны происходят стачки, конфликты, нарастает движение, борьба рабочих под руководством коммунистов против империалистической войны. Даже в японской армии распространяются «опасные мысли», которые просачиваются даже среди студентов, даже в юнкерские школы, не говоря уже о том, что они распространяются в деревне, где быстрыми темпами нарастает крестьянское движение, как буревестник грядущей аграрной революции. Если в

Германии во время первой войны был один Либкнехт, то в настоящее время в Японии имеются сотни и тысячи Либкнехтов.

Стачка горняков в Чехо-Словакии, движение крестьянства в Прикарпатской Украине, которое начинает распространяться и на Словакию и даже на некоторые чешские области, стачка солидарности на севере Чехии, демонстрации, вызванные этим движением в войсках, показывают, что в рабочем движении Чехо-Словакии также обнаруживаются новые качества.

Но даже в таких странах, как Франция, Швеция, Швейцария, относительно меньше захваченных кризисом и революционным брожением, отдельные экономические стачки быстро перерастают в уличные столкновения. Даже во Франции и в Швейцарии отдельные стачки дошли до баррикадных боев. А расстрел рабочих в Женеве, последовавшая всеобщая стачка, братание между войсками и рабочими показывают, что даже относительно тихая Швейцария беременна крупнейшими классовыми конфликтами.

Если в этих странах обнаруживаются новые черты в рабочем движении, то тем более это имеет место в Испании, в Польше и в Германии.

В Испании развертывается революция.

В Польше экономические и политические стачки, их упорство, перерастание в бои с вооруженными силами буржуазии, их совпадение с крестьянскими выступлениями в Белоруссии и на Западной Украине, их массовость сигнализируют, что страна вплотную подошла к революционному кризису.

Что касается Германии, то достаточно указать на два новых факта, два новых события, имевших место уже после пленума, чтобы убедиться в том, что оценка пленумом положения в Германии быстро подтверждается ходом событий. Стачка рабочих городского транспорта в Берлине под руководством революционной профоппозиции показывает, сколько революционной энергии накопилось в германском рабочем классе. А германские выборы показали, что теперь уже не отдельные кирпичи выпадают из когда-то могущественного и все еще крепкого здания германской социал-демократии. От германской социал-демократии отпадают целые пласты рабочих, и эти рабочие приходят в лагерь коммунизма. Германская коммунистическая партия вплотную подошла к завоеванию большинства германского рабочего класса, а в целом ряде решающих промышленных центров коммунизм стал партией большинства рабочего класса.

После длительного затишья в Германии назревают стачечные бои. Подобно стачке берлинских транспортников, они показывают, что экономические бои сразу же перерастают в бои политические, в бои революционные. Стачка берлинских транспортников имеет огромное значение еще и с той точки зрения, что она показывает, с какой быстротой может осуществляться единый фронт рабочих снизу под руководством коммунистической партии против буржуазии и против социал-фашистских и фашистских лидеров.

Однако не только международное рабочее движение обнаруживает новые особенности. Новые революционные черты обнаруживаются также и в национально-революционной борьбе в колониальных странах. В Китае оборона Шанхая показала, что там в национально-освободительной борьбе выступили массы, обученные уже опытом революции 1925—1927 гг., обученные и опытом периода контрреволюции, что в национально-революционной борьбе выступили массы, находящиеся уже не только под влиянием революции в СССР, но также под влиянием советской революций, происходящей в самом Китае. Партизанская война в Манчжурии если и не достигает по своей организованности, по степени сознательности и классовой размежевки столь высокого уровня, как движение в Шанхае и в ряде других провинций Китая, то все же представляет собой новое явление, имеющее огромное значение. С полным основанием мы можем утверждать, что даже сама совет-

ская революция в Китае, охватывающая огромную территорию с населением около 70—80 миллионов человек, доказывает не только расширение, распространение советской революции на новые территории, ее огромнейшую живучесть (и пятый поход Гоминдана был отбит героической рабоче-крестьянской красной армией китайских советов), но и то, что на решающих советских территориях происходит углубление советской революции, ее переход на более высокую ступень.

Классовые бои пролетариата и крестьянское движение в Индии также обнаруживают новые революционные качества. Разумеется, революционный под'ем развертывается неравномерно, непрямолинейно. Революционный под'ем масс происходит путем больших колебаний. Колебания имеют место даже в отдельных отрядах рабочего класса, не говоря уже о крестьянских, а тем более городских мелкобуржуазных массах.

Германские выборы в 1932 г. показали колебания отдельных отрядов рабочего класса. Эти выборы показывают, через какие колебания между лагерем коммунизма, с одной стороны, и фашизмом и социал-фашизмом—с другой, идут отдельные отряды рабочего класса к лагерю коммунизма. Но революционный под'ем является несомненным и решающим фактором в смысле конца относительной стабилизации капитализма и перехода к новому туру революций.

Статистика стачек, демонстраций отображает косвенно процесс революционизирования рабочего класса. Это же показывает статистика выборов. Этот под'ем революционного движения решает судьбы относительной стабилизации и темпы перехода к новому туру революций и войн. Только эти новые качества показывают, что собственный опыт масс и победы социализма в СССР поставили перед массами проблему уничтожения капиталистических производственных отношений, проблему свержения капитализма и создания революционным путем новых общественных связей.

Было бы величайшей ошибкой не видеть, что в ряде решающих империалистических стран—в САСШ, в Англии, во Франции—эти процессы задерживаются, назревают через огромные трудности. Но такой же ошибкой было бы не видеть того, что в отдельных узловых пунктах мирового империализма эти новые качества уже проявляются и прорываются в движении огромных масс. Испания, Германия, Польша на Западе, Китай, Япония и Индия на Востоке являются узловыми звеньями революционного процесса. В Испании и на значительной территории Китая уже происходит революция. Германия и Польша уже беременны революционным кризисом, а Япония в любой момент может очутиться перед революционной ситуацией.

* * *

XII пленум не только в тезисах о международном положении и задачах секций Коммунистического интернационала, но в отдельной резолюции о дальневосточной войне и о задачах коммунистов в борьбе против империалистической войны и военной интервенции против СССР поставил проблему нового тура империалистических войн и интервенций в СССР.

Мы не можем здесь дать анализ всех империалистических противоречий, всей быстро меняющейся международной обстановки. Решения XII пленума ИККИ указывают однако общую тенденцию развития обострения противоречий между империалистическими странами, обострения противоречий между империалистическими странами и СССР, назревания и начала нового тура национально-освободительных войн, складывания новых империалистических группировок, сколачивания новых империалистических союзов 'В этом заключается общая тенденция развития международных отношений. При этом империалистическая война, начатая Японией против Китая, являет собой уже

начало нового тура империалистических войн и самой непосредственной подготовки интервенции в СССР.

Узлами международных противоречий являются: Германия на Западе и Китай на Востоке, причем вся совокупность тихоокеанских противоречий представляет собой очаг новых войн и интервенций. Несомненно, что те сговоры, которые служили основой и выражением относительной стабилизации в международных отношениях, сорваны, сорван сговор относительно размеров и методов ограбления Германии, относительно установления сферы влияния в Китае, и поставлен вопрос о новом переделе мира.

Из всей совокупности этих сложнейших проблем, нам кажется, следует поставить три проблемы, три общих вопроса:

Первое — проблема Версаля, точнее, проблема версальского раздела мира, включая сюда и Вашингтонское соглашение. Можем ли мы утверждать, что Версальская система уже уничтожена? Несомненно, что такое утверждение было бы преждевременным. Но точно так же несомненно, что Версальская система уже надломлена; особенно сильно подорвано и частично уничтожено Вашингтонское соглашение относительно Китая, и весь ход мирового экономического кризиса, неравномерность развития различных империалистических стран, уже начавшаяся экономическая война между империалистическими странами со всей ясностью и очевидностью говорят о том, что проблема нового передела мира поставлена.

Второй вопрос — обозначает ли обострение империалистических противоречий уменьшение или смягчение опасности интервенции в СССР? На этот вопрос XII пленум дал совершенно ясный и отчетливый ответ. Обострение империалистических противоречий обозначает не уменьшение опасности интервенции, а наоборот, ее увеличение, ибо обострение империалистических противоречий может привести к временному соглашению по меньшей мере целой группы империалистических стран для проведения интервенции в СССР. Чем более обостряются империалистические противоречия, тем более усиливается и тенденция разрешить эти противоречия за счет СССР.

Наконец решения XII пленума по вопросу о войне дают ясный ответ на вопрос о том, каковы взаимоотношения между войной и революцией. Во время VI конгресса т. Бухарин и его сторонники, как известно, считали, что общая тенденция развития ведет к обострению внешних противоречий. Тем самым они выдвигали перспективу войны и интервенции, из которых впоследствии вырастает революция.

XII пленум в своих решениях отвергает подобную установку и ставит вопрос именно о том, что коммунистические партии должны не только бороться против империалистической войны. Есть возможность, и реализация этой возможности зависит в значительной мере и от коммунистических партий, чтобы революция, свержение капитализма опередили войну. Это конечно не значит, что победоносная революция в той или иной стране не будет вынуждена сталкиваться с империалистической интервенцией, что из революции не вырастают потом война и интервенция. XII пленум именно поэтому говорит в своих решениях о приближении нового тура революций и войн. Тов. Ленин в своем докладе по пересмотру партийной программы подчеркивал уже необходимость для марксистов считаться с тем, что содержанием нынешней эпохи будут войны — империалистические и гражданские, переплетение обеих — национально-освободительные войны, катастрофы, крахи, массовое военное насильственное разрешение кризисов. Решения XII пленума в этом смысле и говорят о переходе к новому туру революций и войн.

* * *

Период перехода от конца относительной стабилизации к новому туру революций и войн иначе ставит во многих отношениях и проблему фашизма. Разумеется, XII пленум предупредил о том, что нельзя смешивать фашизм и социал-фашизм, указывая не только общее в фашизме и социал-фашизме, но подчеркивая и их различие. Но основное в тезисах XII пленума — это разработка функциональной роли фашизма и социал-фашизма как орудия в руках буржуазии в борьбе против пролетариата в период перехода от конца капиталистической стабилизации к новому туру революций и войн. При этом XII пленум особенно подчеркивал огромное значение борьбы против национализма, который вырастает в области экономической из вынужденного стремления к автаркии, поскольку речь идет о ввозе товаров, и из стремления к максимальному империалистическому захвату, поскольку речь идет о завоевании новых рынков, новых источников сырья, новых хозяйственных территорий.

В то же время истоком национализма является именно переходный характер нынешнего этапа, его переход к новым империалистическим войнам. Но нарастание национализма и усиление национальной демагогии фашизма отнюдь не означают, что фашизм отказывается от социальной демагогии. Наоборот, и в Германии, и в Италии, и в целом ряде других стран мы видим, как фашистские партии усиливают свою социальную демагогию, пытаясь перехватить нарастание антикапиталистических настроений масс, возникших на почве обострения мирового экономического кризиса. В то же время все больше и явственнее обнаруживается, что фашизм является оружием не только в руках буржуазии как класса в целом, но также оружием в руках финансовой олигархии в различных странах. По мере того как все больше обнаруживается, что социал-демократия уже теряет влияние на рабочий класс, что в решающий момент классовых битв, как это показали события в Бельгии, Англии, Швейцарии и тем более в Германии, социал-демократическое руководство может очутиться за бортом и потерять непосредственное влияние на ход событий — именно в острейшие моменты, — буржуазия усиливает фашизм, применяет наиболее оголтелые, наиболее открытые, наиболее жестокие фашистские формы своей диктатуры. На этой почве усиливаются и обостряются все разновидности буржуазной диктатуры во всех капиталистических странах. На этой почве усиливается фашизм в целом ряде капиталистических стран, причем буржуазия отнюдь не отказывается от использования социал-демократии. Но в то же время в странах, в которых мировой экономический кризис застал фашизм у власти, мы наблюдаем процесс разложения этой фашистской диктатуры, как это имеет место в Румынии, Польше, Югославии и очевидно в Италии.

Не только революционное рабочее движение, но и фашизм показывают новые особенности соответственно переходу от конца капиталистической стабилизации к новому туру революций и войн. В этой обстановке, само собой разумеется, обнаруживаются новые черты в облике социал-демократии в области теории и в особенности в области практики. Суживание базиса рабочей аристократии заставляет социал-фашизм проделывать целый ряд весьма далеко идущих маневров. Как социал-фашизм совершил переход от теории хозяйственной демократии через теорию «госкапитализма» к выдвижению лозунга социализма, так и тактика социал-демократии в своей практической деятельности охватывает весьма широкий диапазон от явного и открытого штрейкбрехерства через возглавление отдельных экономических стачек, вплоть до об'явления всеобщей стачки, как это имело место в Польше, в Греции и в Венгрии, и обратно — от об'явления всеобщей стачки

вплоть до явного и открытого штрейкбрехерства. Социал-фашистские лидеры пытаются выступить в роли борцов за экономические требования рабочего класса, борцов против фашизма и реакции, но они не брезгают выступать и против империалистической войны и, как показывает цюрихская резолюция, они не отказываются выступать даже с лозунгом защиты СССР. Вандервельде под давлением стачки горняков и металлистов говорит об отказе от коалиции с буржуазными партиями. Вельс выступает с тезисом, что Германия созрела для немедленного введения социализма, причем введение социализма господин Вельс очевидно ожидает от правительства Папена или Шлейхера; австромарксисты во главе с Бауэром выступают с «признанием» успехов социалистического строительства в СССР; самые прожженные социал-фашисты выступают с предложениями о создании единого фронта в борьбе против империалистической войны и за защиту СССР; секретарь II интернационала Адлер выступает с большой программной речью о том, что социал-демократия должна поставить вопрос о борьбе за власть; английские независимцы разрабатывают программу социалистической перестройки империалистической Англии. Все эти факты, вместе взятые, показывают конечно не то, что существо социал-демократии меняется. Они говорят о глубине брожения в массах самих социал-демократических рабочих. Они показывают, что социал-демократическое руководство предпринимают далеко идущие левые маневры, сочетая эти левые маневры со штрейкбрехерством — как во время стачки немецких транспортников, с открытой капитуляцией перед фашистской диктатурой — как 20/7 в Пруссии, с сотрудничеством с фашистскими диктаторами — как германские профсоюзы с правительством Шлейхера, — с самой ожесточенной борьбой против революционного рабочего движения.

XII пленум потребовал от всех коммунистических партий конкретного учета всей сложности маневров социал-демократии и конкретной борьбы за разоблачение этих маневров, за высвобождение социал-демократических рабочих из-под влияния социал-фашистских лидеров.

Социал-демократия осталась и остается главной социальной опорой буржуазии, но суживание социального базиса социал-фашизма обозначает не ограничение, не суживание маневров социал-демократии, а наоборот, весьма широкий диапазон этих маневров.

* * *

Эти основные установки XII пленума и оценка нынешнего этапа как перехода от конца капиталистической стабилизации к новому туру революций и войн определяют и стратегию и тактику коммунистических партий, их конкретные задачи в каждой отдельной стране соответственно конкретным условиям данной страны. Вся стратегия и тактика коммунистических партий должны учесть именно переходный характер данного этапа, а переход от конца капиталистической стабилизации к новому туру революций и войн означает, что ситуация в решающих странах чревата крупнейшими, острейшими переломами, поворотами, переворотами, взрывами, классовыми столкновениями. Изменения в тактике классового врага могут последовать быстро одно за другим, чрезвычайно быстро может наступить смена ситуации и тем самым и смена лозунгов его, тактики и текущих задач.

Именно переходный характер данного этапа определяет резкие колебания промежуточных слоев. Именно этим об'ясняется, что целые пласты рабочих могут с внезапной быстротой присоединиться к коммунизму, отпадая от социал-демократии и других антибольшевистских течений. Даже

из отдельных случайных местных конфликтов могут вырастать конфликты, столкновения общенационального значения. Из отдельных местных, случайных по видимости конфликтов могут вырасти крупнейшие столкновения классов. Из переходного характера данного этапа вытекает и быстрая смена тактики врага. Даже в лагере буржуазии положение может чрезвычайно быстро меняться, даже в лагере классового врага могут произойти чрезвычайно быстро перегруппировки сил, сопровождаемые трениями, раздорами, конфликтами в лагере господствующего класса. В международной обстановке в целом и в международном положении отдельных стран может наступить чрезвычайно острая быстрая перемена, ибо вся международная обстановка чревата крупнейшими столкновениями между государствами.

Стратегия и тактика коммунистических партий должны прежде всего учесть это обстоятельство. Но необходимо учесть также и то, что секции Коммунистического интернационала еще не завоевали большинства рабочего класса в решающих капиталистических странах. Коммунизм повидимому завоевал большинство рабочего класса и значительные массы крестьянства в Болгарии. Коммунизм завоевал большинство рабочего класса в Греции. Но эти страны не решающие. Не подлежит ни малейшему сомнению, что коммунизм имеет за собой большинство рабочего класса в Китае, в широчайших слоях бедняцких и середняцких крестьянских масс. Именно этим об'ясняется огромная победа советской революции в Китае, именно этим об'ясняется, что развитие советской революции в Китае дало всемирно историческую проверку ленинизма в крупнейшей полуколониальной стране мира.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что в Германии и очевидно в Польше коммунизм вплотную подошел к завоеванию большинства рабочего класса, но эту проблему мы еще не можем считать вполне решенной. Зато в ведущих империалистических странах, как САСШ, Англия, Франция, коммунисты не только еще не завоевали большинства, но социал-демократия в Англии, во Франции, в Бельгии, Голландии имеет еще, если и уменьшающееся, то все еще большое влияние на огромные рабочие массы.

Однако кризис, крупнейшие столкновения классов могут наступить и в этих странах, и коммунисты должны итти там в бой до того, как они завоевали большинство рабочего класса.

В этой же связи стоит проблема о командных позициях в самом рабочем движении. Эта проблема чрезвычайно остро стоит даже в Германии. Работа на предприятиях — значит завоевание большинства занятых рабочих; работа в профсоюзах — значит завоевание большинства организованных рабочих; работа среди безработных — значит завоевание большинства безработных; работа во всех массовых организациях пролетариата — значит задача создания приводных ремней к массам. XII пленум посвятил этим проблемам отдельную резолюцию об уроках экономических стачек и борьбе безработных.

Все эти обстоятельства, вместе взятые, предопределяют, что стратегия и тактика коммунистических партий должны заключаться в сочетании массовой работы во всех ее видах и формах с революционной боевой готовностью. Именно на это указывают решения XII пленума, подчеркивая, что «конец капиталистической стабилизации, быстрое нарастание предпосылок революционного кризиса в ряде капиталистических стран и вся новая международная обстановка ставят во всей остроте вопрос о выполнении основных в настоящее время задач коммунистических партий: подготовка рабочего класса и эксплоатируемых масс в ходе экономической и политической борьбы к предстоящим боям за власть, за диктатуру пролетариата. Именно потому, что сроки до созревания революционного кризиса коротки, необходимо, не теряя ни одной минуты, усилить и ускорить большевистскую мас-

совую работу по завоеванию большинства рабочего класса, по повышению революционной активности рабочего класса».

Экономические и политические стачки, все виды и формы массовой работы, массовые политические стачки, всеобщая политическая стачка, организация которой в Польше и Германии является уже непосредственной задачей коммунистов, являются теми рычагами, посредством которых коммунистическая партия должна подвести рабочие массы к решающим позициям для борьбы за власть, за диктатуру пролетариата.

Для осуществления этой задачи XII пленум выдвинул большевистское применение тактики единого фронта снизу как решающего тактического звена, за которое надо уцепиться. Не блоки с лидерами социал-демократических партий, реформистскими профсоюзами, как это предлагает Брандлер и троцкисты, не блоки с национал-реформистскими партиями в колониальных странах, как это предлагает Рой, а действительное большевистское применение тактики единого фронта снизу — вот то главное звено, на которое указывал XII пленум.

Из этого же вытекает задача самой усиленной массовой работы в реформистских профсоюзах, задача укрепления революционной профоппозиции и задача укрепления красных профсоюзов.

В применении к условиям колониальных стран тактика единого фронта снизу означает не блоки с национал-реформистскими партиями, а завоевание масс, находящихся еще под влиянием национал-реформистов в ходе антиимпериалистической борьбы, высвобождение этих масс из-под влияния национал-реформистских лидеров.

Тактика единого фронта снизу должна стать путеводной нитью во всей работе коммунистических партий.

Противопоставление массовой работы высшей революционной боевой готовности, как и противопоставление высшей боевой готовности массовой работе одинаково недопустимы. Коммунисты должны показать свою большевистскую закалку в будни и в великие дни, на кропотливой, черной массовой работе, на стачках, демонстрациях, в вооруженных столкновениях точно так же, как и в вооруженном восстании, в непосредственной борьбе за власть. Именно из этого же вытекает необходимость борьбы на два фронта. Левое доктринерство, сектантство срывают массовую работу, правый оппортунизм теряет перспективу нового тура революций и войн.

Одно отклонение от ленинизма питает другое, «левый» оппортунизм рождает правый, а правый оппортунизм рождает «левое» сектантство и доктринерство. Но именно переход от конца относительной стабилизации к новому туру революций и войн обуславливает, что правая опасность остается главной на данном этапе развития.

* * *

Основное в решениях пленума заключается в установке на то, что в настоящее время происходит переход от конца капиталистической стабилизации ко второму туру революций и войн.

В результате первого тура войн и революций пролетарская диктатура победила на одной шестой части земного шара, а в остальном мире буржуазия отразила революционный натиск масс потому, что на Западе и на Востоке не было закаленных коммунистических партий, потому, что СССР тогда еще должен был отстаивать свое существование в борьбе с интервенцией 14 стран, потому, что в империалистических странах II интернационал был еще силен, потому, что в колониальных странах национал-реформизм имел еще огромное влияние на массы.

Теперь мы идем навстречу второму туру революций и войн. СССР вырос, укрепился и стал могущественным базисом мировой пролетарской революции. В целом ряде империалистических стран II интернационалу и секциям его нанесен тяжелый удар. В колониальных странах нанесены жестокие удары влиянию национал-реформистских партий на массы. Мировая партия ленинизма, Коммунистический интернационал, имеет уже в 64 странах мира организованные, закаленные в боях, воспитанные в духе ленинизма секции. Вся международная обстановка изменилась в пользу социализма, в пользу пролетариата, в пользу лагеря мировой пролетарской революции, и революционный под'ем масс является в настоящее время более всеобщим, а в отдельных странах более высоким, чем во время первого тура войн и революций. Это определяет перспективы второго тура революций и войн. Эти перспективы не радужны с точки зрения международной буржуазии и ее социал-демократической агентуры. А коммунистический авангард идет навстречу новому туру революций и войн с уверенностью, что будущее принадлежит коммунизму.

Октябрь и исторический материализм*)

И. Разумовский

I

«История человечества проделывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необ'ятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное значение» — писал Ленин вскоре после Октябрьского переворота 1917 г.:

«России пришлось особенно отчетливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции. Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в несколько месяцев прошли ряд этапов соглашательства с буржуазией, изживания мелкобуржуазных иллюзий, на что другие страны тратили десятилетия. Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистическим хищникам всех стран» [1]).

В противоположность правооппортунистическим нытикам и маловерам, приходившим в отчаяние от временных поражений в пору Брестского мира, в противоположность «левым» фразерам и авантюристам, искавшим спасения в «революционной» фразе, гениальный вождь и учитель коммунизма выдвигал тогда действительные пути и средства для превращения убогой и бессильной Руси в «действительно могучую и обильную Русь».

Страна советов, говорил Ленин, «станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно только на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили. Итти вперед по этому пути, не падая духом от поражений, собирать

*) Статья представляет собой первые главы брошюры того же заглавия, выпускаемой Партиздатом.

[1]) Ленин, Главная задача наших дней, т. XV, стр. 164—165. Разрядка моя.—И. Р. (Всюду цитировано по первому изданию).

камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов,— таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической» [1]).

После того как Лениным были написаны эти пророческие слова, Стране советов пришлось пережить полосу ожесточенной гражданской войны; она прошла через годы труднейшей школы строительства социализма; следуя заветам Ленина, она заложила прочный экономический фундамент социалистического общества. Протекшие 15 лет, увеличив новыми победами список величайших, неожиданно быстрых и неожиданно смелых завоеваний Октября, возвещенных Лениным, только сильнее еще подчеркнули всемирно-историческое, всемирно-свободительное значение Октябрьской революции.

Это величайшее значение Октября не сумели и не пожелали теоретически осознать социал-демократические филистеры из II интернационала. «Они все называют себя марксистами, — писал о них Ленин, — но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики» [2]).

Огромные победы пролетарской революции в такой экономически относительно отсталой стране, какою была царская Россия, представлялись им явным нарушением исторической закономерности, не вязались в их понимании с основными положениями марксизма, с его исторической теорией.

«Во имя исторического материализма» Каутские и Сухановы с пеной у рта доказывали, что Россия «еще не доросла до социализма», что она «не достигла еще такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». Они видели в Октябрьской революции «бунт» голодной и темной черни, спровоцированной коварными большевиками.

Им вторил Троцкий со своей теорией «перманентной революции», отказывавшийся верить в возможность построить социализм в одной стране, считавший невозможным для социалистической России «устоять перед лицом капиталистической Европы». И этот же знакомый социал-фашистский мотив подхватили в дальнейшем теоретики правого оппортунизма, испугавшиеся трудностей и решительных темпов социалистического преобразования нашей отсталой экономики.

Между тем успехи Октябрьской революции, равно как и все будущие победы мировой пролетарской революции, не были бы возможны без самой прочной базы марксистской теории, освещенной новым опытом рабочих масс и помогшей большевистской партии осознать историческую закономерность происходящего, выявить пути завоевания и закрепления победы.

Теория, формулирует т. Сталин, «может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она и только она может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий».

Эту исключительно важную роль сыграла историческая теория марксизма в период событий».

---

[1]) Ленин, Главная задача наших дней, т. XV, стр. 165—166.
[2]) Ленин, О нашей революции, т. XVIII, ч. 2-я, стр. 109.

«Теория марксизма, — говорит об этом Ленин, — освещенная ярким светом нового всемирно-богатого опыта революционных рабочих, помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира яснее сознать цели своей борьбы, тверже итти по наметившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и закреплять победу»[1]).

Единство теории и революционной практики — важнейший критерий верного и действенного понимания марксистского учения. Октябрьская революция явилась величайшей проверкой и подтверждением правильности подлинной исторической теории марксизма, величайшим торжеством его революционной материалистической диалектики, примененной к истории, — исторического материализма Маркса и Ленина.

Но победы Октября послужили вместе с тем новым всемирно историческим опытом рабочего класса, который осветил новым светом марксистскую историческую теорию, который позволил поднять эту теорию на новую высоту. Октябрьская революция и дальнейшее строительство социализма в нашей стране послужили гигантским прожектором, наиболее глубоко осветившим весь мировой исторический процесс и законы его развития. Они дали сильнейший толчок дальнейшему развитию нашего понимания исторической теории Маркса и Ленина во всех ее многообразных сторонах и категориях: нашему пониманию экономических предпосылок общественного развития, теории классов и классовой борьбы, ее политических форм, роли идеологии, строительства, культуры и т. д.

Филистерам, знакомившимся с исторической теорией Маркса по учебнику Каутского, социал-демократическим теоретикам, по выражению Ленина, созерцающим лишь «заднюю экономического процесса», в корне осталось чуждым это диалектическое понимание исключительного теоретического значения революционной практики Октября.

Троцкисты и правые оппортунисты также не поняли главного и решающего в марксизме — его революционной диалектики; их догматический «марксизм» также оказался величайшей насмешкой над подлинным творческим революционным учением Маркса и Ленина.

«Кто не понял этой диалектики исторических процессов — тот погиб для марксизма». В этой классической формуле т. Сталин подытожил на XVI партс'езде важнейший урок всех теоретических дискуссий последних лет.

II

В своих знаменитых заметках «О нашей революции», посвященных критике записок меньшевика Суханова, Ленин высмеивает пустой педантизм теоретиков II интернационала, их «рабскую подражательность прошлому».

По словам Ленина, «они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот, они не могут себе представить, что этот путь не может быть считаем образцовым иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения всемирной истории).

Первое — революция, связанная с первой всемирной империалистической войной. В такой революции должны были

[1]) Ленин, Завоеванное и записанное, т. XVI, стр. 55. Разрядка моя.—И. Р.

сказаться новые черты, или видоизмененные, в зависимости, именно, от войны... Второе — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным...»

«Ну, а что,— спрашивал Ленин,— если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся, и частично уже начавшихся, революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?

Что если полная безвыходность положения, удесятеряя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех отсталых западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?» [1]).

Конкретизируя и развивая далее эти мысли Ленина и подчеркивая все своеобразие внутренних и внешних условий, вызвавших Октябрьскую революцию, т. Сталин отмечает в частности две особенности этой революции, позволяющие одновременно уяснить ее внутренний смысл и ее историческое значение.

«Это, во-первых, тот факт, что диктатура пролетариата родилась у нас, как власть, возникшая на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства, при руководстве последними со стороны пролетариата. Это, во-вторых, тот факт, что диктатура пролетариата утвердилась у нас, как результат победы социализма в одной стране, капиталистически мало развитой, при сохранении капитализма в других странах, капиталистически более развитых» [2]).

Но эти две особенности Октябрьской революции не нужно представлять себе как чисто «русское» явление, имеющее отношение лишь к российской действительности. Тут же т. Сталин подчеркивает интернациональную природу Октябрьской революции, то обстоятельство, что «эта революция является классическим проведением ленинской теории диктатуры пролетариата» [3]).

Указания Ленина и Сталина имеют исключительно важное значение для правильного понимания исторического метода марксизма - ленинизма. Ленин и Сталин учат нас подлинно марксистскому, диалектическому подходу к за-

---

[1]) Ленин, О нашей революции, т. XVIII, ч. 2-я, стр. 109—111. Разрядка моя.—И. Р.

[2]) Сталин, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. «Вопросы ленинизма», изд. 1932 г., стр. 78.

[3]) Там же, стр. 80.

кономерности исторических явлений; они раскрывают нам в Октябрьской революции единство общего и особого, — единство «общей закономерности развития всемирной истории» и «отдельных полос» этого развития, представляющих «своеобразие либо формы, либо порядка этого развития» (Ленин). В этом отношении пути развития Октябрьской революции представляют собой величайшую проверку и точнейшее подтверждение марксистско-ленинского учения о развитии общественно-экономических формаций.

Для буржуазной общественно - исторической науки истинным камнем преткновения является вопрос об общих законах исторического развития и об индивидуальных особенностях каждого единичного исторического события. Буржуазная наука об обществе, социология, стремится установить некоторые общие законы, годные для всякого человеческого общества, для обществ «вообще». При этом, не понимая качественных особенностей общественной жизни, буржуазная социология то уподобляет человеческое общество физическим телам с их законами «притяжения» и «отталкивания» и т. п., то сравнивает общество с животными или растительными организмами, то наконец выводит свои общие «законы» и особенности душевной жизни отдельного человека из развития человеческого духа и т. д.

Подходя таким механистическим или идеалистическим путем к человеческому обществу, буржуазная социология естественно не может выяснить никаких действительных законов его развития. Вместо этого она в устанавливаемых ею «законах» лишь отвечает классовым интересам буржуазии, превращая в вечные законы и в основные элементы всякого общества законы и отношения капиталистического классового общества: например об'являются вечными и необходимыми частная собственность, буржуазное государство и т. д.

С такой буржуазной точки зрения вообще не может быть и речи о какой-либо общественной революции. Можно говорить лишь о медленной эволюции, о спокойном прогрессе буржуазного общества, о некоторых улучшениях и исправлениях присущих ему недостатков. Причем однако эти реформы не могут и не должны коренным образом изменять «идеальные» и «закономерные» основы капиталистического «порядка».

Меньшевистский «марксизм» недалеко ушел от такого взгляда буржуазной социологии. Каутские и Сухановы полагают, что можно составить учебник, в котором раз навсегда предусмотреть все формы развития дальнейшей мировой истории. Исторический, определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе они, как указывает Ленин, считают образцовым и обязательным для всех стран, совершенно не желая видеть своеобразий, вносимых эпохой империализма. Замена капитализма социализмом, говорят они в согласии с той же «общей схемой», возможна лишь в тех передовых, экономически развитых странах, где имеются все об'ективные для этого предпосылки, т. е. высокое развитие производительных сил, основные предпосылки цивилизации и определенный уровень культуры, богатый опыт развития демократии. Самая пролетарская революция представляется международному меньшевизму возможной лишь как результат мирного эволюционного развития через «демократию», через завоевание большинства голосов в буржуазном парламенте.

Неудивительно, что Октябрьская революция, происшедшая в экономически отсталой и некультурной России, показалась социал-демократическим теоретикам явным нарушением всех исторических законов. Октябрь предстал перед ними как своего рода выпадение из общей линии развития мировой истории.

Имеется однако еще одно направление в буржуазной исторической науке. Буржуазная наука опасается того, что, рассуждая о каких бы то ни было законах общественного развития, революционная мысль может рано или поздно притти к мысли о закономерности гибели капитализма. Последователи знаменитого философа - идеалиста Канта, среди них крупнейшие буржуазные ученые, историки и философы, предпочитают вовсе отрицать наличие каких-либо законов в человеческой истории. Каждое историческое событие, говорят они, настолько индивидуально, обладает каждый раз такими неповторимыми особенностями, что мы не можем обобщать столь различные исторические явления: стало быть нельзя говорить о законах истории. Единственное, что возможно,—это стремиться найти в истории людей осуществление высших целей, высших нравственных ценностей и «идеалов».

Получается, в переводе на более простой язык политической практики, что если взять такое историческое событие, как Октябрьская революция, то эта революция настолько «индивидуальна», имеет столько специфически «русских», «азиатских» особенностей, что ее можно рассматривать лишь как исключение, а не как правило; из нее, выходит, нельзя сделать никаких общих выводов относительно развития пролетарской революции в других капиталистических странах...

Выходит,—с какой бы из этих обеих буржуазных точек зрения мы ни рассматривали Октябрьскую революцию,—что наша революция не содержит в себе ровно ничего исторически необходимого и закономерного, что диктатура пролетариата у нас—историческая «случайность», бессмысленная попытка большевиков, внутренний крах которой рано или поздно неизбежен или которая будет ликвидирована силами буржуазной интервенции.

Сразу бросается в глаза весь буржуазно-партийный характер и «социологии» и исторической «науки», а заодно и всего социал-фашистского «марксизма», который позволяет притти к подобным заключениям.

Исторический материализм открыто говорит о своей партийной сущности и о своей роли в классовой борьбе пролетариата. Исторический материализм вскрывает всю антинаучность этих буржуазных теорий, всю смехотворность меньшевистских «общих» схем. Материалистическая диалектика не проводит разрыва между общими законами и своеобразными, особыми формами проявления этих законов в историческом развитии. Каждое историческое событие неповторимо в ряде присущих ему индивидуальных, особых, единичных черт и вместе с тем оно связано с другими историческими явлениями общими законами исторического развития. Но мы не могли бы говорить об историческом развитии, если бы эти общие законы истории не проявлялись на каждом новом этапе в особой, своеобразной, конкретной форме.

Маркс поэтому решительно протестовал против попыток превратить изложенный им в «Капитале» ход развития капитализма в общую схему, в своего рода историческую «отмычку», с которой можно подходить к любому явлению [1]).

Общая закономерность развития всемирной истории, как указывает Ленин, не исключает, а, напротив, предполагает своеобразие в форме или в порядке развития на отдельных его полосах и этапах. Октябрьская революция представляет собой качественное своеобразие, которое отличает эту революцию от предыдущего развития западноевропейских стран, но своеобразие Октябрьской революции «лежит по общей линии мирового развития».

[1]) Маркс, Письмо в редакцию «Отечественных записок».

Это правильное диалектическое понимание существа связи, имеющейся между общей линией исторического развития и его своеобразными формами и проявлениями, схвачено и отражено в основном понятии исторического материализма—в понятии общественно-экономической формации. Учение марксизма о процессе развития общественно-экономических формаций, примененное к русскому капитализму, позволило Ленину еще в его наиболее ранней работе «Что такое друзья народа» притти к мысли о неизбежности превращения буржуазно-демократической революции в России в революцию пролетарскую, коммунистическую. Это важнейшее положение ленинизма получило свое углубление и дальнейшее развитие на основании опыта революции 1905 г. и анализа Лениным империализма.

Развитие капиталистического способа производства, как показывает история, необходимо ведет на известном этапе к буржуазным революциям, устраняющим остатки феодальных отношений. Борьба с пережитками феодализма и расчистка путей капитализма — черта, общая для всех буржуазных революций. Однако имеются особые, своеобразные черты, отличающие буржуазно-демократические революции в капиталистически отсталых странах начала XX века от всех предыдущих буржуазных революций. Это своеобразие, лежащее однако на общей линии мирового развития, создается процессом развития капиталистической общественной формации, переходом капитализма в новейший, высший и последний — в империалистический этап своего развития.

«Империализм есть канун социалистической революции» (Ленин). В эпоху империализма завершается полнейшая материально-техническая подготовка социализма в недрах капиталистической формации. Дальнейшее развитие производительных сил требует революционного перехода к новому общественному, социалистическому укладу. Неравномерность капиталистического развития при империализме до крайности обостряет все его противоречия. Империализм в то же время связывает воедино экономику отдельных национальных хозяйств, превращая их в звенья одной цепи. Не только промышленно-развитые страны непосредственно стоят перед пролетарской революцией, но и капиталистически отсталые страны, вроде царской России, получают возможность иного перехода, — не следуя старому пути капиталистического развития,— к социализму. Это обстоятельство в корне изменяет всю постановку вопроса о тех самых об'ективных предпосылках пролетарской революции, о которых неустанно твердят теоретики меньшевизма.

«Теперь,— раз'ясняет это глубокое положение ленинизма т. Сталин,— нужно говорить о наличии об'ективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства как единого целого, причем наличие в составе этой системы некоторых стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, не может служить непреодолимым препятствием к революции, если система в целом, или, вернее, так как система в целом уже созрела для революции [1]).

Вот почему прорыв цепи империализма пролетарской революцией становится возможным не обязательно для капиталистически - передовых стран, но, наоборот, там, «где цепь империализма слабее» (Сталин).

Вот почему буржуазно-демократическая революция в промышленно отсталых странах, например в России, как указывает Ленин, граничащей с колониальным Востоком, может стать непосредственным прологом пролетарской революции. Вот почему в этих странах мы наблюдаем неизбежное

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 30, 1931 г.

перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Таков именно был путь развития революции в России от Февраля до Октября 1917 г.

В этом именно и заключается своеобразие Февральской буржуазно-демократической революции, отличающее ее от всех предыдущих буржуазных революций, в этом — своеобразие и Октябрьской пролетарской революции Буржуазно-демократическая революция в России, направленная против пережитков феодальных отношений, явилась революцией, непосредственно перерастающей в революцию социалистическую; социалистическая революция в России завершила попутно, мимоходом работу, начатую буржуазно-демократической революцией.

Теоретики международного меньшевизма, говорит Ленин, «не сумели понять такого соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски - социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удастся второй перерасти первую» [1]).

Из этого своеобразия в положении Октябрьской революции на путях развития всемирной истории проистекали те ее особенности, которые отмечали Ленин и Сталин. Из него вытекало, во-первых, классовое содержание Октябрьской революции, тот факт, что диктатура пролетариата возникла у нас «на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства» при руководстве последними со стороны пролетариата. Следствием того же всемирно исторического «места» Октябрьской революции было, во-вторых, то обстоятельство, что в ней получили видоизменение прежние характерные для эпохи промышленного капитализма форма и исторический порядок развития. Первый прорыв цепи империализма и победа социализма имели место в одной стране, капиталистически мало развитой сравнительно с другими странами, и нам пришлось «начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок» для определенного уровня культуры, а «потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы» [2]).

И тем не менее диалектика исторического развития в эпоху империализма такова, что эти своеобразные черты, эти особенности Октябрьской революции оказывались лежащими по общей линии мирового развития, что своеобразные черты, характерные для одного из звеньев империалистической цепи, приобретают общее значение для всех ее звеньев, для всей системы империализма.

«Не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции, — писал Ленин в «Детской болезни «левизны» в комунизме», — имеют международное значение, в смысле воздействия на все страны... Русский образец показывает всем странам кое-что весьма существенное из их неизбежного и недалекого будущего».

«Особенности Октябрьской революции имеют интернациональное значение, она является классическим образцом ленинской теории диктатуры пролетариата» (Сталин).

Это, как раз'ясняет т. Сталин, происходит потому, что основные взаимоотношения классов — буржуазии, пролетариата, трудящегося крестьянства, — выявившиеся в Октябрьскую революцию, только отражали в пределах одного «звена», бывшей России, приблизительно такие же классо-

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 366.
[2]) Ленин, О нашей революции, т. XVIII, стр. 111. Разрядка моя.—И. Р.

вые взаимоотношения во всей империалистической системе: отношения буржуазии, пролетариата, угнетаемых масс колоний и зависимых стран. Это классическое значение Октября об'ясняется и тем обстоятельством, что прорыв цепи империализма в ее отдельных звеньях—именно тех, где она слабее, например в странах Востока,—будет иметь место и в дальнейшем развитии мировой пролетарской революции, поскольку он вызывается законом неравномерного развития при империализме. Такое диалектическое понимание исторической роли и значения Октябрьской революции в корне противоположно взглядам Троцкого с его мертвой, пустой, перманентной «схемой» мировой революции как одновременного акта во всех странах, с его меньшевистским неверием в революционные возможности крестьянства и в революционные силы и способности пролетариата нашей страны, определяющие победу социализма.

«Борьба и только борьба решает», насколько удастся эта победа. Вот этого важнейшего «фактора» совершенно не учитывают оппортунистические «человеки в футлярах», болтающие о несоответствии нашей политической силы и наших экономических возможностей. «Тот, кто отворачивается от происходящей в России социалистической революции, указывая на явное несоответствие сил, тот, — издевался Ленин, — похож на застывшего человека в футляре, не видящего дальше своего носа, забывшего, что нет ни одного исторического переворота, сколько-нибудь крупного, без целого ряда случаев несоответственности сил. Силы растут в процессе борьбы, с ростом революции» [1]).

В другом месте, проводя линию борьбы на два фронта и справым и с «левым» прикрывающимся революционной фразой оппортунизмом, Ленин указывает на необходимость избегать двоякого рода ошибок: «С одной стороны, непоправимой ошибкой было бы об'явить, что раз признано несоответствие наших экономических «сил» и силы политической, то, «следовательно», не надо было брать власти. Так рассуждают «человеки в футлярах», забывающие, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии общества, как и в развитии природы, что только путем ряда попыток, из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием, — создается победоносный социализм из революционного сотрудничества пролетариев всех стран.

С другой стороны, явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь «яркой» революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы, революционную работу не способны» [2]).

Победа мировой революции неизбежна, но она приближается труднейшими переходами, крутыми изломами, сложнейшими путями. Развитие мировой революции неравномерно, как неравномерно и развитие капитализма.

Опыт Октября дает возможность делать вывод чрезвычайной важности для понимания путей всемирной истории, для предвидения дальнейших путей пролетарской революции.

«Всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями» [3]).

Или, как это четко сформулировал Ленин на III конгрессе Коминтерна: «Развитие международной революции, которую мы

[1]) Ленин, т. XV, стр. 307.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 211. Разрядка моя.—И. Р.
[3]) Ленин, т. XVI, стр. 184. Разрядка моя.—И. Р

предсказывали, идет вперед. Но это наступательное движение не только прямолинейное, как мы того ожидали». Необходимо «приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории» [1]). События последних лет в странах капитализма, охваченных мировым экономическим кризисом, нарастание революционного кризиса и в то же время труднейшие переходы и крутые изломы на пути революционного роста мирового пролетариата являются прекрасной иллюстрацией к этим словам Ленина.

III

Яркое подтверждение марксистско-ленинского понимания исторической закономерности, учения о развитии общественно - экономических формаций, Октябрьская революция явилась тем самым гениальной проверкой марксистско - ленинской теории классовой борьбы и истоком ее дальнейшего развития.

Общий ход развития мировой истории, на который так часто ссылаются меньшевистские теоретики, — пустая абстракция, если не выявлено его классовое содержание, если не выяснены «основные соотношения основных классов» (Ленин). Революция — высшая и решающая форма борьбы классов. «Всякая революция, если это настоящая революция, сводится к классовому сдвигу» — говорит Ленин. С этой классовой точки зрения необходимо оценить содержание Октябрьской революции, ее движущие силы, предпосылки и условия ее победы.

Основное классовое содержание Октябрьской пролетарской революции есть диктатура пролетариата. Ее классовые цели: 1) подавление сопротивления свергнутой буржуазии, 2) социалистическое перевоспитание непролетарских трудящихся масс и 3) полное уничтожение классов и, как говорит Ленин, организация социализма на развалинах капитализма.

«Пролетарская революция, ее движение, ее размах, ее достижения облекаются в плоть и кровь лишь через диктатуру пролетариата». Так ярко характеризует это классовое содержание революции т. Сталин. «Диктатура пролетариата есть орудие пролетарской революции, ее орган, ее важнейший опорный пункт, вызванный к жизни для того, чтобы, во-первых, подавить сопротивление свергнутых эксплоататоров и закрепить свои достижения, во-вторых, довести до конца пролетарскую революцию, довести революцию до полной победы социализма» [2]).

Именно поэтому т. Сталин видит в диктатуре пролетариата основной вопрос ленинизма, являющегося в свою очередь «теорией пролетарской революции вообще, теорией диктатуры пролетариата в особенности» (Сталин). Для того, чтобы правильно охарактеризовать классовую сущность Октябрьской революции и оценить происшедший в ней классовый сдвиг, мы должны исходить прежде всего из роли классового положения пролетариата — единственного класса, способного осуществить цели пролетарской революции.

Положение пролетариата в экономическом строе капитализма и в частности в экономике царской России; его отношение к другим классам; рост и развитие рабочего класса, создающего свою партию и выдвигающего свои классовые цели, его влияние на непролетарские трудящиеся массы — таковы были отправные классовые предпосылки и необходимые условия подготовки Октября.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 321—322.
[2]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 40, 1931 г.

Теоретики II интернационала много говорят о низком уровне производительных сил, об об'ективных «экономических предпосылках социализма, до которых якобы не «дозрела» Россия в Октябре 1917 года. Но никто из них не подумал о том, какое классовое содержание кроется за «экономическими предпосылками». Все они, точно сговорившись, забывают слова Маркса о том, что «величайшей производительной силой является сам революционный класс» [1]).

В противоположность всем этим извращениям марксистского учения о производительных силах Ленин вскрывает подлинную диалектику соотношения «экономических предпосылок» социализма и их классового содержания. Ленин показывает, что возможность перехода к социализму несомненно дается экономическим развитием, наличием известных материальных условий. Но реализуется и осуществляется эта возможность определенным классом, носителем этих материальных условий и их проводником — классом, представляющим более высокий тип общественной организации труда и поэтому единственно способным возглавить революционный сдвиг и довести революцию до победы социализма. Известная высота развития крупного капиталистического производства необходима для перехода к социализму. В противоположность т. Бухарину, полагавшему, что прорыв цепи империализма революцией должен происходить в наиболее слабом звене, Ленин указывал, что этот прорыв происходит в «средне-слабых» звеньях цепи. Однако эта необходимая для революции известная высота производительных сил находит свое конкретное выражение и проявление не только в определенных материально-технических условиях, но также и в революционном классе, в проводимом им новом типе дисциплины и общественной организации труда. Эти последние делают рабочий класс важнейшим представителем необходимого «уровня производительных сил».

«Пролетариат,— говорит Ленин,— представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом... Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся... Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добрых пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс—пролетариат». Способность осуществить цели пролетарской революции, замечает Ленин, «не дана сама собой, а вырастет исторически и вырастет только из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает в начале пути от капитализма к социализму только пролетариат» [2]).

Ленин показывает, какое конкретное классово-политическое выражение и какой классовый смысл получает эта «известная высота развития» капиталистического производства, необходимая для перехода к социализму.

Говоря о задачах пролетариата и революции, Ленин раз'ясняет: «Возможность всего этого дана, разумеется, лишь известной высотой капиталистического развития. Без этого основного условия не может быть ни выделения пролетариата в особый класс, ни успеха его длительной подготовки, воспитания, обучения, испытания в борьбе

[1]) Маркс, Нищета философии.
[2]) Ленин, т. XVI, стр. 248—250.

на долгих годах стачек, демонстраций, опозорения и изгнания оппортунистов. Без этого основного условия не может быть той экономической и политической роли центров, овладевая которыми, пролетариат овладевает всей государственной властью, или, вернее, ее жизненным нервом, сердцевиной, узлом. Без этого основного условия не может быть той родственности, близости, связи между положением пролетариата и положением непролетарских трудящихся масс, которые (родственность, близость, связь) необходимы для влияния пролетариата на эти массы, для успеха его воздействия на них» [1]).

Выделение пролетариата в особый класс; его политическая организация и укрепление в нем влияния единой, изгоняющей из своей среды оппортунистов революционной партии; сосредоточение рабочего класса в крупнейших центрах капитализма — таковы важнейшие предпосылки пролетарской революции. Они даны высотой экономического развития в подлинно марксистском, классовом его выражении. Но той же высотой производительных сил создается еще одно важнейшее условие — общность классовых интересов пролетариата и непролетарских трудящихся масс, предопределенная близостью их экономического положения при капитализме.

Ленин четко резюмирует эту подготовленную самим развитием капитализма, особо важную, качественную сторону классовой силы и классового влияния пролетариата: «Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат экономически и политически выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме».

Все эти важнейшие условия и классовые предпосылки пролетарской революции, лежащие однако «по общей линии мирового развития», получили свое полное и отчетливое выражение и свою историческую конкретизацию в процессе исторической подготовки нашего Октября. В целом ряде своих работ, начиная с «Друзей народа» и «Развития капитализма в России», Ленин прослеживает исторический процесс роста и особенности экономического положения и политической подготовки рабочего класса в бывшей царской России. Эти особенности характеризовали наличие определенно необходимого уровня экономического развития, были вернейшим симптомом последнего и в то же время они открывали перед Россией иные пути развития буржуазной революции, обуславливали неизбежность превращения буржуазно-демократической революции в России в революцию пролетарскую, обеспечивали гегемонию пролетариата в революции и представительство им действительных интересов огромного большинства трудящихся.

Важнейшей предпосылкой и основным моментом в исторической подготовке Октябрьской революции было упрочение в рабочем классе безраздельного руководства одной партии, большевистской партии, и изоляция соглашательских, оппортунистических партий эсеров и меньшевиков как наиболее опасной социальной опоры буржуазии в революционном движении. Вот как это сжато формулирует т. Сталин: «1) партия за весь период подготовки Октября неуклонно опиралась в своей борьбе на стихийный под'ем массового революционного движения; 2) опираясь на стихийный под'ем, она сохранила за собой безраздельное руководство движением; 3) такое руководство движением

[1]) Ленин, т. XVI, стр 450. Разрядка моя.—И. Р.

облегчало ей дело формирования массовой политической армии для Октябрьского восстания; 4) такая политика не могла не привести к тому, что вся подготовка Октября прошла под руководством одной партии, партии большевиков; 5) такая подготовка Октября, в свою очередь, привела к тому, что в результате Октябрьского восстания власть оказалась в руках одной партии, партии большевиков» [1]).

Ленин и Сталин далеко двинули вперед учение основоположников марксизма, изложенное ими еще в «Коммунистическом манифесте», о той важнейшей роли, которую может и должна сыграть революционная партия рабочего класса в историческом развитии классов и классовой борьбы. Партия вооружила рабочий класс могучим орудием теории, дав глубокое теоретическое обоснование стратегии и тактики пролетарской борьбы. Партия изолировала рабочий класс от влияния оппортунистических партий, разоблачая их на долгой школе политической борьбы и неустанной пропаганды путем правильного намечения основных стратегических линий борьбы и правильной смены тактических лозунгов. Но партия не могла бы достигнуть всех этих успехов, если бы она не опиралась на массовое стихийное движение революционных масс, если бы она не исходила из основных взаимоотношений основных классов.

Ленин характеризует следующим образом основные соотношения классов перед Октябрем:

«В 1904—1916 годах особенно рельефно обрисовалось соотношение классов в России за последние годы царизма. Горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II, была у власти, в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала, которым доставались неслыханные в Европе прибыли и в пользу которых заключались грабительские договоры внешней политики. Либеральная буржуазия, с кадетами во главе, была в оппозиции. Боясь народа больше, чем реакции, она пододвигалась к власти путем соглашательства с монархией. Народ, т. е. рабочие и крестьяне, с вожаками, загнанными в подполье, был революционным, представлял собою «революционную демократию», пролетарскую и мелкобуржуазную».

Февральская революция ставит у власти либеральную буржуазию, которая немедленно становится сплошь контрреволюционной. В «оппозиции» по отношению к ней оказывается мелкобуржуазная демократия, партия эсеров и меньшевиков. Но эта мелкобуржуазная демократия стремится отнюдь не к свержению буржуазии, но лишь к разделу власти с той же буржуазией. Соглашательство мелкобуржуазной демократии с буржуазией, с кадетами «также вызвано глубоким классовым родством мелких и крупных буржуа, как классовое родство капиталиста, с живущим в обстановке XX века помещиком заставляет их обниматься вокруг обожаемого монарха» [2]).

Соглашение с мелкобуржуазной демократией оставляет у власти контрреволюционную буржуазию и укрепляет ее власть, прикрытую обманчивой внешностью «коалиционного» правительства. В этой политике соглашений между буржуазией и мелкобуржуазными партиями эсеров и меньшевиков и в одновременном росте революционности трудящихся масс заключается главное классовое содержание всего хода развития революции за ряд месяцев после Февраля.

На известном этапе развития этой соглашательской политики и роста,

---

[1]) Сталин, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов, стр. 91.
[2]) Ленин, т. XIV, ч. 1-я, стр. 293—294.

с другой стороны, революционности пролетариата и крестьянства создается бонапартистское правительство Керенского.

«Основной исторический признак бонапартизма, — характеризует его Ленин,— лавирование, опирающееся на военщину (на худшие элементы войска), государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга», т. е. буржуазией и пролетариатом [1]).

Но политика мелкобуржуазного лавирования и соглашательства разоблачает себя уже в период июльских дней: временное равновесие классовых сил начинает все более нарушаться растущим революционным натиском народных масс. Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом обостряется до крайних пределов.

Революционное движение не ограничивается одним пролетариатом, оно захватывает самые широкие непролетарские трудящиеся массы. Одним из важнейших и ярких симптомов его явился рост крестьянской революции в деревне против устарелых аграрных отношений. Таким образом к Октябрю создаются все предпосылки революционной ситуации.

Достаточно широко известен «основной закон революции», установленный Лениным: «Для революции недостаточно, чтобы эксплоатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплоататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта установка выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплоатируемых и эксплоататоров затрагивающего) кризиса» [2]).

В другом месте, характеризуя соотношение классов и революционной ситуации применительно к Октябрьской революции, гениальный стратег пролетариата Ленин дает следующую глубокую характеристику условий, которые были необходимы для революционного классового сдвига в Октябре:

«Когда речь идет о практическом действии масс, о размещении — если позволительно так выразиться — миллионных армий, о расстановке всех классовых сил данного общества, для последнего и решительного боя... тут надо считать миллионами и десятками миллионов. Тут надо спросить себя не только о том, убедили ли мы авангарды революционного класса,—а еще и о том, размещены ли исторически действующие силы всех классов, обязательно всех без из'ятия классов данного общества, таким образом, чтобы решительное сражение было уже вполне назревшим,— таким образом, чтобы (1) все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам; чтобы (2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые промежуточные элементы, т. е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия, в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим фактическим банкротством; чтобы (3) в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззаветно смелых, революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела, вот тогда наша победа, если мы верно учли все намеченные

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 2-я, стр. 53.
[2]) Ленин, т. XVII, стр. 172.

выше, кратко обрисованные выше условия и верно выбрали момент, наша победа обеспечена» [1]).

Октябрьская революция была величайшим классовым сдвигом, изменением «основных взаимоотношений основных классов». Силы этих классов в момент решительного боя оказались уже исторически подготовленными и «размещенными» таким образом, что победа беззаветно смелых революционных действий пролетариата, правильно руководимого своей партией, была обеспечена. Классовый сдвиг мог произойти потому, что к Октябрю враждебные классы буржуазии и помещиков в значительной мере были обессилены и деморализованы, что мелкобуржуазные партии были полностью уже разоблачены своей соглашательской политикой, что в рабочем классе поднялось массовое революционное настроение, что крестьянская беднота и армия в своем огромном большинстве повернули от мелкобуржуазной демократии в сторону пролетариата и его партии. Иными словами, классовый сдвиг заключался в том, что основные эксплоатируемые классы, «низы», составляющие огромное б о л ь ш и н с т в о, что вся народная м а с с а освободилась от влияния буржуазии и мелкобуржуазных партий и во главе с пролетариатом проявила необычайную силу революционного натиска. Руководящей силой этого революционного натиска была единственная революционная партия, партия большевиков; его организационной формой послужили массовые организации трудящихся — с о в е т ы, именно поэтому превратившиеся в органы власти.

Перечисляя особенности тактики большевиков, явившиеся важнейшими условиями победы, т. Сталин поэтому называет в числе их: 1) безраздельное руководство о д н о й партии, партии коммунистов; 2) изоляцию с о г л а ш а т е л ь с к и х партий, отрыв от них ш и р о к и х м а с с т р у д я щ и х с я; 3) тактику превращения массовых организаций трудящихся — с о в е т о в — в органы государственной власти; 4) с о б с т в е н н ы й о п ы т м а с с, убедивший их в правильности лозунгов партии [2]).

Октябрьская революция победила не только потому, что за нее стояло большинство пролетариата, что действия пролетариата направляла и руководила им единственно революционная п а р т и я, вооруженная марксистской теорией. Это важное условие предопределялось другим не менее важным условием: Октябрьская революция была подлинной н а р о д н о й революцией, революцией самых широких м а с с. И в этом ее величайшее историческое значение, в этом залог ее победы.

«Вот этой диалектики,—говорит Ленин,— никогда не могли понять представители II интернационала: пролетариат не может победить, не завоевывая на свою сторону большинства населения» [3]). Но завоевание большинства протекает не в порядке голосования на выборах, но «путем свержения буржуазии, введения советской власти и р е в о л ю ц и о н н о г о удовлетворения за счет эксплоататоров экономических нужд большинства непролетарских трудящихся масс».

Этого обстоятельства совершенно не понял и Троцкий, по-меньшевистски презрительно отнесшийся к самому понятию народной революции, пытавшийся изобразить ход развития революции как дело небольшой группы «вождей».

Троцкий, болтавший о «политической армии» Октября, совершенно не понял того, из кого и каким путем, как постепенно формировалась эта «политическая армия». Он не понял, что лишь в х о д е с а м о й б о р ь б ы

[1]) Л е н и н, т. XVII, стр. 180.
[2]) С т а л и н, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов.
[3]) Ленин, т. XVI, стр. 450.

привлекая на свою сторону беднейшее крестьянство, нейтрализуя среднее крестьянство, наступая на кулачество, обеспечив за собой сочувствие самых широких масс и опираясь на собственный опыт этих масс, рабочий класс мог победить в Октябре.

Троцкистская «теория» получила впоследствии свое философское отражение и обоснование в меньшевиствующем идеализме — в положении, выдвинутом т. Каревым, о том, что для переходного периода «строго говоря, существует лишь один основной класс — пролетариат», который-де уничтожает и перерабатывает остальные классы [1]).

Непонимание условий силы пролетариата в Октябре рано обнаружили и теоретики правого оппортунизма. Так, т. Бухарин, (в «Экономике переходного периода») полагал, что основа социальной мощи пролетариата зависит лишь от его «организованности», на что Ленин отозвался следующей поправкой: «Надо бы добавить: 1) от численности, 2) от роли в экономике страны, 3) от связи с массой трудящихся, 4) от его организованности» [2]).

Ленин впоследствии раз'яснял эту диалектику классовой борьбы, это важнейшее стратегическое правило пролетарской революции западным товарищам:

«Понятие «массы» изменчиво — соответственно изменению характера борьбы... Если несколько тысяч беспартийных рабочих, обычно живущих обывательской жизнью и влачащих жалкое существование, никогда ничего не слыхавших о политике, начинают действовать революционно, то перед вами масса... Когда революция уже достаточно подготовлена, понятие «масса» становится другим: несколько тысяч рабочих более не составляют массы... Понятие массы изменяется в том смысле, что под ним разумеют большинство и притом не просто лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплоатируемых... для победы нужно сочувствие масс» [3]).

Анализируя данные о выборах в учредительное собрание, Ленин также отмечал следующие «условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армий, близких к центру. Но, говорит Ленин, эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство непролетарских трудящихся масс, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных партий. Главное именно в этом» [4]).

Октябрьская революция была подлинно народной революцией — революцией пролетариата, привлекшего на свою сторону огромные непролетарские трудящиеся массы, в первую голову деревенский полупролетариат — крестьянскую бедноту. Советы были такой формой массовой организации, которая лучше всего обеспечивала руководство пролетариата и его партии по отношению к непролетарским массам. Именно поэтому эксплоатируемые «низы» противопоставляли советы в качестве нового органа власти старой, разрушаемой ими, государственной машине.

Октябрьская революция разбила старую бюрократически-военную машину царизма, заменив ее новым типом государства, уже не являющимся государством в старом значении этого слова как орудия классовой эксплоа-

---

[1]) Карев, Октябрьская революция и исторический материализм, «ПЗМ», № 10—11, 1927 г.
[2]) Лен. сб. XI, стр. 391.
[3]) Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 309—310.
[4]) Ленин, т. XVI, стр. 447.

тации и классового угнетения большинства эксплоататорским меньшинством. Но самая необходимость разрушения старой государственной машины в Октябрьской революции вытекала не только из интересов самого пролетариата, утверждающего свою диктатуру, но также всецело определялась классовым положением и классовыми интересами огромного большинства трудящихся.

Маркс еще в 1871 г. высказал ту мысль, что «предварительным условием всякой действительно народной революции должно быть разрушение старой бюрократическо-военной государственной машины» [1]). Ленин развивает далее и углубляет эту мысль Маркса: «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковой, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса об'единены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплоатирует их. Разбить эту машину, сломать ее — таков действительный интерес «народа», — большинства его рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие свободного союза беднейших крестьян с пролетариями» [2]).

Это положение Маркса и Ленина имеет важное значение для понимания классовой, социальной сущности того революционного насилия, которое осуществляла Октябрьская революция в отношении капиталистов и помещиков и которое проводила и проводит диктатура пролетариата. Применение революционного воздействия на трудящиеся массы не должно и не может резко противопоставляться методу убеждения широких масс. Будучи правильно применено и направлено, революционное насилие является необходимым моментом в той школе собственного опыта, на котором широкие народные массы убеждаются в правильности политики партии.

В этом смысле революционное насилие, осуществленное Октябрьской революцией — разрушение старой государственной машины, вторжение в капиталистическую собственность, национализация земли, — имело огромное воспитательное воздействие, было революционной школой масс.

Это обстоятельство оказались совершенно не способны понять Каутские, стремившиеся составить мирный и спокойный «устав» развития пролетарской революции.

Вот почему обвинение большевиков в «разрушениях» и в «терроре» со стороны буржуазии и ее с.-д. приспешников обнаруживает или лицемерие или «тупое педантство, неспособность понять основные условия бешеной, обостренной до крайности классовой борьбы, которая называется революцией... Ибо в эпоху революции, — раз'яснял Ленин, — классовая борьба неминуемо и неизбежно принимала всегда и во всех странах форму гражданской войны, а гражданская война немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны» [3]).

Соглашательская и предательская политика мелкобуржуазных партий сделала невозможным мирный путь перехода власти к советам. Но большевики доказали самым широким народным массам, что эта возможность мирного пути была исключена благодаря предательству мелкобуржуазной демократии и росту контрреволюции. Созыв и последовавший разгон учредительного собрания точно так же имел значение школы революционного опыта, через которую прошли вместе с пролетариатом самые широкие непролетарские трудящиеся массы.

---

[1]) Маркс, Письмо к Кугельману от 12 апреля 1871 г.
[2]) Ленин, т. XIV, ч. 2-я, стр. 328.
[3]) Ленин, т. XV, стр. 409

Огромную роль в этой школе массового опыта сыграл беззаветный героизм пролетариата, его высокий моральный и политический авторитет в глазах самых широких масс трудящихся, авторитет класса, который выдвигает справедливые требования, который не только свергает эксплоататоров, но строит новую, более высокую общественную связь и дисциплину.

И в этом отношении Октябрьская революция далеко двинула вперед наше понимание исторического материализма. «Большевики, — говорит об этом Ленин, — т. е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необ'ятными трудящимися массами» [1]).

Основанием этого морального авторитета рабочего класса являются также те жертвы, которые он приносит во время революции непролетарским трудящимся массам, в первую голову трудящемуся крестьянству.

«Каждая революция, — говорил Ленин при переходе к новой экономической политике, — влечет за собой огромные жертвы для класса, который революцию производит... Положение рабочего класса чрезвычайно тяжелое... мы должны в интересах диктатуры рабочего класса сделать величайшее усилие, чтобы помочь крестьянству какой угодно ценой... Высший принцип диктатуры — это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть» [2]).

* * *

Октябрьская революция явилась генеральной проверкой и величайшим торжеством исторической теории Маркса, Энгельса и Ленина. Она подняла исторический материализм на новую высоту. Она подтвердила всю правильность и глубину марксистско-ленинского учения о развитии общественно-экономических формаций — учения, которое требовало от исторической теории внимания как к общей линии развития мировой истории, так и к своеобразию отдельных полос этого развития. Октябрь был высшей и решающей формой классовой борьбы пролетариата: практика Октября далеко двинула вперед развитие марксистско-ленинского учения о классах и государстве, об исторической роли пролетариата, об его отношении к непролетарским трудящимся массам.

Но Октябрь был лишь началом той величайшей революции, которая осуществляется всем строительством социализма в нашей стране, которая ведет к уничтожению классов и построению нового социалистического общества, которая создает предпосылки мировой революции.

Продолжение и дальнейшее развитие начатой Октябрем социалистической революции заставило по-новому поставить все решительно вопросы исторического материализма: о новых путях и закономерностях экономического развития, о переходе к новой общественной формации, о производительных силах и производственных отношениях социализма, о соотношении экономики и политики, базиса и надстройки в развитии социалистической экономики, о классах и государстве переходного периода, об уничтожении классов и отмирании государства, о строительстве новой культуры.

Их ставит, их выдвигает наша партия в решительной борьбе со всеми видами оппортунизма, их разрешает на основе единства теории и револю-

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 2-я, стр. 252.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 329—331.

ционной практики виднейший теоретический центр — ЦК нашей партии, руководимый т. Сталиным. Октябрьской революцией был крепко завязан узел, связывающий в неразрывном единстве развитие марксистской теории с практикой социалистического строительства.

Октябрьская революция, условия ее исторической подготовки, доведение революции до конца в социалистическом строительстве — таково важнейшее содержание нового этапа, ленинского этапа в развитии исторического материализма.

Каждый новый победный этап в развитии социалистического общества поднимает исторический материализм на более высокую ступень. Каждое новое завоевание Октябрьской революции, доводимой рабочим классом и его партией в Стране советов до полной победы социализма, в то же время наполняет революционной решимостью сердца пролетариата всего мира, обеспечивает их поддержку Советскому союзу, превращает нашу страну в базу дальнейшего развертывания мировой пролетарской революции.

К итогам успехов естествознания в СССР за 15 лет

А. Максимов

Прошло пятнадцать лет после октября семнадцатого года, пятнадцать лет борьбы с враждебными пролетариату классами, преодоления трудностей, невиданных успехов в строительстве социализма. Проделан исторический путь от царской России до завершения фундамента социалистической экономики, до вступления в период социализма, завершения первой пятилетки в четыре года и вступления в преддверие второй, ставящей себе задачу окончательного изжития пережитков капитализма в экономике и сознании людей.

Этот истекший период невиданной ломки, борьбы, успехов не мог не сказаться и на такой области, как естествознание. Положение науки в СССР к пятнадцатилетию Октябрьской революции так же резко отличается от того, чем была наука в царской России, как сама царская Россия от СССР.

Какой путь проделало естествознание и каких успехов оно достигло за 15 лет?

Царизм не ценил и не жаловал естествознания, как и науки вообще. Более того—естествознание в условиях царизма было символом если не крамолы вообще, то во всяком случае враждебной военно-феодально-помещичьему режиму идеологии, синонимом материализма, врагом религии и церкви. Это об'ясняется тем, что естественно-научные и технические учебные заведения, профессура и учащиеся в них наиболее тесно были связаны с промышленной и торговой буржуазией, находившейся в оппозиции к царизму. Ленин в статье «Перлы народнического прожектерства» [1]), разбирая вопрос о классовой и сословной школе, приводит, например для 1892 г., следующие цифры о сословном распределении учащихся в средних учебных заведениях.

	В гимназиях и прогимназиях М. Н. П.	В реальных училищах.
Дворян и чиновников	56,2	38.0
Духовенства	3,9	0,9
Городских сословий	31,3	43.0
Сельских »	5,9	12,7
Иностранцев	1,9	5,4

Из этой таблицы видно, что в то время как гимназии обслуживали по преимуществу дворянство и чиновничество, реальные училища были школой по преимуществу буржуазии.

И несмотря на то, что как в среднеучебных заведениях, обслуживавших по преимуществу буржуазию (реальные и коммерческие училища), так

---

[1]) Собр. соч., изд. 1-е, т. II, стр. 281.

и в высших учебных заведениях (особенно технических) преподавание вообще и естественных наук в особенности стояло значительно выше, чем в учебных заведениях, обслуживавших по преимуществу класс помещиков (лицеи, высшие учебные заведения, институты благородных девиц, а также частью университеты), эти учебные заведения буржуазии, учащиеся и преподаватели в них были ограничены в правах по сравнению с дворянскими учебными заведениями. Военно-феодальная, сословная царская Россия всячески тормозила движение развития науки, опираясь на религию, церковь и господствующее идеалистическое учение. Но если буржуазия в условиях военно-феодально-помещичьего режима встречала со стороны царизма ряд сословных, правовых ограничений, то зато ей принадлежало несомненное господство в области экономических отношений. Материальная база для развертывания научно-исследовательской работы находилась в ее руках.

Неизмеримо большую ненависть царизма вызывало рабочее движение. Пролетариат царской России, ведя за собой крестьянство и передовые слои революционной интеллигенции, в своем освободительном движении и борьбе за диктатуру организовывал все силы против реакции и мракобесия, используя в качестве оружия и науку. Царизм понимал, что наибольшая опасность в области просвещения ему грозит от массового просвещения. Поэтому особенно остервенело царизм боролся против массового распространения естественно-научных учений среди рабочих и крестьян, особенно против материалистического их содержания. Пропаганда основных сведений о происхождении вселенной, дарвинизма и учения о происхождении человека, пропаганда сельскохозяйственных знаний, сочетаясь, как это и имело место в действительности, с революционной политической пропагандой, была явным признаком крамолы и вызывала жестокие репрессии со стороны царского режима. В противовес этому материалистическому революционному просвещению существовала система казенного просвещения в виде церковно-приходских и иных школ, а также черносотенных общественных организаций (обществ трезвости и т. п.)

Как просвещение вообще, так и естествознание в особенности в царской России стояли на значительно низшей ступени развития, чем в западноевропейских и американских капиталистических странах. Причина этого лежала в общей экономической отсталости царской России. Не только капитал и не только техника, но и наука в немалой степени в царской России была предметом импорта из-за границы. Несмотря на наличие ряда крупнейших ученых, несмотря на существование даже своих «школ», как например казанской школы химиков, школы Менделеева и некоторых других, в целом естествознание дореволюционной России шло на поводу и было филиалом науки более развитых капиталистических стран.

В результате отсталой экономики и господства феодально-помещичьего класса естествознание и естествоиспытатели в царской России не находили должной почвы для своего развития и оценки. Отвлекаясь от отдельных моментов исторического развития царской России, мы можем сказать, что крупнейшие открытия и крупнейшие естествоиспытатели глохли в тисках царской России. Так, знаменитый мировой ученый, творец неэвклидовой геометрии Лобачевский не был оценен. Более того — он был лишен кафедры, отчислен от профессуры за «выслугой» лет и превращен в чиновника. Почти то же самое постигло и знаменитого химика Менделеева. Он также принужден был заниматься вместо своей периодической системы элементов системой торговых тарифов и Палатой мер и весов, более необходимых для царского режима, чем законы химии. Некоторые из крупнейших ученых, как И. Мечников, вообще покидали Россию и находили более подходящее поле для своей деятельности за границей. В достаточно плачевном положении находился и мировой

ученый, физик П. Лебедев, открывший давление света. То же с Климентом Тимирязевым и многими другими естествоиспытателями.

В противовес крупнейшим и даровитейшим ученым царское министерство «народного просвещения» поддерживало и выдвигало карьеристов, ничтожества, чинуш [1]), а нередко и просто дегенератов, если только у них черносотенные убеждения были достаточно ярко выражены.

Плачевное положение науки в царской России сказывалось и на общем удельном весе ее в отношении ко всей мировой науке. Так, по немецкому справочнику «Minerva» процент русских ученых по отношению ко всему количеству ученых мира в 1890 г. составлял 2,7, в 1900 г.—4,3, в 1908 г. — 5,2. Если взять область естествознания и соответствующий процент научных работ, то получаем еще более жалкие цифры. Так, по тому же справочнику количество научных работ русских химиков в мировой научной прессе составляло в 1905 г. 2,4 проц., увеличившись лишь на полпроцента к началу мировой войны.

Однако это плачевное положение науки в царской России еще более ухудшилось в период, непосредственно предшествовавший началу империалистической бойни. Обострение всех классовых противоречий, нарастание революционной борьбы перед началом мировой войны сказались и в области науки. Годы, предшествующие началу мировой войны, ознаменовались большими потрясениями в высшей школе, усилением реакции, с одной стороны, и усилением революционных и оппозиционных настроений — с другой. Все это вылилось в целый ряд забастовок, демонстраций и различных выступлений в высшей школе как со стороны студенчества, так частью и профессуры. Следствием всего этого был разгром царизмом высшей школы, начатый особенно энергично Столыпиным и завершонный министром «просвещения» Кассо. В результате этого разгрома, особенно тяжело отозвавшегося на естественно-научных учебных заведениях и кафедрах, крупнейшие ученые естествоиспытатели остались за бортом казенной высшей школы. К числу таких ученых принадлежали К. Тимирязев, П. Лебедев и многие другие.

Уход сотен научных работников из высшей школы сказался в понижении удельного веса российской науки по отношению к мировой науке. По уже упоминавшемуся немецкому справочнику «Minerva» процент русских ученых в общем числе мировых ученых в 1913 г. снизился до 3, т. е. наука стараниями царского полицейского министерства «просвещения» была отброшена в своем развитии на добрых двадцать лет назад.

К гнету царизма, сказывавшегося в науке в особых условиях царского режима, прибавлялся еще гнет иностранного финансового капитала. Технически отсталая во многих отношениях промышленность царской России являлась сферой приложения иностранного капитала. Этот капитал был заинтересован, как это имело место например в электропромышленности и в ряде других областей в том, чтобы научно-исследовательская работа в области техники оставалась монополией соответствующих об'единений финансового капитала (АЕГ, Сименс—Гальске—Шукерт в области электропромышленности в Германии и т. д.). Поэтому отрыв теоретической науки от практики в области производства в царской России был еще более глубоким, чем в капиталистических странах.

Империалистическая война внесла дальнейшие изменения в положение науки и естествоиспытателей, вскрыв истинную природу оппозиционных настроений большей части профессуры и буржуазного студенчества. Потреб-

[1]) Интересные, но мало известные материалы по вопросу о взаимоотношениях некоторых «ученых» и министерства «просвещения» мы находим в архивах К. Тимирязева.

ности военной техники заставили привлечь к участию и оппозиционную техническую и естественно-научную профессуру и студенчество, спаяв их более прочными узами с судьбой господствовавших классов царской России. В то же время участие профессуры, участие студенчества в организациях военно-промышленных комитетов, в земгоровских мероприятиях и т. п. показало истинную природу оппозиционности значительной части профессуры и студенчества. Либеральная профессура и студенчество, бывшие уже с периода революции 1905 г. по существу контрреволюционными, показали, как им мало нужно, чтобы найти общий язык с царизмом и помещичьим классом. Лишь левая, пролетарская и мелкобуржуазная, часть студенчества, стоявшая на позициях Циммервальда, шла против течения и боролась с организациями, служившими приводным ремнем от науки к империалистической бойне. Что касается профессуры, то здесь мы имеем лишь единицы, которые восстали против шовинистических настроений. К ним прежде всего нужно отнести, если не говорить об отдельных ученых большевиках, крупнейшего естествоиспытателя К. Тимирязева.

Февральская революция окрылила надежду буржуазной профессуры и студенчества, прояснила классовое сознание и привела к более глубокой, чем ранее, дифференциации и расколу между этой частью интеллигенции и той частью, которая пошла за пролетариатом.

Октябрьская революция, установление диктатуры пролетариата смели с исторической сцены бывшей России и класс помещиков и класс буржуазии. Однако враги пролетариата уступили свое историческое место не сразу и оказали бешеное сопротивление в длительной гражданской войне. Потребовались годы на укрепление диктатуры пролетариата, на обеспечение возможностей социалистического строительства и на закладку фундамента социалистической экономики.

Приход к власти пролетариата встретил сопротивление и со стороны либеральной профессуры и студенчества, не говоря уже о явно черносотенных прослойках интеллигенции. Идеалы «прогресса», «демократии» либерально-буржуазной интеллигенции стали идеалами активной контрреволюции. Академический союз, профессиональная организация (параллельная учительскому союзу для учителей школы) профессоров и преподавательского персонала высшей школы, стал организовать массы для саботажа и контрреволюционных действий и почти открыто рассылал соответствующие директивы.

Ввиду враждебности к советской власти основной массы буржуазной профессуры первые шаги советского правительства по реформе высшей школы в 1918 г. также не встретили с их стороны поддержки. Самый демократичный устав университета, обеспечивавший действительным образом академическую свободу и «автономию» высшей школы, был отвергнут большинством созванного для этого совещания, что и показало классовое лицо борцов за академическую свободу. Источником непримиримости кадетствующей профессуры было усиление гражданской войны и подготовка чехо-словацкого контрреволюционного выступления.

Последовавшие затем годы гражданской войны были ознаменованы неоднократными, но всегда разбивавшимися пролетариатом попытками тех или иных прослоек научных работников выступать на стороне контрреволюции. История гражданской войны знает ряд интересных в этом отношении документов, как например однодневная профессорская газета «Народная армия», выпущенная после прихода белой чехо-словацкой банды в Казань профессорами Казанского университета.

Однако, несмотря на враждебность значительной части специалистов и научных работников по отношению к советской власти, партия и рабочий

класс сделали все, чтобы облегчить для специалистов и ученых тяжелые условия быта во время гражданской войны (создание ЦЕКУБУ), и в то же время развернули работу по перевоспитанию и привлечению на сторону пролетариата основных масс специалистов и ученых.

Окончание гражданской войны и наступление периода нэпа оживили жизнь высшей школы и исследовательских учреждений. Вместе с тем усилилась и борьба на фронте науки. Рост рабфаков, рост пролетарского студенчества, укрепление руководства со стороны Наркомпроса, с одной стороны, и нежелание кадетствующей профессуры и студенчества сдавать свои позиции — с другой, повели к длительным боям за завоевание высшей школы, временами достигавшим очень большой остроты (политическая забастовка во время Генуэзской конференции). Одновременно с этим в области идеологической наблюдается активизация идеалистических настроений и выпуск целых серий идеалистических книжек и брошюр по вопросам естествознания. Особенную роль в этом отношении сыграла попытка идеалистов использовать теорию относительности. В противовес активизации буржуазной идеологии в области естествознания в этот период (1920 — 1922 гг.) выпускается вторым изданием «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, его статья в «ПЗМ» «О значении воинствующего материализма» и другие. Эти ленинские работы нанесли решительный удар по идеализму и его разновидности — махизму. Возникают (в 1922 г.) марксистские кружки по изучению диалектического материализма применительно к естествознанию [1]), развертывается борьба с идеализмом в естествознании и одновременно с развертыванием наступления пролетарского студенчества и немногочисленной профессуры по линии организационного овладения высшей школой идет наступление на враждебные элементы и по линии идеологической.

* * *

Успехи восстановительного периода в области хозяйства, рост рабфаков и пролетарского студенчества, укрепление и рост партийных и общестуденческих организаций, вузов — все это на основе общих успехов партии и пролетариата привело к перелому в высшей школе, к переходу руководства высшей школой в руки пролетарской и идущей с пролетариатом части студенчества и профессуры. Значительно оживляется и вырастает за этот период исследовательская работа, возникают более или менее значительные кадры молодых научных работников, среди которых на этом этапе пролетарская прослойка была еще совершенно ничтожной.

Необходимость борьбы с идеализмом более развернутым фронтом, потребность в вооружении прежде всего партийного актива студенчества и профессуры необходимыми знаниями марксистской теории для отпора открытой идеалистической пропаганде с кафедр на лекциях и в семинарах — все это поставило задачу более углубленного и систематического изучения марксистской теории естественниками. В результате этой потребности начинают создаваться соответствующие кафедры (диамата, истории и философии естествознания, политминимума), возникает естественно-научная аспирантура при Комуниверситете им. Свердлова, а в 1924 г. возникает естественное отделение при Институте красной профессуры.

Значительную роль в организации развертывания наступления против идеализма на этом этапе и в об'единении сил коммунистов и примыкающих к ним естественников сыграл журнал «Под знаменем марксизма».

---

[1]) См. мою статью «К истории ИКП естествознания» в № 3—4 журнала «За марксистско-ленинское естествознание», 1931 г.

Развертывание борьбы с идеализмом на фронте естествознания показало скоро, что успешность этой борьбы невозможна без борьбы против подмены диалектического материализма вульгарными формами естественно-научного материализма в духе Бюхнера, Молешотта, Геккеля. Развертывается борьба против механистической ревизии марксизма, против отрицания философского учения марксизма, борьба, длившаяся более пяти лет.

Резкую перемену на фронте естествознания вызывает наступление периода реконструкции хозяйства. Встает задача конкретного осуществления лозунга «догнать и перегнать» капиталистические страны в экономическом и техническом отношении в кратчайший срок. Перестраивается сельское хозяйство на основе развертывания совхозов, МТС, превращения мелкого индивидуального крестьянского хозяйства в коллективное. Кулачество ликвидируется как класс. Завершается фундамент социалистической экономики, и СССР вступает в период социализма. Рабочий класс СССР показывает невиданные формы энтузиазма и героической борьбы за овладение техникой. Развертываются новые формы труда. Вместе с тем растет число рабочих, ликвидируется безработица. Партия, ведя за собой рабочий класс и среднее и беднейшее крестьянство, разбивает контрреволюционную агентуру враждебных пролетариату классов — правый уклон и троцкизм — и успешно борется с правыми и «левыми» оппортунистами внутри партии.

Восстановление промышленности до «довоенных» количественных показателей вызывало у враждебно настроенных к социалистическому строительству специалистов иллюзию и надежду на возвращение довоенных порядков вообще, надежду на восстановление старого режима и на приход старых хозяев. После того как за восстановительным периодом последовал реконструктивный, а возврат к старому стал еще более безнадежным, среди определенной прослойки специалистов развились вредительские и интервенционистские тенденции, перешедшие затем в соответствующие действия. Однако партия и рабочий класс на основе все убыстряющихся успехов строительства социализма разбили вдребезги вредительскую и интервенционистскую контрреволюцию. В то же время рост молодых кадров со все растущей пролетарской прослойкой, массовое движение за овладение большевизмом наукой и техникой, результаты убеждения и перевоспитания партией и рабочим классом основной массы старых специалистов, расцвет науки на фоне все углубляющегося всеобщего мирового кризиса капитализма и экономического кризиса последних лет — все это, вместе взятое, привело к коренной перемене в настроениях старых специалистов. Этот поворот основной массы старых специалистов в сторону активного участия в социалистическом строительстве, в сторону признания и усвоения марксистской теории принял глубокие и разносторонние формы, выразившиеся и в перестройке работы Академии наук, и в создании ВАРНИТСО, и в перестройке работы научно-исследовательских организаций, и в целом ряде актов (обращений, резолюций, заявлений и т. д.), выражающих настроения поворота среди старых специалистов.

Параллельно росту пролетарских кадров в научно-исследовательской области, параллельно росту пролетарского студенчества росла и массовая база марксистской теории применительно к области философии, естествознания и техники. Воспитание этих кадров в духе большевистской непримиримости привело под руководством партии к разоблачению различных форм ревизионизма в области теории. В отношении философии и естествознания помимо механицизма, главной опасности на данном этапе развития, была вскрыта более замаскированная в марксистскую фразеологию, прикрывающаяся якобы борьбой с идеализмом меньшевиствующе-идеалистическая форма ревизии марксизма. Меньшевиствующий идеализм, просмотрев сдвиги в области роста новых кадров, роста новых форм науки в связи с развертыванием со-

циалистической индустрии, реставрировал худшие формы отрыва теории от практики, прикрывая этот отрыв разговорами о борьбе за теорию, за марксизм, а по существу восстанавливал меньшевистский подход к решению соответствующих проблем.

Сейчас, в период празднования XV годовщины установления диктатуры пролетариата в СССР, в науке происходят сдвиги решающего характера. К сожалению мы не располагаем научно разработанными цифрами, характеризующими революцию в области науки. Однако основные черты происходящих изменений могут быть с полной ясностью прослежены и на общеизвестных фактах и цифрах, если их проанализировать соответствующим образом.

Если исходить из основы общественного развития — из развития производительных сил, то необходимо прежде всего отметить, что в царской России почти не существовало научно - исследовательских учреждений, обслуживших промышленность, если не говорить о некотором числе центральных министерских учреждений, как Палата мер и весов, геологический комитет, система опытных станций по сельскому хозяйству. Для обслуживания отдельных отраслей промышленности не существовало исследовательских учреждений, так как промышленность в техническом отношении шла на поводу более высоко развитых капиталистических стран. Основной формой и местом исследовательской работы были вузы и втузы. Втузов и вузов в царской России (1914 — 1915 уч. гг.) было 91 с 124.652 учащимися (включая не вошедшие в СССР Финляндию, Польшу, Латвию и т. д.) [1]).

Чтобы понять, какого рода изменения произошли в этой области у нас в СССР, достаточно привести несколько цифр. В СССР к моменту начала (1928 г.) бурного роста числа вузов и особенно втузов, а также исследовательских институтов имелось 128 вузов и втузов с числом учащихся в 127.595. После 1928 г. происходит резкий скачок вверх. Лишь по одним комиссариатам тяжелой, легкой и лесной промышленности, Наркомзему и Наркомпути число втузов с 1928 г. до 1932 г. возросло в 5 раз и достигло 400, а число учащихся возросло более чем в 3 раза. Общее число учащихся во втузах и техникумах по указанным комиссариатам достигло в 1932 г. более полутора миллиона человек.

Однако происшедшие и происходящие далее перемены в области науки еще более наглядно выступят перед нами, если мы обратимся к цифрам в области строительства научно - исследовательских учреждений, обслуживающих промышленность. Лишь одна система научно - исследовательских учреждений Наркомтяжпрома в 1932 г. заключала в себе 122 института и достигла к концу 1932 г. вместе с филиалами числа 238, причем все эти институты были созданы за время существования советской власти, а подавляющее большинство из них в период с 1928 г. (в 1928 г. было всего лишь 24 института и 8 филиалов). Такой же прирост и размах наблюдаются в строительстве научно-исследовательских учреждений и по другим хозяйственным комиссариатам. Достаточно указать по линии Наркомзема на Всесоюзную сельскохозяйственную академию им. Ленина с ее тысячами научных работников и с сетью учреждений, разбросанных по всему СССР.

Характер происходящей коренной перестройки или, вернее, создания заново исследовательских институтов по линии промышленности можно видеть и из количества средств, вкладываемых СССР в научно - исследовательские учреждения. Так, по линии научно-исследовательских учреждений б. ВСНХ в 1930 г. было вложено 88.500 тыс. руб., из них 30.700 тыс. на строительство, оборудование и капитальный ремонт. Те же цифры соответственно для 1931 г. составляют 210.172 тыс. руб. и 72.000 тыс. руб. и для

[1]) Цифры даны по БСЭ, т. XIV, стр. 34.

1932 г.— 273.000 тыс. руб. и 97.000 тыс. руб. [1]). Из этих цифр видно, что рост новых институтов и коренная перестройка уже существующих продолжаются ускоренными темпами и во все больших масштабах.

Из приведенного уже с полной очевидностью вытекает, что научно-исследовательские учреждения, обслуживающие промышленность,— дело исключительно строительства социализма в СССР, что они созданы исключительно совластью.

Бурный рост научно-исследовательских учреждений, втузов и техникумов в СССР вызывается потребностями развертывания в невиданных масштабах социалистической промышленности. Многие отрасли промышленности в СССР созданы впервые, и в борьбе за экономическую и техническую независимость СССР добился решающих успехов. В то же время как новые, так и старые отрасли промышленности не просто усваивают наивысшие достижения капиталистической техники, а реконструируются на более высоких, на социалистических началах, что и обеспечивает при социалистической организации хозяйства вместе с новыми формами труда возможность обогнать капиталистические страны в экономическом и техническом отношениях в кратчайшие сроки. Главнейшие достижения в этом отношении общеизвестны; мы научились строить крупнейшие и сложнейшие машины, электростанции, аэропланы, дирижабли, тракторы и автомобили и т. д., даже каучук — естественный и синтетический — мы начали производить в СССР.

Все эти успехи и возможности дальнейшего развития не были бы возможны без научной организации производства в смысле технологическом, если не говорить о применении науки к планированию промышленности и т. д. О том, каких успехов достигла наука в СССР в связи и под несомненным влиянием развития промышленности, говорят успехи таких институтов, как Всесоюзный электротехнический институт, ЦАГИ, Ленинградский физико-технический институт, Оптический институт, физико-химический институт им. Карпова, Теплотехнический институт и ряд других институтов, выдвинувшихся на передовые посты в мировой науке. Сеть головных институтов, центральных и отраслевых институтов и заводских лабораторий, нередко стоящих на высоте современной науки и весьма богато оборудованных (как например на б. Электрозаводе, теперь Электрокомбинате в Москве), обеспечила создание собственных конструкций самолетов и моторов к ним, конструирование и практическое осуществление мощнейших турбогенераторов, обогнав в этом отношении Европу и догоняя Америку, осуществление парофазных крекингов, получение жидкого горючего из сапропелитов, получение металлов: алюминия, никеля, магния, ванадия и других различных сплавов, биметаллов, получение синтетического каучука, красок, получение из древесины сахара, дала целый ряд открытий и изобретений в области радио (вплоть до телевидения), кино, создала сложнейшие и ответственнейшие оптические инструменты (вплоть до весьма крупных астрономических) и т. д. и т. п.

Нет возможности в краткой статье перечислить даже главнейшие достижения, какие мы имеем на основе исследовательской работы по линии нашей промышленности. Отметим лишь один момент весьма большой важности: мы идем в смысле научно-технического развития такими темпами, какие до сих пор не были известны в истории человечества. Из литературы, посвященной истории науки и изобретений, известно, что все крупнейшие революции сопровождались ростом научно - технической и вообще научной деятельности. Так было с английской революцией XVII в., с французской XVIII в., немецкой 1848 г. Однако революция 1917 г. является в рассматриваемом нами отношении беспримерной по размеру вызываемых ею последствий.

[1]) Цифры взяты из сборника «Наука, техника, пропаганда». Сборник НИС и Техпропа НКТП к XVII партконференции. М., 1932 г.

Если техника промышленности и сельского хозяйства диктует развитие научно-технических и исследовательских учреждений, то мы не поймем сути этого процесса, не рассмотрев роли другой, активной составной части производительных сил — самого рабочего класса. Роль рабочего класса как активной составной части производительных сил сказывается не только опосредованно, но и непосредственно в лице рабочей прослойки среди научно-технических кадров.

Мы имеем в СССР бурный рост научно-технических кадров. Как отмечает постановление ЦИК СССР, в 1929 г. в народном хозяйстве Союза было 57 тыс. специалистов с законченным высшим образованием и 55 тыс. с законченным средним образованием. В 1932 г. имелось уже: первых — 216 тыс. и вторых — 288 тыс. Столь же быстрыми темпами идет и рост научно-технических кадров, работающих в соответствующих исследовательских учреждениях. За один 1931 г. эти кадры увеличились с 15 тыс. до 27 тыс. Растет среди этих кадров и рабочая прослойка, еще сравнительно недавно бывшая довольно тонкой. В данное время, как отмечает то же постановление ЦИК СССР, по индустриальным втузам рабочее ядро составляет около 70 проц., достигая по ряду втузов 80—90 проц. Быстрыми шагами идет и орабочивание кадров научно-технических исследовательских работников. Так, рабочая аспирантура в научно-исследовательских институтах тяжелой промышленности абсолютно в приеме 1931 г. составляла 297 чел., а в процентном отношении к научной аспирантуре (820 чел.) — 36 проц. Прием 1932 г. дает отношение научной аспирантуры к рабочей в следующем виде: 1.126 и 1.027, т. е. процент отношения рабочей аспирантуры к научной возрос до 90 проц. [1]). Отсюда видно, что в приеме 1932 г. рабочая аспирантура составляет уже почти половину. Параллельно с ростом научно-технических кадров идет и рост научных кадров вообще. Общее количество научных работников в СССР, составлявшее еще к началу 1929 г. 21.725 чел., возросло к 1932 г. до 47.575 чел., т. е. увеличилось за три года более чем в два раза (220 проц.) [2]). Среди этих кадров и относительно и абсолютно растет процент, падающий на пролетарскую прослойку. Среди общего числа научных работников члены ВКП(б) составляли в 1929 г.—9,8 проц.; в 1930 г.—12 проц.; в 1931 г.—18 проц.; рабочие по тем же годам соответственно—4,5 проц., 6 проц. и 18 проц. Особенно бурно идет рост рабочей и комсомольской прослойки среди аспирантуры. Эта прослойка возросла за указанный период для числа рабочих с 13 проц. до 40 проц. и для комсомольцев с 27,8 проц. до 65 проц.

Все эти цифры были бы далеко не достаточными для характеристики действительно совершающихся в СССР процессов по линии овладения наукой и техникой, если бы их не пополнить данными о процессе роста кадров средней и низшей квалификации и о массовом движении к знанию, к поднятию своей квалификации и, что особенно важно, к активному применению имеющихся знаний в деле социалистического строительства.

Не приводя цифр о росте технических кадров низших квалификаций, росте соответствующих кадров по линии сельского хозяйства, медицины, педагогики и т. д., а также по линии массового просвещения, начиная с ликвидации неграмотности [3]), мы можем здесь констатировать, что и по этим линиям идет бурный рост кадров и мы имеем большие достижения. Мы особо отметим лишь весьма замечательную и лишь в СССР существующую форму роста кадров, активно в процессе своего роста участвующих в перестройке технической базы СССР. Это — изобретательство.

[1]) См. сборник НИС и Техпропа НКТП, цитированный выше.
[2]) См. журнал «Фронт науки и техники», № 4—5 за 1932 г., стр. 129.
[3]) См. об этом сборники: «Массовое просвещение в СССР к 15-летию Октября» и «Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет». 1932 г.

Роль и масштабы изобретательства в СССР можно характеризовать следующими данными. Общество изобретателей к моменту своего первого всесоюзного с'езда об'единяло уже около полумиллиона членов-изобретателей. Изобретениями и рационализаторскими предложениями изобретателей в 1931 г. были сэкономлены для народного хозяйства сотни миллионов рублей. С'ездом в качестве плана на 1932 г. было намечено дать народному хозяйству проведением в жизнь изобретений и усовершенствований экономию в миллиард рублей.

Из всего приведенного выше можно сделать лишь одно заключение: перестройка и бурный рост производительных сил после завоевания пролетариатом власти поднимает многомиллионные массы трудящихся на новый, несравненно более высокий культурный уровень, причем основным фактором в этом процессе является овладение техникой и участие в социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Социалистическая реконструкция народного хозяйства вызвала и вызывает далее совершенно невиданные ранее формы и темпы мобилизации активности масс на овладение ими наукой и техникой.

Наиболее бурный рост и глубокие изменения по линии науки и техники мы наблюдаем прежде всего в связи с решением непосредственных задач социалистической реконструкции промышленности и сельского хозяйства. Однако этот процесс сказывается и на самых отвлеченных областях знания — исследовательской работе по теоретическим дисциплинам естествознания, материалами и т. д. И в этих областях мы имеем, если и не так еще резко в количественном отношении, как в области технических дисциплин, то столь же определенный качественный сдвиг и перелом в развитии науки СССР. И здесь совершаются события исторического порядка.

Самым характерным в области теоретической науки за истекшие 15 лет является то, что в СССР растут массовые кадры талантливейших исследователей, и теоретическая работа приобретает невиданный размах. В то время как в царской России многие из крупнейших ученых оставались одиночками, а другие, находившиеся в более благоприятных условиях, создавали себе школы из небольшого числа учеников, сейчас мы имеем широкое развитие теоретической науки и рост кадров по всему фронту науки. Достаточно привести для иллюстрации положение с работами знаменитейшего механика Н. Е. Жуковского. Несмотря на большое значение его теоретических работ для практики (аэро и гидромеханика), несмотря на то, что он имел большое влияние на развитие кадров в области механики и может считаться родоначальником соответствующей школы, работа Жуковского до революции протекала в жалких условиях, и труды его были известны учащимся лишь по литографированному курсу. В корне меняется положение после революции, когда начинается в СССР работа по созданию собственной авиации, когда постройка гидростанций и других сооружений вызывает развитие гидродинамики. Создается крупнейший центральный аэро-гидродинамический институт с невиданным размахом работы и колоссальным количеством работников. Лишь на основе работы этого института результат научной деятельности Н. Е. Жуковского получает прочную опору, а его работы (в том числе и оставшиеся рукописи) издаются и на них учатся десятки и сотни новых исследователей.

Источником происходящих перемен и в этой области является развитие производительных сил. Именно связь теории с практикой обуславливает бурный рост успехов в области теоретической механики, как подчеркивают например авторы статьи «Гидро и аэромеханика», посвященной итогам за 15 лет, В. В. Голубев и Е. С. Кузнецов [1]). Исходя из классических работ

[1]) См. сборник «Механика XV» в серии «Наука в СССР за 15 лет», 1932 г.

Н. Е. Жуковского и С. А. Чаплыгина, молодые кадры своими работами выдвинули СССР в области теоретической механики на одно из первых мест в мировой науке.

Это выдвижение СССР на передовые позиции мировой науки к 15-летию Октября обозначилось по всей линии теоретических дисциплин. Вопрос о том, что мы в состоянии догнать мировую науку, решен уже положительно. Более того, анализируя конкретное состояние исследовательской работы, литературной продукции, роста кадров и их квалификации, каждый непредубежденный наблюдатель придет неизбежно к выводу: СССР делается ведущей страной в области теоретической науки, и недалек тот момент, когда мы перегоним капиталистические страны в области постановки теоретических исследований.

Изменение соотношения сил на мировом фронте науки в пользу СССР сигнализируют даже такие издания, мало отражающие действительные процессы и совершенно не учитывающие тенденции дальнейшего развития в СССР, как например немецкий справочник «Minerva». Согласно этому справочнику уже в 1930 г. процент советских ученых среди всего числа мировых ученых возрос до 8,1, т. е. по сравнению с 1913 г. имеется рост почти в 3 раза. Если взять число работ советских химиков, печатающихся в мировой научной прессе, то и здесь мы имеем по сравнению с 1913 г. рост почти в 2 раза (2,9 проц. и 5,1 проц.). Однако эти цифры не выражают действительного роста науки в СССР, так как не учитывают роста молодых кадров и их продукции.

Резко бросается в глаза на научно-теоретическом фронте в СССР не только бурный рост молодых кадров, но и те результаты, которых эти кадры уже достигли. Кратко можно сказать следующее: мы имеем уже значительное число молодых научных работников. К таковым в области математики относятся Колмогоров (теория вероятности и математическая статистика), Люстерник и Шнирельман (вариационное исчисление и топологический метод анализа с приложением его к диференциальной геометрии и механике), Гельфанд (теория чисел) [1]). В области физики — Гамов (теоретическое решение сущности радиоактивного процесса, работы по квантовой механике), харьковские физики, осуществившие разложение ядра атома лития. То же в области химии, как показал последний Менделеевский с'езд, и т. д.

Такое быстрое выдвижение молодых научных работников об'ясняется как общей атмосферой бурного строительства и революционного натиска, переделки старого мира, бурным ростом молодых кадров, численно поглощающих старые кадры, так и теми особыми условиями развития научных молодых работников, какие имеются в СССР и только в СССР. В то время как молодой научный работник в капиталистических странах связан путами научной иерархии, отношениями господства и подчинения, необходимостью ждать иногда десяток — другой лет освобождения «вакансий», — в СССР молодой научный работник развивается в условиях свободы для проявления своей инициативы, не скован никакими мертвыми рамками и в условиях бурно растущего спроса на квалифицированные кадры всегда находит обширную сферу для приложения своих сил. Все это причина того, что мы имеем уже целый ряд молодых ученых, достигших мировой известности, по возрасту же зачастую еще не перешагнувших и 30 лет.

Чтобы закончить наш краткий перечень достижений науки в области естественно-научных дисциплин за 15 лет, необходимо остановиться еще на

---

[1]) См. по итогам науки в СССР за 15 лет подробнее серию «Наука в СССР за 15 лет». Вышли сборники «Математика», «Механика», «Астрономия». То же в другом издательстве сборник «15 лет советской химии».

одной стороне, на одном факторе развития науки, — на издании научной литературы. И здесь мы имеем невиданные до сих пор размах и успехи. В старой, царской России в год наивысшего под'ема издательской деятельности, в 1910 г., по линии физико-математических дисциплин было выпущено 44 названия с общим об'емом в 827 печатных листов. Уже в 1926 г. в Советском союзе было выпущено 74 названия с общим об'емом в 957 печатных листов, т. е. был значительно превзойден уровень довоенных годов. В 1931 же году было уже выпущено 113 названий с общим об'емом в 1.590 печатных листов. Рост темпов продолжается и в настоящем, 1932 г. За первые три квартала Государственным технико-теоретическим издательством было выпущено уже 200 названий с об'емом почти в 2.000 листов [1]). Если принять во внимание, что одновременно с отмеченным издательством работали некоторые другие издательства (например Украинское, КУБУЧ и др.), то мы поймем, каких темпов мы достигли в этой области.

Но характеристика достижений в области издательской была бы неполной, если бы мы не отметили изменений в тираже изданий и скорости их распространения. В то время как в дореволюционной России, а за границей и теперь, физико-математическая книга издается тиражом в несколько тысяч и не расходится в течение ряда лет, — у нас стали обычными тиражи в десятки тысяч экземпляров книг, требующих квалификации выше средней школы, причем нередко книги буквально расхватываются в несколько дней. Несмотря на колоссальный рост книжной продукции, мы живем в условиях книжного голода только потому, что спрос на книгу возрос неимоверно, в невиданных в истории масштабах. И здесь мы видим, что Октябрьская революция принесла нечто совершенно новое, создала новую эру.

Как мы видели выше, советская наука имеет к 15-летию пролетарской революции большие достижения. Эти достижения прежде всего идут по линии решения конкретных задач социалистического строительства. Вместе с тем имеются бурный рост и глубокая перестройка и теоретических дисциплин в области естествознания. Насколько этот переворот в науке сопровождается переворотом в области мировоззрения? Сдвиги в этом отношении должны нам показать, насколько вершины знания завоеваны пролетариатом.

И в этом отношении 15-я годовщина знаменует большие успехи. К данному времени налицо решительный поворот специалистов лицом к социалистическому строительству, признание с их стороны правильности плана индустриализации страны и строительства социализма вообще. В этом отношении знаменательны коренная перестройка работы Академии наук, изменения характера научных с'ездов, перестройка научных и инженерно-технических обществ. Теперь нет научного с'езда в СССР, сессии Академии наук и т. д., которые бы не только не решали задач социалистического строительства, но и не выносили бы резолюций, приветствующих линию партии и советского правительства, не отзывались бы на актуальные вопросы политики, как например вопросы борьбы с военной опасностью и т. д. Успехи социалистического строительства и правильная политика партии и советской власти по отношению к специалистам обеспечили тот решительный перелом в сторону социализма, который мы сейчас имеем среди инженерно-технических и научных работников.

Этот поворот специалистов по линии экономики и политики сказывается и по линии философии. Пропаганда марксизма и материалистической философии достигла больших результатов. Теперь трудно встретить специалиста, который вообще нисколько бы не был знаком с марксистской литературой

[1]) Цитированные данные взяты из «Тематического плана изданий ГТТИ на 1933 г.», см. обращение издательства «К научной и студенческой общественности».

естественника, который не читал бы «Диалектики природы» Энгельса, «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина и т. д. Однако впереди предстоит еще огромная работа по пропаганде диалектического материализма среди естествоиспытателей, работа по распространению последовательного материализма во все отделы естествознания. Необходимо вести борьбу с частыми еще случаями шатаний, примиренчества к враждебным диалектическому материализму взглядам и т. п.

Развернутое материалистическое мировоззрение для данного этапа развития науки требует овладения всеми достижениями современной науки, критического их освещения и переработки на основе диалектического материализма. Полностью мы этого еще не имеем пока по двум причинам: с одной стороны, товарищи, стоящие на позиции марксизма, диалектического материализма не овладели еще в достаточной степени конкретными областями естествознания, с другой стороны, рядовой естествоиспытатель недостаточно овладел еще философией диалектического материализма, чтобы на основе знания материалистической диалектики как науки о развитии развернуть все свое естественно-научное мировоззрение и осуществлять свою исследовательскую работу. Диалектика и у советских ученых до сих пор нечто скорее стихийное, чем сознательное.

Но в преодолении этой трудности мы имеем определенные достижения. С одной стороны, поворот в сторону социалистического строительства основной массы старых специалистов и все большее орабочение кадров инженерно-технических и научно-исследовательских работников, с другой стороны — коренная перестройка работы марксистов-естественников — все это вместе взятое обеспечивает дальнейшие наши успехи и на этом фронте.

В последнем отношении знаменателен тот поворот, который мы имеем в работе высококвалифицированных партийных работников-естественников и техников. До известной поры, пока кадры партийцев, естественников и техников, были еще немногочисленны, и пока не имелось достаточно многочисленных пролетарских прослоек в естественно-научных и технических исследовательских учреждениях и вузах, обеспечить подготовку марксистски-выдержанных кадров возможно было, лишь сосредоточив эти кадры в одном месте. Так возникло естественное отделение ИКП в 1924 г., а затем самостоятельный Институт красной профессуры по естествознанию. То же несколько позже произошло и с техниками. Однако при наличии колоссального роста естественно-научных и технических кадров по головным, центральным и отраслевым институтам, а также по вузам и втузам, при наличии поворота старых специалистов в сторону социалистического строительства и марксистской теории было бы ошибочным придерживаться старых форм подготовки марксистов-естественников и техников в отрыве от основных кадров по этим отраслям. Вместе с тем необходимо было в соответствии с изменившимися конкретными обстоятельствами изменить и самую форму пропаганды марксистской теории.

К 15-й годовщине мы имеем и в этой области решительные шаги, обеспечивающие дальнейшие успехи: подготовка марксистских кадров естественников и техников проходит по тем же руслам, по которым проходит подготовка массовых кадров по отдельным специальностям, обеспечена дальнейшая, еще более тесная, чем до сих пор, связь теории с практикой социалистического строительства, созданы все необходимые условия для действительной перестройки науки на основе последовательного, т. е. диалектического материализма и овладения большевиками всеми достижениями мировой науки.

В то время как в странах капитализма революция, происходящая в современном естествознании, приводит в силу всеобщего кризиса капитализма

к кризису в естествознании, в то время как экономический кризис все более ограничивает в этих странах материальные возможности развития науки и приводит к усилению упадочного мировоззрения и идеалистической философии, находящей распространение среди части естественников и техников,— в СССР наблюдается расцвет науки. Этот расцвет науки в СССР все более начинает оказывать свое притягательное действие и на ученых и техников капиталистических стран, ведя их под знамена пролетариата и социалистического строительства.

Энгельс в свое время писал, что с каждым новым этапом в развитии естествознания и с каждым крупным движением, глубоким переворотом в общественных отношениях людей материализм приобретает новую форму. Овладевая успехами современной науки, теоретически обобщая богатейший опыт революционного движения пролетариата, диалектический материализм Маркса—Энгельса—Ленина является единственно передовой революционной философской наукой, которая перерабатывает на материалистической основе все достижения современной науки и об'единяет их в одно цельное, стройное мировоззрение, связывает их в неразрывное единство с перестройкой общественно-экономического базиса. Только пролетариат, единственный передовой класс современного общества, вооруженный диалектикой, способен повести многочисленные кадры естественников к еще невиданным успехам в области науки, раз навсегда гарантированной в социалистическом обществе от кризисов и тормозов в ее развитии.

Подводя итоги нашего краткого обзора главнейших успехов естествознания в СССР за 15 лет, мы можем сказать:

Партия и рабочий класс СССР добились решительного поворота науки на службу социалистическому строительству.

Достигнуты решительные результаты по привлечению на сторону пролетариата основной массы научно-технической и преподавательско-исследовательской интеллигенции, по перевоспитанию всех, кто может бороться на стороне пролетариата.

Созданы мощные кадры по линии техники и науки из рядов пролетариата.

Разгромлены идеализм и поповщина, и наука перестраивается на основе диалектического материализма.

В результате всего этого СССР выходит на передовые позиции в мировой науке и в самом недалеком будущем несомненно сделается ведущей страной по линии как философии, так и естествознания и техники.

15 лет советской литературы

В. Кирпотин

Путь, пройденный советской литературой за 15 лет, огромен. Ко времени победы Октябрьской революции господство в литературе, само собой понятно, принадлежало буржуазным и мелкобуржуазным писателям. Только отдельные из них, наиболее чуткие к исторической правде, встретили революцию сочувственно. Но и в романтическом мессионизме «Двенадцати» Блока крылась неизбежность непонимания и отвращения к реальной правде революции, но и умерший коммунистом Брюсов тащил за собой груз «критически» непреодоленной буржуазной культуры.

В эпоху военного коммунизма, в первые годы нэпа пролетарская поэзия, пролетарская литература преодолевали свои детские болезни сектантства, левизны. Выдвинувшийся было в годы военного коммунизма на первое место в поэзии футуризм был слишком анархо-индивидуалистичен, слишком мелкобуржуазен в своем левом радикализме, хотя и тогда уже в нем резко выделялась фигура Маяковского. Складывавшиеся центры беспартийных советских писателей, как например Серапионовы братья, демонстративно заявляли о своей аполитичности, о самодовлеющей ценности искусства. Троцкий, применяя свою теорию о невозможности построения социализма в одной стране к литературе, отрицал самую возможность пролетарской литературы. Это же положение было предпосылкой критической деятельности Воронского.

С тех пор мы прошли огромный путь. Как отмечает постановление ЦК от 23/IV, литература качественно и количественно выросла. К 15-летию Октября мы смело можем говорить о мировом значении советской литературы. По идейно-художественной своей глубине она является первой в мире. К ней тянется все здоровое и жизнеспособное в литературе всех стран Запада и Востока. Спор о возможности пролетарской литературы может нашей молодежи, при наличии таких художников, как Фадеев, Панферов, Шолохов, Афиногенов и т. д., показаться странным. Среди беспартийных писателей огромное большинство, самое талантливое, самое способное, связало свое искусство с задачами пролетарской революции, с задачей построения бесклассового общества.

Невиданный никогда под'ем переживает литература братских нам народов, литература союзных республик. В них растет литература национальная по форме, социалистическая по содержанию. Я не буду здесь подробно останавливаться на достижениях и задачах, стоящих перед литературой других народов СССР. Я хочу лишь подчеркнуть, что количественный и качественный рост советской литературы, о котором говорит постановление ЦК, относится к литературе всего СССР. Мы, к сожалению, еще не сумели организовать в достаточном размере взаимное ознакомление друг друга со своими литературными ценностями. ГИХЛ и «Федерация» явно мало переводят и издают писателей других советских республик к большому ущербу для общего

нашего дела, для развития необходимого обмена культурными ценностями между литературами разных народов нашего Союза.

Никогда еще литература в Советском союзе не переживала так интенсивно процессов перестройки, как за последний период, как накануне 15-й годовщины Октября. Дело не только в перестройке форм литературной общественности. Организационная перестройка — лишь следствие глубоких существенных процессов в литературе, вызванное глубокими существенными процессами в экономике и политике. Маркс в предисловии «К критике политической экономии» говорит о том, что после революции в области литературы мы находимся сейчас в стадии решающих успехов этого преобразования. Процесс преобразования надстроек, в том числе и литературной надстройки, совершается не автоматически, не самотеком, а под влиянием и через посредство классовой борьбы, через могучее воздействие политики. Процесс, о котором я сейчас говорю, — решающие успехи этого преобразования,— происходит благодаря успехам и победам диктатуры пролетариата, вследствие ставшей уже совершенно ясной неизбежности гибели капитализма во всем мире, через классовую борьбу и классовые сдвиги в самой литературе. Решающие успехи в социалистической перестройке нашей литературы достигнуты вследствие поворота в сторону советской власти большинства, лучшего большинства советских писателей и роста собственных кадров пролетариата в литературе. Обо всем этом говорится в постановлении ЦК от 23/IV о перестройке литературных организаций.

Поворот в сторону советской власти лучшего большинства советских писателей, все эти сдвиги в литературе не могли бы произойти без роста писательских кадров, вышедших из рядов рабочего класса и отчасти колхозного крестьянства, без идейно ведущей роли пролетарской литературы.

Когда мы говорим об идейно ведущей роли пролетарской литературы, мы прежде всего должны назвать имя Максима Горького.

Горький — великий пролетарский писатель. Он пестовал и пестует молодые кадры пролетарской литературы. Он еще до революции выпустил первый сборник произведений пролетарских писателей. Он оказывал и оказывает влияние на зрелых мастеров из числа беспартийных писателей. Можно сказать, что нет почти ни одного крупного писателя, который не прошел в той или иной мере через влияние Горького, ибо Горький принес новое слово в литературу, отличное от всех старых направлений в искусстве, отличное от основных влияний, которым подвергалась русская литература до него.

Горький застал в литературе беллетристов-народников. Это была литература утопическая по своим идеалам и в то же время чрезвычайно пессимистическая, ибо она видела, что устои, которые она защищала в литературе, как опорную скалу, как щит,— что эти устои подверглись жесткой критике жизни, что они разваливаются под ударами надвигающегося и пришедшего уже капитализма.

Горький принес взамен этого пессимизма очень бодрое, очень яркое слово. Взамен пренебрежения к краскам, звукам, к песням он принес в литературу богатство и красок, и звуков, и песен.

Толстой оказывал и в разной степени и по-разному еще и сейчас оказывает огромное влияние на мировую литературу. Толстой был велик как критик строя эксплоатации и угнетения, строя крепостничества и капитализма, но крепостничеству и капитализму он противопоставлял утопический реакционный идеал. Горький же встал в ряды рабочего класса и словом художника звал на борьбу за социалистическое общество, которое в самом деле уничтожает всякую возможность эксплоатации человека человеком.

Огромно было влияние на нашу литературу творчества Достоевского, отчасти оно имеет место и сейчас. И по сравнению с Достоевским Горький принес в литературу новое слово.

Я хочу напомнить здесь одну вещь Горького—«Жизнь ненужного человека». Герой этой вещи — это ведь излюбленный герой Достоевского. Ведь Достоевский изображал именно таких униженных, таких оскорбленных людей, не протестующих против своего униженного положения, влачащих рабские цепи, и в то же время обожествляющих эти цепи, видящих в них нравственный свой идеал. Можно сказать, что Достоевский обожествлял раба, благословляющего свои цепи.

Горький же развенчал этого героя в литературе. Он показал всю ничтожность, всю дряблость, всю жалкость героя, который, находясь в рабском состоянии, не протестует против рабского положения, который благословляет свои цепи, своих поработителей.

Горький — художник, борец против царизма, против капитализма, художник пролетариата. Он принес новые образы в литературу, новый, мощный язык. Творчество его неиссякаемым источником бьет до сих пор, до сих пор продолжается его чрезвычайно богатое, полезное, нужное влияние. Опираясь на опыт Горького, новые кадры пролетарской литературы принесли с собой подлинное, самое трудное новаторство — новаторство миросозерцания, содержания, новаторство художественного осмысливания, художественного выражения действительности под углом зрения миросозерцания рабочего класса.

«Перспективы советской (художественной) литературы обширны,— говорит в своей автобиографической заметке Федин,—несомненен прежде всего рост ее влияния на литературу Запада и Востока. Отживающие формы буржуазной поэтики будут взорваны новой темой, распространяемой советской литературой, темой социальной».

В этих словах Федина нет преувеличения, несмотря на то, что наша литература находится еще в стадии своего интенсивного роста, несмотря на то, что она еще далека от своих совершенно зрелых результатов.

Сами советские писатели понимают, как мы видим из цитированных слов Федина, что мировое революционизирующее воздействие советской литературы дается ее новым содержанием, а это новое содержание под новым для литературы аспектом принесли своим творчеством прежде всего пролетарские писатели. Когда я говорю о значении нового содержания, я не игнорирую проблемы формы. О ней я скажу дальше. Но мне важно подчеркнуть, что самым трудным и самым плодотворным новаторством в литературе является новаторство содержания.

Вы помните безжизненную, абстрактную схему коммуниста у Пильняка, искусство которого в большинстве его произведений является конечно не новаторством, а продуктом распада старых форм, искусство которого в большинстве своем отображает не существенные процессы революции, а продукты распада некоторых социальных слоев в обстановке революции.

В том и состояло освежающее действие «Недели» Либединского, произведения по художественному диапазону своему не слишком большого, что она впервые вывела коммунистов такими, какими они являются на деле, самоотверженными, мужественными и дисциплинированными бойцами за социализм. Подлинный смысл гражданской войны в литературе нашел свое отражение не в «Цветных ветрах» Всеволода Иванова, за феерической красочностью которых скрывалось крестьянски-ограниченное представление о революции, не в импрессионистски-острых новеллах Бабеля, а в повествованиях Фурманова, в «Разгроме» Фадеева, в «Тихом Доне» Шолохова, замечатель-

ной эпопее, которую много читают, но которую еще недостаточно оценила наша критика.

Мировой успех «Цемента» Гладкова об'ясняется прежде всего тем, что Гладков в нем показал картину восстановления народного хозяйства после гражданской войны, вывел образ коммуниста, перешедшего с фронтов боевых на поля сражения за хозяйственное восстановление страны на новых, социалистических началах.

При всем том, что наша пролетарская литература отстает от все растущих требований проходящего школу ленинской культурной революции массового читателя, мы не можем не отметить, как поразительно быстро пролетарская литература умела и умеет откликаться на смену событий в революции, на новые процессы в нашей советской действительности. Соцсоревнование, вредительство, хлебозаготовки, коллективизация, новые процессы в среде интеллигенции — все это находило и находит свое художественное выражение с большим или меньшим мастерством в произведениях Панферова, Шолохова, Афиногенова, Киршона, Безыменского, Микитенко и др.

Обновляющее воздействие пролетарской литературы перенеслось на сцену наших театров. Новый, при всей своей недостаточности, репертуар все же был создан прежде всего пролетарскими драматургами. Не подлежит никакому сомнению, что работа с новым репертуаром сыграла огромную перевоспитывающую роль для наших театральных работников, для режиссеров, художников и исполнителей. Художественное воплощение нашей борьбы и нашей действительности помогло превратить их в предмет вдохновения и для других писателей и художников; осмысливание великой революции пролетариата в художественных образах облегчило и помогло беспартийным советским писателям совершить тот поворот, о котором говорит решение ЦК от 23/IV о перестройке литературных организаций, поворот, причины которого кроются в успехах социалистического строительства, в правильной ленинской политике нашей партии.

Движущие силы этого поворота — классовая борьба, классовые сдвиги в нашей стране.

Речь т. Сталина «Новая обстановка, новые успехи хозяйственного строительства» красноречиво и убедительно показала нам картину этого поворота интеллигенции в целом, об'яснила его причины, поставила перед нами задачу перестройки форм работы и в области литературы.

Наличие художественных образов с новым содержанием, наличие творческого воплощения и творческого об'яснения новой действительности помогает художнику двигаться вперед, помогает понимать смысл политических процессов. Иногда художественное осмысливание новой действительности является для ряда художников самыми доступными воротами к политическому пониманию новой действительности.

Идейное и тематическое новаторство — не такое легкое и простое дело. Нельзя недооценивать его значение, умалять его размеры, пренебречь его влиянием на литературу. Вспомните, сколько борений пришлось вынести Маяковскому на путях сближения с пролетарской литературой. Вспомните, как трудно давалось ему воплощение в новых художественных формах содержания новой действительности, как он громоздил образы, гиперболы, как он переходил к риторической декламации, как он нагромождал количественные перечисления, каким застылым рационализмом вдруг начинало веять от некоторых его страниц, а ведь Маяковский — большой поэт, чьего влияния русская поэзия уже никак обойти не может. Новаторство содержания — это вовсе не легкое дело. На этом пути пролетарская литература выступила как движущая и перестраивающая струя.

Не надо понимать всего этого вульгарно. Конечно остальные советские писатели не просто слепо подражали пролетарским писателям. Конечно многие из них также пытались своевременно дать воплощение революции в образах. Они в свою очередь оказывали воздействие на пролетарских писателей. Я говорю о процессах влияния, о процессах взаимодействия, о воздействии подлинного новаторства содержания, которому подвергались сплошь да рядом самые крупные мастера советской литературы. «Гидроцентраль» Шагинян, «Соть» и «Скутаревский» Леонова, «Путешествие в страну, которой еще нет» Вс. Иванова появились после того, как эти темы были уже подняты в литературе, в первую голову пролетарскими писателями.

Констатирование этого факта не является умалением ни заслуг названных писателей, ни достоинства их художественных произведений. Новая литература не возникает, как пистолетный выстрел в ночи, она есть результат многообразных усилий писателей разной степени дарования, разных творческих направлений, увлекаемых преобразующей мир силой пролетарской революции, увлекаемых деятельностью пролетариата и в области литературы.

Когда я подчеркиваю роль пролетарской литературы в сдвигах, которые мы сейчас переживаем в области искусства, я не хочу сказать, что наша литература достигла уже завершающих достижений. Этого еще нет.

Отставание советской литературы от требований бурно растущих культурно масс рельефнее всего видно из того факта, что завод, рабочий класс, ударники — эти центральные фигуры нашей действительности—еще недостаточно удаются нашим писателям. «Ленинград» Чумандрина — явная неудача. Не совсем удалась и «Ведущая ось» Ильенкову, хотя замысел и размах поставленных проблем, широта картин в последней вещи не могут не привлечь читателя. Но и в этой области именно пролетарская литература выступает в роли новатора.

Я думаю, что переход такого писателя, как Ставский, к заводской тематике мог бы подвинуть нас значительно вперед в деле художественного отражения процессов, происходящих в самом сердце нашей революции — на наших фабриках и заводах.

Всемирно-исторические победы рабочего класса, все те процессы, о которых говорил т. Сталин в своей речи «Новая обстановка, новые условия хозяйственного строительства», вызвали поворот интеллигенции в нашу сторону. Рост и успехи пролетарской литературы помогли и помогают этому повороту в писательской среде. Мы помним еще такие вещи, как, скажем, «Трансвааль» Федина.

«Трансвааль» совершенно ясно рисует сомнения художника в том, кто же будет руководить хозяйственным, а следовательно и политическим развитием страны: коммунисты ли или же кулаки типа Сваакера, отвратительный облик которого казался Федину выражением сил, преувеличенных по сравнению с тем, какими они были на деле. Для большинства писателей, как и для большинства интеллигенции, эта полоса кончилась. Поворот в сторону советской власти растет, ширится, углубляется и закрепляется.

В советской литературе эта тема не только политически, но и художественно осмыслена.

Фактов, свидетельствующих об углублении и расширении этого поворота, приводилось довольно много. Я хочу лишь отметить следующее: без этого поворота в советской литературе не был бы возможен такой успех, как овладение тематикой капиталистического окружения. Наша советская литература научилась писать о капиталистическом мире, вскрывать его сущность, его противоречия, обнажать его ложь,— притом не о капитализме вообще, а о сегодняшнем, послевоенном капитализме с его кризисами, фа-

шизмом и социал-фашизмом. Такие произведения, как «Война» Тихонова, «Могила неизвестного солдата» Лидина, «О-Кей» Пильняка, «Подвиг» Лапина «Страна на замке» Кнехта, «Вступление» Германа, новые произведения Эренбурга, с разной силой мастерства свидетельствуют об этом.

Социально-техническая реконструкция страны вызывает могучий рост творческих сил не только в экономике, не только в политике, она оживляет жизненные силы страны по всем направлениям ее работы, во всех областях жизни. Она сказывается в советской литературе большим творческим под'емом, она сказывается приходом в литературу большого числа молодых писателей, которые все заполняющими, все крепнущими рядами идут на подкрепление более старых поколений советских писателей.

Мы имеем значительный рост молодняка из числа рабочих-ударников. Из них можно назвать целый ряд товарищей, как Михайлов, Пантелеев, Сидоров, Королев, Смирнов, Юханов и др., которые уже печатаются, которые уже достаточно отмечены в литературе.

Выдвинулся целый ряд новых, разнообразных по манере своего творчества писателей — Шухов, Пермитин, Габрилович, Славин, Лапин, Кнехт, Уксусов, Лаврухин, Митрофанов, Левин, Сослани, Самиджан, Соболев, Долецкий, Герман и т. д. и т. д.

Эта молодежь — гарантия дальнейших успехов советской литературы, расширения ее побед и ее обновляющего влияния на литературу других стран. Эта молодежь требует к себе огромного внимания, требует руководства со стороны всей писательской общественности, требует идейно-воспитывающей работы со стороны коммунистической фракции союза писателей.

Этот молодняк растет по самым разнообразным направлениям. Разные трудности встают перед ним. Творчество таких писателей, как Черненко, как Уксусов, является свидетельством необходимости настойчивой работы для молодых советских и пролетарских писателей над усвоением всего богатства культуры — и общей и специальной культуры формы. Нечего говорить, что это требование с особой силой относится к писателям, вышедшим из рядов кружковцев, из рядов ударников, пришедших в литературу. О том же по-иному свидетельствует интересное и привлекательное творчество Пермитина, причем для последнего так же, как и для писателей его типа, процесс расширения культурного богатства связан с проблемой преодоления опасности слишком большого локального оттенка, областнического оттенка в творчестве. Мы имеем здоровый рост Шухова, интересные, действительно обогащающие нашу литературу поиски новаторства у Лапина. Митрофанов несколько манерничает в области формы, и, что самое главное, он так же, как и другой молодой писатель, Левин, освещает нашу действительность неверным и более пессимистическим светом, чем это есть на деле.

Но как бы то ни было, хозяйственный под'ем, культурный под'ем, рост активности масс вызывают рост числа писателей, что требует к себе тщательного внимания. Этот факт — доказательство того, что поворот в сторону советской власти в области литературы происходит на базе роста по всем направлениям, в том числе и в области писательских кадров.

Рост пролетарских писателей, поворот советских писателей в сторону советской власти, выдвижение молодняка подготовлялись и происходят в обстановке классовой борьбы. Этот поворот встречает сопротивление и сопровождается колебаниями. Из недавнего, еще свежего прошлого можно напомнить некоторые выступления Пильняка, ряд произведений Сергеева-Ценского, «Впрок» Платонова. Такой же издевкой над советской действительностью, как «Впрок» Платонова, является «Бомбочада» Вагинова. В этом произведении интеллигенция изображена так, как будто ей негде притулиться в советской действительности. С юродской издевкой Вагинов рисует, что интел-

лигенту ничего другого не остается в советских условиях, как заполнять свое время для «души» после постылой «службы» гипертрофированным обжорством и бессмысленным коллекционированием конфектных бумажек.

Эти факты следует напомнить, ибо резолюция XVII конференции относится и к литературе. В ней сказано: «В дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки, что вместе с тем подчеркивает неизбежность сохранения, а в некоторых случаях и усиления буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся, неизбежность еще в течение длительного времени проникновения чуждых пролетариату, враждебных классовых влияний в среду рабочих и даже в партию. Ввиду этого перед партией стоит задача укрепления пролетарской диктатуры и дальнейшего развертывания борьбы с оппортунизмом и особенно с правым уклоном как главной опасностью на данном этапе».

Это положение резолюции относится ко всей массе трудящихся и особенно к интеллигенции, которая по самой своей природе способна часто к колебаниям. Большинство, подавляющее, самое талантливое большинство советских писателей повернулось в сторону советской власти, прочно связало себя с политикой рабочего класса, со строительством социализма. Тем не менее мы приводим это место из резолюции XVII партконференции, ибо знаем, что постановление ЦК о перестройке литературных организаций кое-кто пытался истолковать как амнистию всяким антиленинским, антимарксистским уклонам, кое-кто из правого крыла нашей литературы начал подумывать о том, что не им ли, мол, в новой обстановке будут принадлежать командные высоты в литературе.

Постановление ЦК вовсе не проповедует перевальского гуманизма в области литературы. Это постановление основано на том, что подавляющее большинство писателей — на нашей стороне, и в соответствии с этим мы должны строить сейчас свою политику.

Победы первой пятилетки привели к тому, что классовые сдвиги в советской литературе дают итог в нашу пользу. Фадеев прав, когда говорит, что практика лозунга «союзник или враг» рисовала соотношение классовых сил в литературе в извращенном виде. Он неправ однако в защите самого лозунга «союзник или враг».

В этих новых и сложных условиях, в условиях поворота большинства писателей в сторону политики компартии, роста пролетарских и колхозных кадров в литературе, выдвижения новых молодых писателей, в обстановке, когда соотношение классовых сил в литературе сложилось в нашу пользу, старые формы литературной жизни оказались негодными. Необходимость руководства растущим и множащимся литературным движением требует реорганизации формы литературной общественности, требует создания единого союза советских писателей. Восемь—десять лет тому назад, когда пролетарская литература находилась еще в начальной стадии своего роста, когда требовалась особая поддержка, особое внимание партии к ней, была создана РАПП. Рост пролетарской литературы, рост ее влияния, ведущая роль ее во всей советской литературе достигнуты с помощью партии, которая ей оказывалась и через РАПП. Этот рост не мог бы иметь места без борьбы, которая велась под руководством партии, в том числе и РАПП, в области литературы со всякими враждебными антимарксистскими, антиленинскими течениями.

Троцкий, перешедший в ряды контрреволюции, пытался привить советской литературе представление о том, что кадры беспартийных писателей, попутчики, неизбежно на определенной ступени развития отпадут от революции, перейдут в лагерь ее врагов. «Попутчики» были для Троцкого «мужи-

ковствующими». Очевидно, что троцкистское понимание попутничества было лишь перенесением в сферу искусства его насквозь враждебного марксизму-ленинизму учения о роли крестьянства в революции. Троцкистское понимание попутничества выросло на основе теории перманентной революции.

Положение Троцкого о невозможности создания пролетарской культуры в условиях диктатуры пролетариата, невозможности пролетарской литературы было лишь иной формулировкой его положения о невозможности построения социализма в одной стране.

Понятно, что без решительного разгрома троцкизма и троцкистских контрабандистов типа Горбачева были бы невозможны успехи советской литературы.

Я не буду подробно говорить о борьбе, которая велась против концепций Воронского, Полонского, Переверзева, Литфронта, формализма и т. д. и т. д. Без этой борьбы мы бы не одержали своих побед в литературе. Эта борьба не только избавила нас от ряда вражеских учений, она обогатила нас и положительной разработкой проблем, она является залогом нашего дальнейшего продвижения вперед. Мы и сейчас должны быть на-чеку. Известны случаи, когда правые элементы в литературе пытались под прикрытием якобы приветственного отношения к постановлению ЦК добиваться своих целей, а может быть и своего руководства на кое-каких участках литературы.

РАПП имеет за собой ряд заслуг, но то, что было плодотворным и разумным раньше, то пережило самое себя. Вот уже полтора - два года минимум, как в работе РАПП стали сказываться слишком интенсивно групповщина, опасность отрыва от политических задач современности, опасность самоизоляции от основных кадров советских писателей. Групповщина в РАПП усугублялась монопольным положением напостовской группы, она дробила силы в самой РАПП, она приводила к игнорированию партийной и товарищеской критики, она сплошь да рядом создавала ряд ненормальностей в работе. Групповщина и монопольное положение группы «На посту» уже стали тормозить литературное творчество. Из групповых соображений раздували одних писателей, замалчивали других. Конечно таким писателям, как Никифоров, как Бахметьев, который написал уже не одну книгу, который пишет новый большой роман, почти всей группе пролетарско-колхозных писателей: Замойскому, Дорогойченко и т. д., не уделяли достаточного внимания.

Чтобы правильно выполнить решение ЦК, нужно окончательно ликвидировать групповщину. Для этого созданы уже все предпосылки, но нужно помнить, что без критики ошибок, которые были в РАПП, без критики ошибок монопольной группы «На посту» групповщины не ликвидировать. Эта критика имеет в виду не изоляцию товарищей, а устранение препятствий для дальнейшей работы, создание условий для совместной работы. Критика эта нужна для преодоления сопротивления, непонимания, пассивности в выполнении решения ЦК.

Когда была опубликована упоминавшаяся мною уже неоднократно речь т. Сталина, секретариат РАПП принял особое постановление: «Речь т. Сталина и задачи РАПП».

Это постановление говорило о многих хороших вещах, но в то же время оно свидетельствовало о том, что все опасности и болезни, которые обнаружились в минувшем году в работе РАПП, приводили к упрощению, к вульгаризации в постановке больших задач, стоящих перед литературой.

В этом постановлении сказано:

«Первой и главной задачей, стоящей перед пролетарским литературным движением, является борьба за реализацию сделанных т. Сталиным указаний,

представляющих собой целую эпоху в нашем социалистическом наступлении. Литературный кружок, который ничего не сделал для того, чтобы ускорить выполнение указаний т. Сталина на своем предприятии, не может называться рапповским кружком.

Каждый раздел, каждый абзац речи т. Сталина — благодарная тема для художественного произведения».

Все это само по себе правильно. В самом деле, речь т. Сталина свидетельствовала о необходимости увеличения общественно-политической активности писателей, начиная от рабочего-кружковца и кончая самыми зрелыми нашими писателями. В самом деле, «каждое указание т. Сталина — благодарная тема для художественного произведения», но все это могло получить свое надлежащее освещение только при том условии, если бы в первую голову были сделаны выводы из положений т. Сталина о процессах, происходящих в советской интеллигенции, если бы требования т. Сталина о руководстве работой по существу были применены в специфических условиях литературы.

Теперь мы находимся в стадии организации единого союза советских писателей. Создание единого союза советских писателей вовсе не умаляет идейно-руководящей роли пролетарских писателей, писателей-коммунистов, наоборот,— уничтожение администрирования, отказ от командования создают настоящие условия для этой идейно-руководящей роли, создают атмосферу доверия большинства советских писателей по отношению к коммунистическому крылу советской литературы.

Мы должны внимательно и тщательно следить за тем, чтобы не повторялись рецидивы групповщины, чтобы не возникала новая групповщина. Всякой групповщине мы должны давать отпор, ибо она неизбежно повлечет за собой отрыв от политических задач современности, неизбежно умалит великое воспитывающее значение советской литературы. Сейчас создались условия для самого широкого товарищеского взаимодействия пролетарских коммунистических и беспартийных рядов советской литературы. Это взаимодействие принесет нам идейное обогащение, все растущее совершенство формы, все растущее богатство художественной культуры, освещение социалистического строительства в искусстве во всех его основных проявлениях, при этом подчас с новых, неожиданных для нас сторон. Из этого взаимодействия под руководством рабочего класса, при росте его художественных кадров, при росте колхозных кадров в литературе, при переходе в ряды социалистического строительства большинства советских писателей складывается и будет складываться социалистическая художественная литература.

Постановление ЦК от 23/IV этого года представляет образец подлинной диалектики. Это постановление и является реальным выводом из речи т. Сталина применительно к литературе. И лишь в рамках этого постановления приобретают значение положения, которые были отмечены в резолюциях секретариата РАПП.

Ни степень политической зрелости, ни степень теоретической зрелости еще сами по себе не создают искусства. Искусство — это особая надстройка, специфика которой дается образом. Конечно и специфичность искусства изображалась неверно, враждебно по отношению к марксизму-ленинизму Воронским, Полонским, Переверзевым, теорией «непосредственных впечатлений, Литфронтом» и т. д.

Говоря о специфике искусства, мы должны помнить, что и в этой области мы не сможем двигаться вперед, если мы не будем стоять на-страже завоеваний, достигнутых марксистско-ленинской критикой в борьбе с перечисленными учениями. Образная форма для искусства—это существенная форма, ибо со снятием этой формы падает самое искусство.

Нередко критика это забывает. Плеханов считал, что ложная, неверная мысль не может лечь в основу художественного произведения, и это неисторическое абстрактное положение мешает конкретному историческому анализу художественного произведения, его происхождения, его сути — единственному пути для марксистско-ленинского анализа искусства. Идея «Войны и мира», идея провидения — ложная идея, но кто же скажет, что «Война и мир» — произведение не художественное? Жизненная правда, полнота знания своего круга и умение выразить все это в искусстве сделали свое дело вопреки ложным предвзятым мнениям Толстого.

Есть критики, для которых искусство носит иллюстративный, вульгарно-прикладной характер. Для них искусство есть лишь технически из'яснительный прием для перевода на более доступный язык образов трудных теоретических или публицистических положений. Между тем дело обстоит значительно сложнее, чему доказательством может служить хотя бы то обстоятельство, что у художника замысел и об'ективный смысл его произведения не всегда в истории литературы совпадают.

Гоголь был мракобесом и реакционером. Он написал «Ревизора» и «Мертвые души» в целях защиты и оправдания режима Николая I. Но его произведения стали могучим средством для критики всей николаевской действительности.

Бальзак политически был легитимистом, но его реализм, который проявлялся вопреки его взглядам, приводил к тому, что он видел настоящих людей будущего в революционной среде. Эти расхождения между идейным замыслом писателя и результатами его художественного творчества вовсе не являются плюсом. Наоборот, это минус, это недостаток, который нередко ломает художественную ткань произведения, но этот факт с наглядной силой обнаруживает невозможность игнорирования специфической природы искусства. Специфическая природа искусства накладывает на критику обязанность заниматься не только вскрытием классового и идейного смысла творчества писателя, но и меры его таланта, его художественных достоинств. Всю сложность исследуемого явления должен иметь в виду критик и человек, который хочет руководить литературой.

Целый ряд писателей политически искренно заявляет о своей поддержке пролетариата, о своем желании участвовать в борьбе за построение социализма. Задача критики в этом случае заключается в товарищеской помощи, в дружеской поддержке даже тогда, когда писатель с трудом, с ошибками отражает свое новое политическое понимание в своем художественном творчестве. Вот поэтому и говорим мы о товарищеском тоне критики. К врагу мы должны относиться, как к врагу, со всей беспощадностью, к какой способны только большевики. Мы должны разоблачать приспособленцев. Но к друзьям мы должны относиться без лести, но и без дубины. Критика должна быть не менее правдива, чем само художественное творчество.

В РАПП последнее время не умели делать необходимые выводы из специфичности искусства, из сложности его. Администрирование в литературе иногда опиралось на забвение сложности и специфичности литературного процесса, а иногда приводило к нему. Это забвение нашло свое теоретическое прокламирование в письме о развертывании творческой дискуссии секретариата РАПП. «Художественный метод писателя,—указывало руководство РАПП, — не может быть оторван от идеологии, от всего его — писателя — миросозерцания в целом». Это положение является совершенно правильным и бесспорным. Но дальше идет следующий абзац: «Больше того, художественный метод полностью и целиком подчиняется всей его (писателя) идеологической установке» (ссылка на Авербаха, сб. «Творческие пути»).

Вот это указание на то, что художественный метод полностью и целиком подчиняется идеологической установке писателя... является уже упрощением и вульгаризацией. Я уже приводил ряд примеров из истории литературы, которые подтверждают это. Можно привести такой известный пример, как, скажем, «Дурные пастыри» Октава Мирбо. Искусство находится в тесной связи с другими надстройками, оно находится под воздействием и руководством политики. Социально-политические отношения, экономика, политика руководят и искусством. Но эта зависимость искусства от политики, от идеологии не так прямолинейна и упрощена, как это представляет себе т. Авербах. При таком упрощенном представлении о сложности искусства мы неизбежно придем к администрированию над писателем, к дерганию писателя там, где нужно лишь идейно-руководящее воздействие.

Нельзя вести борьбы за высокий художественный уровень, за рост культуры слова и мастерства без изучения литературного прошлого, без критического усвоения литературного наследства. В спорах, которые в прошлом велись в РАПП, об отношении к литературному наследству крылось начало той ошибки, о которой я говорил выше. В противовес Литфронту, который и в теории и в практике приводил к уничтожению самого искусства, который считал возможным рекомендовать для изучения и усвоения опыта прошлого только писателей тенденциозных, притом в своем упрощенном понимании, РАПП выдвигал для изучения только определенное направление в литературе прошлого, только писателей-реалистов, причем была тенденция отождествлять реализм с более или менее ясно осознанным материализмом.

Между тем дело здесь обстоит значительно сложнее. Мы имеем право критически учиться не только у Флобера, Стендаля, но и у Гейне, не только у Толстого, но отчасти и у Достоевского. Мы вправе черпать для достижения своих целей, для совершенствования своей литературы, своего искусства и из опыта реалистов, и из опыта романтиков. В марксизме нет ничего сектантского, он вырос не из голого отрицания прошлых достижений человеческой мысли, а из диалектического их преодоления. В этом преодолении сохранилось все то, что имело в себе жизнеспособные силы. Ленин в известной статье «Три источника и три составных части марксизма» подчеркивает, что в марксизме, как в теории, нет ничего сектантского. Марксизм вырос на столбовой дороге западноевропейской науки как ее продолжение и как ее преодоление. Марксизм дал ответы на вопросы, которые жизнью и наукой были уже поставлены до него, но на которые нельзя было ответить удовлетворительно с точки зрения буржуазии или мелкой буржуазии. Лишь выступление рабочего класса в истории в качестве самостоятельного и созревшего класса позволило Марксу удовлетворительно разрешить проблемы, над которыми бились тщетно головы его предшественников. Именно поэтому марксизм и вырос, по выражению Ленина, как прямое и непосредственное продолжение старой, до него существовавшей науки.

И в области литературы у нас не должно быть ничего сектантского. Мы вправе критически учиться у всех тех писателей, которые в своем творчестве выражали тенденции прогрессивных и революционных классов, хотя бы они были романтиками, как Гейне, вправе учиться мастерству, форме и у тех писателей, которые двигали искусство вперед. Нам нечего делать в смысле критического усвоения опыта лишь с теми писателями, которые уже выпадают со столбовой дороги литературы, с писателями разложения формы и идейного краха. Мы можем критически учиться у тех, которые представляют в своем творчестве линию более или менее углубленной критики господствующих эксплоатирующих классов и совершенствования формы. Оценивая писателей прошлого идейно и по содержанию, мы в то же время не должны пренебрегать формой. Мы не должны искать писателей только с «правильным»

образом мыслей — мы должны брать литературу и искусство во всей их сложности. Бальзак был легитимист, но вы помните отзыв Энгельса о нем.

Идейная ясность в гармоническом сочетании с богатством и совершенством формы—это цель, к которой надо итти, к которой надо стремиться, за которую надо бороться.

Для достижения этой цели советской литературой созданы все необходимые условия. Случаи расхождения между идейным замыслом и художественным воплощением очень часто зависели и зависят от классовых причин. Мировоззрение Глеба Успенского было иллюзорным мировоззрением мелкобуржуазного народничества, но мера об'ективного воспроизведения русской действительности в его творчестве, мера его реализма была так велика, что смысл его творчества, его художественных произведений доказывал обратное тому, во что он верил как народник. Его творчество доказывало разрушение устоев, проникновение капитализма в отсталую русскую деревню.

Гончаров, дореформенный буржуа, сросшийся с бюрократическим капиталистическим строем, в «Обломове» настолько художественно верно отобразил расхождение между словом и делом, лицемерную смехотворность усилий к реформам, к изменениям со стороны правящих классов, что дал Добролюбову возможность создать из Обломова бессмертный образ либерала.

Мера об'ективного отображения действительности в художественном творчестве оказалась, вопреки желанию авторов, выше, чем иллюзорный социальный романтизм Успенского, выше, чем ограниченность точки зрения царского чиновника Гончарова.

У пролетарского и советского писателя нередко бывает наоборот. Его политический смысл достаточно развит, его художественное воплощение бедно, схематично, риторично, но это беды, которые мы можем преодолеть. Талантами мы богаты. Пролетарская революция дала возможность выявлению буквально всех талантов, а не только талантов счастливых одиночек. «Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубины на поверхность жизни»— говорил Ленин в своих беседах с К. Цеткин. Мастерство можно совершенствовать. Культура добывается и совершенствуется в труде, в учебе. Но проблему совершенствования нашего советского искусства нельзя разрешить без заботы о богатстве и красоте формальной стороны. В конце концов в наших условиях всякий желающий учиться марксизму имеет для этого все необходимые условия. Изучение мастерства при этом приобретает особое значение. Поэтому забота о мастерстве ни в коем случае не должна покидать нас в наших заботах о создании подлинно социалистических произведений искусства.

В советских условиях, в социалистическом государстве мы имеем наконец все возможности для осуществления идеала искусства, о котором Энгельс писал Лассалю: «Полное слияние большой идейной глубины сознательного исторического содержания, которое вы справедливо приписываете немецкой драме, с шекспировской живостью и богатством действия будет вероятно достигнуто лишь в будущем, и может быть вовсе даже не немцами. Правда, именно в этом слиянии я вижу будущее драмы».

Но для того, чтобы добиться этого полного слияния большой идейной глубины с шекспировской живостью и богатством действия, нельзя упрощать дела литературы. Нужно к литературе относиться, как к литературе. Нужно не только вскрывать социальный замысел и идейное содержание, но заботиться о ее художественных достоинствах, о ее композиции, о мастерстве формы и т. д. Мы для этого достаточно выросли. Наш народ, как говорил Ленин, достоин не зрелищ, а подлинно великого искусства, т. е. богатого по содержанию и прекрасного по форме.

Письмо о развертывании творческой дискуссии в РАПП исходило из

лозунга диалектико-материалистического творческого метода. В письме было сказано: «Напостовство впервые поставило вопрос о диалектико-материалистическом художественном методе в пролетарской литературе. Ни один из творческих лозунгов напостовства невозможно отрывать от этого основного и решающего исходного пункта, все остальные лозунги являются ступенями на пути овладения диалектико-материалистическим методом пролетлитературы».

А между тем лозунг «диалектико-материалистического творческого метода» является лозунгом упрощенческим. Почему? Разве мы, разве Оргкомитет против диалектического материализма? Нет, ни в коем случае. Критика может быть плодотворной и успешной, только руководствуясь методом диалектического материализма, только если она, как все наше обществознание, будет марксистско-ленинской критикой. Ревизии этого положения мы будем давать решительный отпор.

Далее. Чем глубже, чем вернее художник будет воплощать в своем произведении существенную сторону действительности, перспективы, тенденции, цели ее развития, тем больше в его произведении будет элементов диалектики и материализма. Да в прошлом так и бывало: Гете и Шекспир — это художники, из творчества которых мы не без основания можем черпать богатый ряд иллюстраций для об'яснения того, чем же является диалектический метод.

Художник зависит от своего мировоззрения, которое никогда не бывает мировоззрением одиночки, а мировоззрением группы, класса в определенных исторических условиях. Мы за диалектический материализм в искусстве, и тем не менее лозунг — «диалектико-материалистический творческий метод» является лозунгом неправильным: он упрощает дело, он сложную связь, сложную зависимость художественного творчества от идеологического замысла, сложную зависимость художника от мировоззрения своего класса превращает в абсолютно автоматически действующий закон.

Художник иногда приходит к правильным и поучительным выводам в искусстве вопреки своему мировоззрению, в какой-то борьбе со своим мировоззрением. Это минус для искусства. Но что это бывает, этого ни забывать, ни игнорировать нельзя. Забвение этого приводит к насильственному администрированию там, где писателю надо дать возможность пройти самому плодотворный путь к диалектическому материализму лишь при идейном руководстве, при помощи со стороны критика-марксиста.

Лозунг диалектико-материалистического творческого метода в сочетании с лозунгом «союзник или враг», при котором овладение писателем методом диамата превращалось часто в критерий его принадлежности к разряду союзников или врагов, был лозунгом грубого голого администрирования; он неизбежно приводил к школьному, к схоластическому применению диалектики в самой критике, к такому применению, которое ничего общего с диалектическим материализмом Маркса, Энгельса, Ленина не имеет. Он обучал критика не анализу всей сложности литературной действительности при помощи диалектического материализма, он обучал критика применению «диамата», как застылого, раз навсегда данного аршина, игнорирующего все многообразие, всю сложность литературной действительности. Вот почему оказалось, что, согласно критике «На лит. посту», соотношение классовых сил стало выглядеть в литературе не в пользу, а в противоположность тому, что мы имеем в действительности, — и вовсе не вследствие бесталанности десятка или двух десятков критиков, как это полагает т. Фадеев.

Нельзя упрощать сложное дело искусства. Форма в искусстве—существенная сторона. Воспитательное действие того из двух произведений искусства с одинаковым идейным содержанием окажется большим, чья художественная форма более совершенна.

* * *

Для того, чтобы понять, какой же путь является наиболее плодотворным для нашей художественной литературы, какой путь обеспечит наилучшие условия для ее роста, обратимся к реальной литературной действительности. Ведь мы говорили о ведущей идейной роли пролетарской литературы. Мы говорили о повороте, об успехах всей советской литературы. Обращение к литературным произведениям покажет нам, на каком пути мы одержали свои успехи, поможет нам осознать этот путь, покажет нам, на каком пути мы можем ускорить здоровый рост советской литературы.

Вот несколько примеров.

«Разгром» Фадеева — повесть о партизанском отряде в Сибири, разгромленном белыми. Фадеев выводит фигуры партизан правдиво, со всеми их сильными и слабыми сторонами, с их положительными и отрицательными качествами. Он показал в отряде и Мечика—партизана из интеллигентов, романтика в старом смысле этого слова, оказавшегося предателем. Фадеев изображает внимательно и любовно внутреннюю психологическую жизнь своих героев. Учась у Толстого, Фадеев умеет изображать психологическую жизнь с прозрачной ясностью. Психология его героев разумна в том смысле, что в ней нет ничего темного, недоступного наблюдению и пониманию со стороны человеческого разума. Всеми этими средствами Фадеев пользуется для того, чтобы рассказать, как большевистская воля преодолевает слабости, сплачивает разнородные элементы в боевое единство, как в поражении не никнет воля к победе. Рисуя поражения партизанского отряда в одной операции, Фадеев оставляет нас в уверенности в победе; он дает перспективу победы революции в целом. Этот путь изображения нашей революции, нашей действительности—законный путь.

Возьмем другой пример,— «Бруски» Панферова. Панферова характеризует интерес к изображению социального коллектива, интерес к жизни целого, интерес к воплощению в художественных образах экономических условий существования интересующего его коллектива. Уже на основе этого он рисует психологию действующих лиц, причем с меньшей скрупулезностью, чем Фадеев. И он рисует все трудности в образовании и росте колхоза, столкновение просыпающихся внезапно частнособственнических навыков колхозников с общегосударственными интересами. В то же время через все трудности, при всех недостатках описываемого им человеческого материала он показывает линию роста колхоза, линию победы колхозного движения, линию преодоления частнособственнических инстинктов и навыков. «Бруски» изображают, как трудящиеся крестьяне через колхозное движение включаются в социалистическое строительство нашей страны.

Таков же смысл «Поднятой целины» Шолохова, «Ненависти» Шухова. Разберем вкратце новый роман Леонова «Скутаревский». Если для Фадеева характерно влияние Толстого, то для Леонова характерно влияние Достоевского. То, что понимание нашей советской действительности у Леонова не идет еще до самого конца, видно из оттенка иронии при обрисовке им сегодняшнего, еще подчас трудного быта Советской России. Может быть отчасти этим и об'ясняется сумрачный мглистый тон, характерный для романа. Но в самом главном, в обрисовке тенденций развития нашей действительности, ее побеждающих сторон, Леонов прав. Поэтому он и мог с такой симпатией нарисовать Скутаревского. Поэтому художественно выпукло изображены им вредители и их гадости.

Роман о Скутаревском — это роман о научной неудаче Скутаревского. Скутаревский занят проблемой передачи токов высокого напряжения без проводов. Такт художника подсказал Леонову показать неудачу

в разрешении этой проблемы на сегодняшний день. Скутанично впадает в отчаяние, и в этот трудный момент, когда Скутаеи, порвавший с сыном вредителем, переживает тяжелую и трудную уту, к нему приходит на помощь рука коммуниста, его окружает огромным вниманием рабочий коллектив. Леонов сумел показать, что советская действительность открывает самые широкие пути для разрешения труднейших научных проблем, что неудача Скутаревского была только временной неудачей.

Произведение Иванова «Путешествие в страну, которой еще нет» прошло не то совсем незамеченным, не то подверглось той дубинной критике, о которой я говорил выше. Об'ясняется это повидимому тем, что для Иванова характерна любовь к изображению темных уголков нашей психики, любовь к алогичному, к изображению таких поступков, которые формально иногда не имеют под собой никаких разумных мотивов, никаких разумных оснований. На этом пути им была написана книга «Тайное тайных», справедливо подвергшаяся суровой оценке нашей критики. Но в «Путешествии в страну, которой еще нет» эта особенность художественного творчества Вс. Иванова направлена к показу борьбы за рост производительных сил страны, к показу классовой борьбы, которая развертывается на путях изысканий новых источников нефти и через победу коммунистов и рабочих. Вс. Иванов изображает здесь вовлечение долины ТБА в социалистическую промышленность.

Роман Тихонова «Война» дает рельефное изображение отдельных, хотя и весьма существенных, сторон империалистической войны, подготовки к новой войне. Это произведение воспитывает в читателе ненависть к империализму. Хотя и с недостаточно образной силой оно открывает перспективу революционного выхода из войны. Тихонов терпит еще неудачу в изображении масс, в изображении линии столкновения и пересечения социальных сил, но тем не менее отдельные стороны империалистической действительности он изображает с выпуклой яркостью и жизненной правдой.

Я взял только отдельные примеры. В советской литературе есть немало других произведений, которые с неменьшим, может даже и с большим правом могут быть названы в этой связи. Меня интересует не перечисление ряда или всех лучших произведений советской литературы и не их анализ. Важно то, что во всех примерах, которые я привел, взятых из творчества самых разнообразных, индивидуально не похожих друг на друга писателей, мы имеем в той или иной мере, с теми или иными недостатками, с той или иной степенью приближения правдивое изображение советской действительности и отчасти действительности империалистического мира с положительными и отрицательными моментами, с изображением в той или иной мере тенденций развития, перспектив победы революции, социализма даже тогда, когда конец произведения формально так называемый «несчастливый» конец, как в «Разгроме» Фадеева или в «Скутаревском» Леонова.

Такое правдивое, верное изображение богатства и сложности жизни в ее положительных и отрицательных моментах, в ее существенном историческом содержании с побеждающими тенденциями ее развития мы вправе называть социалистическим реализмом. Мы считаем, что социалистический реализм наиболее плодотворен для развития нашей советской литературы. Мы его не предписываем административно и никакими административными мероприятиями мы не будем добиваться его утверждения в жизни. Но мы считаем, что именно на основе более или менее осознанного социалистического реализма советская литература достигла своих наибольших результатов. Мы считаем, что именно на этом пути советская литература будет совершенствоваться и развиваться дальше. Как я уже указывал на примере

«Разгрома» и «Скутаревского», формально несчастливый конец, формальная неудача в изображении отдельных эпизодов революционной борьбы не могут служить препятствием для того, чтобы показать побеждающую перспективу пролетарской революции.

Социалистический реализм воспитывает в читателе бодрое ощущение уже достигнутых побед и бодрую волю к дальнейшей борьбе. Эта бодрость неизбежно вытекает из правды нашей действительности, из того, что в самом деле в первый раз в истории человечества трудящиеся под руководством пролетариата достигли таких успехов в создании строя, где вовсе не будет эксплоатации человека человеком.

Ознакомление с литературными высказываниями Маркса, Энгельса и Ленина чрезвычайно помогает нам в уяснении того, что мы называем социалистическим реализмом. Я приведу здесь следующее суждение Энгельса о Бальзаке в его письме к Маргарет Гаркнес.

«Если я что-нибудь могу подвергнуть критике, то это может быть только тот факт, что рассказ недостаточно реалистичен. На мой взгляд, реализм подразумевает кроме правдивости деталей верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах. Революционный отпор рабочего класса угнетающему его окружению, его судорожные попытки — полусознательные или сознательные — добиваться своих человеческих прав являются частью истории и могут претендовать на место в области реализма».

Верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах обеспечивает, согласно мнению Энгельса, передачу исторического смысла эпохи, если при этом общий смысл эпохи, тенденции ее развития отразятся в частной сюжетной линии реалистического художественного произведения. Бальзак потому был реалистом, столь высоко ценимым Марксом и Энгельсом, что он вопреки собственным предрассудкам видел людей будущего там, где их только и можно было искать, в революционных представителях народных масс.

«То, что Бальзак был принужден итти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, то, что он видел неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он видел настоящих людей будущего там, где в это время их только можно было найти, это я считаю одной из величайших особенностей старика Бальзака».

Мы можем учиться делать сознательно то, что Бальзак делает вопреки своим легитимистическим убеждениям. Ведь мы стоим не только перед перспективами победы революционных масс, но и плоды этих побед, одержанных под руководством рабочего класса, уже в наших руках. Мы можем богаче, сознательнее, рельефнее, многограннее, живее изображать рождение нового, его победу над старым в художественной литературе. Реалистическое произведение в нашем смысле слова для нашей литературы это уже будет социалистическое реалистическое произведение, если оно правдиво воплотит в своих художественных образах существенное содержание об'ективной действительности строящегося социализма или мировой пролетарской революции. Глубочайшее внимание к форме мы провозглашаем не во имя пренебрежения содержанием искусства, а во имя достойного воплощения богатого существенного содержания. Существенное содержание в классовом обществе всегда связано с художественным изображением классового смысла и классовых взаимоотношений куска жизни, взятого для изображения в художественном произведении. Социалистический реализм не может миновать соотношения взятой темы к проблеме революции, об'яснения и разрешения этой темы революционным конфликтом своего времени. Богатое идейное

содержание произведения связано именно с этим. Богатое идейное содержание искусства — это не богатство абстрактных внеисторических идей. Оно связано с искусством, стоящим на уровне жизни своей эпохи, ее прогрессивных начал, сумевшим верно отразить революцию. Именно с этой точки зрения Маркс оценивал драму Лассаля «Франц фон-Зикинген». «Если поэтому ты не хотел просто свести коллизию к той, которая изображена в Гетце фон-Берлихингене, — а это не входило в твои планы, — то Зикинген и Гуттен должны были погибнуть потому, что они в своем воображении были революционерами (последнего нельзя сказать о Гетце), и совсем, как образованное польское дворянство 1830 г., сделались, с одной стороны, оружием современных идей, а с другой, фактически представляли реакционный классовый интерес. Но в таком случае дворянские представители революции — за чьими лозунгами о единстве и свободе все еще таится мечта о старой императорской власти и кулачном праве — не должны были значит так всецело поглотить весь интерес, как это случилось у тебя: представители крестьян (их-то особенно) и революционных элементов в городах должны были составить существенный активный фон. Тогда ты мог бы, и в гораздо большей мере, выразить как раз наисовременнейшие идеи в их чистейшей форме, теперь же главной идеей фактически остается у тебя наряду с религиозной свободой гражданское единство. Тебе само собой пришлось бы тогда больше шекспиризировать, между тем как сейчас я считаю шиллеровщину, превращение индивидов в простые рупоры духа времени, твоим крупнейшим недостатком. Не впал ли ты до известной степени сам, как твой Франц фон-Зикинген, в ту дипломатическую ошибку, что поставил лютеровско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской?»

Проблема реализма, проблема социалистического реализма — это проблема верного воплощения в искусстве об'ективной действительности эпохи, ее существа, ее классового смысла, ее классовых сдвигов и разрешения ее противоречий.

С этим теснейшим образом связаны вопросы формы. При неправильно или даже недостаточно верно изображенной исторической эпохе, при подсказанной вследствие этого читателю всем ходом действия иной идее, чем та, которая задумана автором (если речь идет о писателе, который идейно уже понимает смысл эпохи) или при неумении достаточно полно выразить свою идею в конкретных образах писателю приходится излагать свои мысли в непосредственной ораторской речи, риторизировать, а не шекспиризировать, как выражается Маркс, т. е. выступать не в качестве творца, полного хозяина своих образов, через образную наглядность доводящего до читателя свои мысли.

Конечно сочетание сознательного понимания эпохи, идейной ясности с «шекспировской жизненностью» является значительным плюсом. Для этого сочетания, как я уже говорил, у советского писателя значительно больше условий, чем они были, скажем, у Бальзака. Зрелое, передовое марксистско-ленинское мировоззрение — огромное преимущество, нужно однако помнить, что художнику без знания жизни в ее конкретности правдиво воплощать жизнь в искусстве нельзя. Без знания жизни, событий в их конкретности, в их полнокровной полноте не может быть художника.

Не зная биографии Горького, не понимая того, что Горький на собственной шкуре узнал все «прелести» русской действительности, мы не можем понять достижений Горького как художника. То, что Толстой принимал участие в севастопольской обороне и участвовал в военных операциях, не пропало даром. Можно сказать, что без этого опыта он бы не смог так художественно рельефно написать свои батальные картины в «Войне и мире».

Художнику необходимо знание жизни. Он образы свои черпает из действительности, из жизни. Чем богаче его жизненный опыт, тем богаче будет запас его образов, тем свободнее он будет творить свои образы, которые ему нужны для его цели. В то же время чем глубже, чем яснее понимание художника, тем больше он будет хозяином над своими творениями, тем легче, тем живее, свободнее и совершеннее он будет оперировать своими образами для осуществления своих идейных замыслов, а передовые идейные замыслы в наше время даются только миросозерцанием рабочего класса.

И Ленин в своих статьях о Толстом показал, что Толстой велик именно потому, что он в своем творчестве верно отразил русскую революцию, что творчество Толстого — это зеркало русской революции.

Только сумев выразить в своих произведениях художественными средствами глубокое и существенное содержание эпохи революции или подготовляющих революцию конфликтов, художник может создать большое искусство, большое социалистическое искусство огромного воспитательного значения. Самое простое раскрытие содержания лозунга социалистического реализма заключается в требовании от художника правды, верного изображения в искусстве жизни, ее существенных исторических процессов со всеми ее плюсами и минусами, с ее трудностями и победами, с побеждающим началом социалистической революции, побеждающим, несмотря на трудности, препятствия, противодействия врагов.

Правдивое изображение существенных сторон действительности должно приводить к вскрытию за иллюзиями действующих лиц реального содержания их деятельности.

Вот поэтому Маркс писал о Лассале, что «последний должен был вскрыть за иллюзорной революционностью своих героев их реакционный классовый интерес». Разоблачение реакционности революционной иллюзорной фразеологии выбранных Лассалем персонажей могло быть результатом только правильного понимания эпохи и верного ее отражения в искусстве. Это разоблачение дало бы возможность Лассалю перенести внимание читателя на реальных исторических героев, представляющих интерес для подлинно революционного художника, в данном случае на крестьянство, на революционные элементы городов. Ведь идея целого произведения зависит не только от намерения автора, но и от правдивого изображения сущности воплощаемой в искусстве действительности.

Неправильный выбор героев (истинными революционерами были не рыцари, а крестьяне, революционные элементы городов), доверие к иллюзиям Балтасара привели к тому, что Лассаль выразил не современнейшие идеи в их чистейшей форме, а идеи религиозной свободы, идеи гражданского единства.

Лозунг срывания всех и всяческих масок является действительно важным лозунгом, связанным и подчиненным лозунгу социалистического реализма. Положение о срывании всех и всяческих масок подчинено лозунгу социалистического реализма, как часть целому. Ленинское положение о срывании всех и всяческих масок, данное им в статьях о Толстом, часто неправильно толковалось как лозунг, исчерпывающий вскрытие искусством сущности действительности. Такое понимание этого лозунга конечно является неправильным. Между тем до недавнего времени именно так он и толковался Селивановским, Ермиловым и др.

Когда Фадеев разоблачает Мечика, показывает иллюзорность его революционности, вскрывает за ней лжереволюционность предателя, он по-ленински применяет лозунг срывания всех и всяческих масок, но показывая в недостаточно культурном, озорном Морозко преданного партизана, преданного борца за советскую власть, ему незачем применять этот лозунг (в Морозко

нет лжи и фальши, в ложном свете представляющих его истинные качества), наоборот, он показывает его настоящее, существенное содержание. И «Разгром» конечно не мог бы быть написан, если бы Фадеев ставил перед собой только чисто отрицательную задачу разоблачения Мечика, если бы он не вывел Левинсона, главного своего героя, если бы не нарисовал Морозко и т. д. Социалистический реализм заключает в себе и вскрытие положительной сущности героев и разоблачение фальши и лжи наших врагов, причем обе эти задачи связаны между собой.

Те же замечания можно было бы сделать относительно раскрытия Шолоховым образа Якова Лукича в «Поднятой целине». На одном Якове Лукиче, без творческого изображения положительных героев романа, самый роман нельзя было бы построить, подобно тому как колхозное движение нельзя было бы поднять без преданных делу коммунистов, пролетариев, бедняков, середняков, путем одного разгрома явных и скрытых врагов рабочего класса.

Когда Лидин разоблачает лицемерие и фальшь культа «Могилы неизвестного солдата», созданного во всех империалистических странах после мировой войны 1914—1918 годов, он следует лозунгу срывания всех и всяческих масок. Конечно выдвижение в центр повествования активных борцов за ниспровержение капитализма помогло бы сделать ему свое произведение более энергичным, более напряженным и в отношении художественной формы.

Может быть кто-нибудь заявит, что так как марксизм-ленинизм всегда дает точный научный анализ закономерностей процесса общественного развития, самый точный анализ отношений всех классов и партий современного общества, то надо-де сделать вывод, что из выдвижения на первый план требования социалистического реализма вытекает и однообразное воплощение действительности в искусстве, вытекает пропаганда схемы, обязательной для всех художников. Такое понимание было бы сплошной вульгаризацией марксизма-ленинизма. Оно не имеет под собой ни малейшего основания. Лозунг социалистического реализма открывает собой огромный простор для творческой индивидуальности художника, огромный простор для проявления его творческих способностей, его творческой фантазии.

Художественная литература выражает сущность жизни, ее закономерности в форме облеченных в плоть и кровь событий. Жизнь настолько богата событиями, так хитер и извилист бывает ее ход, закон потому и закон, что он управляет тысячами и тысячами индивидуальных событий, что сколько еще ни выдвинет талантов плодоносная советская земля, они все по-разному в великом изобилии смогут черпать для себя темы, творчески изобретать сюжеты и фабулу, по-разному их обрабатывать.

Когда Энгельс дает свою трактовку «Зикингену», когда он указывает на необходимость введения в действие драмы революционных элементов городов и крестьянства, что придало бы драме характер подлинного революционного реализма, он не забывает добавить: «впрочем все это только один из способов, как можно было ввести в драму крестьянское и плебейское движение, и существует по крайней мере еще десяток других, столь же или более подходящих». Это значит, что на теме одного «Зикингена» можно было бы построить по крайней мере десяток различных драм.

Энгельс чрезвычайно настойчиво подчеркивает необходимость полноты и рельефности изображения человеческих образов в искусстве, что не имеет ничего общего с какой-либо схемой.

Уже в письмах к Лассалю он писал: «Личность характ ризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает, и с этой стороны идейному содержанию вашей драмы не повредило бы, я думаю, если бы от-

дельные характеры бы[ли] несколько резче разграничены и противопоставлены друг другу». К этой [мысли] Энгельс возвращается неоднократно. Так Энгельс писал Минне Ка[утской] относительно ее литературных произведений: «Характеры той и[ли] иной среды обрисованы с обычной для вас четкостью индивидуализации. Каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, как говорил старик Гегель. Так оно и должно быть. Хотя беспристрастия ради я должен найти и что-нибудь отрицательное. И тут мне приходит на память Арнольд. В самом деле, он чересчур безупречен, и если он в конце концов погибает, упав с горы, то примирить это с фактической справедливостью можно разве лишь тем, что он слишком был хорош для этого мира. Но всегда скверно, если автор влюблен в своего героя, и мне кажется, что в данном случае вы отчасти поддались этой слабости. Эльза еще носит черты личности, хотя тоже несколько идеализированно, но в Арнольде личность еще более растворяется в принципе».

Вы видите, что Энгельс очень ясно выступает против абстрактного, схематического, неполнокровного изображения личности. Он выступает конечно против дурной индивидуализации, т. е. против такой индивидуализации, которая подчеркивает поверхностные личные черты, не скрывающие за собой никаких существенных обстоятельств, не создающие типического характерного образа, но в то же время он со всей силой доказывает необходимость подлинной, настоящей индивидуализации в искусстве, когда типический образ, действуя в типических обстоятельствах живо, рельефно, индивидуально, особенно, воплощает вполне художественно жизненное положение, классовую группу, к которой эта личность принадлежит, является выразительницей наиболее современных идей.

Личность в искусстве должна быть изображена живо, характерно, действенно, а так как класс — это диалектическое единство миллионов личностей с самыми разнообразными индивидуальностями, так как в борьбе за цели класса могут с великолепной полнотой выразиться тысячи и тысячи отдельных личностей, то и художник может найти тысячи самых разнообразных способов для того, чтобы дать особенно рельефную индивидуальность, воплощающую в своем действии существенное начало общественной жизни. Чем сильнее талант художника и его мастерство, чем полнее его власть над своим творением, тем глубже, тем индивидуализированней будут выведены типические личности в искусстве.

В нашей литературной жизни имела место достаточно ожесточенная борьба по вопросу о том, как изображать личность: нужно ли при этом рисовать ее психологию или не нужно. Литфронт, о качествах которого я уже упоминал, с большей или меньшей откровенностью исходил из того, что личность нужно рисовать апсихологически. Это конечно неверно. Нельзя дать живой действенный образ в виде какого-то человека-автомата, человека-машины.

Но, с другой стороны, при правильной критике этого положения руководящими работниками РАПП, рядом товарищей, отчасти Авербахом и в особенности Ермиловым и Либединским, была сделана другая ошибка, которая сводила требования реализма по сути дела к требованиям суб'ективного идеализма. Замена социалистического реализма суб'ективным идеализмом в искусстве ведет к таким ошибкам, как «Рождение героя» Либединского,— произведение, достаточно известное всем, интересующимся литературой. Мы должны еще раз напомнить чрезвычайно важную для художника мысль Ленина: «Не понимая дел,— писал Ленин Горькому,— нельзя понять и людей, иначе, как...э внешне. То-есть можно понять психологию того или иного участника борьбы, но не смысл борьбы, не значение ее, партийное и политическое».

Идеалистическое субъективистическое воспроизведение действительности противоречит социалистическому реализму.

Как пример, иллюстрирующий это, может быть назван роман Зарудина «30 ночей на винограднике». Зарудин создал своих героев путем проекции в роман в качестве самостоятельных личностей отдельных сторон психики интеллигента.

Он пишет в заключающем роман письме: «Автор попробовал наметить некоторые черты своего поколения и символизировал эти начала выдуманными героями. Рассказ очень прост: жил был один человек; в его душе сражались эти начала. Вот и все».

Главнейшие стороны психики интеллигента, которые считает необходимым воплотить в отдельных образах Зарудин,— это стороны стихийности чувств, с одной стороны, и стихийности разума и воли — с другой. Эти стороны обозначены именами персонажей — Лирика и Поджигателя. Но синтез этих начал, о котором говорит эпиграф из Горького, у Зарудина никак не получается; все богатство красок, которое мог только почерпнуть Зарудин из прошлой литературной истории и импрессионистической живописи, он употребил на то, чтобы эстетически разукрасить буржуазный индивидуализм и горестно оплакивать его гибель. Его роман не выкорчевывает буржуазно-индивидуалистических черт из человеческой психологии. Он обращает своего читателя вспять. Он задерживает его на позициях старого гибнущего индивидуалистического мира.

Социалистическому реализму враждебно противостоит неверное, неправильное изображение нашей действительности во имя оправдания буржуазных начал, во имя оправдания реакционной, осужденной на слом действительности.

Реакционные тенденции иногда тоже могут приводить к реалистическому изображению деталей, но этот реализм является реализмом лживым, ибо он противоречит правде развивающейся действительности, противоречит правде и перспективам классовой борьбы. Он искажает действительность, а подчас клевещет на нее. Такой реализм мы можем наблюдать в некоторых вещах Пильняка, который, как я указывал, рисовал не верную картину революции, а изображал, может быть и верно, лишь процессы распада некоторых социальных слоев в революции. Все это не относится к последней его вещи «О-Кей».

В таких произведениях Сергеева-Ценского, как «Обреченные на гибель», как «Старый полоз», как «Павлин», мы имеем насильственное толкование действительности в угоду старым буржуазным предрассудкам, настолько насильственное, что Ценский вынужден переходить в своем творчестве к одному из самых малохудожественных, аляповатых приемов, которые только мы знаем в искусстве,— к аллегоризму.

Конечно может быть отдельные подробности в произведении Вагинова, о котором я уже говорил, и носят характер реалистический, но само произведение в целом является насквозь лживым, оно в исковерканном, неправильном виде изображает нашу советскую действительность.

Художественное творчество сложно и многогранно. Нельзя превращать лозунг социалистического реализма в схематический рецепт. Разные художники могут итти к нему по-разному. Степень приближения к нему у разных художников различна. Степень преодоления противоположных тенденций у разных писателей складывается также по-разному.

Вот Валентин Катаев несомненно вступил на путь, который может привести его к социалистическому реализму. Но Катаев упускает из-вида мощь классового напора, социальную весомость рабочего класса в борьбе за индустриализацию Советского союза. Он изобразил азарт, который может быть кое-где и сопутствует социалистическому соревнованию, но ни в коем

случае не исчерпывает великого содержания социалистического соревнования. Конечно Валентин Катаев понимает значение качества подготовки для успешного процесса работы. Он хорошо передает чувства лета времени, стремительности событий, он играет легкой парадоксальностью сопоставлений он ищет новых, свежих сравнений. Он строит часто повествование на неожиданных антитезах, он любит смещать свой материал, но его новаторство остается в пределах поисков новаторской формы и не является настоящим новаторством содержания. Путь Валентина Катаева, его поиски свидетельствуют о том, насколько важно новаторство содержания, о котором я говорил выше, на основе которого только и может расти полноценность новаторства формы.

Социалистический реализм — это не просто современная тема, изображение современных событий в литературе. Это — совокупность всего того, о чем я говорил выше, что может обнаружиться и при обработке темы исторической.

Это видно хотя бы из сопоставления двух Петров, Толстого и Тынянова. «Петр первый» Толстого все-таки продиктован проблемой воплощения в искусстве прогрессивности и благодетельности исторических ломок, исторических переворотов. В этом плюс «Петра первого» Толстого по сравнению с его старой трактовкой Петра.

Учитывая заявления Толстого о нашей современности, искренности которых нет оснований оспаривать (Толстой пишет в своей автобиографии: «Начало пятилеток осветило в моем сознании героической зарей ту жизнь, которой я отдал мои силы. Социализм стал видимой, ощутимой целью»), я считаю, что Толстой может сделать ряд весьма успешных и далеко идущих вперед шагов к сближению с нами и по линии своего художественного творчества.

А вот Петр I (в «Восковой персоне») Тынянова продиктован реакционной идеей бесплодности исторических переворотов и об'единения человечности в людях в их итоге. Это—реакционный историзм, в котором нет ни грана подлинного реалистического историзма в искусстве. Поэтому роман Тынянова построен формалистически, не на свободном развертывании самой логики событий, а на искусной мозаике выдранных из контекста эпохи отдельных фактов, событий, документов, на речениях и стилизации под них.

Не наше дело защищать Петра, создавшего основы дворянско-крепостнически-торговой России самыми зверскими средствами — истреблением жизней и благосостояния масс. Но роман Тынянова — это роман не только о Петре, он имеет общий историко-философский смысл, говорит о значении переворотов в истории. Смысл, который диктуется «Восковой персоной» читателю,— смысл реакционный.

Но и современность тематики сама по себе не ведет к социалистическому реализму.

Сельвинский опубликовал новую пьесу «Пао-пао». Центральный образ пьесы — обезьяна орангутанг с пересаженным в ее череп человеческим мозгом — является ложным образом, а ложность этого образа есть результат ложной идеи очеловечения звериности. Пьеса «Пао-пао» чрезвычайно абстрактна. Абстрактной схематичностью, внеисторичностью дышит вся критика капитализма, которую дает Сельвинский в новом своем произведении. Сельвинский пытается сейчас вновь убедить читателя в том, что последний великолепно и давно уже знает без него, а именно, что деньги в капиталистических условиях всесильны. Никаких черт исторической конкретности современного капитализма в изображении капиталистического мира Сельвинским нет. Так же абстрактно и схематично он изображает классовую борьбу с капитализмом. У него нет развития событий, а лишь произволь-

ное метание от капиталистической к советской действительности, у него скачущие переходы, а не логика действий. В итоге «Пао-пао» недостает убедительности, живой конкретности. Занимательность пьесы — это занимательность штукарства и внешней, неглубокой занятности. Она основана на игре внешними эффектами. Она идет в стороне от пути социалистического реализма. Сельвинский владеет мастерски словом, и свой прекрасный инструмент он мог бы употребить для более совершенных, более глубоких целей.

Социалистическому реализму противостоит также реакционный и суб'ективистический романтизм, ищущий в идеалах прошлого опоры для критики сегодняшнего дня, для критики революционной действительности или выдвигающий иллюзорный, вздутый, извращенный идеал в противовес отрицаемой современности.

Как на образец такого романтического иллюзорного представления нашей революции, реакционных начал можно указать на «Вора» Л[illegible]я Леонова. Мнимая иллюзорная «революция» противопоставлена в «Воре» [illegible]оддержке реальной сегодняшней революции.

Леонов счастливо преодолел опасность такого мелкобуржуазного реакционного романтизма. В этом сказывается великая [illegible] перевоспитывающая сила революции, но об этой опасности следует и сегодня говорить, она еще может угрожать целому ряду писателей.

Вот Багрицкий, в [illegible] искренней преданности революции не приходится сомневаться, идет в своей поэзии к пониманию полноты содержания нашей действительности через идеализацию анархической вольницы, анархического бродяжничества, анархической несдержанной свободы. Когда она направлена против королей, она — еще плюс, но все же романтическое возвеличение анархического бунтарства не может повести к верному изображению жизни, ибо анархический бунт на деле несет за собой лживую свободу, ибо он, с другой стороны, увековечивает тот же самый строй частной собственности. Из самых дружеских чувств к Багрицкому мы должны ему и сегодня напомнить об этой черте в его поэтическом миросозерцании, без борьбы с которой он не сможет создать в будущем больших вещей. А Багрицкий—большой, развивающийся поэт, который может подарить рабочему классу еще очень много и много художественных ценностей. Поэтический путь Багрицкого сложен. Багрицкий романтически воспевает революцию.

Но и здесь его романтизм еще связан с суб'ективизмом. Однако для Багрицкого, как и для многих попутчиков, этот романтический подход является началом сложного и плодотворного хода развития, ведущего их в ряды преданнейших делу рабочего класса советских писателей.

Этот романтизм связан с безоговорочным принятием революции — без рассуждений, без оглядок, скачком, индивидуально-волюнтаристически. В таком переходе к революции есть много искренности, но конечно в нем нет еще полного представления о силах и целях революции, о всей сложности ее событий.

Этот путь проходил и Багрицкий. Он писал в стихотворении «ТБЦ»:

Под окошком двор,
В колючих кошках, в мертвой траве
Не разберешься, который век.
А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой,
Иди и не бойся с ним рядом встать.
Твое одиночество веку подстать.
Оглянешься — а вокруг враги;

Руки протянешь — и нет друзей;
Но если он скажет: «солги» — солги.
Но если он скажет: «убей» — убей.

Дальнейший путь развития Багрицкого состоит в том, что это суб'ективно волюнтаристическое признание революции он закрепляет сознательным усвоением ее реального смысла, поэтическим воплощением реального соотношения сил, из борьбы которых складывается победоносное развитие революции. Именно на этом пути преодоления суб'ективно-волюнтаристического романтизма Багрицкий пишет свои новые вещи, направленные против собственнического мира, порождавшего тот самый анархизм гулливой бродяжной вольницы, которая было привлекала Багрицкого.

То же самое с соответствующей модификацией можно повторить и о другом поэте нашей революции Вл. Луговском.

Он писал в стихотворении «Письмо к республике от моего друга»:

Ты строишь, кладешь и возводишь,
Ты гонишь в ночь поезда,
На каждое честное слово
Ты мне отвечаешь — «ДА».
Прости меня за ошибки —
Судьба их назад берет.
Возьми меня в переделку
И двинь, грохоча, вперед.

Это было честное и искреннее обращение к революции, оно придало «Письму» большой поэтический пафос, но все же в итоге творчества Луговского мы имеем следующие характерные, типические не только для него, черты. При романтически-смиренной волюнтаристической отдаче себя революции Луговской часто не может подсказать читателю своей идеи всем ходом развертываемого события, всем ходом трактовки эмоций и т. д. Поэтому он вынужден прибегать к поэтической риторике. Это—всегда недостаток, кроме тех случаев, где ораторская речь вызвана логическим ходом самого действия, как например речи Бородина и Клары в «Страхе» Афиногенова.

Только на путях реалистического понимания, реалистического воплощения действительности может лежать путь его дальнейшего поэтического роста.

Риторика часто, очень часто выступает как результат недостаточного усвоения художником своего предмета, как средство сказать то, что художник не в состоянии показать через логику действия, через логику развертывания поведения своих персонажей в соответствующих обстоятельствах. Когда творец выступает не в роли полного хозяина над своим творением, и у зрелых писателей в повествование вступает риторика.

Риторичен образ Виссариона в «Соти» Леонова. Неопределенная романтика, романтизирование героя, иллюзорное раздувание его для увеличения философского смысла его образа, которого Леонов не знал в достаточной полноте из жизни, привели к обильной риторике Виссариона, риторике возвращения к первозданности голого человека на голой земле как идеологии контрреволюции.

Риторика — вообще недостаток, часто встречающийся в нашей литературе. Но и здесь при оценке этого недостатка, в поисках путей для его преодоления нельзя впадать в мертвый схематизм. Очень часто риторика является результатом недостатка умения. Иногда она продукт невозможности

сразу овладеть и представить в гармонической обработке слишком большое количество огромных и сложных проблем.

Последним вызваны недостатки «Энергии» Гладкова. Здесь необходимо вспомнить следующие высказывания Энгельса: «Однако, желательный дальнейший шаг вперед должен был бы заключаться в том, чтобы эти мотивы были более живо, активно, так сказать самородно, выдвинуты на первый план ходом самого действия и чтобы аргументирующие речи становились все более излишними».

Само новаторство — в том смысле, как я об этом говорил, — приводит иногда к риторизму. Таковы некоторые места, скажем, в «Поднятой целине» Шолохова, где он впадает в очерк, где он впадает в диалогизирование резолюций, что не снимает высокой оценки этой яркой, художественной, талантливой, но неровной вещи Шолохова.

Мы противопоставили социалистический реализм реакционному реализму, иллюзорному романтизму, идеалистическому суб'ективизму. Мы показали на некоторых конкретных примерах те черты, которые мешают достаточно полному проведению в творчестве социалистического реализма направления, в котором наша художественная литература одержала уже ряд побед, с которыми она пойдет к дальнейшим своим достижениям.

При этом основным, что мешает полноте осуществления социалистического реализма в искусстве, является конечно не риторичность, не схематизм, а неполное признание и связанное с этим неполное знание действительности революции.

Когда мы говорим о социалистическом реализме, то это не значит, что ему противоречит, что с ним вступает в конфликт революционный красный романтизм. Наоборот, мы живем в героическую эпоху. Никогда еще будущее так явственно не выступало в своих чертах перед человечеством. Это будущее стоит среди нас, оно стоит в лесах, оно рождается сегодня. Никогда не было человечеством проявлено столько героизма, никогда не было человечеством совершено столько подвигов для реализации этого лучшего социалистического будущего. Мы стоим перед воплощением такой реалистической мечты, о которой писал Ленин в «Что делать», создавая первые отряды нашей великой коммунистической партии.

Героизм, подвиг, беззаветная преданность революции, осуществление нашей реалистической мечты — все это чрезвычайно характерные существенные черты нашей эпохи, наших дней. Художник делает необходимое и полезное дело, когда он эти черты возвеличивает, даже тогда, когда он их идеализирует путем освобождения от несущественных черт, бытовщины, второстепенных деталей, когда он революционно-романтически показывает всю полноту богатства жизни, великий размах ее, к которому ведет вся наша стройка. Красный революционный романтизм—законное и полезное начало, показывающее, какой огромный простор для самых разнообразных проявлений дает требование правдивого изображения жизни. Но когда мы говорим о красном революционном романтизме, то и здесь перед нами встает вопрос о совершенстве формы, о мастерстве. В качестве революционных романтиков очень часто выступают Вишневский, Безыменский, но и Безыменскому и Вишневскому надо сказать, что в той идеализации, которой они подвергают своих героев, еще очень много риторики и схематизма. Революционные романтики также должны бороться против схемы, против штампа, за подлинно высокую художественность. На этом пути они создадут много прекрасных художественных произведений, которые сыграют огромную воспитательную роль для нашего читателя.

Превращение в обязательный канон правила Станиславского — в добром искать злого, в сильном слабого — ни в коем случае не должно иметь места в нашей литературе.

Революция выдвинула столько примеров беззаветного героизма, преданности, непоколебимой стойкости — и все это должно стать предметом искусства. Изображение цельных революционных характеров, изображение великого героизма нашей эпохи, ее будущего имеет огромное воспитывающее значение. Это — правда нашей революции, этого не может не отразить социалистический реализм нашего искусства.

Когда мы говорим о социалистическом реализме, мы имеем в виду изображение в искусстве об'ективного мира не только в его поверхностных деталях или даже в его существенных деталях, но и в его существенных обстоятельствах и в его существенных типических характерах. Мы имеем в виду правдивое изображение жизни с ее отрицательными и положительными сторонами, с побеждающим началом сил социалистической революции. Мы имеем в виду антисобственнический, антикапиталистический характер наших произведений, которые воспитывают своих читателей в бодром духе борцов за лучшее будущее человечества, за укрепление и обеспечение диктатуры пролетариата.

Мы противопоставляем социалистический реализм идеализму, суб'ективизму, иллюзорности, в какой бы форме они ни выступали в литературе, неверному, коверкающему правду изображению действительности. Мы противопоставляем социалистический реализм реакционному враждебному изображению нашей действительности, сочувствию прошлому, капитуляции перед буржуазным индивидуализмом.

Полноте социалистического реализма мешают неполное принятие революции, изображение несущественных деталей, поверхностность, риторизм, схематизирование. Революционный романтизм, справедливое возвеличивание героизма, дела доблести, геройства и славы наших строителей — законное начало в правдивом изображении нашей действительности. На этом пути, на пути социалистического реализма, мы достигнем того идеала искусства, о котором говорил Энгельс, — сочетания исторической сознательности с шекспировской живостью и характерностью. Усвоение передовых идей века, усвоение миросозерцания рабочего класса, марксизма-ленинизма — необходимо для осуществления этого идеала. В искусстве должно уделяться также огромное внимание мастерству, таланту, формальной стороне художественных произведений.

Опыт нашей литературы уже велик и плодотворен. Ее значение давно уже вышло за пределы нашей страны. Наша задача, — опираясь на наметившиеся в ней самой здоровые процессы и тенденции, — ускорить ее рост, бороться за ее еще большее идейное обогащение, за рост ее художественных достоинств. На этом пути нам нужно суметь использовать богатейший творческий опыт Горького. У нас не всегда (это относится и к РАПП) умели ценить Горького как художника, не всегда умели даже в пролетарском литературном движении ставить вопрос о усвоении опыта художественного творчества Горького для дальнейшего развития нашей литературы. Значение Горького для нашей литературы воистину велико, и не только потому, что Горький воспитал многих писателей, что он издал первый сборник пролетарских писателей, что он является самой обширной и самой плодотворной всесоюзной консультацией для молодых писателей.

Горький во многих отношениях должен служить образцом для нашей литературы.

Наша литература должна учиться у Горького умению выражать средствами искусства протест против гнета, против эксплоатации, против не-

правды, учиться преследованию всей силой художественного слова грязи и мерзости старого капиталистического мира.

Наша художественная литература должна учиться у Горького не абстрактному протесту против капитализма, а протесту, опирающемуся на поиски реальных сил, которые могут низвергнуть этот капитализм, протесту, приведшему Горького в ряды пролетарской литературы, в ряды рабочего класса.

Наша художественная литература должна учиться у Горького возвеличению не лишнего человека, не байронического типа, бывшего любимым героем и русской и мировой литературы на протяжении всего XIX столетия, а отчасти и в нашем столетии, а возвеличению борца, протестанта во имя коммунизма, во имя труда, во имя творчества.

Наша художественная литература должна учиться у Горького строить свое дело на базе всех достижений человеческой культуры, в том числе и на базе тщательного трудолюбивого изучения литературного наследия прошлого.

Наша литература должна учиться у Горького умению сочетать огромный жизненный опыт, живое участие в сложной практике действительности с художественным творчеством.

Наша литература должна учиться у Горького сознанию огромного общественного долга писателя. Писатель — не просто творец мертвых книг: писатель всегда выступает как учитель сотен тысяч, а то и миллионов. Горький писал всегда, обращаясь к массам. Он всегда помнил, что богатство культуры, мастерство, которые достигнуты интеллигентами-писателями, должны быть обращены на то, чтобы просветить массы, чтобы воспитать массы, чтобы способствовать созданию нового общественного строя, в котором массы будут избавлены от гнета и эксплоатации.

Горький первый в нашей пролетарской литературе показал в художественных образах выход из тысячелетней грязи эксплоатации, нищеты и бескультурности на светлый простор социалистического порядка.

В том, что наша художественная литература во главе с Горьким восстает против мерзости и неправды капиталистического собственнического мира, в том, что она показывает, как растет и складывается новая жизнь на социалистических началах, — в этом заключается ее великое, мировое освободительное значение. В первый раз в истории человечества литература такого огромного государства, литература целой семьи народов выступает большим и широким фронтом против идиотизма собственности, против буржуазного индивидуализма, выступает в качестве воспитателя, выкорчевывающего в человеке собственнические черты, создает из него борца и строителя. Тысячелетиями художественная литература укрепляла в человеке собственника, возвеличивала в нем буржуазного индивидуалиста. Это — основная господствующая черта, сопровождающая мировую литературу с первых дней ее возникновения.

Гезиод, начинатель европейской литературы, живший три тысячелетия тому назад, в поэме «Работы и дни» пел:

«Если ты трудишься, — скоро богатым, на зависть ленивцам
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом.
Жертвы бессмертным богам приноси сообразно достатку,
Свято и чисто сжигай перед ними блестящие бедра,
Кроме того, возлиянья богам совершай и куренья,
Спать ли идешь, появленье ль священного света встречаешь,
Чтобы к тебе относились они с благосклонной душою,
Чтоб покупал бы участки других, а не твой бы другие».

Не так ли думал и знаменитый автор Робинзона Крузо Даниель Дефо, отделенный тысячелетиями от Гезиода, и не полагал ли он, что вслед за богатством идут добродетель с почетом.

Вот заглавие его романа, недавно переизданного «Академией»: «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс, которая родилась в Нью-Гетской тюрьме и в течение шести десятков лет (не считая детского возраста) своей разнообразной жизни была 12 лет проституткой, пять раз замужем (из них один раз за своим братом), двенадцать лет воровкой, восемь лет ссыльной в Виргинии, но под конец разбогатела, стала жить честно и умерла в раскаянии».

Наивная откровенность Гезиода и Дефо раскрывает нам то, что другие великие писатели делали в более рафинированной форме. Только отдельные писатели выступали в прошлом как сознательные защитники нового, социалистического общественного строя.

А наша литература впервые, почти всем фронтом своим, борется за ту же самую цель, за которую борется рабочий класс, — за уничтожение самой возможности эксплоатации человека. В этом—основная причина ее успехов, ее всемирного влияния. Поэтому к ней тянется лучшее, что есть в мировой литературе.

Не надо недооценивать значения нашей литературы. Она — мировой голос, собирающий вместе с борющимся рабочим классом, вместе с коммунизмом все лучшее, что есть еще в интеллигенции всего мира. Ее союзники — Ромен Роллан, Барбюс, Драйзер, Жид, — все самое человечное, что есть в культурной жизни за пределами наших границ. Наша литература — голос жизни и пробуждения. Она — притягательный центр для всего лучшего, что есть в мире. Она — великая сила воспитания новых борцов за социализм.

Все, что тянется в другую сторону сейчас, в сторону неправды капиталистического мира, обречено на увядание, на упадок, на смерть.

Ведь неслучайно, что большой расцвет, который переживает сейчас американская литература за всю свою историю, связан с протестом против капитализма, с критикой капитализма. Пусть этот протест еще недостаточно осознан, пусть он еще подчас мелкобуржуазен, недостаточно еще социалистичен, недостаточно слился еще с протестом рабочего класса, но все же он направлен против капитализма. Именно это и вызвало в Америке такую большую блестящую литературу, одну из лучших, если не самую лучшую литературу в сегодняшнем капиталистическом мире.

Искусство же, которое не может итти в рядах тех, которые борются за уничтожение собственности и буржуазного индивидуализма, как я уже говорил, обречено на смерть и на упадок. Ярким примером, иллюстрирующим тупик, к которому идет реакционное искусство, может служить роман английского писателя Лоренца «Любовник леди Чаттерлей». Цивилизация гибнет, полагает Лоренц, а счастье может дать только половая жизнь. Идея не слишком новая, но именно разнузданному образному ее доказательству обязана книга Лоренца своим успехом.

Этот роман — судорога смерти европейского буржуазного искусства, отвратительная судорога сведенного, когда-то прекрасного лица на туловище, конечности которого уже похолодели от приближающейся смерти.

Наша советская литература — могучее орудие культурной революции, той культурной революции, которая является неотъемлемой частью социалистического переустройства мира. Наша литература борется за вторую пятилетку, борется за создание бесклассового общества, борется за выкорчевывание собственнических навыков и начал в самой психике человека.

Говоря о воспитывающей роли советской литературы, мы должны вспомнить и об огромном значении пьес и театра. Театр — самое демократическое, самое доступное массам искусство. В самом деле, пьесе дойти до зрителя, тронуть его, взволновать его, оставить какой-то перевоспитывающий след в нем значительно легче, чем большому, хотя бы искусно написанному роману. Если художественные произведения читают десятки и сотни тысяч, то пьесы доходят через разветвленную сеть театров, через многократное повторение спектакля до миллионов людей.

Недаром буржуазия, идя к своему господству, через театр, через драму вовлекла зрителей в орбиту своего влияния, своего политического воздействия.

Поэтому мы обращаемся ко всей писательской общественности с пожеланием уделить больше внимания созданию богатого, высокохудожественного, разветвленного театрального репертуара.

Нам нужно добиваться того, чтобы наша литература еще более сознательно, еще с большей силой боролась за великую цель создания бесклассового общества, за перевоспитание человека для бесклассового общества. На этом пути она уже завоевала себе доверие пролетариев и всех трудящихся. На этом пути она с гордостью может рассматривать себя как силу, принимающую участие в создании нового мира вольного коммунистического труда.

О национальной культуре

К. Таболов

Советская власть получила в наследство от царизма огромную экономическую и культурную отсталость трудящихся ранее угнетенных национальностей СССР. Состояние фактического неравенства национальностей при царизме в области культурного развития характеризуется следующими цифрами. В 1915 г. на территории, ныне занимаемой РСФСР, было охвачено детей школьного возраста—55,2 проц., на территории теперешнего Узбекистана—2 проц., Дагестана—6,6 проц., Якутии—10 проц., Туркмении—11,4 проц.—и т. д. При этом во многих окраинах в этот процент значительной частью входили дети русских чиновников и национальной буржуазии. Например, в Туркестане в 1912 г. правительственная школьная сеть охватывала в среднем всего 1,2 проц. детей школьного возраста коренных национальностей, т. е. узбеков, туркмен, таджиков и казаков. Другая, более значительная часть детей «инородцев», главным образом трудящихся, обучалась в религиозных школах, где реакционные муллы, не давая образования, калечили сознание молодежи. Среди целого ряда ранее угнетенных национальностей, насчитывающих сотни тысяч и полмиллиона населения, как например чеченцы, туркмены, киргизы и пр., — грамотных до революции считали буквально единицами.

Отсталость культурного развития многих ранее угнетенных национальностей нашей страны имеет свои классовые и исторические корни. Эта отсталость являлась результатом колониальной политики царизма, помещиков и русской буржуазии и касалась в первую очередь трудящихся. Система колониальной политики царизма всячески преследовала родной язык, письменность и пр. около двухсот ранее угнетенных национальностей, составлявших более половины населения России. Чиновники царизма не скрывали, что целью образования всех инородцев, живущих в пределах России, «бесспорно должно быть обрусение их и слияние с русским народом». Эта руссификаторская политика царизма загоняла культурное развитие десятков национальностей и сотен тысяч трудящихся разных национальностей России в тупик.

Таким образом советская власть получила в наследство от царизма огромное фактическое неравенство национальностей как в области экономики, так и в области культуры. Именно поэтому заострение внимания партии в самом начале нэпа на проблеме установления фактического равенства национальностей касалось не только хозяйственного строительства, но и задач под'ема культуры трудящихся ранее угнетенных национальностей.

В резолюции XII с'езда партии по национальному вопросу сказано: «Правовое национальное равенство, добытое Октябрьской революцией, является великим завоеванием народов, но оно не решает само по себе всего национального вопроса. Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имевших или почти не имеющих своего про-

летариата, отставших ввиду этого в хозяйственном и культурном отношениях, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать таким образом ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне» [1]). XV с'езд партии развил дальше эту установку, предложив в резолюции о пятилетнем плане уделить «особое внимание» необходимости под'ема национальных окраин, предусматривая более быстрый темп развития их экономики и культуры. Само собой понятно, что материальная помощь и практическое руководство русского пролетариата трудящимися ранее угнетенных национальностей при этом играли решающую роль.

Основная задача в деле установления фактического равенства национальностей в области культурного строительства заключалась прежде всего в развитии нацобластей и районов, в быстрейших темпах этого развития, далее в том, чтобы поднять грамотность трудящихся масс различных национальностей СССР на основе развития их национальных по форме, пролетарских по содержанию культур. Установление фактического равенства национальностей в культурном развитии народов СССР предполагало решительную борьбу против остатков феодальной и буржуазной культуры, всемерное развитие пролетарского содержания в национальной форме. Такова установка нашей партии.

Уже в годы гражданской войны, а особенно с начала нэпа, практически встала задача установления фактического экономического и культурного равенства национальностей. Естественно встал вопрос о том, каковы должны быть пути и методы установления фактического равенства национальностей в области культурного развития.

Отдельные товарищи предлагали проводить политику руссификации отсталых народов страны, предлагали ранее угнетенным национальностям отказаться от своего родного языка и национальной культуры. Эти товарищи уверяли, что малые народности на своем опыте скоро убедятся, что национальный язык стесняет их развитие. Отсюда и предложение мелким народам скорее перенять русскую культуру и великорусский язык.

Партия с самого начала отвергла этот вредный путь, предлагаемый людьми, зараженными великодержавным шовинизмом. Этот путь вел и ведет по существу к тем же результатам, к каким вела политика насильственной руссификации в эпоху царизма. Выдвигавшаяся политика навязывания русского языка и великорусской культуры малым народностям страны была чревата пагубными политическими последствиями. Она в угоду буржуазии вела к национальной склоке и трениям между трудящимися прежде угнетенных национальностей и господствовавшей ранее национальностью страны. Партия категорически отвергла этот вредный путь.

Партия пошла по единственно правильному и возможному для революционного пролетариата пути, по пути полного равенства наций, национальных культур и национальных языков. Эта политика партии четко сформулирована в резолюции X с'езда партии. Там сказано: «Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке: суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело

[1]) «Стенографический отчет XII с'езда РКП(б)», стр. 646

и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке» [1]).

В этой формулировке X с'езда партии по существу выражена политика партии в деле развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур народов СССР. Это решение партии имело огромное, исторической важности принципиальное и практическое значение. Оно дало возможность десяткам и сотням народностей страны использовать свою национальную культуру (язык, печать, искусство и пр.) для скорейшего поднятия грамотности среди трудящихся масс и окончательного приобщения их к советской культуре. С самого начала Октябрьской революции наша партия по существу стала на путь развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур.

Наиболее четкую и развернутую формулировку эта политика партии получила в речи т Сталина на собрании студентов КУТВ в мае 1925 г. В этой речи т. Сталин сказал: «Мы строим пролетарскую культуру. Это совершенно верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме — такова общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму» [2]).

Эта формулировка т. Сталина, таким образом, дает блестящее теоретическое обоснование практической политики партии в национальном вопросе, является новой ступенью в работе партии в деле развития национальных культур народов СССР.

Против этого важнейшего тезиса т. Сталина о необходимости развития выступил Ваганян. Книга Ваганяна «О национальной культуре», вся его концепция полностью направлены против политики партии в деле развития национальных культур, против блестящей формулировки этой политики партии, данной в работах т. Сталина. «Всякий, кто стоит за «национальную форму» культуры, — пишет Ваганян, — тот неминуемо оказывает неоценимую услугу буржуазному национализму и приносит непоправимый вред делу строительства «культуры интернационализма» [3]).

Из приведенных нескольких строк ясно, что Ваганян прямо выступает против положений т. Сталина. При этом т. Сталин целиком и полностью стоит на почве решения X с'езда партии и ленинских указаний, углубляет и развивает их. Ваганян же стоит на троцкистских, несовместимых с решениями X с'езда партии позициях, нарушает и извращает прямые указания Ленина.

Методологические корни антипартийной концепции Ваганяна прежде всего лежат в неправильном понимании им проблемы формы и содержания. Ваганян механически, связывает форму и содержание национальной культуры. «Превращение элементов культуры трудящихся в систему, — пишет Ваганян, — в господствующую культуру немыслимо без разрушения параллельно

[1]) «Стенографический отчет X с'езда РКП(б)», стр. 324—25. Разрядка моя. — К. Т.
[2]) И. Сталин, О политических задачах КУТВ. стр. 8. Разрядка моя. — К. Т.
[3]) В. Ваганян, Не согласен, стр. 21

с тем, вместе с тем и старых форм национальной культуры, национального стиля» [1]).

По мнению Ваганяна, таким образом, превращение элементов интернациональной культуры пролетариата в эпоху капитализма в господствующую культуру при советской власти «немыслимо» без разрушения национальной формы. Отсюда неизбежно следует утверждение, что пролетариат уже в ходе революции должен уничтожить не только буржуазное содержание культуры, но также национальную форму как несовместимую с интернациональным содержанием. При этом Ваганян пытается даже ссылаться на Ленина.

Но Ленин отстаивал противоположную точку зрения на взаимоотношения формы и содержания вообще и национальной формы и интернационального содержания культуры в частности. Ленин говорил, что в старой форме может уживаться и даже расти до поры до времени новое содержание. Эта ленинская установка целиком применима также к вопросам национальной культуры. Разрушение буржуазного, эксплоататорского содержания культуры отнюдь не предполагает обязательного уничтожения также и национальной формы.

Если внимательно прочитать работы Ваганяна, посвященные вопросам национальной культуры, то нетрудно заметить тенденцию их автора поставить знак равенства между формой и содержанием. Ваганян тем самым старается доказать особо важное значение формы, подчеркнуть ее важность или, вернее, опасность в деле культурного строительства среди народов СССР. «Нельзя себе представить господствующую идею, — пишет Ваганян, — в н е з а в и с и м о с т и от стиля этой культуры. Обратно: нельзя себе представить стиль иначе, чем в п о л н о м соответствии с этой господствующей системой» [2]).

Это выражение неправильно. На самом деле национальная форма и пролетарское содержание в такой же степени тождественны, в какой несовместимы, противоположны. Национальная форма и пролетарское содержание противоречивы, диалектически едины.

Ваганян неправильно понимает взаимоотношение между формой («стилем») и содержанием («системой») культуры. Ошибка Ваганяна заключается в том, что он, как уже вскользь указано, механически устанавливает непримиримую противоположность между национальной формой и пролетарским содержанием. Ваганян не понимает, что полное совпадение формы и содержания в области национальной культуры означает отсутствие национальной культуры.

Как уже было сказано, Ленин писал совершенно противоположное тому, что говорит Ваганян о взаимоотношении формы и содержания. Если Ленин допускает временное существование и даже развитие нового содержания в старой форме, то Ваганян категорически отрицает возможность малейшего несоответствия между формой и содержанием культуры, требует их полного совпадения.

Методологические ошибки Ваганяна тесно связаны с его общей концепцией уравнения формы и содержания национальных культур в смысле их социальной значимости. Более того, Ваганян старается придать даже большее значение форме, чем содержанию. Для этой цели он просто ссылается на идеалистическую диалектику Гегеля.

В своей брошюре «Не согласен» Ваганян утверждает, что «форма незаметно переходит в содержание» [3]). Эти слова заимствованы Ваганяном у Гегеля.

---

[1]) В. В а г а н я н, Не согласен, стр. 33.
[2]) Там же, стр. 25. Разрядка моя.—**К. Т.**
[3]) Там же, стр. 22.

Но Ваганян пытается использовать их для другой цели. Гегель писал что «содержание есть не что иное, как переход содержания в форму» [1]) Гегель говорит о переходе формы в содержание и наоборот, а у Ваганяна получается переход формы в содержание и только.

Для чего нужна Ваганяну подобная ссылка на Гегеля? Для того, чтобы доказать, что не только использование и поддержка, но даже терпимое отношение к национальной форме чревато отрицательными последствиями Ваганян пытается доказать, разумеется совершенно бесплодно, что самый факт существования национальной формы неизбежно предполагает также поддержку национального содержания, т. е. буржуазной культуры. Ваганян вообще обращается с Гегелем довольно бесцеремонно. Он берет у Гегеля то что хоть в какой-либо степени может подкрепить его концепцию, не останавливаясь даже перед тем, чтобы «дополнить» его своими словами.

Так например Ваганян вставляет в гегелевскую формулировку слово «незаметно». Гегель говорит о переходе формы в содержание и содержания в форму. Ваганян не только выбросил вторую неразрывную часть гегелевской формулировки о переходе содержания в форму, но и вставил от себя слово «незаметно», приобретающее в данной связи большое принципиальное значение. Ваганян все старается навести страх и показать, что политика поддержки национальной формы ведет к поддержке также национального, т. е буржуазного, содержания, причем все это происходит «незаметно».

На самом деле проблема взаимоотношения формы и содержания решается совсем не по Ваганяну. Гегель например пишет: «Нельзя, следовательно, спрашивать, каким образом форма приходит к сущности, ибо первая есть лишь видимость последней в себе самой, присущая ей собственная рефлексия» [2]). По мнению даже идеалиста Гегеля, форма есть лишь видимость содержания, присущая ей рефлексия. Имеются по этому вопросу ясные формулировки у Ленина. Например против соответствующего места конспекта работ Гегеля Ленин пишет: «форма существенна. Сущность формирована так или иначе в зависимости от сущности» [3]).

Гегель и Ленин рассматривают проблему формы и содержания по-разному: первый — идеалистически, второй — материалистически (на чем нет особой надобности останавливаться в данной связи). Ленин устанавливает такое взаимодействие между формой и содержанием, которое в корне противоположно идеалистической трактовке этой проблемы. Идеалист отождествляет, приравнивает форму к содержанию и по сути дела старается доказать превалирующее значение формы по отношению к содержанию. Затем Ленин, указывая, что форма существенна, в то же время пишет, что содержание принимает соответствующую форму в зависимости от сущности.

Мы указывали уже на неразрывную связь методологических ошибок Ваганяна в вопросах взаимоотношения формы и содержания с его ошибками в вопросах национальной культуры. Ваганян отвергает политику партии в деле развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур,—Ваганяну вообще «непонятна» эта формула. Он пишет: «Под национальной культурой следует понимать только господствующую классовую культуру буржуазии» [4]). Он считает, что «национальная культура есть псевдоним классовой культуры буржуазии». Все эти оценки обуславливают отрицательную позицию Ваганяна по отношению к лозунгу развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур.

---

[1]) Гегель, Сочинения, т. I, стр. 224.
[2]) Гегель, Наука логики, книга 2-я, стр. 50.
[3]) Лен. сб. IX, стр. 135. Разрядка моя.—К. Т.
[4]) В. Ваганян, О национальной культуре, стр. 51.

Сталин в вопросах развития национальных культур народов СССР, всецело опираясь на марксистско-ленинскую теорию, развивая ее дальше, обосновывает ленинское решение национального вопроса. В своей речи на собрании студентов КУТВ в 1925 г. т. Сталин сказал, что «лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация нации стала протекать под эгидой советской власти». Сталин считает, что лозунг национальной культуры стал пролетарским после Октябрьской революции. Ваганян же считает, что национальная культура всегда и при всех условиях является псевдонимом буржуазной культуры. Его позиция является от начала и до конца чуждой и враждебной ленинизму.

На об'единенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП в июле—августе 1927 г. т. Сталин дал исчерпывающую формулировку политики партии в вопросах национальной культуры. Сталин сказал: «Мы считали лозунг национальной культуры в эпоху господства буржуазии лозунгом буржуазным. Почему? Потому, что лозунг национальной культуры в период господства буржуазии означает духовное подчинение трудящихся масс национальностей руководству буржуазии, ее господству, ее диктатуре, после взятия власти пролетариатом мы провозгласили лозунг развития национальной культуры народов СССР на основе советов. Что это значит? Это значит, что мы приспособляем развитие национальной культуры среди народов СССР к интересам, к потребностям пролетарской диктатуры, к интересам и потребностям трудящихся национальностей СССР. Значит ли это, что мы теперь против национальной культуры вообще? Нет, не значит. Это значит лишь то, что мы теперь за развитие национальной культуры народов СССР, национального языка, школы, печати и т. д. на основе советов. А что значит оговорка «на основе советов»? Это значит, что по своему содержанию развиваемая советской властью культура народов СССР должна быть культурой общей для всех трудящихся, культурой социалистической, по своей же форме она есть и будет культурой не одинаковой для всех народов СССР, культурой национальной, культурой различной для народов СССР сообразно различию в языке и в национальных способностях».

Сталин здесь в короткой формулировке с принципиальной правдивостью раз'яснил ленинскую политику партии, которая проводится советской властью с самого начала революции. Эта формулировка т. Сталина уже давно является боевым большевистским лозунгом, под знаком которого пролетариат СССР добился гигантских успехов в национальной политике. Формулировка т. Сталина стала лозунгом для всего Коммунистического интернационала, в программу которого она вошла составной частью.

Антипартийная концепция Ваганяна в национальном вопросе, отвергающая развитие национальных культурных народов СССР, стала знаменем колонизаторских элементов всей страны. Ваганяновская концепция в вопросах национальной культуры давно превратилась в программное требование троцкизма, этого передового отряда контрреволюционной буржуазии.

Не случайно Зиновьев, штрейкбрехер в октябре 1917 г., один из лидеров троцкистской оппозиции в 1927 году, участник контрреволюционной рютинской группки в 1932 г., на пленуме ЦК и ЦКК в июле—августе 1927 г. повел атаку с позиций Ваганяна против сталинской формулировки политики партии в вопросах развития национальной культуры. Нападки на политику партии в вопросах национальной культуры, попытки отождествить большевистские формулировки т. Сталина с бауэровщиной и прямая защита грузинских национал-уклонистов для Зиновьева были так же не случайны, как было не случайно то, что он вместе с Ваганяном в рядах троцкистской оппозиции боролся против генеральной линии партии и партийного руководства.

Свою колонизаторскую концепцию в деле развития национальных культур народов СССР Ваганян попытался оправдать выдержками из Ленина. Это

странно, но факт. При этом поводом послужило то, что Ленин до революции действительно выступал так же, как Сталин, против политики поддержки национальных культур. Совершенно ясно, что при этом Ленин имел в виду не форму национальной культуры, а как раз ее буржуазно-помещичье, эксплоататорское содержание. Борясь против лозунга национальной культуры, выступая против господствовавшей тогда культуры помещиков и буржуазии, Ленин отстаивал политику всемерной поддержки социалистических, интернациональных элементов национальной культуры, которые тогда отнюдь не были и не могли быть господствующими.

Ленин подчеркивал, что в каждой национальной культуре наряду с господствующим помещичье-буржуазным есть также интернациональное содержание. Ленин писал: «Оберегая от крепостников и от полицейского государства равноправие всех национальностей, мы стоим не за «национальную культуру», а за интернациональную культуру, в которой от каждой национальной культуры входит только часть, именно: лишь последовательно-демократическое и социалистическое содержание каждой национальной культуры. Лозунг «национально-культурной автономии» обманывает рабочих призраком культурного единства наций, тогда как на деле в каждой нации преобладает сейчас помещичья, буржуазная или мелкобуржуазная «культура» [1]).

В этой формулировке выпукло обнаруживается Ленин как великий материалист-диалектик. Эта формулировка не оставляет абсолютно никакого сомнения в том, что еще до революции («сейчас» — как выражается Ленин), об'являя войну национальной культуре крепостников и буржуазии, Ленин ясно видел в каждой национальной культуре также интернациональную «часть», «социалистическое содержание».

В полном соответствии с этим находятся и другие высказывания Ленина о национальной культуре. В полемике с украинскими «национал-социалистами» Ленин писал: «Когда речь идет о пролетариате, это противопоставление украинской культуры в целом великорусской культуре тоже в целом означает самое бесстыдное предательство интересов пролетариата в пользу буржуазного национализма. Есть две нации в каждой современной нации,—скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве—но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» [2]). Эти две нации и национальные культуры в каждой нации, существование которых констатировал Ленин еще до революции, есть, с одной стороны, культура буржуазии и помещиков, господствовавшая при царизме, и, с другой стороны, культура пролетариата различных национальностей, господствующая теперь при советской власти.

Таким образом через эти ленинские формулировки красной нитью проходит та же самая установка, о которой было уже сказано, т. е. что в одной национальной форме до поры до времени уживаются два противоположных классовых содержания,—буржуазии и помещиков, с одной стороны, и пролетариата — с другой. Само собой разумеется, что между этими двумя противоположными классовыми содержаниями происходит непрерывная классовая борьба. Только захват политической власти пролетариатом в результате победоносной революции решает эту длительную борьбу в пользу социализма.

---

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 50. Разрядка моя.—К. Т.
[2]) Там же, стр. 47, Разрядка моя.—К. Т.

Ваганян не понял ни теоретических, ни политических установок Ленина в вопросах национальной формы и пролетарского содержания культуры. Ваганян рассматривает лозунг национальной культуры метафизически, вне развития классовой борьбы и изменения соотношения классовых сил. Для него и до и после пролетарской революции национальная культура одинаково является псевдонимом буржуазной культуры.

Ленин же как раз наоборот — лозунг национальной культуры непосредственно связывает с вопросом соотношения классовых сил. «Значение лозунга национальной культуры,—пишет Ленин,—определяется об'ективным соотношением всех классов данной страны и всех стран мира» [1]).

Когда Ленин писал эти слова, власть находилась в руках помещиков и буржуазии, в национальной форме господствовала идеология помещиков и буржуазии. При этом он обеими ногами стоит на почве высказываний Маркса и Энгельса. Основоположники марксизма в «Немецкой идеологии» писали: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями, т. е. класс, являющийся господствующей материальной силой общества, является в то же время его господствующей духовной силой» [2]). Дальше Маркс и Энгельс пишут, что «господствующие мысли представляют не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений». Мысли Ленина не только не расходятся с этими положениями, но развивают их дальше.

Раз «господствующими мыслями» при царизме были мысли эксплоататоров, помещиков и капиталистов, то «господствующей духовной силой» вообще и в национальной культуре в частности были мысли эксплоататорских классов. Поэтому Ленин со всей резкостью выступал против лозунга национальной культуры в условиях капитализма. Именно поэтому большевики до Октябрьской революции решительно боролись против буржуазного лозунга поддержки национальных культур.

Иную позицию в вопросах национальной культуры занимали меньшевики, начиная от австромарксистов и кончая бундовцами и ликвидаторами. Меньшевики по существу отстаивали политику поддержки национальных культур, поддерживали господствующую эксплоататорскую культуру. Например Гейликман, один из теоретиков Бунда, писал: «Школа по мере ее демократизации перестает уже быть орудием классового господства, а начинает служить делу всеобщего национального воспитания. На основе этого национального воспитания вырастает и национальная культура, когда все одинаково являются ее творцами и участниками. История уже делается не только верхами, но и широкими слоями...

Историческое наследство становится уже достоянием всей демократии и рабочего класса. Культурно-национальная общность ширится, простирается на всех членов нации. Это делает национальную культуру более диференцированной и вместе с тем более устойчивой. Новая мысль воспринимается уже не механически, а органически претворяется в сознании миллионов индивидуумов» [3]).

Это наиболее откровенный национал-оппортунизм. Посмотрите, как удачно лакействует бундовец перед буржуазией: под его пером и школа «перестает уже быть орудием классового господства» и все, т. е. и капиталисты и рабочие, «одинаково являются ее (т. е. национальной культуры) творцами и участниками» и т. д. Однако следует сказать, что подобную

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 41.
[2]) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга 1-я, стр. 230.
[3]) Сборник статей «Марксизм и национальный вопрос», стр. 196.

же буржуазно-националистическую галиматью разводят помимо бундовцев также меньшевики — от Ноя Жордания до Отто Бауэра. Именно поэтому борьба Ленина и Сталина против проекта культурно-национальной автономии бундовцев и меньшевиков была насыщена такой жгучей ненавистью. Так обстояла борьба вокруг национальной культуры при царизме.

Однако после пролетарской революции соотношение классовых сил в нашей стране изменилось коренным образом. Власть перешла в руки рабочего класса. Следовательно «господствующей духовной силой» в стране стал социализм, идеология революционного пролетариата. Культура пролетариата, социалистическая, интернациональная по своему содержанию, существовавшая при царизме в качестве социалистического, интернационального «э л е м е н т а», части национальной культуры, превратилась в господствующую систему. Октябрьская революция принесла победу социалистическому содержанию, которое стало «господствующей духовной силой» и в национальной культуре. Это разумеется не значит, что революция уничтожила национальную форму и наступила эпоха полной гармонии формы и содержания. Поскольку в Стране советов существуют различные нации со своими социально-экономическими и культурно-бытовыми особенностями, постольку пролетарская культура среди различных народов находит свое выражение в различных национальных формах. Этого не может понять Ваганян.

В своей книге Ваганян приводит цитату из Ленина. В каждой национальной культуре, писал Ленин, есть элементы демократической и социалистической культуры и наряду с этим в каждой нации есть культура буржуазная «в виде господствующей культуры». К этим ленинским словам Ваганян добавляет: «приведенные рассуждения Ленина безусловно истинны и правильны для всех народов ЗСФСР, не исключая самых отсталых»[1]).

Таким образом, по мнению Ваганяна, в советском Закавказьи «господствующей культурой» является культура буржуазии, а пролетарская культура является только «элементом». Для Ваганяна это отнюдь не случайная оговорка. Такое несуразное утверждение является естественным выводом из неправильной концепции Ваганяна в вопросах национальной культуры. Раз национальная форма, сохраняющаяся в СССР, свойственна только буржуазной культуре, как утверждает Ваганянн, то неудивительно, что автор прозевал целую Октябрьскую революцию в вопросах культуры и явно извратил ясные и простые слова Ленина.

На самом деле Ленин, при царизме всячески третировавший лозунг национальной культуры, после победы пролетарской революции ни одним словом не обмолвился против поддержки национальных культур народов СССР. Напротив, резолюция X с'езда партии, содержащая идею поддержки национальной культуры, принята при активном его участии. Ваганян не может привести даже ни одного намека в выступлениях Ленина советского периода, когда бы он высказался против лозунга развития национальных культур народов СССР. Больше того, в национальном разделе (второй вариант) проекта программы партии Ленин требует: «...содействие не только фактическому равноправию, но и развитию языка, литературы трудящихся масс, угнетавшихся ранее, для устранения всех следов унаследованного от эпохи капитализма недоверия и отчуждения»[2]). Содействовать «развитию» языка, культуры и пр.— это и значит поддерживать национальную по форме, пролетарскую по содержанию культуру.

Сталин в своем докладе на XVI с'езде партии об отношении Ленина к лозунгу развития национальной культуры говорил: «Ленин, действительно,

[1]) В. В а г а н я н. О национальной культуре, стр. 188
[2]) Лен. сб. XIII, стр. 57.

квалифицировал лозунг национальной культуры при господстве буржуазии, как лозунг реакционный. Но разве могло быть иначе? Что такое национальная культура при господстве национальной буржуазии? Буржуазная по своему содержанию и национальная по своей форме культура, имеющая своей целью отравить массы ядом национализма и укрепить господство буржуазии. Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата. Как можно смешивать эти два принципиально различных явления, не разрывая с марксизмом? Разве не ясно, что, борясь с лозунгом национальной культуры при буржуазных порядках, Ленин ударял по буржуазному содержанию национальной культуры, а не по ее национальной форме? Было бы глупо предположить, что Ленин рассматривал социалистическую культуру, как культуру безнациональную, не имеющую той или иной национальной формы. Бундовцы, действительно, приписывали Ленину одно время эту бессмыслицу. Но из сочинений Ленина известно, что он резко протестовал против такой клеветы, решительно отмежевавшись от такой бессмыслицы. Неужели наши уважаемые уклонисты так-таки поплелись по стопам бундовцев?»[1]).

Ваганян, подражая пролеткультовцам, требует теперь же искусственного насаждения интернациональной и по содержанию и по форме культуры коммунизма. Но эта позиция в вопросах национальной культуры не менее, а более ошибочна и опасна. Совершенно несомненно, что концепция Ваганяна в вопросах национальной культуры неразрывно связана с троцкистской методологией, как известно отрицающей возможность социалистического строительства в переходный от капитализма к социализму период в одной стране. Отвергая идею руководства пролетариата мелкой буржуазией и в первую очередь крестьянством в ходе социалистического строительства, троцкисты, превратившиеся в передовой отряд контрреволюционной буржуазии, по существу отказываются также от ленинского решения национального вопроса в СССР, классовое содержание которого составляет задача установления правильных взаимоотношений русского рабочего класса с национальным крестьянством. Раз пролетариат в переходный период не сможет построить свою классовую культуру, не сможет наладить руководство крестьянством, раз отвергается возможность построения социализма в одной стране, то естественно, когда отвергается троцкистами политика партии в деле развития пролетарских по содержанию, национальных по форме культур.

Ваганян, как уже было сказано, несуразно переоценил значение национальной формы (неразрывно связав ее с буржуазным содержанием). Это нужно было Ваганяну для того, чтобы доказать неправильность какой бы то ни было поддержки национальной формы. А отбросить национальную форму — значит отказаться от лозунга партии в деле развития национальной по форме, пролетарской по содержанию культуры.

Однако было бы ошибочно недооценивать огромного значения проблемы формы в вопросах национальной культуры. Всячески укрепляя социалистическое содержание в национальной форме при развитии культур народов СССР, мы в то же время не можем увлекаться развитием национальной формы, отрывая ее от пролетарского содержания. Мы не можем ни в коей степени поощрять развитие и укрепление национальной формы в ущерб пролетарскому содержанию.

Между тем в вопросах развития национальной формы в нашей печати имеются формулировки, граничащие с неправильной установкой. По вопросу развития формы и содержания т. Затонский писал: «Мы же так бережно

[1]) «Стенографический отчет XVI с'езда ВКП(б)», стр. 55.

относимся к сохранению существующих национальных форм потому, что их развитие является в свою очередь обязательной предпосылкой культурного под'ема миллионных масс»[1]). То же самое писали отдельные товарищи в Белоруссии в отношении развития национальной формы.

Но это совершенно неправильно. Мы не можем ставить своей целью всякое развитие национальной формы. В борьбе за национальную культуру мы подчеркиваем первостепенную важность развития и укрепления пролетарского содержания. Это для нас бесспорно. Другое дело развитие национальной формы. Пролетариат может поддерживать только такое развитие национальной формы, которое ведет в направлении их постепенного сближения, вплоть до окончательного слияния при коммунизме.

Поэтому лозунг развития национальных культур народов СССР, проводимый нашей партией, означает всемерное распространение пролетарского содержания культуры и только определенное развитие национальной формы. Однако Ваганян даже самое наличие пролетарского содержания в национальной культуре подвергает сомнению. В брошюре «Не согласен» Ваганян пишет: «Идеология прошлого и есть то, что делает культуру национальной, уничтожить ее — значит уничтожить национальную культуру»[2]).

Это, разумеется, неправильно. Идеология прошлого вовсе не есть характерный признак национальных культур народов СССР. Идеология прошлого делает национальную культуру по содержанию буржуазной, эксплоататорской. А у нас разве содержание национальных культур эксплоататорское?

Ленин в свое время в полемике с бундовцами писал, что «интернациональная культура не безнациональна». Этим Ленин хотел сказать, что «чистой», т. е. интернациональной и по содержанию и по форме, культуры пока нет. Социалистическая идеология, общая для революционного пролетариата всех стран и народов, выступает пока в различных национальных формах. Поскольку социалистическая идеология возникает и развивается в каждом отдельном случае в условиях своеобразного развития производительных сил, классовой структуры общества, бытовых и психологических особенностей, особого национального языка и пр., постольку она выступает и может выступать только в той или другой национальной форме.

Однако пролетариат не может ставить перед собой задачу всякого развития любой части национальной формы. Мы на такой путь становиться не можем. Есть два противоположных пути, два метода и две цели развития национальной формы. Один метод развития национальной формы ведет к углублению и расширению различных национальных особенностей, выпячивает на первый план эти особенности, умалчивая наряду с этим то, что есть общего между ними. В корне этого направления развития национальной формы — ограниченный буржуазный национализм. Этот путь развития национальной культуры выдвинут австромарксистами.

Но есть другой, наш, ленинский, большевистский путь развития национальной формы. Этот путь развития национальной культуры ведет к всемерному усилению и укреплению пролетарского содержания. Революционный пролетариат может развивать национальную форму только в направлении ее совершенствования как средства распространения пролетарской идеологии в массах, живущих пока что в отличных условиях. Пролетариат отстаивает такое развитие национальных форм, которое не ведет к обособлению нации и национальных культур, а сближает их, ведя к созда-

[1]) «Известия», 10 ноября 1929 г. Разрядка моя — К. Т.
[2]) Ваганян. Не согласен, стр. 29.

нию единой и по содержанию и по форме интернациональной культуры.

Какую позицию занимает классовый враг в деле развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур? Ваганян например полагает, что наш классовый враг поддерживает политику партии в деле развития национальных культур народов СССР. Однако это совершенно неверно. Опыт классовой борьбы в стране дает огромное количество фактов, когда классовый враг в лице кулачества, байства, духовенства выступает против политики партии в деле развития национальных культур. Буржуазные и полуфеодальные элементы различных национальностей СССР выступают против пролетарского содержания в национальной форме. Они за буржуазную, полуфеодальную и пр. идеологию, за панисламизм, пантюркизм, национализм и т. д. Остатки эксплоататорских классов различных национальностей СССР против идеологии интернационализма; они за такое развитие национальных культур, которое обособляет трудящиеся массы, они за поддержку и развитие только того, что есть специфически отсталого в экономике, культуре и быте каждого народа. Этот путь развития отвечает задачам распространения реакционной, эксплоататорской идеологии в угоду буржуазии.

Знаменательно, что меньшевики, эти преданные лакеи буржуазии всех стран и народов, так же понимают политику нашей партии в деле развития национальных культур, как Ваганян. Меньшевики так же доказывают, что Ленин еще при царизме выступал против лозунга национальной культуры и что большевики после революции должны были «перевооружиться», отказавшись от ленинского наследства в этом вопросе. Так, видный «теоретик» меньшевизма по национальному вопросу Вернер пишет: «Самым существенным пунктом ленинской концепции было отрицательное отношение к национальной культуре... Культуре национальной Ленин противопоставил «интернациональную культуру демократии и всемерного рабочего движения»... Из этих основных китов старой программы ленинизма ни один не перешел в «национальную политику советской власти. Старые слова о непринятии культуры национальностей были основательно забыты; лозунгом стало возрождение и поощрение национальных культур»[1]).

Полное совпадение точек зрения Ваганяна и Вернера об отношении Ленина к национальной культуре налицо. Вернер и Ваганян одинаково клевещут на Ленина и большевиков. Они не хотят признать того факта, что пролетарская революция внесла решающие изменения в соотношения классовых сил в стране, в классовое содержание национальной культуры. Тем самым не мог не измениться коренным образом лозунг нашей партии. Этого не понимают и не хотят понять ни троцкисты, ни меньшевики. Меньшевики хотели бы, чтобы пролетариат отказался от лозунга развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур, чтобы пролетариат лишился тем самым того весьма важного рычага в ходе социалистического строительства, каким является лозунг развития национальных культур народов СССР.

Партия не может итти на эту провокацию классового врага — это привело бы к национальной склоке в угоду буржуазии, меньшевикам. В переходный от капитализма к коммунизму период, когда нации не только существуют, но даже возникают и развиваются, когда социалистическое содержание культуры становится «господствующей идеологической силой» в стране, пролетариат может развивать интернациональное содержание только в национальной форме. Другая возможность не дана.

[1]) «Социалистический вестник» № 21—22, 1927 г., стр. 13.

В переходный от капитализма к коммунизму период лозунг поддержки только интернациональных и по форме и по содержанию культур есть абстракция, вредный самообман. Этого не понимает Ваганян, когда пишет следующее: «Творимая пролетариатом культура и по форме и по содержанию едина» [1]). И далее: «... И с о д е р ж а н и е и ф о р м а культуры рабочего класса, несмотря на различие языков,— едины на всех языках,— интернациональны» [2]) (Разрядка моя.—*К. Т.).*

Правильно ли утверждение Ваганяна, что культура пролетариата и по форме и по содержанию едина? Разумеется неправильно. Дело обстоит совсем иначе. Культура, творимая пролетариатом, по своему содержанию везде, среди всех народов действительно едина. По своей же форме (национальной) разнообразна. Именно «формальное» различие существует между культурой, скажем, русского пролетариата и узбекских рабочих, грузинского пролетариата и татарских рабочих. Причина не только или даже не столько в языке. Надо учесть особенности идеологического, культурно-бытового и пр. развития рабочего класса каждой нации.

Разработка лозунга развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур народов СССР представляет большой научный интерес. Но этот лозунг имеет еще большее значение для практики культурного строительства среди около двухсот различных национальностей, составляющих почти половину населения СССР. Каковы практические пути развития национальных культур этих народов?

Ваганян по сути дела предлагает в культурном строительстве народов СССР отбросить национальную форму и развивать только единую и по содержанию и по форме пролетарскую культуру. Но, к сожалению, пока такой культуры на свете еще нет. Собственно Ваганян только одну великорусскую культуру считает единой по форме и содержанию пролетарской культурой, и он пытается навязать ее силой народам СССР.

Политика пролетариата в деле культурного развития многочисленных народов СССР, проводимая ленинской партией, требует всемерного использования национальных культур, требует развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур. Эта линия проходит красной нитью через резолюцию X с'езда партии, через установки IV национального совещания, через всю нашу пятнадцатилетнюю практику в национальном вопросе.

Лозунг развития национальной по форме, пролетарской по содержанию культуры имеет огромное положительное значение в области школьного строительства, создания национальных письменностей, развития национальных литератур, создания и развития искусства различных национальностей СССР. Практические успехи на каждом из этих участков культурного строительства в национальных республиках и автономных областях неразрывно связаны с этим лозунгом партии. Гигантские успехи культурного строительства среди различных народов СССР в свою очередь полностью подтверждают правильность линии партии в национальном вопросе.

Взять хотя бы школьное строительство в целом и коренизацию школы в частности среди различных национальностей СССР. Известно, что царизм всячески преследовал в школьном строительстве на окраинах родной язык учащихся, проводил политику насильственной руссификации. Октябрьская революция покончила с руссификаторской политикой царизма, дала ранее угнетенным национальностям школу на родном, понятном для них языке

[1]) В. В а г а н я н, Не согласен, стр. 28.
[2]) В. В а г а н я н, О национальной культуре, стр. 45.

В выполнении решения X с'езда партии о развитии школы на родном языке различных народов имеются огромные успехи.

Школа первой ступени нескольких десятков народностей уже полностью коренизирована. Так, в конце 1927 г. на 100 учеников в школе первой ступени обучалось на родном языке: русских в РСФСР — 99, украинцев в УССР — 93,9, белоруссов в БССР — 90,2, в ЗСФСР — грузин — 98,1, армян — 88,3, тюрков — 95, 5, узбеков в Узбекестане — 96,9, туркмен в ТуркССР — 93,5, казаков в КССР — 89,1, киргиз в Киргизстане — 94,9, татар в Крыму — 90,6, немцев в Поволжье — 98,2, татар в Татреспублике — 95,7, чуваш в Чувашской республике — 92,3 [1]). Нет сомненья, что за эти пять лет коренизация начальной школы сделала новые шаги вперед.

Однако задача перевода начальной школы на родной язык учащихся далеко не решена еще полностью. Самый слабый пункт здесь — нацменовская школа. Даже в 1931 г. узбекские дети в Таджикистане или Туркменистане обучались частенько на таджикском или туркменском языке. Дело коренизации начальной школы отстает также среди основных национальностей ряда автономных областей. Так например в 1927 г. на 100 учеников в школе первой ступени обучалось на родном языке: вотяков в Вотской автономной области — 2,7 (русских там же — 71,5), калмыков в Калмыцкой автономной области — 8,6 (русских там же — 99,8), зырян в Коми-автономной области — 48,6 (русских там же — 82,8), марийцев в Марийской автономной области — 49,8 (русских там же — 75,9) [2]). Таким образом, несмотря на значительные успехи по переводу школы на родной язык учащихся, в ряде республик и автономных областей задача коренизации школы далеко не решена. Вместе с тем в отдельных краях (например Северный Кавказ, ЦЧО и др.) допущены перегибы и крупные ошибки в деле коренизации школы. Например под флагом украинизации вообще и культурных учреждений в первую очередь в государственный аппарат многих районов проникли петлюровцы и другие враждебные нам элементы.

Дело коренизации школы имеет прямое отношение к спорам вокруг проблем формы и содержания культуры. Строго проводя политику интернационального воспитания и всемерного распространения господствующей пролетарской идеологии во всем школьном строительстве, мы все это делаем на родном, понятном для масс языке. Так происходит практическая реализация лозунга партии о развитии национальной по форме, пролетарской по содержанию культуры.

То же самое при создании учебников на родном языке. Само собой разумеется, что при царизме, когда все прогрессивное в культуре угнетенных малых народов преследовалось, не могло быть и речи о создании учебников на родном языке различных народностей. Только после революции в октябре 1917 г. в связи с коренизацией школы встал вопрос о создании идеологически выдержанных учебников на языках различных национальностей СССР. За эти годы десятки и сотни национальностей получили возможность обучать детей по учебникам на родном языке не только в школах первой и второй ступени, во всевозможных профтехнических школах, но среди наиболее культурных народов даже в вузах.

Правда, при создании национального учебника допускаются ошибки, наблюдаются уклоны как в форме изложения, так и особенно в содержании. Нередко составители национальных учебников из рядов старой интелли-

[1]) «Национальная политика ВКП(б) в цифрах», 1930 г., стр. 278—279.
[2]) Там же, стр. 279.

генции перегружают их словами или из древнего лексикона данного народа (Осетия, Армения), или из арабского словаря (Узбекистан, Туркмения), или из русского языка (народы Поволжья). В результате в учебник попадает много слов и даже оборотов речи, мало или даже совсем непонятных учащимся. Дискуссия например на страницах закавказской печати в конце 1930 г. показала, что дети курдов обучались по учебнику, огромное количество слов которого было непонятно курдским детям.

Националистическая интеллигенция сплошь и рядом пытается распространить буржуазную антипролетарскую идеологию среди подрастающего поколения через учебники. Правда, в наиболее культурных республиках (Украина, Белоруссия, Армения, Татария) учебник в основном соответствует задачам социалистического строительства, он завоеван нами. Но есть республики, где школьный учебник далеко отстает от требований современного этапа социалистического строительства. Например в Таджикистане в 1931 г. учебников было около 49 названий, большинство для начальной школы. При этом почти все оказались непригодными и подлежали из'ятию, в том числе все три букваря издания 1929 и 1930 гг. Как в букварях, так и в большинстве учебников не отражена борьба против старого быта, национализма, шовинизма и пр., не отражена борьба за разрешение важнейших задач социалистического строительства, например за колхозы, за хлопок и т. д.

Сколько было случаев, когда националисты использовывали учебник для контрреволюционной цели. В 1925 г. например в Узбекистане выпущен учебник «Практические и теоретические уроки литературы» проф. А. Саади. В соответствующем разделе автор дает задание ученикам установить разницу между метафорами и аллегориями сравнительного тропа. Для решения «урока» А. Саади приводит примеры из произведений узбекских националистов — Чулпана, Бату, Фитрата. Вот некоторые примеры из Чулпана: «Почему волки сыты на твоем теле?» «Почему тучи мести не зальют потоком?» «Аль край вступил в вечное пленство?» и др. Таких примеров в книге А. Саади очень много. Автор под видом литературных задач преподносит учащейся молодежи под видом аллегории махровый национализм, проповедует национальную ненависть к русским. При этом надо иметь в виду, что это писал человек, пытающийся, пока, правда, очень неудачно, отмежеваться от националистической контрреволюции. По этому учебнику росла молодежь в течение ряда лет. Это яркий пример того, как под национальной формой преподносится вместо пролетарского буржуазное, националистическое содержание. Одной из важных задач в деле культурного развития в национальных республиках является проблема женского образования среди восточных, в первую очередь тюрко-татарских народов. До революции не могло быть и речи не только о высшем женском образовании, но даже о посещении начальной школы девочками бедноты и вообще трудящихся отсталых народов. Даже в первые годы революции муллы, байство и реакционная интеллигенция оказывали упорное подчас сопротивление женскому образованию среди восточных народов СССР. Сколько было случаев убийства тюрчанок или узбечек только за то, что они ходили в ликбез.

Важнейшая задача в деле развития национальных культур — втягивание в культурную жизнь восточной женщины, поднятие ее грамотности. А безграмотность среди восточниц даже после революции большая. Например по переписи 1926 г. среди женщин было грамотных калмыков 3,5 проц., казаков — 3,1 проц., ингушей — 1,7 проц., чеченцев — 0,3 проц. [1]). Эти цифры показывают, какой огромный непочатый край для упорной работы среди

[1]) «Национальная политика ВКП(б) в цифрах», стр. 271—272

женщин Востока.Эта работа немыслима без учета национальных особенностей, без широкого использования национальных форм.

Дело втягивания девочек в школу в ряде национальных республик до сих пор отстает. Так, в 1927/28 г. школами первой ступени охвачено девочек школьного возраста у калмыков — 24 проц., казаков — 12,2 проц., ингушей — 11,7 проц., чеченцев — 6,5 проц. [1]). Даже в 1930/31 г. в Узбекистане вместо предполагавшихся по плану 40 проц. девочки составляли 26 проц. учащихся, а в Таджикистане — 14 проц. (из 55.799 учащихся девочек 7.748).

В Таджикистане в 1931 г. в отдельных районах (например в Аральском, Курган-Тюбинском) не было вовсе учащихся девочек. До сих пор в таких окраинных, сравнительно отсталых республиках, как Таджикистан, сопротивление баев и мулл, кулаков и ходж против женского образования полностью не ликвидировано. Сделать миллионы забитых и задавленных при царизме и господстве баев и мулл тружениц Узбекистана, Азербайджана, Таджикистана, Аджаристана и других республик Советского Востока активными участниками развития советской культуры и социалистического хозяйства в СССР — это гигантская историческая задача, выпавшая на долю пролетариата. Эта задача успешно решается и будет полностью завершена только на основе политики развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур в смертельной борьбе с баями и муллами.

Ранее забитые и отсталые народы СССР с огромным энтузиазмом относятся к школьному строительству именно потому, что оно для них — разное по содержанию и понятное по форме. Например киргизы в Сталинском районе весной 1931 г во время посевной кампании отправляли своих детей в школу за пять—шесть километров верхом на ослах, быках или коровах. Двое киргизских детей на корове по горной тропинке приезжают в школу; пока дети занимаются, корова пасется; после занятий дети садятся на коров и едут обратно домой. Только при наличии невиданной никогда ранее и возможной только при советской власти тяге к культуре, к грамотности среди трудящихся народов СССР, только на основе лозунга развития национальных культур можно было добиться имеющихся гигантских успехов.

За отсутствием итоговых данных нет возможности выразить в цифрах огромные успехи в строительстве национальной школы. Достаточно сказать, что Грузия, Армения, Осетия, Адыгея, Украина, Белоруссия уже ввели всеобщее начальное обучение. Огромные успехи достигнуты и в других республиках и автономных областях. Так например в Узбекистане в 1931 г начальной школой охвачено около 300 тыс. детей (план перевыполнен), а грамотность поднимается с 27 до 52 проц. к концу 1931 г.

В школьном строительстве в национальных республиках пока много недостатков. Во-первых, ряды учительства сравнительно социально засорены (в Татарии в 1927/28 г. 24 проц. учителей — выходцы из чуждых, а в Кукморском районе Татреспублики в том же году — 40 проц. из чуждых) и слабы по своей подготовке (в Узбекистане в 1931 г. — 75 проц. учителей с низшим образованием, в кишлаке даже 85 проц., в Таджикистане — только 6 проц со средним образованием, в Таджикистане и Киргизии значительная часть учителей окончила только ликбез и двух-трехмесячные педкурсы), и даже при этих условиях большой недостаток в учителях (по Узбекистану нехватка учителей на 1931 г. по всеобучу — 625 человек и по ликбезу — 300, в Туркмении — 4.518 человек).

Состояние школьных помещений — весьма узкое место в культурном строительстве в республиках и национальных областях. При царизме

[1]) «Национальная политика ВКП(б) в цифрах», стр. 281

в национальных окраинах строили школьные помещения в городах и селах с великорусским населением, а в районах «туземцев» школьные здания были редким явлением. Поэтому советская власть с самого начала своего существования столкнулась с огромным недостатком школьных помещений среди населения ранее угнетенных национальностей. Не случайно поэтому строительство школьных помещений в национальных районах имеет до сих пор громадное значение. В Туркмении например обеспеченность школьными помещениями в 1931 г. по городу — 66 проц., по аулу — 58 проц., а план школьного строительства на 1 января 1931 г. выполнен на 50 проц. По Узбекистану предполагалось к началу 1930/31 г. выстроить 155 школьных помещений. Из них Узбекстрой к началу учебного года ни одного не выстроил, а к 15 декабря выстроил только 5 проц. В Киргизии в 1931 г. на 900 школ приходится 7.400 комплектов — по две-три смены на школу, причем и среди них только 120 специальных школьных зданий.

Но самое главное в школьном строительстве на окраинах — охват детей бедноты и батрачества ранее угнетенных национальностей. Школа эпохи царизма, как известно, была к услугам сыновей помещиков и фабрикантов, генералов и попов. Дети широких масс русских рабочих и трудящихся крестьян фактически не имели доступа не только в высшую, но даже в среднюю и низшую школу. Еще печальнее была картина среди угнетенных народов. В школах царской России обучались дети баев, торговцев и чиновничества. Сыновья бедноты и батрачества, чайрикеров были отрезаны от школы. Беднота и батрачество на окраинах были сплошь неграмотны. Именно поэтому после Октябрьской революции задача заключалась в том, чтобы не просто поднять грамотность отсталых национальностей, но поднять грамотность прежде всего бедняцких и батрацких масс национальной деревни. И в этом отношении советская власть достигла громадных успехов.

Вплоть до 1931 г. огромное большинство школ первой ступени в кишлаках и аулах Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Казакстана и др. фактически имело только двухлетний курс обучения. Понятно, что при наблюдающемся в некоторых республиках недостатке учебных пособий, школьных помещений, при слабой подготовленности учителей однолетка или даже двухлетка дает столько, сколько может забыть ребенок за два—три года непосещения школы. Предстоит еще большая и упорная работа, чтобы превратить теперешнюю однолетку или двухлетку многих аулов и кишлаков, особенно кочевых и полукочевых районов, в настоящую советскую школу с налаженным политехническим образованием.

Практическая реализация лозунга партии в деле развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур дала значительные успехи также по линии роста печати народов СССР. При царизме десятки и сотни народностей России совершенно не имели своей письменности и печати. Отдельные попытки создания письменности для многих ранее угнетенных национальностей не шли дальше различных бесплодных упражнений националистической интеллигенции. Но даже эти жалкие попытки строго преследовались царскими чиновниками. Политика руссификации свирепствовала со всей силой.

Советская власть с самого начала своего существования ведет политику развития родного языка, создания письменности для отсталых национальностей страны. И здесь достигнуты такие успехи, о которых при буржуазном строе и мечтать было невозможно. Только за 11 лет советской власти 38 различных народов впервые в истории приобрели письменность, получили печатное слово на родном языке. Но на этом дело не остановилось. Количество национальностей, получающих впервые письменность, ежегодно

растет. Трудно даже описать, какое грандиозное впечатление производит на трудящиеся массы различных национальностей появление впервые в их истории родной письменности, книги, газеты. Мамсуров, представитель Горской республики, в своем выступлении на IV национальном совещании в 1923 г. говорил: «...Приступлено впервые к печатанию газеты «Свет» на ингушском языке. Эта газета произвела на массы глубокое впечатление. В ней было одно ингушское стихотворение и несколько статей. Газета читалась старикам, взрослым людям, и я наблюдал, как при этом у них показывались слезы. Словом, прочитанная впервые на родном языке газета произвела самое глубокое впечатление» [1]).

Создавая и развивая национальные письменности, мы тем самым содействуем развитию национальных культур. Но развитие национальной культуры в области печатного слова в первую очередь в громадной степени усиливает и обогащает пролетарское содержание. Социалистическое содержание благодаря национальной печати получает возможность широкого распространения в самых широких миллионных массах различных национальностей СССР. Только в национальных формах может расти и крепнуть интернациональная культура пролетариата среди народов СССР. И здесь национальная письменность сыграла и сыграет крупнейшую роль.

Это не значит разумеется, что у нас в деле развития национальной печати все гладко и благополучно. Нет, значительные недостатки как идеологические, так и технические имеются. Но они быстро изживаются и ликвидируются. Если бы партия стала на путь ваганяновского отрицания национальной культуры, было бы невозможно не только создание и развитие, но и существование национальной письменности. Пролетариат лишился бы такого огромного рычага в деле втягивания масс различных народов СССР в социалистическое строительство каким являются национальная письменность и литература.

Гигантские успехи в деле развития национальной печати тесно связаны с развитием национальных культур. Вот цифры роста национальной печати за последние годы. В СССР к XV с'езду партии (1927 г.) насчитывалось 331 национальное периодическое издание (130 журналов и 201 газета) на 49 языках. К XVI с'езду (1930 г.) соответствующие цифры—707 изданий (357 журналов и 349 газет) на 58 языках [2]).

За два с небольшим года количество журналов и газет увеличилось больше чем в два раза.

А вот цифры роста печати (непериодической, журналы, газеты) в республиках Средней Азии.

Далее, на основе развития национальных культур народов СССР параллельно с созданием письменностей для наиболее отсталых и малочисленных национальностей развернулась работа по усовершенствованию и реформе старых алфавитов многих национальностей. Старый алфавит, например тюркско-татарских народов, на арабской основе был алфавитом духовенства и аристократии, был мало доступным широким трудящимся массам. На одно только усвоение арабского алфавита нужно потратить ряд лет. Алфавит на арабской основе для тюркско-татарских народов был громадным препятствием в деле культурного развития трудящихся масс.

После Октябрьской революции был поставлен вопрос, который еще задолго до революции поднимали отдельные, наиболее прогрессивные представители тюркско-татарских народов России,— о реформе арабского алфа-

[1]) IV совещание ЦК РКП, 1923 г., ст. отчет, стр. 170.
[2]) «Революция и национальности», № 2, стр. 122.

Рост неперiодики по четырем нацгизам

Годы	Названий	%	Тираж	%
1925	260	100	1 936 950	100
1931	2 686	1 033	25 408 200	1 105
По национальным журналам Средней Азии				
1925	5	100	20 000	100
1931	49	980	220 965	1 105
По национальным газетам Средней Азии				
1925	13	100	50 000	100
1931	38	296	250 000	500[1])

вита. Эти попытки всячески преследовались со стороны реакционных мулл, полуфеодальных элементов и т. д. с благословения царизма. Только при советской власти движение за ликвидацию арабского алфавита приобрело широкий массовый характер. Правда, вначале это движение ставило своей задачей только реформу арабского алфавита. Но и эти попытки мусульманское духовенство и реакционная часть национальной интеллигенции встретили в штыки, пока движение за замену арабского алфавита латинизированным не охватило самые широкие массы тюркско-татарских народов СССР.

Общие успехи социалистического наступления на полуфеодальные и капиталистические элементы в национальных республиках на основе успехов социализма в СССР обеспечили победу латинизированного алфавита и поражение арабского. В результате на 1 января 1930 г. 36 народов с населением в 28 миллионов перешли на латинизированный алфавит. Предстоят еще дальнейшие успехи латинизированного алфавита среди советских народов. Латинизированный алфавит в громадной степени облегчает культурное развитие трудящихся масс различных национальностей. В то же время замена арабского алфавита латинизированным имеет громадное принципиальное значение. На этом примере легче всего иллюстрировать те процессы и сдвиги, которые у нас происходят уже сейчас в деле развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур.

Является ли алфавит частью национальной культуры, национальной формы? Несомненно. Развиваем ли мы национальную культуру вообще и национальную форму в частности, развивая и совершенствуя алфавиты различных национальностей страны? Да, развиваем и совершенствуем. Является ли это прогрессивным фактором? Несомненно, ибо латинизированный алфавит, будучи доступным широким массам, в то же время в громадной степени сближает письменность различных национальностей страны. Факт введения латинизированного алфавита вместо арабского является яркой иллюстрацией того, как интернациональное содержание, играя решающую роль в культурном строительстве среди народов СССР, предопределяет направление развития национальной формы. Именно всемерный рост и развитие пролетарского содержания среди различных национальностей страны, идея всемерного втягивания рабочих, колхозников, батрацких, бедняцких и середняцких масс побудили советскую власть к замене арабского алфавита латинизированным и послужили условием победы этого начинания. Рост и развитие

[1]) «Партработник», орган Средазбюро ЦК ВКП(б), № 5—6. 1931 г., стр. 46—47.

пролетарского содержания культуры диктовали необходимость развития и совершенствования национальной формы, причем это развитие идет не в направлении обособления наций и национальных культур, а, наоборот, их громадного сближения.

Именно потому, что дело латинизации письменности многочисленных народов СССР ведет к интернациональному сближению народов, облегчает доступ миллионным массам рабочих и бедняцких масс к усвоению интернациональной культуры в национальной форме, реакционное мусульманское духовенство и националистическая интеллигенция выступали со всей резкостью за сохранение арабского алфавита. Мы имеем большое количество фактов, когда муллы, шейхи, ишаны, баи и беки в Азербайджане, Татарии, Узбекистане и т. д. оказывали и до сих пор оказывают самое острое сопротивление делу победы латинизированного алфавита. Одним из наиболее ярких примеров борьбы реакционных элементов тюркско-татарских народов СССР против латинизированного алфавита является протест 82 представителей старой татарской интеллигенции в 1928 г. Даже отдельные коммунисты подпадали под влияние этого реакционного движения против латинизации алфавита (например т. Г. Ибрагимов, который ошибочно рассматривал борьбу за новый алфавит как борьбу между русским монархизмом и исламизмом).

Сторонников сохранения арабского алфавита среди коммунистов — культурных работников тюркско-татарских народов в первые годы революции было большое количество. Эта часть партийцев находилась под влиянием мусульманского духовенства, кулацких и байских элементов. Ибрагимов — один из тех «коммунистов», устами которых говорила националистическая и пантюркская интеллигенция.

Правильность политики партии в деле развития национальной по форме, пролетарской по содержанию культуры можно показать также на росте национальной художественной литературы.

О состоянии национальной литературы Ваганян пишет: «Нужно прямо признать, что литература малых народов и угнетенных ранее наций представляет картину невеселую. Наряду с идеализацией национального прошлого огромное место в ней занимает нытье и жалобы на притеснение, национальное самохвальство, вражда и ненависть к соседям, клерикализм и жесточайший консерватизм, идеализация национальной буржуазии и «своей интеллигенции» [1]).

Так оценивал Ваганян национальную художественную литературу. Можно ли представить более мрачную картину художественной литературы десятков народностей, чем, та, которую нарисовал Ваганян? Ни одного светлого пятна, все в черных красках. И наряду с этим Ваганян писал, что «передовая (?!) русская литература была всегда против национализма».

Национальная литература народов СССР — это сплошное «национальное самохвальство, вражда и ненависть к соседям», а русская «передовая» (имеется в виду не пролетарская, а буржуазная и помещичья)... «всегда против национализма». Можно ли себе представить большее извращение действительности?

Несомненно, что молодая художественная литература различных народов СССР до последних лет (и отчасти сейчас) имела большие недостатки.

Характерной особенностью национальной литературы до последнего времени было то, что она носила описательный, культурнический характер, страдала историзмом и бытовизмом. В большинстве случаев художественная литература грузин, армян, тюрков, узбеков, татар, осетин и т. д. посвящалась вопросам освобождения женщины, борьбе с отсталыми обычаями, прош-

[1]) Ваганян, О национальной культуре, стр. 89—90.

лому нации и пр. Этот этап развития национальной литературы был тесно связан с состоянием кадров национальной литературы. Литературы по преимуществу базировались на тех кадрах, которые нам достались от периода царизма. Эти литературные кадры подчас были чужды советской власти и идее социалистического строительства (хотя в известной мере при царизме они сыграли прогрессивную роль, поскольку освещали жизнь трудящихся масс и в той или иной степени выступали против гнета царизма, против феодально-патриархальных порядков).

Однако в большинстве своем эти литературные кадры были выходцами из буржуазно-демократических, а часто и феодально-дворянских слоев, совсем не были связаны с классовой борьбой рабочего класса и беднейших слоев деревни, не были в состоянии отражать героическую борьбу пролетариата за социалистическое строительство. В этой связи находилось также проявление различных реакционных националистических настроений и взглядов в национальной художественной литературе. Один из больших недостатков в развитии национальной художественной литературы — это слабость или иногда даже почти полное отсутствие марксистской критики (например в республиках Средней Азии). Еще до сих пор к сожалению имеют некоторое распространение чагатаистские, буржуазные пантюркситские настроения в литературе Узбекистана, туркофильская ориентация в тюркской литературе Азербайджана и западная, по существу буржуазная, ориентация в литературе Грузии, Украины и пр.

Наряду с этим еще до революции национальная литература многих передовых национальностей страны имела прямых предшественников, а иногда и представителей пролетарской литературы (грузинская, татарская, осетинская и пр. литература). Пролетарское крыло национальной литературы после Октябрьской революции 1917 г. выросло в громадной степени, а в период социалистического наступления по всему фронту получило огромный размах. Национальной литературе были свойственны в основном те же болезни роста, которые пережила вся пролетарская литература СССР. Громадный рост национальной литературы различных советских народов не подлежит никакому сомнению. Достаточно сказать, что почти во всех республиках и даже автономных областях уже многие годы существуют сложившиеся кадры пролетарских писателей, выдвинуты довольно большие кадры новых советских писателей, очень часто из бедноты и рабочих, создавших много художественных произведений, переведенных на соседние, русский и даже иностранные, языки. Уже происходят решающие сдвиги в тематике национальной литературы. Достаточно просмотреть произведения пролетарских писателей Грузии, Армении, Татарии, Узбекистана и пр, чтобы заметить непрерывный рост литературных произведений, посвященных вопросам колхозного строительства, классовой борьбе в деревне, жизни и быту национального пролетариата, социалистической индустриализации страны и т. д. Параллельно с улучшением социального состава кадров, создающих национальную литературу, с улучшением тематики этой литературы последняя уже давно превратилась в значительный фактор проникновения и всемерного усиления интернациональной идеологии пролетариата в массах различных национальностей.

Но дело даже не в отдельных недостатках или успехах в развитии национальной художественной литературы. Главное — это принципиальная оценка линии на создание и развитие пролетарских по содержанию и национальных по форме художественных литератур народов СССР. Охаивание национальных литератур и прикрашивание русской — для Ваганяна вовсе

не случайно. Ваганян и сам не скрывает свое отрицательное отношение к развитию национальных литератур народов СССР.

Между тем на примере развития национальных художественных литератур также можно иллюстрировать правильность линии партии в вопросах национальной культуры и проблему взаимоотношений пролетарского содержания и национальной формы. Художественная литература различных национальностей СССР носит ярко выраженные национальные черты, причем формы национальной литературы, ее стиль всемерно развиваются и совершенствуются. Она все больше отображает специфические условия борьбы и работы пролетариата, колхозников и бедноты различных национальностей. В то же время господствующей идеей национальной художественной литературы является интернациональное содержание. Так сочетаются национальная форма и пролетарское содержание. Национальная по форме, пролетарская по содержанию литература различных народов СССР является громадным положительным фактором в деле продвижения интернациональной культуры в массы и ее усиления. Так решается проблема формы и содержания в области литературы.

Следующий вопрос, на котором можно иллюстрировать культурный рост народов СССР и проблему взаимоотношения формы и содержания культур, это — развитие национального театра. Известно, что почти все тюркско-татарские народы России до революции не имели своего театра. Представители реакционной мусульманской религии строго преследовали распространение театрального искусства среди тюркско-татарских народностей. Только после революции 1905 года среди татар, тюрок, и пр. возникли отдельные любительские театральные группы и кружки. Но и эти отдельные попытки создать национальный театр строго преследовались как со стороны царизма, так и со стороны представителей духовенства и феодальных элементов национальных окраин.

Наиболее слабым звеном в деле развития национального театра мусульманских народов было даже после революции и отчасти до сих пор участие женщин на сцене. Появление женщины на сцене строго преследуется законами мусульманской религии. Поэтому даже в первые годы советской власти, например на сцене тюркского театра женские роли исполняли мужчины, пока против этого не был издан специальный закон советского правительства Азербайджана. В прошлом яростные преследования дела развития национального театра со стороны мулл и феодальных элементов не раз кончались убийством лучших представителей национального театрального искусства (например убийство артиста тюркского театра Ароблинского его родными, которых он «позорил» своей профессией).

Октябрьская революция положила конец господству царизма и реакционного мусульманского духовенства и тем самым создала возможность развития национального театра среди народов СССР и в частности народов, ранее принадлежавших к мусульманской религии. Сейчас у нас имеются гигантские успехи в деле развития национального театра. Наиболее яркой демонстрацией огромных успехов в деле развития театрального искусства народов СССР является олимпиада национального театра, состоявшаяся в Москве в 1930 г. Она демонстрировала огромный рост театрального искусства среди народов СССР. Этот рост сказывается по линии формирования новых театральных кадров, улучшения и громадного роста классового содержания национального театра.

В то же время олимпиада наиболее ярко выявила те недостатки и отступления от правильной линии, которые наблюдаются иногда в современном национальном театральном искусстве. В ряде случаев происходит переоценка национальной формы в ущерб интернациональному содержанию со стороны

отдельных театралов. В этом отношении наиболее характерным является I государственный национальный театр Грузии им. Руставелли. В постановке театра имени Руставелли «Анзор», (т. е. «Бронепоезд») имеются огромные успехи в деле развития грузинского театрального искусства. Однако наряду с этим в постановке «Анзор» театра им. Руставелли «национальное превалировало над классовым». Например в «Анзоре» в смысле разворота классовой борьбы роли основных действующих лиц были недостаточно заострены. Частично это относится также к государственному еврейскому театру Белоруссии.

Наряду с этим обнаружились факты недооценки национальной формы в деятельности ряда театров и неправильное понимание методов борьбы за пролетарское содержание в области театрального искусства. В этом отношении наиболее характерна работа башкирского театра. Всемерно подчеркивая борьбу за интернациональное содержание, руководители башкирского театра пренебрегли национальной формой, увлекались заимствованием костюмов, манер, декораций и пр. из русского, отмахнулись от того, что делает театр родным, наиболее доступным и понятным для широких башкирских трудящихся масс. Этот упрек можно адресовать в известной мере также узбекскому театру.

На олимпиаде выявлена еще более явная недооценка национальной формы в работе туркменского театра. Последний почти не использовал напр. туркменскую национальную музыку. И это отнюдь не случайно. Дело в том, что великорусские колонизаторы, окопавшиеся в недрах «Туркменкульта», даже в 1931 году отрицали наличие туркменского национального искусства. Настроения указанных кругов высказал ретивый поборник «реконструкции» национальной художественной культуры (заметьте — не развития, а «реконструкции») некто В. Тихонович. В журнале «Туркменоведение», органе «Туркменкульта», в 1931 г. Тихонович с удовлетворением констатировал, что «туркменский театр в общем развивается путями европеизации» [1]).

В Туркменистане, так же как и во всех республиках Средней Азии, «европеец», «европейское» есть общепринятый синоним русского. Следовательно, если термин Тихоновича расшифровать и перевести с колонизаторского на советский язык, то это будет означать, что он с удовлетворением отмечает руссификацию туркменского театра. Эта позиция Тихоновича и журнала «Туркменоведение» настолько же соответствует нашей политике в области национальной культуры, насколько правильно цитировать на следующей странице того же журнала «Туркменоведение» в 1931 г. Троцкого для того, чтобы показать, чего хотят большевики в области искусства...

Задача партии в деле дальнейшего развития национального театра заключается в том, чтобы, всемерно проводя и отстаивая интернациональное содержание, максимально использовать национальную форму, развивая и совершенствуя ее, распространять таким образом интернациональную культуру пролетариата среди самых широких масс различных национальностей СССР.

Тематика национального театра с точки зрения современного этапа социалистического строительства во многих случаях пока неудовлетворительна. Но такие факты, как например появление татарской оперы «Эшче» («Рабочий») и показ в узбекском театре в Ташкенте «Вредителей хлопка» и «Касымовщины», знаменуют крупнейшие сдвиги в тематике национального театра. Эти успехи были возможны только на основе политики партии в деле развития национальных культур народов СССР.

Рост национальной культуры и процессы, происходящие в ней, находят

[1]) «Туркменоведение» № 1—2, 1931 год, стр. 59.

свое яркое отражение в состоянии национальной музыки. Вокруг музыкальной политики нередко наиболее выпукло проявляются происходящие процессы и намечаются ориентации в культурном строительстве. Для примера можно взять развитие татарской музыки.

В татарской музыке за последние годы существуют две основные ориентации: с одной стороны — ориентация на восточную «классическую» музыку, с другой стороны — на европейскую и прежде всего русскую музыку. Во главе первого направления стоит старый композитор Габяши, во главе второго — молодой композитор Сайдашев. Оба эти направления в современной татарской музыке отнюдь не игнорируют татарские национальные мотивы. И вместе с тем наличие двух основных ориентаций в развитии татарской музыки—на Восток и на Запад—указанные два композитора и сами не скрывают. В этих условиях задача руководства в деле развития татарской национальной музыки должна заключаться в том, чтобы всячески содействовать тому направлению, которое, развивая музыкальные мотивы татарских рабочих и колхозников, старается сблизиться с русскими мотивами, а через русские мотивы — с общесоюзными. Ориентация на Восток в современной татарской музыке не может быть принята нами в качестве руководящего направления.

В вопросах развития национального искусства надо всячески преследовать ложные, надуманные «европеизмы» и бесшабашные «востокоизмы». В области развития национальной музыки надо больше чем где-либо прислушиваться к творчеству самих масс и к их требованиям. Вместе с тем у нас до сих пор явно недооценивается напр. чрезвычайно важное и богатое творчество ашугов в Армении, бахши в Туркмении, манасистов в Киргизии и пр.

О „Немецкой идеологии“

(Из предисловия к V т. международного издания полного собрания сочинений Маркса и Энгельса, Marx—Engels Gesamt Ausgabe—MEGA)

В. Адоратский

Как сообщает Энгельс в предисловии к «Разоблачениям о процессе коммунистов в Кельне», материалистическое понимание истории было в своих главных чертах уже выработано Марксом ко времени его встречи с Энгельсом, весною 1845 г., в Брюсселе. Они вместе «принялись теперь,— рассказывает там дальше Энгельс,— за подробную разработку своих новых взглядов в самых различных направлениях». Прежде всего они изложили свои воззрения в полемической форме против идеализма и метафизики гегельянцев (Бауэра и Штирнера), против одностороннего, «созерцательного» материализма Фейербаха, который не сумел «достроить материализм доверху» (Ленин), и наконец против «преображения пролетарского коммунизма... в небесах немецкого духа и... немецкой души», против «истинного социализма», который переводил французские социалистические и коммунистические идеи «на язык немецких идеологов» и пытался установить «произвольно сфабрикованную связь между коммунизмом и немецкой идеологией» (стр. 436 нашего тома).

Рукопись Маркса и Энгельса под заглавием «Немецкая идеология»[1]), печатавшаяся в настоящем томе впервые полностью, спустя 86 лет после того, как она была написана, представляет исключительный теоретический, исторический и практический интерес. В этом произведении Маркс и Энгельс выступают уже как борцы за дело пролетариата, как вожди нарождающейся коммунистической партии, как представители диалектического материализма. Наряду с полемикой здесь дается также и положительное изложение взглядов Маркса и Энгельса по ряду вопросов (теории познания, логики, истории, искусства, языковедения и т. д.). Из их ранних произведений именно в этом с наибольшей полнотой, наиболее всесторонне освещены основные вопросы диалектического материализма. В первой части (озаглавленной «I. Фейербах»), к сожалению незаконченной и окончательно неотделанной, дается первое систематическое изложение исторических и философских взглядов Маркса и Энгельса на ход исторического развития человечества. Таким образом это произведение имеет выдающееся, исключительное значение.

---

[1]) Так называет Маркс эту рукопись в одной направленной против Карла Грюна статье, которая была написана 3 апреля 1847 г. в Брюсселе и послана в «Трирскую газету», а потом 6 апреля была передана с небольшими изменениями в «Немецкую брюссельскую газету» (во второй газете она была напечатана 7-го, в первой — 9 апреля). В 1896 г. Меринг частично перепечатал ее в «Neue Zeit», S. 396—397. Полностью эта статья опубликована в MEGA, I, 6. См. там же, стр. 260, 29—33.

Настоящая рукопись писалась в 1845—1846 гг. в Брюсселе, где поселился Маркс после того, как правительство Гизо выслало его по настоянию прусского правительства из пределов Франции, и куда весной 1845 г. приехал также Энгельс, только что закончивший книгу «Положение рабочего класса в Англии» и читавший в Брюсселе корректуры. В первую половину июля того же года Маркс и Энгельс совершили поездку в Англию (в Лондон и Манчестер), где Маркс имел возможность ближе познакомиться на месте с обширной английской экономической литературой и с промышленной и политической жизнью Англии.

Вернувшись около 20 августа 1845 г. из Англии, Маркс и Энгельс узнали о нападках, которым они подверглись тем временем со стороны Бруно Бауэра и Макса Штирнера, и о быстром нарастании движения «истинного социализма», охватывавшего все более широкие круги главным образом интеллигенции, Маркс и Энгельс немедленно же приступили к работе над настоящей рукописью. К началу лета 1846 г. она уже была в основном закончена. Но опубликовать ее не пришлось, потому что, как сообщает Маркс в письме к Леске от 31 июля 1846 г., «некоторые немецкие капиталисты [1]), согласившиеся было издать разные работы» его, Энгельса и Гесса, «после отсылки в Германию большей части рукописей второго тома [«Немецкой идеологии»... в конце концов, совсем недавно [2]) написали, что так как их капитал занят в других местах, то из всей этой истории *ничего не выйдет*».

28 декабря 1846 г. Маркс писал Анненкову: «Я хотел бы послать Вам вместе с этим письмом мою книгу о политической экономии, но до сих пор я не могу напечатать эту работу и критику германских философов и социалистов, о чем я Вам говорил в Брюсселе. Вы не можете себе представить, какие затруднения такое издание встречает в Германии, во-первых, со стороны полиции, во-вторых, со стороны издателей, являющихся заинтересованными представителями всех тех направлений, на которые я нападаю. А что касается нашей собственной партии, то она не только бедна, но и значительная часть немецкой коммунистической партии кроме того сердита на меня за то, что я протестую против их утопий и их декламаций».

При жизни Маркса и Энгельса из «Немецкой идеологии» была напечатана в «Вестфальском пароходе» (1847 г.) только одна глава, в которой была подвергнута критике книга Карла Грюна «Социальное движение во Франции и Бельгии». После их смерти отдельные части «Немецкой идеологии» публиковались в разное время, однако научное достоинство этих публикаций оставляло желать многого.

Кроме указанного выше места из предисловия Энгельса к «Разоблачениям» и Маркс тоже упоминает о «Немецкой идеологии» в своем предисловии «К критике политической экономии» (1859 г.). Когда Энгельс, рассказывает он там, «весною 1845 г. также поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать наши взгляды, противоположные идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было выполнено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись в виде двух толстых томов in 8° давно уже прибыла для издания в Вестфалию, когда мы получили известие, что изменившиеся обстоятельства делают ее издание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что достигли своей главной цели — выяснения дела самим себе».

---

[1]) Это были «истинные социалисты», Юлиус Мейер и Рудольф Ремпель из Оснабрюка и Билефельд. См. MEGA, III, 14, именной указатель.

[2]) 9 июля 1846 г.

В 1888 г. в предисловии к своей брошюре «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс приводит эти слова Маркса и в конце предисловия добавляет: «Прежде, чем отправить в печать эти строки, я отыскал и перечитал старую рукопись 1845—1846 гг. Отдел о Фейербахе в ней не кончен. Готовая часть представляет собой изложение материалистического понимания истории, показывающее, до какой степени неполны были наши тогдашние историко-экономические сведения. Так как в ней нет критики самого учения Фейербаха[1]), то для моей настоящей цели оно оказалось непригодным. Но зато в одной старой тетради Маркса я нашел одиннадцать тезисов о Фейербахе[2]), которые и напечатаны ниже в виде приложения. Это не более, как заметки, подлежавшие дальнейшей разработке, наскоро сделанные и отнюдь не предназначавшиеся для печати. Но они неоценимы, как первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения».

«Немецкая идеология» относится, как сказано, к такому периоду, когда Маркс и Энгельс уже выступают как представители научного коммунизма, как вожди и теоретики революционного пролетариата.

Подвергая критике гегелевскую философию государства и права, Маркс начал в 1843 г. изучать французскую революцию как историю возникновения современного государства. Его исследования привели его «к заключению, что правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа; наоборот, они коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века, называл «гражданским обществом», а анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии» [3]). Изучая вопрос о взаимоотношении между политикой и экономикой, в результате критического пересмотра гегелевской философии права и изучения французской революции Маркс пришел к тому выводу, что решающее значение для всего строя общества имеют производственные отношения, которые и изучает политическая экономия.

«Открытие Маркса,— говорит Энгельс в упоминавшемся уже предисловии к брошюре «Разоблачения»,— создавшее переворот в исторической науке, имело непосредственное значение для современного с ним рабочего движения. Коммунизм у французов и немцев, чартизм у англичан уже не были теперь чем-то случайным, чего с таким же успехом могло и вовсе не быть. Эти движения представились теперь, как движение современного угнетенного класса пролетариата, как более или менее развитые формы его исторически необходимой борьбы против господствующего класса буржуазии; как формы классовой борьбы, отличающиеся однако от всех прежних форм борьбы классов тем, что теперешний угнетенный класс — пролетариат — не может осуществить свое освобождение, не освобождая в то же время все общество от разделения на классы, а вместе с тем и от классовой борьбы. И коммунизм теперь уже не означал более измышления при помощи фантазии возможно более совершенного идеала, а означал понимание природы, условий и вытекающих отсюда общих целей ведущейся пролетариатом борьбы».

«И мы отнюдь не собирались, — продолжает Энгельс, — ограничиться тем, чтобы новые научные результаты сообщить по секрету, изложить их

[1]) Речь идет о рукописи «I. Фейербах», стр. 7—67 наст. тома.
[2]) См. стр. 533—535 наст. тома, где напечатан оригинальный текст Маркса
[3]) Предисловие «К критике политической экономии».

в толстых книгах исключительно для «ученого» мира. Напротив, мы оба уже глубоко вошли в политическое движение, у нас уже было некоторое число сторонников среди образованного мира, особенно западной Германии, и достаточное количество сношений с организованным пролетариатом (reichliche Fühlung). На нас лежала обязанность обосновать наши взгляды научно; но для нас было также важно привлечь на сторону наших убеждений европейский и прежде всего немецкий пролетариат. Когда нам самим стало ясно все, мы принялись за работу» (K. Marx, «Enthüllungen etc., 4-ter Abdruck, Berlin, 1914, S. 36).

Эта работа состояла прежде всего в создании рабочих организаций, в непосредственно практическом руководстве революционным рабочим движением. Начиная с 1845 г. Маркс и Энгельс не прекращали этой своей важнейшей деятельности вождей революционного движения. Это особенно необходимо подчеркнуть в противовес всем социал-демократическим и т. п. филистерам, стремящимся извратить, выхолостить марксизм, исказить образ Маркса. Надо выдвинуть на первый план и осветить во всех подробностях работу Маркса и Энгельса как вождей пролетариата и их беспощадную борьбу против всех разновидностей оппортунизма. Необходимо сделать это в противовес горе-«марксистам», которые скрывают, затушевывают, извращают эту существеннейшую составную часть жизненного дела Маркса и Энгельса. Тесная связь с массовым рабочим движением была насущно необходима, так как это вытекало из самого существа мировоззрения Маркса и Энгельса. Они неустанно раз'ясняли, что основой научного коммунизма является происходящая в действительности массовая борьба пролетариата, современное историческое движение, участвовать в котором, руководя им и учась у него, должен марксист-теоретик.

Уже в 1844 г. Маркс стал готовить свою первую большую работу по экономике [1]). Своей работой по изучению экономики Маркс создал научную основу для политики пролетарской партии. Как выразился Энгельс, «теоретическое бытие» основанной Марксом и Энгельсом партии «вышло из изучения политической экономии» [2]).

Изучая общественные явления материалистически, Маркс и Энгельс вели в то же время борьбу против представителей буржуазного мировоззрения, за диалектический материализм. В уже цитированном выше письме к издателю Леске Маркс об'ясняет, почему он отложил пока разработку своей «Критики политики и политической экономии»:

«Мне казалось, — писал Маркс, — что очень важно моему п о л о ж и т е л ь н о м у изложению предпослать полемическое сочинение против немецкой философии (от (Бауэра), Фейербаха до Штирнера [3]) и против существующего с тех пор немецкого социализма. Это необходимо для того, чтобы подготовить публику к точке зрения моей экономики, диаметрально противоположной точке зрения немецкой науки, как она существовала до сегодняшнего дня. Впрочем, это то самое полемическое сочинение, о котором

---

[1]) Рукописи, представляющие собой подготовительные работы для этого сочинения (поскольку эти рукописи разобраны и расшифрованы), опубликованы отчасти в III томе первого отдела нашего издания. Однако необходимо иметь в виду, что экономические рукописи Маркса, его тетради, содержащие выписки с его заметками (Exzerptenhefte, количеством 150 тетрадей), в большинстве еще не расшифрованы. Весьма возможно, что при дальнейшем изучении этого богатейшего литературного наследства будут еще обнаружены работы, относящиеся к тому же периоду.

[2]) См. рецензию Энгельса на «К критике политической экономии» Маркса в «Das Volk», № 14, от 6 августа 1859 г.

[3]) Поставленные в скобки слова зачеркнуты в наброске письма.

я уже писал Вам в моем письме, что оно должно быть окончено до опубликования моего экономического труда».

Необыкновенно удачно выразил Ленин существо марксистского подхода, говоря, что социализм Маркса ставит все вопросы «на историческую почву не в смысле одного только об'яснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению». Практическая деятельность входит неразрывной составной частью в научный коммунизм Маркса. Энгельс в статье «Коммунисты и К. Гейнцен», полемизируя с буржуазным демократом Карлом Гейнценом, раз'яснил, откуда черпает научный коммунизм свою теорию. «Г-н Гейнцен воображает, что коммунизм есть известная доктрина, которая исходит из определенного теоретического принципа, как из своего ядра, и отсюда делает дальнейшие выводы. Гейнцен сильно ошибается. Коммунизм не доктрина, а движение; он исходит не из принципов, а из фактов. Предпосылкой для коммунистов служит не та или иная философия, но вся предшествующая история и ее фактические результаты в настоящее время в цивилизованных странах. Коммунизм является следствием крупной промышленности и ее результатов, создания мирового рынка и возникшей вместе с ним ничем не стесненной конкуренции, торговых кризисов, становящихся все более сильными и всеобщими,— уже теперь они вполне стали кризисами мирового рынка, — возникновения пролетариата и концентрации капитала, вытекающей отсюда классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Поскольку коммунизм есть теория, он является теоретическим выражением положения пролетариата в этой борьбе и теоретическим итогом условий освобождения пролетариата» [1]).

В соответствии с таким пониманием Маркс и Энгельс всегда стремились установить самую тесную связь с массовым рабочим движением. Как сообщает Маркс в своем полемическом произведении «Господин Фохт» (1860 г.), они «в целом ряде литографированных или печатных пропагандистских брошюр подвергли беспощадной критике ту смесь англо-французского социализма или коммунизма с немецкой философией, которая составляла тогда тайное учение «Союза»[2]). «И взамен этого, — продолжает Маркс, — в качестве единственной подходящей теоретической основы мы выдвинули научное изучение экономического строя буржуазного общества. Мы раз'яснили, наконец, в популярной форме, что дело идет не об осуществлении какой-либо утопической системы, а о самосознательном участии в историческом ходе преобразования общества, совершающемся на наших глазах» [3]).

Создание и укрепление пролетарских организаций, установление связи с массовым движением, руководство им, беспощадная борьба против антипролетарских течений, против буржуазной идеологии, против различных форм организационного и идейного влияния буржуазии на пролетариат — все это для Маркса и Энгельса составляло существеннейшую, основную задачу их деятельности. В этом и состояло соединение революционной теории с революционной практикой, без чего не может быть марксизма [4]). Руководя политической и экономической борьбой рабочего класса, Маркс и Энгельс все время вели теоретическую борьбу как неот'емлемую составную часть классовой борьбы пролетариата. Они были убеждены, что без револю-

[1]) Энгельс, Коммунисты и К. Гейнцен (статья 1847 г.).
[2]) «Союз справедливых».
[3]) Marx, Herr Vogt, 1860, S. 35.
[4]) См. тезисы Маркса о Фейербахе, стр. 533—535 «Немецкой идеологии», MEGA, I, Abt., а также ряд замечаний в самом тексте рукописи, там же, стр. 35—36, 64—65 и др.

ционной теории не может быть революционного движения. Но с другой стороны, теория — это не готовый шаблон, не застывшая догма, а «руководство к действию». Марксистская теория анализирует действительные противоречия и должна правильно отражать в своих выводах изменение всей действительно существующей и непрерывно меняющейся обстановки. Задача «практического материалиста, т. е. коммуниста,—пишут Маркс и Энгельс,— состоит в том, чтобы революционизировать существующий мир, практически взяться за вещи, имеющиеся налицо, и их преобразовать» (die bestehende Welt zu revolütionieren, die vorgefundenden Dinge praktisch anzugreifen und zu verändern). Эта основная мысль пронизывает собой не только «Немецкую идеологию»,— она проходит через всю научную и политическую деятельность Маркса и Энгельса. Кто не понял этой основы мировоззрения Маркса и Энгельса, тот вообще ничего не понял в марксизме.

В одной статье от 1899 г. Ленин писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты д о л ж н ы двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» [1]). Так именно понимали теорию и Маркс и Энгельс. В «Господине Фохте» Маркс отмечает, что «за различными фразами, пройденными немецкой философией в ее развитии от 1839 г. до 1846 г., следили в... рабочих кружках с оживленнейшим интересом». Заключая в себе анализ и критику послегегелевской и фейербахианской философии, «Немецкая идеология» была именно одним из ценнейших образцов теоретической борьбы, полемическим произведением, написанным для того, чтобы помочь рабочему классу разобраться в теоретических вопросах. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс подробно рассмотрели немецкую послегегелевскую и фейербахианскую философию как теоретическую основу мелкобуржуазного «истинного» социализма, против которого они вели беспощадную борьбу. Именно поэтому «Немецкая идеология» имела и имеет еще сейчас такое большое п р а к т и ч е с к о е значение для рабочего движения.

И позднее в письмах Маркса и Энгельса неоднократно подчеркивается, что в течение всей своей деятельности они вели последовательную борьбу против оппортунизма, мелкобуржуазного соглашательства. В письме к И. Ф. Беккеру от 15/IX 1879 г. Энгельс писал например, что когда его посетил мелкобуржуазный идеолог Гехберг, то Энгельс раз'яснил ему, что он и Маркс «даже в мыслях не имели опустить пролетарское знамя», которое они «высоко держали в течение почти 40 лет», и еще менее они собираются присоединиться к тому «мелкобуржуазному дурману всеобщего братства», с которым «они боролись в течение тех же приблизительно 40 лет».

Если подойти с этой меркой к так называемым «теоретикам» современной социал-демократии, станет ясно, до какого жалкого падения дошла теория этих ренегатов. А ведь некоторые из них когда-то учились непосредственно у Энгельса марксизму, под его руководством делали кое-что полезное для пролетариата. Линию революционного марксизма продолжает победоносно проводить Коминтерн и ленинская Всесоюзная коммунистическая партия большевиков. В СССР пролетариат выполнил то, о чем писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». Пролетариат СССР в революции «сверг господствующий класс» (см. стр. 60) и в ходе революции «стряхивает со своей шеи всю старую дрянь», в упорной борьбе создавая новое общество, строя социализм.

Здесь не место останавливаться подробно на вопросе об отношении Маркса и Энгельса к Гегелю и Фейербаху, заниматься характеристикой того

[1]) Л е н и н, Наша программа, соч. т. II, изд. 2-е, стр. 492.

пути, идя по которому Маркс и Энгельс нашли выход из лабиринта систем к действительному положительному познанию мира. Путь этот освещен в самой «Немецкой идеологии» (см. например стр. 215—216 и др.). Особенно подробно охарактеризовал этот вопрос Энгельс в своей превосходной книге «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». К ней мы и отсылаем всех желающих получить исчерпывающие сведения по этому вопросу.

Необходимо отметить в заключение, что «Немецкая идеология» представляет интерес еще и вот с какой стороны: в одном из писем к Бебелю (1885 г.) Энгельс как-то заметил, что в дни своей молодости он был очень самонадеян и скороспел в своих выводах и только Маркс научил его, как нужно работать. «Немецкая идеология» была как раз первой работой, которую Энгельс проделал совместно с Марксом, в ближайшем с ним сотрудничестве. Здесь новое мировоззрение впервые было изложено с достаточной полнотой в своих основных чертах.

К новому русскому изданию „Капитала“ Маркса

А. Леонтьев

Приближается знаменательная дата пятидесятилетия со дня смерти Маркса. В стране пролетарской диктатуры эта годовщина послужит генеральным смотром того состояния, в котором у нас находится дело пропаганды учения марксизма-ленинизма. Рабочие массы СССР несомненно в связи с полувековой годовщиной со дня смерти великого учителя, идеолога и вождя пролетариата проявят огромный интерес к дальнейшему распространению и углубленному изучению теории Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, теории, которая в наших условиях, овладев массами, уже стала материальной силой огромного революционного действия. В деле изучения марксистско-ленинской теории совершенно особое место занимает «Капитал». Главный труд Маркса, труд его жизни остается неисчерпаемым источником знания для широких слоев новых кадров, выковывающихся из среды рабочего класса. Нечего и говорить о том, что никогда и нигде в мире «Капитал» Маркса не подвергался столь серьезному, глубокому и массовому изучению, как в настоящее время в Советском союзе. Это совершенно естественно. Это свидетельствует о той огромной ответственности, которая связана с подготовкой нового русского издания «Капитала» Маркса.

Как известно, русский язык был первым из иностранных языков, на который был переведен «Капитал». Первым, но разумеется далеко не последним. За истекшие десятилетия «Капитал» был переведен почти на все европейские языки, а с развертыванием революционного движения в других частях света — и на ряд внеевропейских языков.

«Капитал» имеется на русском языке в нескольких переводах. Первым по времени является перевод Николая-она (Даниельсона). Даниельсон перевел I том «Капитала» с первого немецкого издания 1867 г.; этот перевод вышел в свет в 1872 г. После издания Энгельсом II и III томов «Капитала» Даниельсон опубликовал и эти тома в русском переводе. Наконец после выхода в 1890 г. подготовленного Энгельсом четвертого немецкого издания I тома Даниельсон выпустил в 1898 г. второе издание своего русского перевода (в том же году понадобилось и третье, представлявшее почти простую перепечатку второго). Следующий по времени появления перевод известен как перевод под редакцией Петра Струве; перевод I тома был сделан также с четвертого немецкого издания. Наконец уже в период после революции 1905 г. появился новый перевод, который значился как перевод под редакцией Степанова и Базарова, при общей редакции Богданова.

Именно этот перевод лег в основу того текста «Капитала», который стал переиздаваться после Октябрьской революции. Однако для переиздания в советских условиях т. И. Степанов подверг перевод всех трех томов новому

пересмотру. Всякий, кто имеет опыт в подобного рода работе, знает, что сколько-нибудь внимательный и тщательный пересмотр редакции перевода означает в сущности не что иное, как новое редактирование текста перевода, подобно тому, как в свою очередь тщательная редакция перевода означает фактически новый перевод. Таким образом мы имеем полное основание считать и называть переиздаваемый у нас до настоящего времени перевод «Капитала» переводом т. И. Степанова.

Именно этот текст переиздавался и до сих пор переиздается тиражами в сотни тысяч экземпляров, именно этот текст имеется во всех наших библиотеках и на руках у сотен тысяч партийного, советского, хозяйственного актива, именно по этому степановскому переводу у нас изучают «Капитал» сотни тысяч людей, по этому переводу приводятся цитаты, дается изложение, делаются ссылки и т. п. Особенно большие изменения были внесены т. Степановым при пересмотре текста I тома; дело в том, что дореволюционное издание представляло собой перевод с четвертого немецкого издания, подготовленного Энгельсом, а новое издание являлось переводом с немецкого так называемого «народного» издания, выпущенного Каутским в 1914 г.

Можно было заранее с уверенностью сказать, что из всех русских переводов «Капитала» самым лучшим является перевод т. Степанова. Сравнительное изучение всех переводов не оставляет в этом никаких сомнений. Однако необходимо иметь в виду, что нередко те или иные отдельные ошибки, встречающиеся в степановском переводе, отсутствуют в других, в частности в переводе Николая-она. Достоинства степановского перевода определяются достоинствами самого т. Степанова, которого так ценил Ленин (см. предисловие к книге Степанова об электрификации). Степанов был высокообразованным марксистом-ленинцем, прекрасно владел живым и образным русским языком, был одним из самых талантливых пропагандистов в нашей партии. Все эти незаурядные достоинства запечатлены в степановском переводе «Капитала».

Однако наряду с достоинствами этот перевод имеет и довольно существенные недостатки. Здесь необходимо иметь в виду, что требования, пред'являемые к переводу «Капитала», не могут оставаться неизменными. Эти требования были одни перед революцией и они существенно иные в нынешних условиях, после пятнадцати лет успешного строительства социализма. Требования за это время колоссально возросли. Те недостатки, которые еще лет 10 или даже 5 тому назад не имели решающего значения, теперь требуют совершенно иного к себе отношения. Достаточно указать на три обстоятельства, обуславливающие этот естественный и совершенно неизбежный рост требований в такой работе, как перевод «Капитала». Прежде всего колоссально расширился круг людей, изучающих теорию Маркса по «Капиталу». Это уже не единицы, не десятки и не сотни, а буквально десятки тысяч людей. Всякая неточность в передаче мысли Маркса, всякая неясность изложения умножаются следовательно на пятизначные числа—людей, изучающих «Капитал».

Далее, изучение «Капитала» идет весьма углубленное; изучающие ищут в работе Маркса указаний, помогающих осмысливать реальные процессы современной действительности — прежде всего современного распада капиталистической системы. В методе Маркса, в ряде указаний Маркса мы находим ключ к пониманию явлений нашего социалистического хозяйства в СССР; теория Маркса является могучим орудием практического строительства социализма, действенным оружием в борьбе против всех классово враждебных элементов. Отсюда ясно, что нередко нюансы, казавшиеся еще не столь давно второстепенными, приобретают весьма существенное значение.

Наконец третье обстоятельство заключается в том, что в условиях пролетарской диктатуры, успешно осуществляющей построение социализма, всякие антимарксистские теории, всякие антипролетарские течения усиленно рядятся в марксистские одежды; наши враги норовят искажать и извращать марксистско-ленинское учение возможно более незаметными, искусно прикрытыми способами. Достаточно вспомнить меньшевиствующий идеализм, достаточно вспомнить механистическую ревизию марксизма-ленинизма. Враждебные нашей партии установки теснейшим образом связаны с извращениями марксистско-ленинской теории. Отсюда опять-таки ясны повышенные требования в отношении точности и четкости перевода работ основоположников марксизма: всякая неточность, ошибка, искажение, а нередко даже и простая неясность в переводе того или иного важного теоретического положения легко могут быть подхвачены и использованы врагами марксизма-ленинизма, выступающими контрабандно под его защитным цветом. История прошедших дискуссий дает достаточно ярких примеров в этом отношении.

Отсюда понятно, каким высоко ответственным делом является подготовка нового русского издания «Капитала», издания, достойного страны пролетарской диктатуры. Мы отнюдь не ставим своей задачей в рамках настоящей статьи поставить все вопросы, связанные с подготовкой этого издания. Мы не собираемся перечислять всех трудностей, связанных с выполнением этой задачи. Достаточно указать, что «Капитал» — это дело жизни Маркса — представляет собой грандиозное произведение, которое создавалось Марксом в течение десятилетий и многократно переделывалось им. До настоящего времени опубликована лишь небольшая часть материалов, рисующих картину работы Маркса над «Капиталом». Публикация всей огромной массы относящихся сюда материалов идет к сожалению значительно медленнее, чем это было бы необходимо.

Исследование творческой истории «Капитала» представляет собой плодотворнейшую и благодарнейшую задачу, которая еще стоит во весь рост. Однако совершенно очевидно, что при подготовке нового русского издания «Капитала» не эта работа стоит в центре внимания. Здесь задача значительно более ограничена. Если же мы все же упомянули о столь крупной задаче, так это потому, что одним краем работа по подготовке нового русского издания «Капитала» непосредственно соприкасается с необходимостью исследования истории возникновения «Капитала».

Это относится к I тому «Капитала». II и III томы естественно даются в том виде, как они были выпущены Энгельсом. Публикация той части рукописей Маркса, предназначенных для II и IV томов «Капитала», которая не была использована Энгельсом, представляет собой самостоятельную задачу. Сложнее обстоит дело с I томом «Капитала». Здесь мы имеем фактически шесть изданий, в том числе четыре подготовленных непосредственно Марксом или при его ближайшем участии (это — первое и второе немецкие издания, французское и английское издания), и два издания, подготовленных Энгельсом уже после смерти Маркса по оставленным им указаниям (третье и четвертое немецкие издания). Совершенно очевидно, что в качестве аутентичного подлинника следует брать подготовленное Энгельсом четвертое немецкое издание, представляющее собой I том «Капитала» в его наиболее полной и зрелой форме. Очевидно также, что для целей более углубленного изучения марксовой теории неоценимым пособием явилось бы также издание I тома, которое воспроизводило бы все важнейшие варианты различных изданий, подготовленных Марксом и Энгельсом. Ясно однако, что издание с вариантами, чрезвычайно ценное для высоко квалифицированных кадров, углубленно изучающих «Капитал», было бы чересчур громоздким и трудным для «всеобщего» пользования. Для этой цели необходимо издание обычного типа,

и оно должно представлять собой перевод с четвертого энгельсовского издания.

Наибольшее количество новых дополнений Маркс написал для французского издания I тома, которое он стремился сделать в то же время максимально популярным и доступным для усвоения. Значительнейшую часть этих дополнений Маркс имел в виду перенести в новое немецкое издание, подготовить которое ему помешала однако смерть. Пользуясь указаниями Маркса, сохранившимися в его бумагах, Энгельс широко использовал французское издание при подготовке третьего и четвертого немецких изданий. Все же часть более мелких дополнений не была им перенесена в немецкое издание.

В своем так называемом «народном» издании I тома Каутский, сделав ряд искажений (особенно в переводе иностранных терминов, ряда цитат и т. д.) и произвольных купюр, в то же время перенес в немецкое издание часть того дополнительного текста французского издания, который Энгельс в свое время не использовал. Кроме того ряд дополнений взят был Каутским из второго немецкого издания. Необходимо иметь в виду, что наш читатель привык иметь дело со степановским переводом, сделанным с «народного» издания Каутского. Новое издание русского перевода естественно устранит все сделанные Каутским извращения, восстановит его купюры. Однако возникает вопрос: как быть с теми дополнениями, которых нет в энгельсовском издании и которые приведены в издании, ныне имеющем у нас хождение? Очевидно, эти дополнения необходимо будет в значительной части привести в той или иной форме (например в виде варианта французского или второго немецкого издания по сравнению с четвертым немецким изданием Энгельса).

Эти дополнения касаются не только ряда сравнительно второстепенных мест и дают не только несколько иное изложение того, что повторяется в других местах. Некоторые из этих дополнений имеют весьма существенное самостоятельное значение. Достаточно привести следующие два места. В 22-й главе мы встречаем следующее дополнение, взятое из французского издания: «Ныне (1873 г.), благодаря иностранной конкуренции, которой вследствие развития капиталистического способа производства подпали рабочие всего земного шара, мы значительно подвинулись в этом вопросе. В настоящее время дело идет уже не о том, чтобы английскую заработную плату понизить до уровня заработных плат на европейском континенте, а о том, чтобы европейский уровень в более или менее близком будущем опустить до китайского уровня. Такие перспективы развернул перед своими избирателями г. Stapleton, член английского парламента, в речи о цене труда в будущем. «Если Китай,— говорил он,— станет великой промышленной страной, то я не вижу, каким образом промышленное население Европы может выдержать борьбу с ним, не опускаясь до уровня своих конкурентов» («Times», 3 сентября 1873 г.). Нет нужды раз'яснять особо, какое существенное значение имеет это высказывание Маркса которое в такой форме нигде больше не встречается, для правильного понимания марксова учения об обострении классовых отношений между пролетариатом и буржуазией, для отпора всем антимарксистским попыткам отрицания или извращения марксова учения о неизбежном обнищании рабочего класса в условиях капитализма. Нет нужды указывать также на злободневность этого высказывания в современных условиях, когда призывы к сведению уровня жизни рабочих в самых развитых странах капитализма к уровню жизни китайских кули все громче открыто раздаются со стороны самых авторитетных представителей буржуазии. Или вот еще один пример. В третьем параграфе 23-й главы о всеобщем законе капиталистического накопления, где Маркс дает сжатую характеристику циклического бега капиталистической промышленности и периодического кризиса, мы встречаем следующее дополнение: «Только с того вре-

мени, когда механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность; когда благодаря ей внешняя торговля начала брать перевес над внутренней торговлей; когда мировой рынок открыл для себя колоссальные области в Америке, Азии, Австралии; когда наконец промышленные нации, вступившие в конкуренцию друг с другом, сделались достаточно многочисленными,—только с того времени выступили те все снова и снова повторяющиеся циклы, последовательные фазы которых охватывают годы и которые каждый раз ведут ко всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый. До сих пор такой цикл обыкновенно охватывал от 10 до 11 лет. Но у нас нет никаких причин считать это число неизменным. Напротив, изложенные нами законы капитализма дают основания предполагать, что это число изменяющееся и что оно мало-помалу сократится». Совершенно очевидно, что это высказывание Маркса, в частности его указание на сокращение продолжительности промышленного цикла с развитием капитализма, представляет огромный интерес в современных условиях. Совершенно очевидно, что подобного рода высказывания о б я з а т е л ь н о должны войти в новое издание. Чтобы не нарушать полной идентичности основного текста с четвертым изданием, целесообразно дать эти места в качестве вариантов соответствующих более ранних изданий.

Для нового русского издания берется в основу степановский перевод всех трех томов. Это совершенно естественно, поскольку этот перевод — лучший из существующих, поскольку он наряду с немаловажными недостатками обладает крупными достоинствами. Новое издание должно выполнить нелегкую задачу: сохранить достоинства степановского перевода, устранив его недостатки. Достоинствами степановского перевода являются: относительная легкость перевода, довольно часто — живость и яркость изложения; при проверке этого перевода в ряде случаев, представляющих немалые трудности для передачи на русском языке, нередко невольно любуешься той блестящей формой, в которой Степанов сумел передать мысли Маркса. Эти достоинства должны быть сохранены.

Каковы же недостатки, подлежащие устранению? Они не малы. Они имеют своим истоком прежде всего серьезнейшие механистические ошибки т. Степанова. Весьма возможно, что некоторые из этих недостатков являются еще неискорененным наследием того участия, которое в редактировании принимали антимарксисты—Богданов и Базаров. Перевод во многих случаях смазывает диалектические переходы, совершенно не передает некоторых более трудных теоретических положений. Стремление к более популярному изложению иногда приводит в степановском переводе к упрощенству, стоящему на грани вульгаризации, в иных случаях—к прямой вульгаризации и извращению смысла марксовых положений. Примером могут служить те сравнительно нередкие случаи, когда р а з л и ч н ы е слова, отражающие различные оттенки мысли у Маркса, систематически передаются в русском переводе одним и тем же словом. Так например в первой главе I тома Маркс несколько раз употребляет выражение «Wertgegenständlichkeit». В степановском переводе это слово весьма произвольно передано как «субстанция стоимости», между тем как последнее выражение соответствует марксову «Wersubstanz». Что здесь речь идет не о пустой надуманной разнице, а о действительном различии, ясно для каждого, кто знает, с какой тщательностью Маркс подбирал наиболее подходящие слова для максимально точного выражения своих мыслей. Французское издание передает «Wertgegenständlichkeit» как «rèalite de la valeur», что также полностью подтверждает, что здесь речь идет о чем-то отличном от суб-

станции стоимости, что здесь имеется в виду иная сторона дела. Говоря об овеществленном труде, Маркс употребляет выражение «vergegenständlichte Arbeit»; говоря о производственных отношениях, он употребляет слово «Versachlichung», которое в русском переводе также передается словом «овеществление». Такое слово, как «Verselbständigung», которое подчеркивает момент приобретения самостоятельности ,в переводе превращается повсюду в «обособление», где эта сторона дела совершенно стерта. Перевод систематически передает одним и тем же словом «форма» три различных слова, отличающихся между собой: «Form», «Gestalt», «Gestaltung». Слово «prozessierend», весьма трудное для перевода, обычно передается, как «движущийся», что нередко смазывает оттенок мысли Маркса.

Следующий пример: «Produktionsweise» и «Betriebsweise» передаются одинаково, как способ производства, между тем как последнее слово означает нечто другое. Еще пример: Маркс в виде общего правила употребляет глаголы sein, es scheinen и dorstellen в четко ограниченном смысле; в переводе эта разница местами стирается, и, встречая русское слово «является», необходимо иметь в виду, что оно может означать как немецкое «ist», так и «erscheint». Между тем очевидно, что различие этих двух слов зачастую выражает различие между формой проявления и сущностью, и передача их одним русским словом легко ведет к смешению формы проявления с сущностью. Здесь особая трудность заключается в том, что русское слово «являться» в обыденной речи употребляется как синоним слова «быть» и в ряде случаев служит в целях литературности стиля и благозвучности простой заменой последнего. При переводе специально философского сочинения, предназначенного для более или менее узкого круга лиц, занимающихся философией как своей специальностью, можно разумеется не считаться с обыденным словоупотреблением: читатель-специалист всегда отличит «является» от «есть». Не то при переводе «Капитала», предназначенного для самой широкой читательской массы: рядовой читатель будет воспринимать слова так, как он понимает в обыденном смысле. Здесь мы имеем образчик тех специфических трудностей, которые встречаются при переводе «Капитала»; это — один из образцов, но отнюдь не единственный. Разумеется необходимо наряду с обеспечением максимальной точности перевода избежать в то же время схоластического выдумывания различий и оттенков там, где их вовсе нет. Эта опасность также должна быть учтена в полной мере.

Несмотря на относительную близость степановского перевода к подлиннику, он все же в ряде случаев отличается совершенно недостаточной точностью. Чтобы дать читателю конкретное представление о характере этих ошибок, приведем ряд примеров, взятых из случайно выбранных глав I и III томов «Капитала». Само собой разумеется, что эти примеры далеко не исчерпывают всех неточностей, встречающихся даже на протяжении тех глав, о которых здесь идет речь [1]).

* * *

В четырнадцатой главе I тома, посвященной абсолютной и относительной прибавочной стоимости, есть место, весьма часто цитируемое. В существующем переводе оно гласит: «Так, например, школьный учитель... является производительным рабочим, если он не только обрабатывает детские головы, но и обрабатывает самого себя, для обогащения капиталиста» (395—473).

[1]) Во всех дальнейших примерах цифры означают: первая цифра—страницу степановского перевода (издания 1927—1931 гг. имеют одинаковую нумерацию страниц, за исключением изданий с двухколонным набором), а вторая цифра — страницу немецкого подлинника (для I тома в качестве подлинника берется четвертое издание).

Несмотря на частое цитирование, обычно не задумываются над тем, каким образом школьный учитель «обрабатывает» самого себя и почему от этой «обработки» обогащается капиталист. Между тем ларчик просто открывается. Школьный учитель не «обрабатывает самого себя», а «снашивается сам» или «срабатывается сам» (sich selbst abarbeitet). В переводе Николая-она мысль Маркса в этом отношении передана правильно: «с этой точки зрения школьный учитель бывает производительным работником, если не ограничивается обработкой детских голов, а работает, как вол, для обогащения владельца школы».

Далее, существующий перевод придает несколько своеобразный оттенок вопросу о разнице между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью. Мы читаем: «с известной точки зрения разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью представляется вообще иллюзорной». Между тем должно быть: «кажется вообще иллюзорной». Несколькими строками ниже: «но если обратить внимание на движение прибавочной стоимости, это кажущееся тождество исчезнет»; должно быть: «эта иллюзия тождества исчезнет» (396 — 475). У Маркса разница несколько сильнее подчеркнута; неточности перевода ослабляют эту разницу.

В главе пятнадцатой («Соотношение между ценой рабочей силы и величиной прибавочной стоимости») мы встречаем искажения, совершенно лишающие смысла некоторые фразы. Разбирая случай, когда под влиянием изменения производительной силы труда стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость изменяются в противоположных направлениях, Маркс пишет: «Наоборот, стоимость рабочей силы может повыситься с трех до четырех ш. лишь в том случае, если производительная сила труда упала, так что требуется восемь часов для производства той же массы средств существования, для которой раньше было достаточно шесть часов». В существующем переводе это место гласит следующее: «Наоборот, стоимость рабочей силы не может повыситься с 3 до 4 ш., если производительная сила труда упала» (404—484) и т. д.—фраза не имеет никакого смысла. Другой пример того же рода. При разборе «третьего закона» в той же главе Маркс указывает, что «удвоение производительной силы труда при прежнем разделении рабочего дня оставит цену рабочей силы и прибавочную стоимость неизменными». И непосредственно вслед за этим он прибавляет: «Только каждая из них выразилась бы в двойном количестве, но соответственно удешевленных потребительских стоимостей». Между тем эта последняя фраза передана таким образом: «Допустим теперь, что каждая из них выражается в двойном количестве, но соответственно удешевленных потребительных стоимостей» (406—486). Читатель напрасно стал бы искать продолжения этого «допущения», сделанного не Марксом, а переводчиком.

Еще один пример. На той же странице, десятком строк выше мы читаем в переводе: «степень падения (заработной платы.—*А. Л.*)... зависит от удельного веса, который имеет давление капитала, с одной стороны, сопротивление рабочих — с другой». Между тем должно быть: «зависит от относительной тяжести, которую давление капитала, с одной стороны, сопротивление рабочих, с другой — бросают на чашки весов». Ясно, что категория «удельного веса» здесь вряд ли может создать ясное представление о существе дела.

В главе шестнадцатой, где Маркс разбирает различные формулы, выражающие норму прибавочной стоимости, он указывает, что классическая политическая экономия применяла вместо формулы I ($\frac{m}{v}$) другую производную формулу II ($\frac{m}{v+m}$). Поясняя различие между этими формулами, Маркс

указывает, что при 12-часовом рабочем дне, состоящем из шести часов необходимого и шести часов прибавочного труда, первая формула дает 100 проц., между тем как вторая производная — 50 проц. Вслед за этим в русском переводе следует фраза: «Эти производные формулы в действительности выражают то отношение, в котором рабочий день или произведенная им стоимость распределяется между капиталистом и рабочим» (413 — 494). Читатель должен притти в серьезное недоумение: совершенно очевидно, что $\frac{m}{v+m}$ н е выражает этого отношения.

Несколькими строками выше у Маркса по поводу этих же производных формул II сказано прямо противоположное: «Во всех этих формулах действительная степень эксплоатации труда или норма прибавочной стоимости выражена неправильно». Получается неприкрытое противоречие. Одни и те же формулы то «в действительности выражают», то «выражают неправильно». Между тем «секрет» заключается в следующем. Из всего контекста совершенно очевидно, что когда Маркс здесь пишет: «drücken in der Tat aus» (дословно: в сущности выражают, или: выражают на деле), то он имеет в виду следующую мысль: у к л а с с и к о в, применявших эти производные формулы, они в сущности должны выражать то отношение, в котором вновь произведенная стоимость делится между рабочим и капиталистом. Здесь перед нами любопытный пример, дающий некоторое представление о специфических трудностях перевода такой работы, как «Капитал» Маркса. Каждый язык имеет свою логику. По-немецки приведенная фраза вполне допускает такое понимание мысли Маркса. Но если эту же фразу д о с л о в н о перевести на русский язык (и притом «in der Tat» передать как «в действительности»), то правильное понимание смысла совершенно исключается. Дословный русский перевод целиком исключает всякий оттенок условности, придает фразе характер безусловного утверждения, совершенно чуждый ей в немецком подлиннике. Вполне очевидно, что в подобном случае нельзя приносить смысл в жертву букве. Эту фразу следует передать, примерно, таким образом: «Эти производные формулы должны в сущности выражать то отношение» и т. д. Тогда читатель поймет без труда, что формулы выражают данное отношение не вообще и тем паче не в действительности, а только в представлении их авторов из числа экономистов-классиков.

Искажения в переводе иногда делают невозможным понимание цитат из других авторов, приводимых Марксом «под чертой» в примечаниях, столь многочисленных в I томе. Так например в восемнадцатой главе, посвященной повременной плате, исследуя соотношение между заработной платой и «ценой труда», Маркс приводит в примечании 32-м цитату из Уэста, начинающуюся фразой: «Плата за труд зависит от цены труда и от количества выполненного труда». В русском переводе эта фраза передана ошибочно: «Плата за труд зависит от цены труда и от количества продуктов, доставляемых трудом» (424 — 506). Мысль извращена до полной неузнаваемости.

В главе двадцатой относительно национальных различий в заработной плате Маркс перечисляет моменты, определяющие изменения в величине заработной платы: «цену и об'ем естественных и исторически развившихся насущных жизненных потребностей» и т. д. В русском переводе слово: «насущных» отсутствует. На следующей же странице мы встречаем такую фразу: «Эти национальные средние (зарплаты.—*А. Л.*) образуют, таким образом, шкалу, единица измерения которой представляет собой единицу среднего мирового труда»; должно же быть: «образуют шкалу, единицу измерения которой составляет единица среднего мирового труда» (438—522).

В седьмом отделе I тома, рассматривая в общем процесс накопления капитала, во вступительных замечаниях читатель встречает следующую фразу: «Итак, с одной стороны, мы предполагаем здесь, что капиталист, производящий товары, продает их по действительной стоимости, причем мы не будем рассматривать здесь его обратного возвращения на товарный рынок, ни тех новых форм, которые приурочиваются к капиталу в сфере обращения, ни скрытых в них конкретных условий производства». Читатель напрасно будет ломать себе голову над вопросом, что это за формы, которые «приурочиваются к капиталу в сфере обращения», ибо должно быть: «которые кристаллизуются на капитале в сфере обращения». Заключительная фраза этих вводных замечаний гласит в имеющемся переводе: «С другой стороны, расщепление прибавочной стоимости и посредствующие фазы обращения затемняют простую основную форму процесса накопления. Поэтому анализ последнего в его чистом виде требует предварительного отвлечения от всех явлений, скрывающих внутреннюю игру его механизма». Это место на самом деле должно быть передано следующим образом: «...Расщепление прибавочной стоимости и опосредствующее движение обращения затемняют простую основную форму процесса обращения. Поэтому анализ последнего в его чистом виде требует временного отвлечения от всех явлений, скрывающих внутреннюю игру его механизма» (443 — 528).

В двадцать первой главе, рассматривая простое воспроизводство, Маркс указывает, что «переменный капитал есть лишь особая историческая форма проявления фонда средств существования или рабочего фонда». Далее эта же формулировка повторяется еще раз: «Однако, эта форма проявления рабочего фонда ничуть не изменяет того факта» и т. д. В русском переводе вместо «эта форма проявления» сказано: «эта историческая форма осуществления», что, разумеется, никак нельзя назвать точной передачей слов Маркса (445 — 530). На следующей странице читатель русского издания не без удивления читает: «даже в настоящее время рабочий фонд выступает в форме капитала только в исключительно редких пунктах земного шара». Читатель разумеется вряд ли поверит, что Маркс считал капиталистический строй такой «исключительной редкостью» на нашем грешном земном шаре, и он будет вполне прав. Ибо у Маркса сказано: «выступает в форме капитала на земном шаре лишь в виде исключения» (446 — 531); этим Маркс подчеркивает, что капиталистический способ производства отнюдь не является п р а в и л о м для всех стран земного шара, что он в тогдашнюю эпоху охватывал сравнительно небольшую долю земной поверхности (в примечании Маркс цитирует Ричарда Джонса, указывающего, что капитализм охватил менее, чем четверть поверхности земного шара).

В той же главе Маркс чрезвычайно четко показывает, как даже при простом воспроизводстве капитал неизбежно превращается в накопленную прибавочную стоимость. Маркс специально указывает, что здесь дело идет о стоимости капитала, а не о его материальных составных частях. Далее говорится, что после того как капиталист потребил эквивалент своего авансированного капитала, «ни одного атома стоимости его старого капитала уже не существует». Русский перевод здесь допускает «вольность»: «ни одной частицы старого капитала уже не существует» (447 — 532). Такая же ничем не об'яснимая вольность встречается и в другом месте той же главы. Маркс указывает, что идеологи господствующего класса Англии разделяли мнение представителя хлопчатобумажных фабрикантов некоего Поттера о том, что «фабричный рабочий есть лишь движимый инвентарь фабрики». В русском переводе это передано: «подвижной придаток фабрики» (453—540). Прекрасное образное выражение Маркса при этом теряется.

Покончим на этом с примерами из I тома. Приведем еще небольшое количество примеров из седьмого, заключительного отдела III тома.

В сорок восьмой главе, посвященной триединой формуле, мы встречаем следующие, наиболее грубые ошибки. Говоря о превращении средств производства в капитал, Маркс замечает: «Стало быть, здесь мы имеем определенную, на первый взгляд очень мистическую общественную форму одного из факторов исторически созданного общественного процесса производства». В переводе пропущены слова: «одного из факторов» и вся фраза имеет следующий вид: «Следовательно, мы имеем здесь перед собой определенную, на первый взгляд очень мистическую форму исторически создавшегося общественного процесса производства» (287 — 350).

Несколько ниже смысл одного замечания Маркса совершенно теряется вследствие неправильного перевода: вместо «стоимость» поставлена «цена». Речь идет об индивидуальной и рыночной стоимости земледельческих продуктов. Замечание Маркса имеет большой интерес между прочим для уяснения вопроса об источниках диференциальной ренты, вызывающего немало путаницы у некоторых экономистов. Фраза Маркса гласит: «Уравнение этих индивидуальных стоимостей в рыночные стоимости приводит к тому, что «выгоды, получаемые от более плодородной почвы по сравнению с худшей... переносятся от возделывателя или потребителя к лэндлорду (Рикардо)». В существующем переводе начало этой фразы передано следующим образом: «Уравнение этих индивидуальных стоимостей по рыночным ценам приводит к тому» и т. д. (287—350).

На следующей странице неправильность перевода затемняет еще одно высказывание Маркса, имеющее серьезное значение для понимания теории диференциальной ренты. Маркс ставит вопрос: каким образом земля может создать стоимость и притом ту особую часть стоимости земледельческих продуктов, которая образует ренту? Он указывает вслед за этим, что земля действует как фактор производства при создании известной потребительной стоимости, например пшеницы, но она не имеет никакого отношения к производству стоимости пшеницы. «Поскольку в пшенице выражается стоимость,—пишет Маркс далее,— пшеница рассматривается лишь как определенное количество овеществленного общественного труда, совершенно безразлично к особому веществу, в котором этот труд представляется, или к особой потребительной стоимости этого вещества. Этому не противоречит то, что 1) при прочих равных условиях дешевизна или дороговизна пшеницы зависит от производительности земли». В русском переводе последняя фраза ошибочно начинается словами: «это не противоречит тому» и т. д., благодаря чему всему ходу рассуждений Маркса придается иной оттенок, или, точнее, самый этот ход рассуждений нарушается (288 — 351).

В той же главе Маркс в одном месте говорит, что «земельный собственник выступает, как персонификация одного из существеннейших условий производства». В переводе мы имеем вместо «существеннейших» — «существующих» (292 — 356).

Разбирая один из членов триединой формулы: труд — заработная плата, Маркс пишет в той же главе: «И вообще, раз мы фиксируем труд в качестве создающего стоимость, мы рассматриваем его не в его конкретной форме как условие производства, а в его общественной определенности, которая отлична от общественной определенности наемного труда». Русский перевод приписывает Марксу мысль, прямо противоположную той, которая изложена во второй половине этой фразы. Он гласит: «И вообще раз мы фиксируем то свойство труда, что он создает стоимость, мы рассматриваем его не в той конкретной форме, которую он принимает, как условие произ-

водства, а в его общественной определенности, которая есть не что иное, как определенность наемного труда» (294 — 358 — 359).

Таким образом здесь Марксу приписывается утверждение, будто труд создает стоимость лишь в своей общественной определенности наемного труда, между тем как Маркс и Энгельс не уставали повторять, что стоимость создается и трудом самостоятельного товаропроизводителя, не являющимся наемным трудом. Эта ошибка в переводе может лишь способствовать тому в корне антимарксистскому взгляду, который рассматривает простое товарное хозяйство лишь как логическую абстракцию капитализма. Любопытно отметить, что перевод Николая — она, вообще значительно отступая от подлинника в смысле дословной передачи этой фразы, все же избежал этой принципиальной ошибки. Он гласит: «И вообще, если мы определяем труд, как созидающий стоимость, мы смотрим на него не в его конкретном виде, как условие производства, но в общественном значении, которое различно от наемного труда» (681).

В главе сорок девятой отметим лишь одну ошибку перевода, касающуюся фразы, которая беспрестанно цитируется, в особенности при рассмотрении вопросов теории переходного к социализму хозяйства. Речь идет о заключительной фразе этой главы, которая гласит у Маркса следующее: «По уничтожению капиталистического способа производства и при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, относящаяся к этому бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было». В имеющемся переводе мы читаем: «определение стоимости попрежнему продолжает господствовать в том смысле» (317 — 388) и т. д. Слова «попрежнему» у Маркса нет, между тем оно может здесь подать повод ко всякого рода неправильным пониманиям в духе перенесения категории стоимости в социализм.

В пятидесятой главе Маркс указывает, что стоимость товаров распадается на три части, из которых одна возмещает постоянный капитал, другая — переменный и третья составляет прибавочную стоимость. Вторую из этих составных частей Маркс характеризует следующим образом: «2) Часть стоимости, составляющую переменный капитал, измеряющий собой доход рабочего и превращающийся для последнего в его заработную плату; эту заработную плату рабочий, стало быть, воспроизвел в этой переменной части; короче, это та часть стоимости, в которой выражается оплаченная часть труда, вновь присоединенного в производстве товара к первой постоянной части». В русском переводе средняя часть этой фразы передана таким образом, что правильное понимание чрезвычайно затруднено: «эту заработную плату рабочий должен, следовательно, воспроизвести в этой переменной части стоимости капитала» (317 — 388).

Вот еще пример искажающей смысл ошибки в переводе, встречающийся в той же главе. Маркс пишет: «Средняя цена труда, т. е. стоимость рабочей силы, определяется ценой производства необходимых средств существования. Если повышается или понижается последняя, то повышается или понижается и первая». Вторая фраза передана в переводе следующим образом: «Если повышается или понижается первая, то повышается или понижается и вторая» (331 — 405). Напрасно читатель стал бы ломать себе голову над такой странной связью, вовсе не вытекающей из сказанного Марксом выше: это попросту одна из «шуток» русского перевода. Следует заметить, что в переводе Николая — она этой ошибки нет (720).

В следующей, пятьдесят первой главе («Распределительные отношения и производственные отношения») серьезная неточность перевода и некоторая

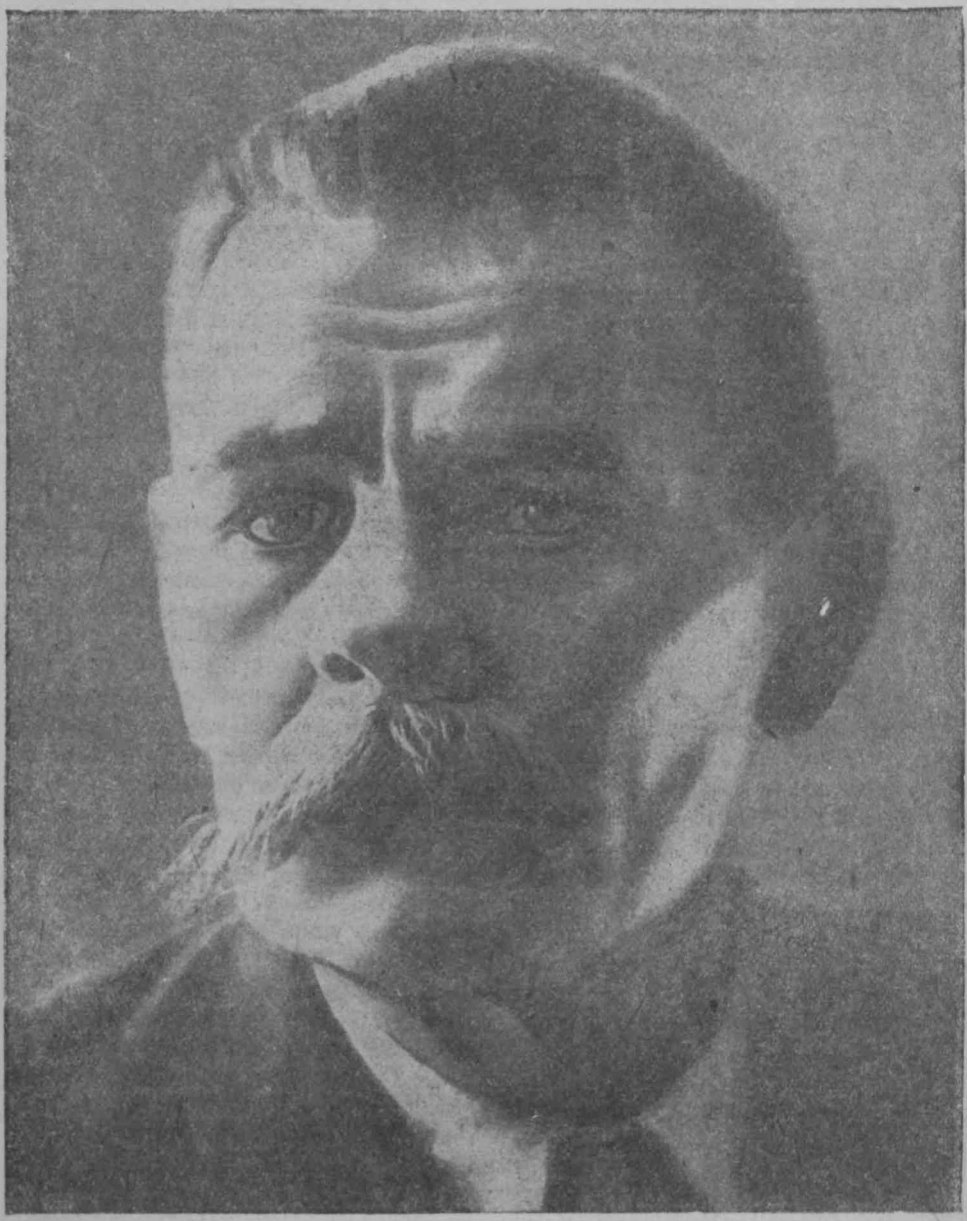
отсебятина переводчика придают своеобразный чуждый мысли Маркса оттенок фразе, весьма часто цитируемой. Эта фраза в общепринятом русском переводе гласит: «Лишь как внутренний закон, как слепой закон природы выступает здесь в глазах отдельных деятелей производства закон стоимости и осуществляет общественное равновесие производства случайных колебаний». Между тем правильный перевод этой фразы таков: «Лишь как внутренний закон, по отношению к отдельным агентам как слепой закон природы, действует здесь закон стоимости и осуществляет общественное равновесие среди его бесчисленных колебаний» (340—417). Совершенно очевидно, что общеупотребительный перевод придает этому важнейшему высказыванию Маркса, имеющему столь серьезное значение для понимания прежде всего теории стоимости, совершенно несвойственный ему суб'ективистический налет («в глазах отдельных деятелей производства»). Между тем ясно, что здесь речь идет отнюдь не о суб'ективном восприятии, а об об'ективном общественном процессе. Выражаясь словами Ленина, подобного рода ошибки приоткрывают дверь идеализму.

Другой пример неточности перевода, искажающей смысл, из той же главы. Маркс пишет: «Исторический характер этих отношений распределения есть исторический характер производственных отношений, одну сторону которых они только и выражают». Конец этой фразы передан следующим образом: «иную сторону которых они только и выражают собой» (343 — 420).

* * *

Мы не ставим своей задачей исчерпать в данной статье хотя бы важнейшие принципиальные вопросы, связанные с подготовкой нового русского издания «Капитала». Цель нашей статьи другая. Мы хотим дать читателю лишь общее представление о том значении, которое имеет работа над подготовляемым в настоящее время новым русским изданием «Капитала». Приведенный нами материал из области конкретных иллюстраций недостатков существующего издания «Капитала» должен лишь подкрепить наше общее положение о чрезвычайной важности этой работы. Само собой разумеется, что эта работа сможет быть выполнена успешно лишь в том случае, если к ней будет привлечено внимание всей нашей научной, партийной общественности. Необходимо активное участие широких кадров высококвалифицированных партийцев, экономистов в первую очередь. Уже в настоящее время отдельные товарищи, зная о проводящейся ИМЭЛ работе по редактированию перевода «Капитала», сообщают нам о ряде замеченных ими в процессе своей работы над «Капиталом» ошибок и погрешностей русского издания. Обычно эти указания бывают дельны и ценны. Разумеется, этим отнюдь не должно исчерпываться общественное содействие и участие в деле подготовки нового русского издания «Капитала». Марксистско-ленинские научно-исследовательские организации должны включиться в эту работу организованным путем. Лишь участие широких кругов наших научных кадров обеспечит то высокое качество нового издания, которое должно явиться делом чести всего коллектива научных работников, экономистов в первую очередь.

Очевидно также, что работа над новой редакцией русского перевода «Капитала» отнюдь не закончится с появлением первого издания этой новой редакции. Напротив, тогда-то как раз и начнется серьезнейшая работа по тщательнейшей проверке и контролю, по максимальному улучшению новой редакции перевода. Когда проводимая ИМЭЛ работа будет представлена на суд нашей научной общественности, откроется возможность еще более широкого участия широких слоев экономистов-марксистов в работе над дальнейшим улучшением русского перевода «Капитала», в деле коллективного разрешения ряда действительно трудных проблем, встречающихся при выполнении этой задачи.



М. Горький

Горький—великий пролетарский писатель

В. Кирпотин

Рабочий класс Страны советов праздновал в этом году 40-летие литературной и боевой деятельности великого писателя рабочего класса Максима Горького.

Сорок лет — это большой путь! Когда Горький написал свой первый рассказ, рабочий класс России стоял только у порога своего революционного под'ема, который привел его к гегемонии в революционном движении, который привел его через 1905 г. к установлению диктатуры пролетариата в 1917 г. Эти годы были эпохой гигантских социальных переворотов, катастроф, революционных потрясений. Пролетариат пришел к вполне реальным, вполне осязательным победам. Он победил в СССР, и неизбежна победа пролетарской революции во всем мире. И мы с гордостью и радостью можем сказать, что Алексей Максимович, который 40 лет тому назад начал свою работу писателя и борца, также немало усилий приложил для низвержения старого мира эксплоатации, гнета, неправды, для утверждения социализма.

Горький начал свою работу в начале 90-х годов. Это было мрачное время. В стране господствовало самодержавие. Массы трудящихся жили не только под гнетом царя и помещиков, но и под гнетом развивающегося хищнического и жадного капитализма. Но самодержавие и крепостничество уже были исторически осуждены. Уже два раза поднималась в стране революционная волна. Однако и в 60-е годы и в период борьбы «Народной воли» с царизмом не было еще класса, который мог бы возглавить все революционные усилия в стране и привести эти усилия к победе. Этим классом мог быть только передовой класс современного общества — пролетариат. Неудача двукратного натиска революции сопровождалась торжеством реакции. В творчестве таких писателей, как Глеб Успенский, писателей народнического лагеря, очень резко была выражена нота скорби и отчаяния. Они верили в то, что крестьянская община (идеализированно, утопически представленная) сможет принести освобождение всему человечеству. Но тот же Глеб Успенский хорошо видел, что сил для осуществления его утопических идеалов нет. Он видел, что эти его утопические идеалы, рисовавшие отсталое крестьянское хозяйство как носителя социалистического обновления человечества, размывались развивающимся, наступающим капитализмом.

Поколение народников — великих революционеров сменилось поколением легальных народников, революционная агитация сменилась проповедью малых дел, оппортунизмом, приспособленчеством в политике, в жизни, в теории, в литературе. Наступила полоса уныния, сумеречных тонов. Ярким выразителем настроений того времени был Чехов. Произведения этого большого

художника пронизаны унылыми, скорбными тонами. Он только бессильно и грустно мечтал о том, что наступит наконец такая пора, через несколько сот лет, когда будет людям хорошо жить на земле, но он не звал к борьбе за это лучшее будущее. Вот атмосфера, которую застал Горький: скорбное уныние, вопли, крики отчаяния.

Даже лучшие писатели из народнического лагеря и лучшие представители буржуазной интеллигенции не видели силы, вырастающей в недрах старого строя, — рабочий класс. С 1870 по 1880 гг. произошел ряд стачек, полностью или частично закончившихся победой рабочего класса. Назревавший под'ем вылился в ряд крупных стачек 1890 г., в которых участвовало до 60 тыс. рабочих. Стачки эти проходили под руководством «Союзов борьбы за рабочее дело» во главе с Владимиром Ильичем Лениным, уже начавшим свою всемирно - историческую деятельность. Уже делались первые шаги к созданию передового авангарда рабочего класса — партии. В рядах рабочего движения развертывалась борьба со стихийностью, хвостизмом, за сознательную революционную тактику классовой борьбы пролетариата.

В стачечных боях складывался, оформлялся рабочий класс. Выступление пролетариата на арену политической жизни в качестве гегемона революции совершенно обновило всю атмосферу в стране, создало бодрую уверенность в победе. Социально-политическая атмосфера стала очищаться. Выразителем бодрого, негодующего, протестующего голоса борьбы в литературе стал М. Горький. Бодрое движение породило бодрые песни:

«Безумству храбрых поем мы славу!
Безумство храбрых — вот мудрость жизни!»

Песня о безумстве храбрых — вот основное содержание романтических рассказов первой полосы литературной деятельности Горького. В этом — их политический тонус. На этом в конечном счете базируется идеализация свободолюбивых, непокорных босяков, в противовес серенькому обывательскому прозябанию покорных и верных подданных российских самодержцев. Горький вначале еще не видел, не имел дела со сложившимся сознательным рабочим движением, возглавляемым партией, професиональными революционерами. Он искал фигуру, не укладывающуюся в рамки полицейской государственности, крепостнического режима. Он искал образ человека, протестующего, требующего иных условий жизни не только во имя политической свободы, но и презирающего собственность. В качестве таких героев он выводил в первых своих произведениях босяков, у которых до некоторой степени можно было найти эти черты.

Основываясь на этом, буржуазная критика попыталась было использовать широко и быстро возросший авторитет Горького для своих целей. Буржуазные критики начали создавать сказки о Горьком как о певце ницшеанского сверхчеловека, «героя», который на все смотрит лишь как на средство для удовлетворения своих прихотей. Однако попытка такого истолкования Горького является покушением с негодными средствами в такой же мере, как попытка легальных марксистов использовать марксизм в целях создания политической идеологии буржуазии.

Народники, не бывшие в состоянии понять новой исторической обстановки, созданной переходом гегемонии в революционном движении к пролетариату. вторили буржуазной оценке творчества Горького, ставя только знак минуса там, где буржуа ставил знак плюса. Михайловский видел в творчестве Горького лишь разновидность декадентства

Большевистская критика очень рано выступила против такого искажения смысла творчества Горького. Вацлав Воровский, оценивая первые произведения Горького, полемизировал с негодными попытками изобразить моло-

дого писателя певцом сверхчеловека. Боль о человечестве, о массах, об угнетенных и эксплоатируемых является движущим моментом горьковского творчества в целом, начиная с первых его рассказов.

Но уже в первых своих произведениях Горький выступал не только против политического гнета крепостнического российского самодержавия, но и против экономической эксплоатации, против живодеров, сдирающих с человека шкуру во имя наживы. Горький протестовал, звал на борьбу не только во имя политической свободы, но и во имя социализма.

Уже очень рано ярко обнаружилось, что Горький выступает в качестве борца против капитализма. «Фома Гордеев» — произведение, являющееся одним из самых ярких обличений капитализма, всей грязи, всей нищеты, того забивания личности, которые неизбежно связаны с капиталистическим строем.

В своей повести «Трое» Горький изображает жизненный путь трех героев. Каждому из этих путей он дает свою оценку, вполне совпадающую с нашей современной оценкой. Горький показывает, как трое юношей ищут разными способами выхода из тяжелых условий рабской, подневольной жизни.

Один из них в поисках полноты и правды человеческих отношений пошел торговать. К торговле он подходит не только с точки зрения наживы, как обыкновенный торговец. Поэтому его не удовлетворяют успехи на этом пути. Он не нашел того, чего он искал на этой стезе капиталистического гнета и обмана. Безнадежность поисков подлинно человеческих отношений, достойных человека условий существования при капиталистическом режиме, нашла свое разрешение в развязке романа. Герой этот не вынес противоречий, в которые он попал, и разбил голову об стену. Смерть эта — осуждение того пути, по которому пошел этот герой.

Второй юноша пошел по пути покорности и смирения. Судьба поставила его в положение трактирного мальчика, и он рабски несет свой удел. Единственное утешение он находит в чтении, причем это чтение является для него только опиумом, скрашивающим условия жизни трактирного мальчика, живущего в атмосфере воровства, обмана, грязи и вечных подзатыльников. Такие герои нередко встречаются в русской литературе. Именно таких, распятых рабскими условиями жизни людей выбирал Достоевский в качестве героев своих произведений. Он возвеличивал этих мелких покорных людей, рабов, не желающих сбросить свои цепи, он хотел показать, что именно в них заключается подлинная красота, подлинная правда и истинная свобода. Как относится Горький к подобным героям? Горький своими произведениями воспитывает отвращение к человеку, который поставлен жизнью в положение раба, но не желает бороться за свое освобождение от цепей рабства. Достоин звания человека только тот раб, который борется за то, чтобы разорвать свои цепи, чтобы свергнуть эксплоатацию и установить тот строй, при котором не было бы эксплоатации человека человеком.

Третий герой повести — тоже человек, которого жизнь пытается затуркать. Но он не хочет сдаваться. Он идет в ряды рабочего класса, включается в его борьбу. Его не привлекает собственность, он хочет бороться за установление строя, при котором не будет хозяев и рабочих, не будет эксплоатации. Он вступает в ряды партии, борющейся за освобождение труда. На его стороне все сочувствие Горького.

Горький — величайший пролетарский писатель. Это находит свое выражение в его художественном творчестве, которое служит делу мировой пролетарской революции. Совершенно естественно, что между Горьким и Лениным сложилась очень тесная, интимная дружба. Любопытно сравнить взаимоотношения, сложившиеся между Владимиром Ильичем Лениным и Горьким и между Горьким и Плехановым. Плеханов отнесся к Горькому несколько холод-

но, — вежливо, но формально (формализм всегда скрывается за холодной, не согретой никаким внутренним чувством вежливостью). Это об'ясняется тем, что Плеханов не понимал значения Горького как «буревестника» пролетарской революции. Ленин же проявил величайшее понимание исторического значения творчества Горького. Он проявлял чрезвычайно много и личной заботы о Горьком.

Вокруг романа Горького «Мать» развернулась настоящая картина классовой борьбы. Это и не могло быть иначе. Когда роман «Мать» вышел, царская цензура первым делом запретила его. Самые лучшие страницы были вычеркнуты ею. Контрреволюционная пресса подняла дикий вой и улюлюканье по адресу романа. Буржуазная критика начала говорить о том, что Горький погиб как писатель, что он остановился в своем росте, что он ничего не может дать кроме жалкого публицистического лепета. Лучшим ответом на улюлюканье буржуазной печати явился успех романа. «Мать» стала любимой книгой рабочего класса всего мира. Запрещенный царской цензурой у нас, этот роман сразу был переведен на основные европейские языки и попал к трудовому пролетарскому читателю. Не только буржуазия, но и меньшевики и Плеханов отрицательно отнеслись к роману «Мать». Плеханов уверял, что Горький не понимает смысла пролетарского движения, что в «Матери» он не справился со своей задачей — дать в художественной картине изображение революционной борьбы рабочего класса за социализм. А другие меньшевики еще добавляли: Горький исписался, написал слабую вещь. Они стали подпевать буржуазному хору. Правильную оценку «Матери» дал Ленин. Прекрасно видя недостатки этого романа, он сразу же однако разглядел в нем величайшей ценности художественное произведение. Ленин говорил: сейчас, в 1905 г., масса рабочих впервые прошла свою политическую школу, она не успела еще окончательно осознать свой новый опыт. «Мать» в доступной форме поможет им в этом. Всякие попытки, рассчитанные на то, чтобы снизить, охаять художественное значение «Матери», встретили осуждение в рядах большевистской критики.

Критики-злопыхатели, оценивавшие «Мать» как неудачное художественное произведение, указывали на то, что Горькому не удались в этом романе положительные герои. Вызывало у них осуждение и то, что старая Ниловна, на закате своих дней вступившая в ряды революционной партии, была женщиной религиозно настроенной. В этом они видели один из недостатков этого произведения. Но ничего противоречащего художественной правде в таком изображении нет. Ниловна пришла к революционной работе на закате своих дней, неграмотной старухой, после долгих десятилетий забитой жизни. Седой старухой начала она учиться складывать буквы. Придя в наши ряды, она принесла с собой кое-что из своих старых, неизжитых предрассудков.

Пролетариат как класс не является сразу на свет готовеньким, свободным от предрассудков того класса мелкой буржуазии, с которым он исторически связан. Только в процессе классовой борьбы пролетариат очищается от грязи старого общества, освобождается от предрассудков, унаследованных от капитализма, выковывая сознательных революционных борцов за социализм. Только в повседневной борьбе за свои интересы и конечные цели рабочего движения пролетариат с победой пролетарской революции, установлением диктатуры пролетариата, строительством социализма создаст подлинные условия, достойные существования человека, достойные его звания.

Перед войной, перед революцией Горький написал ряд произведений, которые являются величайшими творениями нашей и мировой литературы. Это — «Детство», «В людях», «Мои университеты», «Городок Окуров» и др. В этих произведениях Горький с совершенным мастерством, с огромной выразительностью показал потрясающие условия существования, в которых

приходилось жить трудящимся в царской России, показал все ужасы того бескультурья, которое нес с собой капитализм, помноженный еще на крепостнический гнет.

Меньшевики пытались использовать эти произведения Горького в своих интересах. Критик Рафаил Григорьев в своей книге о Горьком стремится уверить, что смысл этих произведений в следующем: нужно помнить о жутких условиях существования старой России и не строить политических утопий. На языке Рафаила Григорьева это означало — не задаваться теми целями, которые ставит себе партия большевиков.

Между тем эти произведения Горького с необычайной силой подтверждают правоту большевистской, коммунистической партии, правоту той революционной борьбы, которую вел и ведет рабочий класс. Горький не только разоблачает гнет и ужас старого строя, не только срывает раскрашенную лицемерную маску с лица капитализма. Толстой также необычайно ярко и необычайно глубоко разоблачал крепостничество, разоблачал капиталистическую действительность, всю ее ложь, всю ее кровавую грязь. Но Толстой разоблачал эту действительность во имя реакционного утопического идеала. Он клеймил продажность и ложь буржуазной науки, он указывал, что церковь — это обман и прикрытие разврата, что собственность помещиков и капиталистов — это нарушение нормальных условий человеческого существования. Но в то же время Толстой учил, что выход из зла — в непротивлении злу, что царство божие внутри нас и т. д.

Совершенно иначе отвечал Горький на вопрос о преодолении зла собственнического мира. Он так же, как Толстой, видел весь ужас, всю глубину бесчеловечности, в которых крепостничество и капиталистический строй держат большинство трудящихся. Но он обличал этот строй во имя светлого будущего, где не будет эксплоатации человека человеком, во имя научного социализма. Горький мобилизовывал массы на борьбу за тот идеал, который был вписан в программу нашей партии, который был научно обоснован Марксом, Энгельсом и Лениным. Горький — это великий художник пролетариата. Его не приводили в уныние, в отчаяние те бесчеловечные условия жизни, из которых ему приходилось выкарабкиваться, чтобы достигнуть вершины человеческой культуры. Своим искусством он призывал к борьбе за то, чтобы трудящимся, рабочему классу завоевать великую полноту жизни. Вот во имя чего Горький обличал ужас, кровавую грязь капитализма.

Горький любит, ценит искусство. Он всегда знал, какое это великое оружие в борьбе пролетариата. С каким мастерством и как часто он вводит на страницы своих произведений песню. Горький любит песню, любит музыку. Борющийся, бодрый класс не может не любить искусства. Горький видит в природе не только ее разрушительные, стихийные силы. Яркими, живыми красками рисует он бодрую красоту голубого лазурного моря, часто гневного, бурного, простор полей, цветы, лес, пенье птиц. Среди природы, в песне Горький отдыхает для того, чтобы потом снова, с обновленными силами кинуться в борьбу за освобождение человечества.

Горький находится сейчас в расцвете своих творческих сил. Он создает в настоящее время крупнейшее произведение нашего времени, свидетельствующее о том, как неутомимо богато образами и идеями его перо. Мы имеем в виду роман «Клим Самгин», три тома которого уже опубликованы. «Клим Самгин»—это история российской интеллигенции за 40 лет, со времени убийства народниками Александра II почти до наших дней.

Горького всегда интересовала проблема социального смысла деятельности интеллигенции. Он всегда боролся за то, чтобы отвоевать у класса эксплоататоров лучшую часть интеллигенции, чтобы завоевать ее для дела рабочего класса. Голос Горького был обращен не только к интеллигенции нашей

страны, но и к мировой интеллигенции. Вся жизнь Горького — пример для интеллигенции, призыв включиться в великое дело рабочего класса, стать мастерами революции и социализма. Горький — великий мастер культурной революции пролетариата.

Горький очень чутко относится к молодым, начинающим дарованиям, всячески помогает им. Горькому мы обязаны созданием целого ряда журналов. Он является инициатором создания истории наших фабрик и заводов и т. д. Горький зовет к борьбе за такой строй, который сделает невозможным войны, как сделает невозможным эксплоатацию человека человеком во всем мире. Вместе с Ромен Ролланом и Анри Барбюсом он предупреждает весь мир о той новой бойне, которую готовят капиталисты.

Своим талантом Горький пользуется для того, чтобы участвовать в создании социалистического общества. Он в наших рядах, в первых рядах как художник, как мастер культурной революции, как борец пролетарской революции.

На текущие темы

Э. Кольман

Не так давно в течение целого месяца изо дня в день лондонская «Таймс» вела широкую дискуссию о судьбах вселенной. Наряду с большими статьями, занимающими полные столбцы, рядом с высказываниями академиков и профессоров на эту тему напечатаны десятки «писем издателю» разношерстных любителей пофилософствовать.

На страницы «Таймс» дискуссия перелилась в значительно разбавленном виде со страниц известного солиднейшего естественно-научного журнала «Нейчур», посвятившего ей в октябре прошлого года особое приложение. Здесь излагались выступления в Британской ассоциации наук по этому вопросу Джинса, Леметра, де-Ситтера, Эддингтона, Милликена, Майлна, Лоджа, этих творцов современной астрофизики; кроме того высказывались еще Сматс и Барнес, о которых речь будет впереди.

Суть развиваемой теории состоит в следующем: вселенная якобы имеет конечные размеры и развивается в сторону прекращения движения. О том, каково будет ее конечное состояние, какими темпами она к нему развивается, и ведут спор ученые мужи. Процесс развития вселенной рисуется им как процесс распыления энергии, как распад атомов, уничтожение их составных частей — электронов и протонов — путем взаимной их нейтрализации. Они полагают, что вселенная уже вовсе не так стара, как до сих пор единодушно утверждала современная наука, и ссылаются при этом на всеобщую теорию относительности Эйнштейна, откуда выводят, что вселенная разлетается, быстро расширяется в об'еме, предположение, которое «подтверждают» наблюдениями больших туманностей, находящихся вне Млечного пути. Эти туманности, как кажется, удаляются с огромной скоростью друг от друга, откуда заключают, что они не могли слишком давно начать свой бег. Тем самым продолжительность «жизни» всей вселенной уменьшается до порядка сотен миллиардов лет, утверждение, с которым не может сжиться ни одна из существующих гипотез о возникновении солнечной системы. Но это обстоятельство мало смущает Джинса. Другая разновидность этой теории гласит, что вселенная хотя и сохраняет свой об'ем, но все материальные тела, и мы с ними, постоянно уменьшаются, сморщиваются, и окончательное состояние вселенной это — пустая вселенная, вселенная без материи.

Внимательный читатель сразу заметит, что вся эта теория «держится» на двух допущениях: 1) что вселенная конечна и 2) что энергия вселенной неуклонно рассеивается. Оба эти допущения являются чистейшими математическими фикциями, не подтверждаемыми никаким опытным наблюдением, но ради торжества математического принципа, ради наиболее «простого» решения известных уравнений отказываются без зазрения совести от закона сохранения материи и энергии, допускают такие абсурдно-фантастические положения, как конечное расширяющееся пространство вселен-

ной. Даже среди свыкшихся со всякими идеалистическими вывертами читателей «Таймс» находятся единицы, для которых этот табак слишком крепок и которые пристают к Джинсу с назойливым вопросом: куда же это наконец пространство расширяется? Даже престарелый Лодж, занимающийся в часы досуга верчением столиков, возражает против этой теории, так как «она «вносит хаос в мир физики» — поприще его научных исследований, и он называет закон рассеяния энергии идолом, пугалом. Но ничего не поделаешь. «Разлетающаяся вселенная» это — последний крик моды, самое новейшее увлечение «физического идеализма» на Западе.

Эта теория сменила предшествующий ей угар, вызванный сначала теорией относительности, а затем теорией квант, которые буржуазные интеллигенты поочередно выдавали за окончательный ответ на все «проклятые вопросы» космологии и которые в течение многих лет служили неисчерпаемой темой великосветских разговоров в самых аристократических салонах. В смутное время падающего фунта лэди и сэры находят трогательное утешение в беседах о неустойчивой инфляционной вселенной с исчезающей материей. Философские основы и выводы всех этих теорий — вот что делает их модными.

Об этой философской стороне недвусмысленно говорит президент Британской ассоциации наук Сматс, генерал, прославившийся в свое время как жесточайший укротитель буров, а теперь возглавляющий новую идеалистическую школу, так называемый «холлизм». Теория относительности доказывает якобы, что все в мире сводится к пространству-времени как единственной реальности, теория квант будто бы опровергает детерминизм и учит, что все вещи представляют собой обособленные индивиды, действующие имманентными силами, теория «разлетающейся вселенной» говорит за то, что материя является лишь преходящим моментом развития, что она вытесняется духом. А другой член Британской ассоциации наук — бирмингемский епископ преподобный Барнес полагает, что данная теория вполне согласуется с «пришедшей к нам из Иудеи через христианскую церковь верой в этический теизм, верой, столь облагораживающе воздействовавшей на европейскую цивилизацию, верой, опирающейся на убеждение, что вселенная сотворена разумом и волей по намерению и плану, что бог сотворил человека для служения ему». Но «представление вселенной, в которой сознательные существа являются лишь исключением в огромной пустыне, может,— говорит Барнес,— поколебать веру в бога», а поэтому он желает, чтобы эта теория была видоизменена в сторону «допущения существования других миров, физически не связанных с нашим».

Итак, здесь круг смыкается. Часть виднейших буржуазных философов естествознания счастливо проходит этот круг от епископа Беркли к епископу Барнесу, возвращается к голой омерзительной поповщине, неприкрытой даже тряпкой махистской, прагматистской, релятивистической фразы.

Мы не можем конечно не изучать эти сдвиги вправо, как признаки прогрессирующего загнивания буржуазной культуры вообще, буржуазной науки в частности,— эти спутники фашизации капиталистического мира. «Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьица. Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания... это задача, без разрешения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом»,—так писал Ленин десять лет тому назад в связи с идеалистическими выводами, которые с таким рвением делались из теории относительности. Это указание Ленина

целиком относится и к тем «модным философским шатаниям в сторону идеализма и скептицизма», которые распространяются в связи с теорией квант и новейшими астрономическими открытиями.

Внимание к этим новейшим теориям тем более необходимо усилить, что мировой экономический кризис, как никогда, обостряет и ускоряет процесс расслоения буржуазной интеллигенции на Западе. Нам нужно особенно следить за новейшими открытиями во всех областях естествознания и теми философскими открыто реакционными выводами, которые делают из них современные идеалистические философы буржуазии, еще и потому, что было бы ошибочно полагать, будто их откровенная проповедь боженьки в новейших физических теориях страхует нас от проникновения их влияния на нашу советскую научную почву. Ничего подобного. «Интеллигентских поклонников буржуазной моды» у нас и на сегодняшний день вполне хватит. За волной беспрекословного преклонения перед теорией относительности прокатилась и у нас волна некритического приятия теории квант со всеми ее выводами о «низвержении детерминизма», а затем последовала и мутная пена теории «разлетающейся вселенной». Вместо того, чтобы дать отпор этой мистификации, у нас кое-где пропагандируют ее.

Наиболее разительным примером является пожалуй научно-популярный журнал Академии наук «Природа», который посвятил этой теории две статьи (в №№ 5 и 9 за 1931 г.), где б е з е д и н о г о с л о в а к р и т и к и Н. Белов заявляет: «Все окружающее нас претерпевает уменьшение шкалы. В результате мир должен исчезнуть. Конец этого земного времени очевидно есть и конец коллапс материи, а вместе с тем и конец всем затруднениям, которые вносятся в космос наличием этой материи». Итак и советский журнал не упустил случая приложиться к ручке самого епископа Беркли, писавшего, как известно, в 1710 г.: «материя, раз она будет изгнана из природы, уносит с собой столько скептических и безбожных построений, такое невероятное количество споров и запутанных вопросов, которые были бельмом на глазу для теологов и философов; материя причиняла столько бесплодного труда роду человеческому, что если бы даже те доводы, которые мы выдвинули против нее, были признаны недостаточно доказательными, то все же я уверен, что все друзья истины, мира и религии имеют основание желать, чтобы эти доводы были признаны достаточными». И, словно идя навстречу желаниям другого епископа Барнеса, «Природа» популяризирует «теорию» «грядущего разрыва вселенной на ряд отдельных миров, уже не имеющих между собой никакой физической связи», т. е. иначе говоря, вместилищ духов, ангелов и чертей, теорию, которая отражает беспросветную безнадежность плакальщиков по умирающему, обреченному на уничтожение капиталистическому строю.

Ленин писал относительно Оствальда, Маха, Пуанкаре: «ни е д и н о м у из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, н е л ь з я в е р и т ь н и в е д и н о м с л о в е, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой н и е д и н о м у профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических специальных исследований, нельзя верить н и в о д н о м с л о в е, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же п а р т и й н а я наука в современном обществе, как и г н о с е о л о г и я. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов. Задача марксистов и тут и там усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете например ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь тру-

дами этих приказчиков), и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов». (Собр. соч. т. XIII, стр. 280, подчеркнуто Лениным).

Это ленинское указание не могут или не желают понять те, которые полагают, что «диалектический метод не имеет права претендовать на руководящую роль в науке».

Неудивительно, что отрицая за диалектическим материализмом право на руководящую роль в науке в том смысле, что он является единственно последовательной, единственно верной методологией, становясь на жестоко разбитые Лениным позиции науки, «свободной» от материалистической философии, многие ученые попадают в об'ятия самой пошлой идеалистической философии, в плен идеалистической концепции индетерминизма, «доказывающегося» якобы квантовой механикой (см. последнюю статью физика Френкеля в журнале «Сорена» № 3 — 4, 1932 г.).

Как в философии и политэкономии, так и в физике, в химии, в математике, в медицине, мы не будем верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии, профессорам, дающим самые ценные работы в области фактических специальных исследований, но не являющимся диалектическими материалистами, не желающим изучить и усвоить материализм, не будем верить потому, что все эти науки — физика, химия, математика, медицина — не суть «чистые» науки в современном классовом обществе, а партийные науки, как и философия и политэкономия. Правда, здесь следует отметить, что партийность науки проявляется иначе в науках о природе, чем в общественных науках, однако нет ни одной науки, стоящей якобы «вне» классовой борьбы.

Ленин ясно говорит, как нам надо перерабатывать буржуазные естественные науки: во-первых, усвоить себе их завоевания, использовать богатый фактический материал, отвоевать область специальных исследований. Во-вторых, отсечь их реакционные стороны. В-третьих, опираясь на «солидное философское обоснование», вести свою линию, линию диалектического материализма. Он же показал нам блестящий пример осуществления всего этого в своих собственных работах. Ни одно из этих трех звеньев не может быть опущено, иначе получится не марксистская, не ленинская переработка естествознания, а пародия на нее.

Медвежью услугу оказывают и марксизму-ленинизму и естествознанию те, кто без глубокого и прочного знания фактов и методов данной науки болтают о ее перестройке, полагают, что все дело в «диалектической» вывеске, в заклинаниях «единством противоположностей» или «отрицанием отрицания», приклеиваемых куда ни попало. В частности встречается, такая, с позволения сказать, «марксистская» критика, когда критикующий, не зная предмета по существу, исходит из «обще-методологических соображений». Такая критика не может влиять иначе, как отталкивающе на тех ученых, которые искренне желают изучить диалектический материализм. Такого рода схоластические упражнения в «диалектическом» словоблудии, такого рода комчванство и комиссарство над наукой действительно являются и помехой в развитии науки и дискредитацией марксизма-ленинизма. Не поняли этих слов Ленина, не усвоили указаний т. Сталина об изменении отношения к специалистам, определенно поворачивающим в сторону рабочего класса, те, кто путает наше законное недоверие к их обще-философским выводам с ничем необоснованным заподозриванием специальных исследований и знаний того или другого ученого. Имеются возмутительные факты, когда сту-

денты в какой-нибудь данной специальной области, например в аэродинамике, не желали учиться у профессора, крупного знатока предмета, потому, что в программе не говорилось о борьбе на два фронта.

Эти явления принадлежат к тому вреднейшему упрощенству, которое было подвергнуто своевременной резкой заслуженной критике в статье т. Стецкого («Правда», от 4 июня с. г.). Они в большинстве своем происходят от желания двигаться по линии наименьшего сопротивления: жонглировать марксистской фразеологией, несколькими избитыми цитатами, переливать из пустого в порожнее много легче, чем по-настоящему изучать и усвоить конкретную область науки. Иногда подобное упрощенство «поднимается» до голого отрицания завоеваний буржуазной науки в целом, как это например имеет место у механистов по отношению к теории относительности. Пора наконец покончить с этими упражнениями упростителей, с этими «опухолями на диалектике», которые выдают себя за «диалектику опухолей».

Но к тем же явлениям упрощенства относятся и такого рода рассуждения, что достаточно, скажем, отсечь от учения Дарвина его идеалистические теоретические отростки и оно, мол, тем самым уже целиком без материалистическо-диалектической проработки войдет в мировоззрение, а тем более утверждения, узаконивающие дарвинизм в целом, не только как положительное гениальное учение о развитии, но и со всеми идеалистическими привесками, как диалектическо-материалистический метод в биологии.

Нет, дарвинизм должен быть не только очищен от идеалистических привесков, но и марксистски переработан. И в приведенном нами в начале примере с «разлетающейся вселенной» даже эта вздорная теория не может быть просто отброшена, как простая выдумка, так как она свидетельствует о глубоких и серьезных трудностях в современной физике и астрономии, трудностях, с которыми эти науки действительно не могут справиться с помощью тех методов и «философских теорий», которыми они в большинстве случаев обладают.

Конечно, когда говорят о ленинизме в кролиководстве, приходится и зло смеяться над тупостью и невежеством и яростно возмущаться самомнением творцов таких «перлов». Но уже генетика, а тем более биология, которые не состоят из одних лишь фактов и системы практических правил, а содержат общие теории, философские обоснования как незыблемую составную свою часть (а не только в «конечном счете» опираются на них), развиваются, как и вся идеология, не вне влияния классовой борьбы, не вне борьбы идеализма и материализма.

Аналогично обстоит дело и в математике, где Энгельс вскрывает диалектические законы даже в арифметике, а тем более в алгебре и в высшей математике, в то время как буржуазные философы признают в ней одни лишь законы формальной логики, а всю математику считают продуктом «чистого мышления». Но борьбу за материалистическую диалектику в математике, борьбу против Фридриха Адлера, «опровергающего» Энгельса и утверждающего (в книге «Марксизм и естественные науки»), что «может существовать алгебра диалектики, но никогда не будет существовать диалектика алгебры», грубо извращают те, кто занимается праздной игрой вроде «выведения» правила сложения дробей из законов диалектики или кто полагает, что осуществление нашей классовой линии в математике состоит в том, чтобы опускать дворянскую приставку д' в фамилиях таких математиков, как д' Аламбер, и не изучать работ Ньютона, так как он был религиозен.

Очевидно также, что разговоры о построении моторов внутреннего сгорания с помощью трех основных законов диалектики бессмысленны именно потому, что здесь действуют свои конкретные специальные законы термо-

динамики, сопротивления материалов, механики и т. д., от знания которых никакой «диалектической» фразой отболтаться нельзя. Но не менее очевидно, что техника в целом, как зависящая в своем развитии от экономики, с одной стороны, как включающая в себя общие теории — с другой, сама не может не быть ареной классовой борьбы за научную теорию. «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина показывают с предельной ясностью, что именно так Энгельсом и Лениным ставится и разрешается вопрос о партийности в науке. А недавно опубликованные в «Большевике» отрывки работ Маркса по истории техники являются гениальным примером конкретного осуществления принципа партийности в науке.

Статья т. Стецкого подчиняет борьбу с упрощенчеством задаче поднятия разработки диалектического материализма на высшую ступень. Этого абсолютно не поняли те, кто якобы во имя борьбы с упрощенчеством делает выводы, что никакая диалектика в естествознании нам вообще не нужна и что следовательно нужно ликвидировать в научно-исследовательских институтах методологические секции или например, что незачем студентам-медикам изучать диалектический материализм, ибо их дело, мол, хорошо выучиться вырезывать отросток слепой кишки.

Подобного рода упрощенческое понимание борьбы с упрощенчеством представляет собой трусливую сдачу перед теми «чрезвычайными трудностями» материалистической переработки гегелевской диалектики и применения ее к естествознанию, о которых особо предупреждал Ленин в своем завещании философам и естественникам, говоря о «неизбежных ошибках на первых порах в этом чрезвычайно трудном деле». Для большевиков же, как известно, трудности существуют для того, чтобы их преодолевать.

Нам, в нашей социалистической стройке, нужны конкретные научные открытия во всех областях знания, ибо с помощью конкретных научных достижений мы, осуществляя планы пятилеток, догоним и перегоним экономически и технически передовые капиталистические страны. Но нам нужна не в меньшей мере и научная теория, широкие научные обобщения, ибо лишь с их помощью наша советская наука перегонит науку буржуазную, станет доподлинной наукой социалистического, бесклассового общества. Поэтому противопоставление умножения конкретных открытий развертыванию теоретической работы не должно иметь места, так как и здесь теория и практика должны взаимно проникаться.

Перестройка естественных, медицинских, математических, инженерных наук, так, чтобы их философским фундаментом стал диалектический материализм, — это одна из тех задач, которые поставлены перед классом-гегемоном всем предыдущим развитием человеческой культуры, одна из тех задач, которые пролетариат с исторической неизбежностью должен разрешить и которую он разрешает и разрешит, строя социалистическое общество, опираясь на свою классовую диктатуру.

У нас в этих науках, не в пример наукам общественным, пока еще исключительно тоща прослойка высококвалифицированных научных кадров, крайне мало людей, действительно отдающихся научно-исследовательской работе и сочетающих при этом и обширные специально научные знания, и глубокую марксистскую подготовку, и дарования научного творчества. Всего год, как немного высвободились силы, уходившие на борьбу за овладение позициями, занимаемыми в науке механистами и меньшевиствующими идеалистами. Мы сильно страдаем от спеси и зазнайства некоторых мнимых «ортодоксов» начетнической «диалектики», полагающих, что мандат на науку

дает им партбилет, не желающих всерьез взяться за кропотливую учебу у профессоров специальных областей науки. Основной и величайший наш недостаток состоит в том, что у нас крайне мало положительных научных работ, что вместо конкретных исследований растрачивались силы на выискивание ошибок в формулировках, на халтурную мозаичную работу. Однако эта скупость положительных работ, образчиков применения диалектического материализма к конкретной науке не обозначает, что эта работа должна быть прекращена, лишь теперь она по существу и может развернуться. Среди научных работников находятся единичные личности, шушукающие о том, что «песенка диалектического материализма в естествознании спета», выкрикивающие, что «всякие там диалектики обанкротились и должны убраться с научного фронта». Если некоторые лозунги этих людей могут временно обмануть и часть научной молодежи, то лишь пока она не разобралась в их политической сущности. Вскоре и они сами убедятся, что их расчеты неверны, хихиканье преждевременно.

Наша ленинская коммунистическая партия, ее Центральный комитет во главе с т. Сталиным ведут нас на завоевание всех командных высот, в том числе и на усвоение и переработку буржуазной науки. Именно поэтому партия требует от нас поднять усвоение и переработку всех достижений естественных наук на высшую ступень, требует, чтобы по-настоящему, по существу, изнутри мы завоевали их, требует продолжения непримиримой борьбы за чистоту марксизма-ленинизма, против идеализма, механицизма, меньшевиствующего идеализма.

Мы до сих пор не выполнили важнейших указаний Ленина о том, чтобы «из лагеря некоммунистов... привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией, с философскими предрассудками так называемого образованного общества, чтобы осуществить союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его», мы не научились помогать им «искать и находить в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании». Марксистские общества естественников были изолированы от широкой научной общественности, в журналах естественников-марксистов мало принимают участие беспартийные специалисты, подготовка кадров естественников-марксистов до сих пор была значительно оторвана от научного исследования в специальных институтах. Все это должно быть решительно изменено.

Дело идет о такой реорганизации подготовки наших кадров в области естествознания и техники, при которой высокая техника лабораторий специальных научно-исследовательских институтов и сосредоточение в них сил крупных специалистов в своей области, у которых непосредственно можно было бы поучиться, органически тесно связывались бы с изучением материалистической диалектики естественниками. Именно этим путем в упорной борьбе за знания мы ускорим наше продвижение к цели, к переработке естественных наук на основе диалектического материализма.

В этой нашей борьбе громадной поддержкой должно служить нам сознание того, что мы уже не одиноки, что и там, в капиталистическом мире, стали появляться, пока единицами, ученые, сознательно рвущие с идеализмом и метафизикой, изучающие теоретические работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, открыто признающие себя диалектическими материалистами.

«Исчезновению материи», «уничтожению материализма», за что ратуют Смате и Барнес, Эддингтон и Джинс, противостоит процесс нараста-

ния материалистических элементов в естествознании: разлагающаяся буржуазная наука, выделяющая на одном полюсе фашистскую поповщину, на другом полюсе рождает ученых, жадно тянущихся к диалектическому материализму. Наша задача, задача естественников-марксистов Советского союза, дать конкретные образцы усвоения и перестройки буржуазной науки. Это будет агитация показом за диалектический материализм в естествознании, это удесятерит притягательную силу нашего мировоззрения для всех естественников, это продвинет значительно вперед дело новых открытий. Не может быть сомнений, что, взявшись всерьез за эту задачу, мы добьемся и здесь решающих побед. Как в экономике и политике, так и в науке, в естествознании мы противопоставим «разлетающейся вселенной» обанкротившегося капитала устойчивую твердь марксистско-ленинско-сталинского разума, воли, труда.

Соотношение неточностей в квантовой механике *)

Ф. Гальперин и М. Марков

Метафизическая концепция измерения

Как известно, одна из формулировок задачи классической механики читается так:

«Если для какого-нибудь механического движения даны уравнения движения и начальные условия для какого-либо момента времени t_0: импульс (p_0) и координата (q_0), то можно для любого момента указать положение и импульс частицы».

Начальные t_0, p_0, q_0 не вытекают из уравнений движения, а должны быть определены при помощи измерений.

Измеряя «абсолютно точно» начальные данные, мы можем указать с «абсолютной точностью» положение и импульс частицы для любого t.

В механике всегда считалось, что точное измерение скорости и положения не встречает никаких принципиальных трудностей. Совершенствуясь в искусстве измерений и измерительных приборов, мы в конце концов подходим как угодно близко к «абсолютной точности».

Займемся анализом проблемы абсолютно точного измерения.

Уточнение измерений — это исторический процесс. От измерений длин при помощи сажени Шателе (toise de Chatelet, 1668) во Франции до измерения длин Майкельсоном и Бенуа (1894) при помощи длин световых волн — расстояние достаточно велико.

Каждая эпоха характеризуется определенной, возможной на данном этапе развития техники и науки степенью точности измерения.

И потому очень важно, что, с одной стороны, всякая задача определяется в какой-то части теми физическими понятиями [1]), которые господствуют

---

*) Считая рассмотрение вопроса о соотношении неточностей весьма важным, редакция «ПЗМ», помещая настоящую статью, ставит этот вопрос на обсуждение.— Ред.

[1]) Что касается основного определяющего фактора, экономического, то к сожалению мы не можем здесь на нем подробно останавливаться ввиду того, что цель настоящей главы — не исследовать методологию измерения вообще, а лишь дать несколько беглых замечаний по этому вопросу и именно тех, которые необходимы для уяснения основной задачи статьи. Очень яркую историческую справку об экономических факторах в обсуждаемом нами вопросе читатель отчасти (в применении к электротехнике) найдет в одной речи Гельмгольца (Helmholtz, Vorträge und Reden, II, B. S. 321):

«Электротехника постепенно так сильно развилась, что в настоящий момент в нее вложены огромные капиталы и она представляет собой исключительно оживленную индустрию. При этих обстоятельствах не может быть недостатка в спорных вопросах, проходящих перед судами, и чувствуется особая необходимость уста-

в данный момент, но, с другой стороны, и физические понятия, доминирующие в эту эпоху, теснейшим образом связаны и также определяются в свою очередь в той же мере точностью измерения.

И точность измерения, совершенствуясь, приходит в конце концов в конфликт с установившимися физическими понятиями, настойчиво требуя их изменения или даже полного изгнания из науки как ставших «ненаучными». Но тем самым изменяется и задача измерения.

Всякое измерение касается об'екта, конкретной вещи. И конечно на конкретную задачу измерения, на ее предполагаемые результаты, на характер постановки задач накладывает свой известный отпечаток то понятие о данной конкретной вещи, которое имеется в этот момент в науке. Понятие лишь в некоторых пределах отражает то реальное, что на самом деле имеет место в действительности.

Изучение этой реальности сопровождается развитием наших понятий о ней, понятие меняется, но тогда меняется и сама задача измерения.

На определенной ступени знания о столе например мы вводим понятие — «ширина стола»; это понятие на определенной ступени измерения имеет определенный смысл и, вообще говоря, подчеркивает, охватывает некоторую сторону изучаемой реальности. В дальнейшем оказывается, что понятие ширины стола за известным пределом становится неопределенным вследствие молекулярного движения. Следовательно становится неопределенной и первоначальная задача измерения.

Известные в истории физики опыты относительно весомости теплорода соответствовали конечно и отчасти определялись теми представлениями, которые господствовали в ту эпоху, и в рамках этих понятий был уместен вопрос, весом или невесом теплород, была уместна соответствующая экспериментальная задача. В последующие же эпохи кинетической теории теплоты эти измерения теряют всякий смысл, но с повышением точности соответствующих измерений и на основе принципа относительности ($E = mc^2$) может быть вновь поставлен эксперимент, но уже на другой базе.

Физику более, чем кому-либо, известно, что измерение — это задача не только количественная, но и качественная. Всегда измеряется не абстрактное какое-то количество, а во всех случаях количество «чего-то» [1]).

Каждая задача измерения не только ставится в определенную историческую эпоху, но в то же время относится к определенной форме движения материи (задача классической механики, термодинамики, электродинамики и т. д.). В том пункте, где мы, «уточняя» измерения, переходим в область другой формы движения материи, задача становится лишенной смысла, ибо она кровно связана со своей «средой», с той формой движения материи, которая осталась где-то позади на пройденных

новления единиц измерения, на основании которых можно выносить правильное решение.

Когда фабрикант берется доставить проволоку для проводки, то существенно, чтобы сопротивление проволоки не переходило бы известные границы и можно было бы притти к справедливому решению: соответствует ли проволока условиям контракта.

То же самое другой фабрикант, который берется построить динамо — электрическую машину, должен обязаться, что машина при определении скорости вращения производит определенную электромоторную силу; необходимо таким образом притти к мере для электромоторной силы машин» и т. д.

О методологии измерения специально см. статью А. А. Максимова, «ПЗМ», № 7—8, 1929 г.

[1]) Маркс, Капитал, т. I, гл. 1-я. См. об этом Максимов, Методология измерения, «ПЗМ» № 7—8, 1929 г.

этапах измерения. (Примеры с измерением температуры электрона, оптического показателя преломления одной какой-либо молекулы, входящей в состав стекла, или измерение «скорости звука» в атоме железа).

Изучать явление, как показывает также история физики, это значит в конце концов изучать образования явления, но всякая задача измерения изучаемого явления, доведенная до того момента, до того места, где данное явление им становится, здесь и дальше за этими пределами становится неопределенной, ибо здесь только образовывается или еще даже не образовалось то, что подлежит измерению.

Так например бессмысленно спрашивать, является ли атом вещества «жидким», «твердым» или «газообразным».

Всем этим мы хотим сказать, что поставленная в начале этого параграфа задача механики, т. е. задача «точно определить будущее» электрона по точно измеренным начальным данным и закону движения, при дальнейшем прогрессе физики может, начиная с некоторого этапа измерения (измерение начальных p и q), стать неопределенной, что было бы совсем неудивительно в аспекте того богатого материала, который нам физика доставляет относительно «абсолютно точного измерения».

* * *

Но не менее опасно в методологическом отношении и чрезмерное выпячивание «неудачи» абсолютно точного измерения, т. е. опасность философского релятивизма, что может привести к другим «идеалистическим шатаниям».

Из того факта, что нельзя точно измерить ширину стола, приходят к выводу, что и вообще это понятие ширины стола не имеет смысла, забывают, что на известном этапе измерения оно схватывает и характеризует некоторые черты об'ективной реальности.

* * *

Итак, метафизическое «абсолютно точное измерение» «невозможно» не потому, что оно принципиально недоступно познанию, а потому, что, начиная с некоторого момента, об'ективно конкретная физическая задача, задача об уточнении измерения по сути вещей, становится неопределенной.

Но, с другой стороны, всякая задача измерения, некогда поставленная, все больше и больше уточняется, стремясь к некоторому пределу, где в данной задаче, для данной измеряемой величины, исчерпывается всякая «точность», т. е. где измерение «с большей точностью» перестает характеризовать изучаемый об'ект, об'ективно теряет смысл для данной измеряемой величины. Этим самым снимается вопрос о какой-либо «неточности» в самих вещах и возникает задача достигнуть некоторых предельных, действительно «абсолютно точных измерений», но уже в новом, реальном, не в метафизическом, а в «физическом» смысле, т. е. таких «предельных» измерений, точнее которых измерять в данной конкретной задаче, подчеркиваем, «не нельзя», а «нечего», измерять «нечего» не «вообще», а для данной задачи, вообще же здесь конечно появляются другие проблемы со своими задачами измерения.

Соотношение неточностей

Квантовая механика исходит из того положения, что в области микрокосмоса измерение всегда вносит существенные изменения в состояние наблюдаемого об'екта. В качестве примера иногда приводится наблюдение над связан-

ным электроном, вращающимся вокруг ядра атома. Рассматривается например атом водорода в невозбужденном состоянии. В этом случае размер атома равняется 10^{-8} см. Пусть мы определяем положение электрона на орбите например с точностью до 10^{-9} см. Но достаточно одного кванта света такого порядка длины волны, чтобы в силу эффекта Комптона электрон оказался вышибленным за пределы атома. Подчеркнем, что здесь суть не только в разрушении системы, над которой ведется наблюдение. Существенное заключается в том, что изменения в состоянии, происходящие во время наблюдения, в известных пределах неконтролируемы.

Квантовая механика трактует электрон как материальную точку [1]).

Но, с другой стороны, в широких размерах для «описания» явлений, связанных с электроном, пользуются понятием волны. Если мы имеем свободный электрон с импульсом p_0, то, по Дебройлю, $\lambda = \frac{h}{p^0}$, где λ как раз соответствует длине волны. И с этой стороны чисто волновое описание явления совершенно не дает права говорить точно например о положении электрона, ибо плоские «монохроматические» волны нигде не начинаются и нигде не кончаются, а заполняют «все пространство», не выделяя чем-либо точку или область нахождения электрона. Единственная возможность выделить такую область — это так подобрать совокупность волн, что в результате наложения они всюду друг друга «погашают» (интерферируют), кроме узкой области, где, наоборот, их амплитуды складываются. Такое образование в квантовой механике называется волновым пакетом.

Волновой пакет имеет например вид, изображенный на рис. 1. Но для того, чтобы получить пакет, необходимо, чтобы длины волн, составляющие пакет, очень мало отличались друг от друга, и пакет будет, как это доказывается, тем уже, чем больше разница в длинах тех волн, из которых он построен.

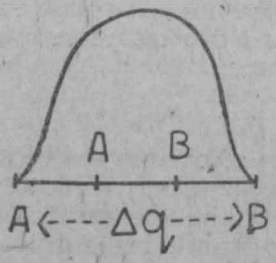


Рис. 1.

Сама же частица электрон может находиться например в точке A или в точке B и т. д., находящихся внутри пакета, а где именно, точно неизвестно [2]).

Следовательно неточность в определении местоположения частицы определяется шириной пакета, отрезком Δq. Но значит ли это, что невозможно задать положение, координату частицы с любой точностью в смысле класси-

[1]) Дальше будут разобраны основания для подобной трактовки.

[2]) Квантовая механика, в противоположность классической механике, не задает точных значений местоположений и импульсов электрона, а задает их распределение. Например из n наблюдений, произведенных над импульсами и положениями электрона, m_1 наблюдений относятся к некоторому результату k_1; m_2 к некоторому результату k_2 и т. д. Если это графически изобразить, т. е. нанести на чертеже, то получается кривая распределения положений и импульсов. Таким образом здесь видна принципиальная разница между подходом квантовой и классической механики. Первая с самого начала становится на точку зрения вероятностного задания положения и импульса, а не точного, как в классической механике.

ческой механики? Нет, не значит. Для этого нужно только, чтобы ширина пакета была сколь угодно малой. А это значит, что среди длин волн, составляющих пакет, должны быть и такие, которые очень сильно разнятся по длинам друг от друга.

Выведем [1]) соотношение, показывающее порядок величины произведения обеих неточностей. Это соотношение и называется «соотношением неточностей» или «соотношением неопределенностей».

Мы уже видели, что волновой пакет есть совокупность волн, длины которых отличаются на небольшую величину. Образуем волновой пакет. Пусть ширина его — Δq. Допустим, что имеем волны, длина которых равна λ_0 и которые укладываются на отрезке Δq в числе n. Но, чтобы за пределами этого отрезка волновое поле было равно 0, очевидно на Δq должны укладываться и другие волны, кроме указанных ранее, с которыми последние так интерферируют, что вне этого отрезка волновое поле отсутствует. Из построения можно установить, что необходимое условие для осуществления такого рода интерференции состоит в том, чтобы эти другие волны, имеющие, скажем, длину волны, равную λ_1, на этом отрезке укладывались по крайней мере в числе $n + 1$. Следовательно необходимым условием для построения пакета является следующее:

$$\Delta q = \lambda_0 n = \lambda_1 (n + 1) \qquad (1)$$

Отсюда легко вывести «соотношение неточностей». Согласно теории Де-Бройли каждому электрону соответствует длина волны.

$$\lambda = \frac{h}{p} \qquad (2)$$

Следовательно (1) можно переписать в таком виде:

$$\lambda_1 = \frac{h}{p_1};\ n\lambda_0 (p_1 - p_0) = h;\ \text{или}\ \Delta q \Delta p = h \qquad (3)$$

Здесь Δq — ширина пакета и изображает неточность в определении координаты электрона, Δp — неточность в определении его импульса. Смысл этого соотношения, как утверждает квантовая механика, заключается в том, что невозможно одновременное точное определение и импульса и координаты в смысле классики. Определение этих величин связано с неточностями, произведение которых порядка h. Если переписать соотношение (3) в других канонически сопряженных величинах, например E (энергия) и t (время), то оно перепишется так: $\Delta E \Delta t = h$.

Принято для иллюстрации правильности этого соотношения приводить целый ряд так называемых «мыслимых» экспериментов. Рассмотрим только два из них.

Микроскоп

Электрон находится под об'ективом микроскопа, как показано на рисунке 2:

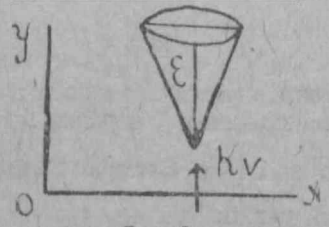


Рис. 2

[1]) Вывод упрощенный. Более строгий приведен в «Die Physikalischen Prinzipien der Quantentheorie» Heisenberg'a.

Его освещают квантами света частоты ν. Наскочив на электрон, квант света изменит его первоначальный импульс. Направление нового импульса электрона точно неизвестно, ибо в точности неизвестно направление рассеянной электроном «отдачи» кванта. Чтобы электрон увидеть, необходимо, чтобы хотя бы один рассеянный квант прошел через трубу микроскопа и попал в глаз наблюдателя. Направление импульса этого кванта лежит в пределах угла E.

Неточность в определении импульса электрона равна $\Delta p = \frac{h\nu}{c} \sin E$.

Согласно законам оптики, координату x можно измерять в самом лучшем случае с точностью $\Delta q = \Delta x = \frac{\lambda}{\sin E}$. Это соотношение дает разрешающую силу микроскопа. Отсюда видно, что произведение обеих неточностей составляет величину порядка h.

Диффракционная щель

Движущийся электрон с известным импульсом p проходит через щель d (См. рис. 3-й).

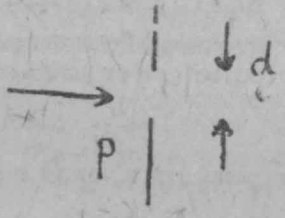


Рис. 3.

Сужая щель, мы можем все точнее фиксировать положение электрона [1]). Таким образом неточность в определении координаты электрона задается шириной щели:

$$\Delta q = d$$

Но узкая щель вызовет диффракцию электронных волн. Электрон полетит например так, как показано на рисунке 4-м:

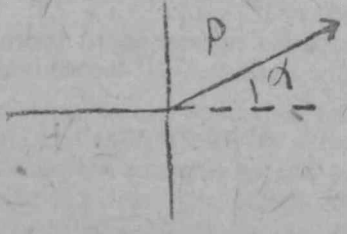


Рис. 4.

Неточность в определении импульса электрона в направлении d определяется слагающей импульса в направлении ζ и равна $\Delta p = p \sin \zeta$

Из оптики известно, что $\sin \zeta = \frac{\lambda}{d}$. Следовательно Δp равно $\frac{h}{d}$. А произведение обеих неточностей равно:

$$\Delta p \Delta q = h$$

т. е. опять получили «соотношение неточностей».

[1]) См. об этом дальше.

Вот пример рассуждений некоторых физиков:

«Неточности, входящие в это соотношение, принципиально отличаются от тех, с которыми имела дело классическая физика. Последняя рассматривала неточности технического порядка, зависящие от совершенства техники измерения. Предполагалось, что точность измерения станет «абсолютной», если техника экспериментирования станет совершенной. Однако квантовая механика утверждает, что существует принципиальный предел в точности измерения, который вытекает из самой сущности физических процессов» [1]). «Если в классической механике точное определение начальных условий было недостижимо практически, то не было сомнений в том, что принципиально возможно определение условий с любой точностью. В новой квантовой механике определение начальных условий становится не только практически трудным, но и принципиально невозможным» [2]). «При микроскопических измерениях имеют место неточности обоих родов. Но почему принципиальные неточности не обнаруживаются на опыте? Дело в том, что они перекрываются измерительными» [3]) Де-Бройль [4]) подсчитал принципиальную неточность, которая связана с измерением макроскопического тела—движущегося шарика, весом в 1 мг. Чтобы определить его состояние в какой-то момент, необходимо знать координату, его центр тяжести и его скорость. Допустим, что координата центра тяжести определена с точностью до 0,001 мм. Это огромная точность. Подставив эти величины «в соотношение неточностей», получим для неточности в определении скорости шарика следующую величину:

$$\Delta v = \frac{h}{\Delta q.m}; \quad \Delta v = \frac{6{,}55.10^{-27}}{10^{-3}.10^{-4}} = 6{,}55.10^{-20} \text{ см/сек}$$

Очевидно, что на практике нет ни одного метода, который давал бы с такой точностью скорость. Экспериментальная неточность перекрывает принципиальную и все происходит так, как будто бы последняя вовсе не существует.

Физическое значение соотношения неточностей и принцип причинности

Теперь здесь уже уместно поставить вопрос о том, что, собственно говоря, критикуется в принципе причинности современными физиками и философами и какие основания для подобной критики дает конкретный материал новой квантовой и волновой механики.

Основанием для критики принципа причинности в квантовой механике, как мы знаем, является положение, которое коротко можно сформулировать так: «принципиально никакой опыт не может дать начальные p_0 и q_0 для электрона одновременно столь точно, чтобы можно было применить закон движения для точного предсказания его p и q в любой момент времени t. Эти условия, ограничивающие точности, задаются соотношением

$$\Delta p \Delta q \geqslant h \text{ или } \Delta E \Delta t \geqslant h$$

Теперь необходимо предпослать несколько замечаний относительно того, как обычно в физике ставятся задачи об однозначном определении течения физических явлений во времени. Для решения подобных задач всегда, как мы знаем, исходят из некоторых «начальных условий» и некоторого «закона движения».

---

[1]) См. De Broglie, Einführung in die Wellenmechanik.

[2]) Шредингер, Речь по поводу избрания его членом Прусской академии наук.

[3]) См. ранее цитированное произведение Де-Бройля.

[4]) Там же.

Причем, если в точности закон движения и начальные условия одинаковы для двух или нескольких задач, то всюду имеет место один и тот же результат, т. е. идет вопрос об однозначности причинной связи.

Ясно, что как начальные условия, так и закон движения для различных форм движений (механика, термодинамика) различны.

Если например в механике Ньютона или механике Эйнштейна начальными условиями являются некоторые значения импульса p_0 и координаты q_0 в момент времени t_0, а законом движения — некоторое соотношение между импульсами и координатами и их производными, то для решения некоторых задач теплопроводности необходимо уравнение теплопроводности и начальные условия в виде задания начального распределения температур. Совсем другие условия требуются для ответа на вопрос: как распространяется волна? Итак мы видим, что для однозначного определения течения явления во времени в физике необходимо знать прежде всего характеристику состояния, которым характеризуется настоящее [1]) этого явления и так называемый закон движения. После всего сказанного о так называемых «начальных» условиях сейчас же возникает вопрос: в какой мере импульс и координата могут об'ективно характеризовать электрон?

Если по Шредингеру электрон как дискретная частица, вообще говоря, не существует, то другими авторами с самого начала при статистической трактовке волновой механики электрон предполагается частичкой, точнее материальной точкой с определенным импульсом, т. е. электрон характеризуется теми же шестью величинами (p_i, q_i, где $i = 1, 2, 3$), что и материальная точка в механике Ньютона. По крайней мере примеры, приводимые в защиту соотношения неточностей, обычно так и рассчитываются.

Эти расчеты предполагают некоторого «сверхнаблюдателя», которому одному «в точности» известны и импульс и координаты электронов, но результат в силу соотношения неточностей для обыкновенного наблюдателя оказывается неопределенным.

Теперь прежде всего необходимо отметить следующее:

Если ставится вопрос о принципе причинности как о некоторой об'ективной категории, то нетрудно видеть, что соотношение неточностей ни в коем случае не дает права отрицать этот принцип даже в том случае, если согласиться с утверждением, что импульс (p) и координата (q) точно характеризуют частицу [2]).

С точки зрения формальной логики о критике принципа причинности можно было бы говорить тогда, когда было бы например «доказано», что при одних и тех же точно измеренных (в классическом смысле) начальных данных p_0 и q_0 в момент t_0, при одном и том же законе движения теоретический подсчет состояния материальных частичек в некоторый момент t дает один и тот же результат для всех случаев, контрольная же, абсолютно точная (в классическом смысле) экспериментальная проверка предоказанного результата давала бы самые различные значения, хотя условия всех опытов были бы абсолютно идентичны. Это и было бы определением «об'ективной беспричинности» в отношении движения материальной точки. Этого как раз и не дает соотношение неточностей.

---

[1]) Задать «настоящее» — это значит задать некоторые величины к некоторому (любому) моменту времени, величины, которые в основном характеризуют об'ект исследования, его «состояние».

[2]) Если же p (импульс) и q (координата) уже в применении в электрону теряют об'ективно смысл и неприложимы к нему и должны быть заменены какими-то другими характеристиками, то соотношение неточностей тогда вообще перестает быть проблемой (см. об этом ниже).

Теперь необходимо выяснить, характеризует ли импульс и координата состояние электрона.

Как бы там ни было, но мы очутились перед фактом принципиальной невозможности привычным в механике путем предсказать «будущее» электрона, и не потому, что принцип причинности оказался нарушенным, а потому, что мы не можем измерить одновременно достаточно точно импульс и координату.

Таким образом мы видим, что известные, чисто физические предположения дают действительно повод для некоторых агностических высказываний.

Теперь уместно поставить вопрос:

Насколько обосновано утверждение, что к электрону действительно приложимы понятия «точного» (определенного) импульса и координаты в один и тот же момент, т. е. не есть ли соотношение неточностей как раз предел применимости понятия импульса и координаты, дальше которого эти понятия становятся неопределенными, другими словами, подвергаются обычной в физике судьбе «абсолютно точного» измерения?

Приведем пример.

Пусть нам дана неравномерно нагретая металлическая пластинка и требуется подсчитать распределение на ней температур к некоторому моменту t. В нашем распоряжении имеется уравнение теплопроводности и набор всевозможных точностей термометров для определения начального распределения температур. Пусть в стремлении к абсолютно точному измерению мы задаемся целью измерить температуру в пространстве, сравнимом с величиной молекулы. Этим самым мы еще неизмеримо далеки от получения абсолютно точных начальных измерений, ибо дифференциальное уравнение требует, строго говоря, «в идеале» найти температуры всех точек пластинки, но ведь пожалуй и с нашим воображаемым термометром может случиться такой конфуз, что нигде, ни при одном измерении ни одна молекула в момент измерения не ударится о наш термометр, т. е. задача о «точном измерении» и следовательно предсказании будущего измерения температур с такой точностью не имеет смысла.

Принципиально, как мы увидим ниже, приведенный случай ничем не отличается от того, что мы имеем в волновой механике. Однако здесь никто не связывает в настоящее время критику принципа причинности с этими фактами, потому что ясно, что не принцип причинности здесь теряет смысл, а те требования, которые мы пред'являли к задаче по самой сути теплоты как молекулярного движения.

Итак необходимо теперь выяснить, насколько p и q характеризуют электрон, его состояние, насколько p и q дают знание «настоящего» этой формы движения материи, необходимого знания, как мы видели, для определения поведения явления во времени.

Соотношение неточностей, как соотношение взаимодействия

Обычно выводят соотношение неопределенностей например в виде $\Delta p \Delta q \geqslant h$ и говорят, что ошибки в знании импульса и одновременно координаты связаны таким именно образом. А затем ищутся физические основания, приводящие именно к такой связи точности определения импульса с точностью определения координаты. Находят эту связь в характере того взаимодействия (на этом как будто бы согласны все физики), которое происходит во время наблюдения между наблюдаемым об'ектом и аппаратом наблюдения. Устанавливается, что происходят взаимодействия именно такого рода, при которых, наблюдая как угодно точно положение частицы, мы риску-

ем изменить как угодно сильно импульс, т. е. в конце концов наличие именно такого характера взаимодействия аппарата наблюдения с наблюдаемым об'ектом приводит к соотношению неопределенностей. Поэтому во многих отношениях было бы может быть правильнее итти обратным путем: установить некоторые стороны (например даже чисто механического) взаимодействия, которые очевидно классическая механика оставляла в тени или во всяком случае неточно отображала например классическими понятиями импульса и координаты, а затем для взаимодействия аппарата и наблюдения с наблюдаемым об'ектом как для частного случая (например механического и электромагнитного) взаимодействия вообще между об'ектами, системами получить те же соотношения неопределенностей.

Повидимому в этом направлении и идет развитие этого вопроса: второе соотношение $\Delta\varepsilon\,\Delta t \geqslant h$ нельзя уже теперь так просто толковать, как это было сделано в работе Heisenberg'a в 1927 г., как простую связь между соответствующими ошибками наблюдения $\Delta\varepsilon$ и Δt. Δt скорее здесь соответствующая длительность эксперимента, соответствующая длительность того же взаимодействия аппарата наблюдения с наблюдаемым об'ектом. В этом направлении идет, как нам кажется, трактовка Бором этого соотношения, в этом же направлении идет как будто работа Landau и Peieres.

Правда, сейчас скорее приходится итти от соотношения неопределенностей к установлению некоторых особенностей тех взаимодействий, которые ведут к соотношению неопределенностей, но конечная цель нам представляется именно такой, как мы формулировали ее выше.

Но обратимся к нашим соотношениям.

Одно только предположение о том, что само измерение координаты например вызывает изменение импульса, совершенно недостаточно для толкования соотношения неопределенностей.

Здесь еще нет принципиальных различий в постановке вопроса об измерении в новой квантовой механике от подобной постановки классической физики.

Правда, классическая физика всегда неявно допускала возможность такой организации эксперимента, при которой это влияние (т. е. влияние самого процесса измерения) становится как угодно мало, и в этом смысле соотношение неточностей устанавливает пределы, которых не было в классической физике.

Но не это главное.

Классическая физика в общем виде никогда не отрицала влияния аппарата измерения на измеряемое, но в ней всегда на худой конец предполагалась принципиальная возможность учета этого влияния.

Новая квантовая механика устанавливает пределы и этой возможности[1]). Если например мы точно знаем импульс частицы до наблюдения ее положения, то в момент наблюдения положения мы изменяем в какой-то мере прежний импульс. И это изменение в момент наблюдения измерено точно быть не может. Это изменение, как говорят, неконтролируемо.

Принцип неконтролируемости, если можно так сказать, душа соотношения неопределенности в его современном толковании.

Этот принцип совершенно чужд как общий принцип классической физике, и здесь именно, по мнению многих руководящих физиков, принципиально новое в постановке вопросов об измерениях.

---

[1]) Здесь только пересказывается точка зрения большинства руководящих физиков по этому вопросу.

Выше мы уже упоминали о том, что в обычных выводах соотношения неопределенностей (из дуализма волн и корпускул непосредственно или из неравенства Weyl'я для любой функции, удовлетворяющей некоторым условиям, и т. д.) констатируется только наличие связи соответствующих ошибок (Δp, Δq), но не удается проследить динамическое толкование этой связи. Динамическое толкование дается отдельным постулатом (измерение положения меняет импульс и т. д.).

Также понятие неконтролируемости органически не связано с обычными выводами соотношений, не следует обычно из общих положений, лежащих в основе выводов.

Присмотримся ближе к употреблению понятия неконтролируемости.

Следствием неконтролируемости является формулировка: нельзя одновременно точно знать импульс и координату частицы. По смыслу соотношения в различные моменты времени порознь мы можем знать как угодно точно только импульс и только координату. Пусть мы занимаемся тем, что порознь наблюдаем импульс и координаты частицы в моменты t_2 и t_1. Причем $t_2 - t_1 = \Delta t$ достаточно велико (t_1, t_2 — времена показаний стрелками приборов результата измерения).

Очень важно для дальнейшей дискуссии этого вопроса то, что влияние наблюдения импульса и координаты на наблюдаемый об'ект в некотором смысле *не симметрично*; в то время как точное наблюдение положения ведет к очень серьезным нарушениям в наблюдаемой системе (резко меняется импульс), наблюдение только импульса *можно* провести почти без нарушения для об'ективного хода наблюдаемого процесса. При наблюдении импульса мы, как говорят, теряем прежнее значение положения частицы, но *об'ективный ход процесса* может при этом не нарушаться. Например, пользуясь Допплер-эффектом для измерения импульса, мы можем освещать электрон очень длинными волнами и вследствие этого сделать влияние Комптон-эффекта как угодно малым.

Поэтому, если мы ведем наблюдение импульса и координаты во времени раздельно, то, смотря по тому, производим ли мы наблюдение импульса до или после наблюдения координаты, — получим совершенно различные результаты для значения импульса. Дело в том, что, измеряя положение, мы изменяем импульс, а затем измерение импульса дает то значение измененного импульса, который частица имеет уже после наблюдения положения. Обратный же порядок экспериментов оставляет открытым вопрос о том, как изменился импульс под влиянием наблюдений координаты.

В первом случае возможность контролирования [1]) получена лишь за счет неодновременности измерения: наши эксперименты разделяет промежуток времени.

Обсуждая соотношение неточностей, в нерелятивистской квантовой механике обычно не затрагивают вопроса о роли времени в процессе измерения. Предполагается, что измерение физических величин может быть проведено в как угодно малый промежуток времени, так что имеет смысл всегда говорить о точном значении физической величины в данный момент [2]).

Предполагается следовательно, что в любое мгновение мы можем точно измерить например только координату или только импульс.

Легко показать, что подобное утверждение (возможность точного мгновенного измерения) в отношении импульса и энергии противоречит тому же самому соотношению $\Delta p\, \Delta q \geqslant h$.

---

[1]) Контролирования в импульсе.

[2]) См. Фок. Начала квантовой механики, стр. 10.

Действительно, пусть мы имеем инерциональное движение частицы и пусть в момент t_1 мы точно измерили положение и после этого в момент t_2 так же точно ее импульс.

Мгновенное измерение в t_1 дало точно положение частицы q_0 и мгновенно изменило скорость.

Мгновенное измерение в t_2 точно определило импульс mv, импульс, который точно относится к моменту t_2.

Измерение точно определило импульс. Это значит, что именно это значение имеет импульс частицы непосредственно до и после измерения во всех случаях движения частицы. Для свободной же частицы точное измерение импульса в момент t_2 дает тот импульс, которым обладает частица, начиная с момента t_1 все время до и после второго эксперимента.

Если это справедливо, то к моменту t_2 мы могли бы так же точно знать и координату частицы:

$$qt_2 = q_0 + v\,(t_2 - t_1)$$

что противоречило бы соотношению: $\Delta p \Delta q \geqslant h$

Обычно здесь призывается на помощь неконтролируемость. Утверждается, что измерение импульса неконтролируемо, сбивает наше прежнее знание положения. Но что значит — наблюдение сбивает наше прежнее знание положения? Это значит только одно, что в результате второго наблюдения, после него непосредственно, частица может, вообще говоря, находиться в любой точке пространства, как угодно отдаленной q_0 от положения, которое частица занимала непосредственно после первого эксперимента (в момент t_1).

Попасть же частица из q_0 в любое q в результате второго наблюдения может лишь не иначе, как двигаясь с какой-то скоростью v в течение какого-то промежутка времени Δt.

Следовательно, неопределенность Δq в q к моменту t_2 [$q = q_0 + v\,(t_2 - t_1)$] может быть получена при точном знании положения в момент t_1 (q_0) только лишь за счет ошибки во времени $(t_2 - t_1)$ или за счет ошибки в определении скорости. Другого выбора нет.

Либо $\Delta t = (t_2 - t_1)$ измерено с ошибкой δ либо v скорость не точно соответствует действительной скорости.

Первое предположение не выдерживает никакой критики. δ не может быть ошибкой во времени. Действительно, это дало бы ошибку в координате:

$$\Delta q = v\delta$$

δ должна удовлетворять соотношению:

$$v\delta\,\Delta p \quad h \qquad (\alpha)$$

Соотношение (α) должно быть справедливо при точно измеренном импульсе (mv), при конечном v (точно известном также в результате измерения импульса), что ведет к нелепому требованию ($\delta = \infty$, т. е. если при измерении координаты часы показывали точно время, когда аппарат закончил измерение, то при точном измерении импульса те же часы почему-то обязательно должны давать неимоверную ошибку ($\delta = \infty$), и эта ошибка в показании часов должна быть тем меньше, чем больше аппарат дает ошибку в импульсе. Что конечно быть не может, ибо часы никак не связаны с аппаратом, измеряющим импульс.

Становится необходимо таким образом предположить для выполнения неравенства $\Delta p\,\Delta q \geqslant h$, что само измерение импульса изменяет несколько измеряемый импульс. Это, вообще говоря, так: какими бы длинными волнами мы ни освещали электрон, наблюдая по Допплер-эффекту его импульс, все же

всегда будет соответствующий Комптон-эффект, в силу которого несколько изменяется импульс.

Пусть за время Δt средняя скорость частицы $v + \Delta v$, v — это то значение скорости, которое показал аппарат; Δv — это ошибка в скорости в результате наблюдения. Тогда ошибка в положении к моменту окончания второго эксперимента: $\Delta q = \Delta v \Delta t$.

Но спрашивается, что нам мешает сделать промежуток Δt между измерениями координаты и импульса как угодно малым?

Анализируя физические условия наблюдения, мы можем утверждать, что лишь в лучшем случае, сохраняя ту же последовательность наблюдения, мы можем начать второе наблюдение, т. е. наблюдение импульса немедленно после того, как закончено наблюдение координаты. Тогда промежуток между двумя показаниями аппаратов наблюдения будет в крайнем случае равен, а вообще говоря, больше времени, необходимого для проведения второго эксперимента. Следовательно Δt не может быть меньше, чем длительность второго наблюдения.

Длительность опыта слагается из времени взаимодействия аппарата с наблюдаемым об'ектом и времени, необходимого для регистрации этого взаимодействия стрелкой прибора. Полагаем, что передаточный механизм работает идеально, лишь в этом идеальном случае можем отождествить Δt—продолжительность опыта с продолжительностью взаимодействия аппарата с частицей.

Если Δt — продолжительность взаимодействия аппарата с частицею, то Δv — не что иное, как среднее изменение скорости за время этого взаимодействия.

Но Δq должно удовлетворять соотношению

$$\Delta p \Delta q \geqslant h \qquad (\beta)$$

следовательно $\Delta p \Delta v \Delta t \geqslant h \qquad (j)$

или $m \Delta v^2 \Delta t \geqslant h \qquad (\delta)$ [1])

---

[1]) Не лишне напомнить о том, как при определении импульса в мыслимых экспериментах «сбивается» старое знание положения частицы о том, как получается ошибка в положении.

Напомним эксперимент, обсуждаемый например Heisenberg'ом в «Die Physicalischen Prinzipien der Quantentheorie».

Дело идет об определении скорости электрона по отклонению в магнитном поле. Электроны вылетают из первой щели, пролетают расстояние $a + l$, улавливаются другой щелью. Путь a проходится в магнитном поле l—свободным движением. Ошибка в положении вычисляется так: если электрон летел со скоростью v, то эксперимент длился по меньшей мере $\Delta t = \frac{a+l}{v}$ и если наблюдение скорости дало ошибку Δv, то неточность в знании положения частицы после наблюдения импульса по меньшей мере

$$\Delta q = \frac{a+l}{v} \Delta v; \quad \Delta q = \Delta t \Delta v$$

Следовательно, чем точнее определяется импульс (Δv Δo), тем больше должна быть длительность эксперимента Δt, и обратно. Мы видим таким образом, что и для этого эксперимента необходимо Δt удовлетворить неравенству: $\Delta p \Delta v \Delta t \Delta h$.

То же самое при определении скорости частицы при помощи Допплер-эффекта (см. например De Broglie, Introduction a l'étude de la mecanique ondulatoire).

Какими бы длинными волнами мы ни освещали частицу, все равно можно ожидать Комптон-эффект, изменяющий во время наблюдения скорости частицы ее же скорость на Δv. Продолжительность эксперимента не может быть меньше чем l/c, где c — скорость света, а l — ширина светового сигнала, который не может быть меньше средней длины волны λ. Следовательно, $\Delta q = \Delta v \Delta t = \Delta v \, l/c$ и продолжительность эксперимента не может быть меньше периода колебания этой λ.

Но уменьшая период, мы увеличиваем частоту и следовательно энергию, на которой может измениться энергия частицы и следовательно импульс.

Таким образом мы видим, что соотношение:

$$\Delta p \Delta q \geqslant h$$

в его динамической трактовке (чем точнее измеряется положение, тем сильнее изменяется импульс) не ведет еще к неопределенности.

Соотношение (δ) становится соотношением неопределенности с того момента, когда вводится положение неконтролируемости, а положение неконтролируемости в свою очередь ведет к соотношению:

$$m\Delta v^2 \cdot \Delta t \geqslant h$$

следствием которого и является в данном случае неконтролируемость. И вообще соотношения (β) и (δ) только вместе, как мы видим, дают неопределенность.

Итак, не только измерение положения изменяет импульс, но и измерение импульса меняет импульс частицы, а главное: чем меньше продолжительность эксперимента, чем меньше время взаимодействия аппарата с частицею, тем больше изменяется импульс.

Соотношение (δ) показывает, что точное наблюдение импульса возможно лишь при бесконечно длительном эксперименте.

Итак, именно требование выполнимости соотношения $\Delta p \Delta q \geqslant h$ приводит к этим результатам, именно соотношение $\Delta p \Delta q \geqslant h$ настойчиво требует, как мы видели, сделать некоторые заключения о роли времени в процессе измерения импульса[1]).

Интересно было бы особо обсудить вопрос о точности измерения кинетической энергии и связь этой ошибки с длительностью эксперимента.

Вообще говоря, ясно, поскольку изменяется скорость частицы во время наблюдения и тем больше, чем короче длительность взаимодействия, то мы, определяя кинетическую энергию как $\frac{mv^2}{2}$, можем определить ее точно, лишь наблюдая большой промежуток времени. Ясно, что изменение кинетической энергии частицы благодаря наблюдению должно быть тем больше, чем меньше длительность наблюдения. Но так как энергия выражается через скорость квадратично, то эта квадратичность усложняет несколько связь между изменением кинетической энергии частицы, происходящей под влиянием аппарата наблюдения, со временем, за которое происходит это наблюдение.

Соотношение $m\Delta v^2 \Delta t \geqslant h$ можно переписать в другом виде[2]):

$$\Delta E \cdot \Delta t = mv \cdot \Delta v \cdot \Delta t \geqslant \frac{h}{2} \qquad (h)$$

где ΔE — изменение кинетической энергии частицы. Таким образом мы видим, что соотношение $\Delta E \Delta t \geqslant h$, которое часто пишут наряду с соотношением $\Delta p \Delta q \geqslant h$, вообще говоря, не выполняется, если под E понимать только кинетическую энергию.

Если для решения задачи механики необходимо рассматривать движение волнового пакета и его изменение во времени, то для физического толкования соотношения как такового существенны лишь пространственно-временные размеры пакета, т. е. именно тот пакет, который получился не-

[1]) Вообще же говоря, роль времени в квантовой механике пока совершенно не ясна, время, с одной стороны, «простое число» v, с другой стороны — «оператор». Этот вопрос требует особого обсуждения, с этой проблемой связаны некоторые центральные вопросы квантовой механики.

[2]) $\frac{(mv_1^2)}{2} = \frac{m}{2}(v + \Delta v)^2$, где v_1 — действительная скорость, v — наблюденная.

посредственно после измерения, а не тот, который после этого со временем изменился. Если бы было возможно выбирать «собственную» систему координат, в которой электрон до наблюдения покоится, то в этой системе координат все величины, входящие в соотношение (δ) и (β), получают очень простое наглядное толкование: если Δt — это длительность взаимодействия, то ΔE — это изменение энергии за это время; если средняя скорость за время Δt, которую получил электрон в этой системе координат, есть Δv (раньше электрон покоился), то $\Delta v \Delta t \geqslant h$ — именно тот пространственный интервал, на котором происходило взаимодействие.

Другими словами, в этой системе соотношение $2\Delta E \Delta t \geqslant h$ устанавливает соотношение, по которому взаимодействия между частицами и аппаратом могут быть лишь такого рода, что произведение времени взаимодействия на изменение кинетической энергии в результате взаимодействия всегда больше или во всяком случае порядка планковской постоянной h.

Соотношение $\Delta p \Delta q \geqslant h$ устанавливает положение, по которому взаимодействия между частицей и аппаратом наблюдения могут быть лишь такого рода, что произведения изменения импульса частицы за время взаимодействия на интервал, на котором произошло взаимодействие, не может быть меньше планковской постоянной.

Или об'единяющая формулировка: природа взаимодействия такова, что функция действия в результате взаимодействия не может получить значение меньше h в этой системе координат [1]).

Такова природа взаимодействия. Поэтому соотношение неопределенности было бы правильнее называть соотношением взаимодействия, именно взаимодействие — об'ективная сторона этих соотношений.

* * *

Выше мы выяснили, что соотношение неточностей лишь тогда логически ведет к агностицизму, когда выдвинуты положения, утверждающие, что импульс p имеет точный смысл для частицы, в том числе и для электрона в любой точке q, в любой момент t. И соответственно кинетическая энергия E всегда имеет точный физический смысл для электрона в любое мгновение t.

Никем никогда конечно не было доказано положение о том, что то понятие кинетической энергии, которое у нас исторически сложилось, имеет строгий физический смысл для электрона в каждое мгновение.

Но так как предположение в пределах измерения всегда выполнялось в макрокосмосе, то постепенно предположение перешло в привычку, а потом в уверенность, а по существу в микрокосмосе продолжало оставаться ничем не обоснованной экстраполяцией.

Универсальность соотношения

$$E = hv$$

показывает, что и наше понятие кинетической энергии имеет смысл лишь по отношению к целому периоду колебания τ, а не к отдельному мгновению. Когда не закончился период колебаний, так же нелепо спрашивать, какова энергия, как нелепо измерять площадь геометрической фигуры, если кривая не замкнута, следовательно нелепо здесь говорить о какой-то «непознаваемости».

В классической механике утверждалось, что движение частицы (в том числе и электрон) строго можно всегда заменить движением материальной

---

[1]) Если под действием понимать $\int pdq$ и $2 I \int E_{kin} dt$

точки, что всегда находится такая особая точка, движение которой строго характеризует движение всей этой частицы. Эта гипотеза в квантовой механике не находит подтверждения.

Против критики этой гипотезы, казалось бы, можно выставить очень веские возражения. Ведь по самому смыслу соотношения неточностей только положение электрона мы можем определить как угодно точно. Но трудно считать случайным тот факт, что измерение точного положения электрона непременно требует чрезвычайно энергичных воздействий на электрон, лишь в результате которых как бы удается собрать в некоторую малую область ту реальность, которую мы называем электроном. Если бы мы построили аппарат, который автоматически определял только положение электрона в какой-то момент, и если бы мы заранее знали, что наш аппарат именно так устроен, что не может изменить импульс электрона на величину, большую чем α, то мы могли бы заранее утверждать, что наш аппарат никогда не определит положение электрона с точностью, большей, чем $\Delta q = \frac{h}{\alpha}$

Надо полагать, что эта удивительная связь между точностью в наблюдении положения электрона с применяемым воздействием на электрон может послужить ключом к изучению некоторой стороны самой «структуры», если можно так сказать, этой реальности [1]).

В классической механике полагалось, что для каждого момента времени, для каждой материальной точки всегда реален предел:

$$v = \lim_{\Delta t \to 0} \frac{\Delta q}{\Delta t}$$

где v — скорость.

Собственно говоря, понятие скорости и соответственно понятие импульса исторически сложилось и по существу относится не к одной точке пространства времени (q_1, t_1), а к некоторым двум точкам (q_1, t_1), (q_2, t_2).

$$v = \frac{q_2 - q_1}{t_2 - t_1}$$

и хотя реальность предела при $t_2 - t_1 \to 0$, реальность понятия скорости в точке «истинной скорости», например в случае электронов, никем, насколько нам известно, не оспаривалась до волновой механики, но в равной мере и не обосновывалась.

Волновая механика здесь приносит существенно новое. Не говоря уже о том, что прежнее определение скорости или импульса как

---

[1]) Особый интерес представляет тот случай, когда известно, что аппарат ведет себя пассивно (аппарат только получает энергию, но не отдает или по абсолютной величине не меняет скорость электрона), а так как скорость электрона можно знать точно до наблюдения положения, то можно заранее сказать, что этот аппарат может измерить положение электрона лишь с точностью до $\Delta q \geq \frac{h}{p}$, где p — импульс электрона. Чем больше скорость электрона, тем точнее этот аппарат определяет его положение.

Любопытно, что в этом случае $\Delta q = \frac{h}{p} = \lambda$, как раз равно по своим размерам длине De Broglie'вской волны.

Играет ли здесь основную роль в сужении области, которая принадлежит электрону, лишь только самый момент взаимодействия или вообще эта область тем меньше, чем больше скорость самого электрона. Это пока чисто спекулятивный вопрос, хотя в наших представлениях об атоме мы пока еще отводим там быстро движущемуся электрону область, очень малую по сравнению с размерами атома.

$$V = \frac{q_2 - q_1}{t_2 - t_1}$$

лишается в некоторых пределах физического смысла, мы в волновой механике имеем для свободного электрона соотношение:

$$p = \frac{h}{\lambda}$$

где h — попрежнему постоянная Планка, λ — дебройлевская волна.

Это соотношение связывает импульс не с точкой или с двумя бесконечно близкими точками, а с интервалом.

Импульс существенно относится к некоторому интервалу, а не к точке [1]).

Если скорость в точке для электрона не имеет смысла, как например температура электрона, то нелепо говорить о каких-то неточностях или неопределенностях в измерении скорости электрона в точке, как нелепо говорить например о железном электроне в атоме, о том, что молекула воды — мокрая. С этой точки зрения предельное соотношение $\Delta p \Delta q = h$ это есть точно измеренный предел применимости к электрону понятия скорости в точке.

В соотношении неточностей или неопределенностей тогда таким образом нет никакой неточности, никакой неопределенности, и по самой сути дела правильнее называть это соотношение, как мы говорили уже выше, соотношением взаимодействия (взаимодействия в физическом смысле этого слова).

Вообще говоря, здесь могут быть две постановки вопроса: или мы в каждом элементарном случае имеем взаимодействие именно такого рода (т. е. в каждом элементарном акте дающее неопределенность в результате неприменимости старых понятий «истинной скорости» и т. д.) или в каждом элементарном случае мы не имеем никаких ограничений, связывающих например время взаимодействия и энергию, которая участвует в этом взаимодействии, соответственно δp и δq, а лишь статистически для с р е д н е г о появляются эти ограничения. И в природе тогда таким образом существуют такие взаимодействия, которые могут осуществить наблюдение в классическом смысле этого слова, но в квантовой механике нельзя в ы д е л и т ь т о л ь к о э т и взаимодействия и построить только из них совокупность измерений, дающую значение измеряемых величин. При составлении такой совокупности обязательно в нее войдут такие взаимодействия, которые в среднем опять приведут к соотношению неточностей. Если в действительности мы имеем дело со вторым случаем, то тот путь, по которому идет наша статья в трактовке С. Н. (полагая, что электрон — это такая реальность, к которой неприменимы об'ективно точные понятия p и q в силу самой структуры, если можно так сказать), не есть путь разрешения вопроса.

---

[1]) В той системе координат, о которой мы говорили выше, Δp это тот импульс p_0, с которым в этой системе координат частицы движутся после наблюдения и $\Delta q = \frac{h}{\Delta p_0} = \frac{h}{p_0} = \lambda_0$ (т. е. тот интервал, на котором происходит взаимодействие) в этой системе координат, не может быть меньше дебройлевской волны. Длительность взаимодействия не может быть меньше периода этой волны.

Действительно, если электрон в этой системе координат получил энергию $E = h\nu$, то $ET = h$, где T — период колебаний; другими словами: в этой системе координат соотношения неточностей $\Delta p \Delta q = h$ и $\Delta E \Delta t = h$ переходили в соотношения $P\lambda_0 = h$ и $\Sigma_0 t_0 = h$, т. е. соотношения неточностей в этой системе координат падают с квантовым постулатом, следствием которого они, вообще говоря, и являются.

И тогда перед физикой в ее дальнейшем развитии встанет вопрос—отыскать такие способы отбора таких элементарных взаимодействий, осуществляющих наблюдения, которые дали бы возможность провести измерения, существенно не нарушая наблюдаемый процесс. Этот путь не укладывается в рамки современной квантовой механики и невозможен без радикального изменения ее основ.

Мы склонны считать правильным первое положение, по которому в каждом элементарном акте имеет место взаимодействие, которое в каждом элементарном случае ведет к «неопределенности» (в разобранном нами выше смысле), что является прямым следствием того положения, что электрон по своей физической сущности уже больше не может быть характеризован точным p и q. Если это положение справедливо в каждом элементарном случае, то оно может быть справедливо и статистически для среднего, как это обычно и получается.

Мы склонны считать правильным первое положение на том основании, что квантовый постулат является справедливым и для элементарных процессов, а соотношение неточностей является непосредственным следствием именно квантового постулата [1]).

Конечно при расчетах, пользуясь корпускулярной терминологией, можно говорить и в предельном случае неравенства $\Delta p\,\Delta q \geqslant h$, т. е. $\Delta p\,\Delta q = h$ о Δq и Δp как об ошибках наблюдения, предполагая, что взаимодействие происходит мгновенно где-то в точке на отрезке Δq и что существует такая особая точка у электрона, которая выполняет подобные функции, но при этом не надо забывать, что это абстракция. Отсюда нельзя делать выводы, критикующие принцип причинности.

Другими словами: на поставленный нами вопрос — характеризуют ли p и q одновременно электрон — мы отвечаем отрицательно, и не вина принципа причинности, если дело обстоит именно так, подобно тому, как трудно обвинять принцип причинности в том, что например состояние общества в какой-то момент нельзя описать импульсом и координатой и таким образом точно предсказать его будущее. Кажется, никто с этой точки зрения не критиковал причинность в обществе.

Собственно говоря, здесь разрешается основная задача нашей статьи. Итак мы поставили перед собой вопрос, отвергает ли новая волновая механика принцип причинности, и пришли к выводу, что критика принципа причинности связана с утверждением, что электрон характеризуется одновременно точно импульсом и координатой. Ближайшее рассмотрение вопроса показывает необоснованность подобного утверждения и таким образом логическую необоснованность критики принципа причинности, т. е. принцип причинности и на этом этапе критикуется все-таки с тех же старых философских позиций, как и раньше, хотя часто утверждают, что С. Н. логически, неизбежно приводит к опровержению принципа причинности.

Если настаивать на характеристике процесса изучения всякого нового явления, его этапов, которая нами дана выше, то досовременный этап изучения электрона — этап, который характеризуется в основном как раз тем, что изучается главным образом в этой новой реальности то общее, что имеется в ней с другими уже относительно изученными формами движения. Эта сторона изучения до сих пор являлась в случае электрона доминирующей. Электрон то представляется как материальная точка и характеризуется p, q как материальная точка классической механики, то находят кроме того общее с явлениями совсем другой области, тоже относительно изучен-

[1]) См. Бор, Квантовый постулат и новое развитие атомистики.

ной, мы говорим о приписывании электрону некоторых свойств волны и в результате этих аналогий электрон оказывается обладателем самых разнообразных и с точки зрения аналогии взаимно исключающих свойств.

Эти аналогии (которые, как показывает опыт, правильно отражают некоторые стороны об'ективной реальности), некритически распространенные до деталей, приводят к неопределенности.

Когда говорят, что электроны — и волны и корпускулы, то обычно не подчеркивается тот факт, что тогда электроны в сущности и не волны и не корпускулы, что перед нами в сущности новая форма движущейся материи, которая очень схематично лишь в некоторых своих чертах может приблизительно отображаться теми аналогиями, которыми мы в данном случае пользуемся лишь в некоторых границах, лишь в некоторых пределах. Переходя эти границы, мы должны быть непременно наказаны различного рода несуразностями, т. е. в этом случае эти аналогии начинают играть уже тормозящую роль для дальнейшего изучения электрона. Наконец некоторые считают, что в последнее время мы приближаемся к волновой картине мира, но именно за последнее десятилетие так называемая фазовая скорость все более и более теряет свой конкретный физический смысл как в электромагнитных волнах, так и в волнах материи. А ведь фазовая скорость фундаментальным образом связана с понятием волны [1]).

Итак, раньше полагали, что электрон—это просто материальная точка. Электрон теперь перед нами вырисовывается в более сложном виде. И задача науки в ближайшем будущем — понять электрон как эту своеобразную форму движущейся материи.

Подчеркнем еще этот момент развития физики, очень важный для нашего вопроса, момент, связанный с физической сущностью явлений и с процессом их изучения. Дело в том, что новая форма движения материи (теплота, электричество) с самого начала изучается не столько с точки зрения различий, сколько с точки зрения сходства с уже относительно известными формами движения, что и действительно (это сходство) имеет место. Например математический аппарат, выросший на механических колебаниях, оказывается пригодным для описания некоторых явлений электромагнетизма. Эти уравнения действительно схватывают то общее, что имеется у двух совершенно различных форм движения, а родословная этого аппарата продолжает навязывать и этим новым явлениям механическую сущность.

Или достаточно вспомнить уравнение Лапласа и его роль в гидродинамике, электродинамике, теории тяготения и теории теплопроводности. Наконец всю математическую теорию теплопроводности, данную Фурье, или происхождение уравнений электромагнитного поля и гидродинамику и вообще целый метод, так называемый метод аналогии.

На первых порах изучение этого общего всегда в физике значило изучение с точки зрения уже относительно изученных форм движения (электрические и магнитные жидкости, жидкость, об'ясняющая упругость по Декарту, теплород, «тяготительная» жидкость Ломоносова и др.).

---

[1]) Dirac, возражая в сущности против термина «волновая механика», пишет, что эта аналогия может приводить к серьезным недоразумениям, ибо суперпозиция, имеющая место в квантовой механике, глубоко отлична от той суперпозиции, которая встречается в классической теории: «Если наложить состояние колеблющейся мембраны на то же самое состояние, то результатом такого наложения будет новое состояние с удвоенной против прежнего амплитудой. Если же, с другой стороны, состояние атомной системы налагается само на себя по правилам квантовой механики, то результирующее состояние ничем не будет отличаться от первоначального».

Ведь какой бы чудовищный эфир ни придумывали, он всегда оказывался в сущности комбинацией свойств тел твердых, жидких и газообразных и т. д. и т. п. [1]).

Но когда изучение новой формы движущейся материи заходит достаточно далеко, то те аналогии, которые раньше помогали ориентироваться и двигать дальше процесс изучения, становятся часто тормозом для дальнейшего развития, и сквозь лес взаимоисключающих аналогий вырисовывается, что в сущности мы имеем дело с принципиально новыми вещами, которые не могут быть сведены к уже известным нам «основным законам», положениям, «аксиомам».

Гносеологические выводы из соотношения неточностей

Несмотря на огромный исторический опыт, настойчиво указывающий на развитие физических понятий, идея развития с большим сопротивлением завоевывает свое законное место в физическом мировоззрении.

Правда, прошел тот период естествознания, когда «за природой отрицалось всякое изменение, всякое развитие», когда «в противоположность истории человечества, развивающейся во времени, истории природы приписывалось только возникновение в пространстве» [2]), но до сих пор буржуазные физики не могут допустить идеи развития как методологический принцип в применении к основным физическим понятиям, категориям.

Ведь идеал многих физиков на протяжении многих лет — создание логически законченной, внутренне непротиворечивой физической системы. Часто идеалом физика является такое разрешение проблемы, когда, исходя из какого-либо принципа или наименьшего числа простых принципов, удалось бы получить «все» законы природы, об'яснить «раз навсегда» все явления. И раз найден такой исходный принцип, то все остальное должно, естественно, вытекать из него, остальное — лишь вопрос времени.

История физики знает немало таких метафизических принципов, на которые возлагались подобные надежды. Достаточно вспомнить возведение Лапласом в абсолют механики Ньютона, его всезнающий разум, который, зная точно импульсы и положения всех частиц в мире, к некоторому моменту мог бы предсказать как будущее, так и «вычислить» прошлое мира; или на данном этапе постановку Эйнштейном задачи единой теории поля—попытка, другими словами (упрощая несколько вопрос), найти такое пространство, свойствами которого можно было бы об'яснить как гравитационные, так и электромагнитные явления и свести все дискретное (например квантовую механику) к непрерывному.

После того как принципы установлены, начинается будничная работа: об'яснить все, исходя из этих принципов. Многое удается. В общем здании науки остается доделать какие-то «детали». Носятся в воздухе и высказываются утверждения, что все явления «крупного» порядка об'яснены и найдены, остались какие-то мелочи: они еще не осмыслены до конца, не всегда ясны, но есть надежда и т. д.

С течением времени из этих мелочей вырастают «проблемы», вводятся поправки, и наконец из мелочей сколачивается гроб метафизическому идеалу данного момента — построить законченную физическую систему.

Метафизически мыслящий физик принимает этот период как стихийное бедствие: «устои рушатся», казалось, вечные принципы изгоняются, колеблется «весь научный фундамент», и вместо того чтобы обратиться к истории

---

[1]) Эфир Эйнштейна стоит несколько особо.

[2]) Энгельс, Диалектика природы.

развития физики, учесть его опыт, часто начинается не пересмотр метафизически застывших физических понятий, определений, а ревизия познавательной способности человека, устанавливаются «мировые загадки», «границы познания», даже сомнения в возможности научного мышления вообще, открывается дорога вере, религии, мистицизму.

Вот краткая историческая справка.

В конце прошлого столетия так подводились итоги науки: «Подведя итоги этому удивительно полному и точно проверенному и, как казалось, всеохватывающему ряду законов и принципов, об'яснявших как будто бы все физические явления, оратор (В. Томсон) пришел к возможности такого вывода, что все великие открытия в физике уже сделаны и что дальнейший процесс будет состоять не в открытии качественно новых явлений, а скорее в более точном количественном измерении уже известных явлений» [1]).

Вот как Планк передает мнение другого ученого того же времени: «Конечно, в том или ином уголке можно еще заметить или удалить пылинку или пузырек, но система, как целое, стоит довольно прочно, и теоретическая физика заметно приближается к той степени совершенства, какою уже столетия обладает геометрия» [2]).

Это было перед открытием рентгеновских лучей, радиоактивности, электронов, электромагнитной массы.

А не больше чем через десятилетие Пуанкаре писал о «всеобщем разгроме принципов», о «руинах» старых принципов.

Пережив большую революцию в основных физических представлениях в связи с принципом относительности, многие физики и математики опять вышли с лозунгом аксиоматизации физики.

«Мы видим, что не только наши представления о пространстве и времени и движении меняются коренным образом по теории Эйнштейна, но я убежден также, что основные уравнения ее дадут возможность проникнуть в самые сокровенные процессы, происходящие внутри атома, и что особенно важно, станет осуществимым привести все физические постоянные к математическим константам, а это в свою очередь показывает, что приближается возможность сделать из физики науку такого рода, как и геометрию; это будет лучшим венцом для такой аксиоматической методы, которая в рассматриваемых здесь вопросах пользуется столь мощными орудиями анализа, как вариационное исчисление и теория инвариантов» [3]).

Или то же самое в книге Фридмана и Фредерикса:

«Третий период (в развитии человеческой мысли. — *Авторы*) есть период создания аксиоматизации знания, период, который можно охарактеризовать как время старческого скепсиса» [4]).

И там же:

«Нам, к счастью, не дано видеть будущего, и мы не знаем, явится ли эпоха, эпоха аксиоматизации, эпоха скепсиса предсмертными часами знания... Но если бы это даже было так, то и тогда логическая красота конца заставила бы нас приветствовать появление принципа относительности».

А через пять лет опять теряется «устойчивость». Вот что пишет Хвольсон: «Строя на основании мира ощущений второй мир провизорный, мы рассчитывали приблизиться к третьему реальному миру.

---

[1]) Милликен, Эволюция основных понятий современной физики.
[2]) М. Планк, От относительного к абсолютному.
[3]) D. Hilbert, Die Grundlagen der Physik.
[4]) Фредерикс и Фридман, Основы теории относительности, вып. I. Тензориальное исчисление.

Мы надеялись при этом перебраться от чего-то колеблющегося к чему-то устойчивому, от переменного к постоянному, но откуда мы могли знать, что это нам удастся и какими путями...

Так, примерно, рассуждают ныне многие ученые, как физики, так и философы» [1]).

А сейчас, по мнению многих, Дираком уже начата аксиоматизация новой квантовой механики.

Мы совсем не против нахождения в физике существующих связей между различными явлениями, не против четких формулировок физических понятий на каждом данном этапе развития физики, мы тоже за тщательную, кропотливую работу, приводящую физику в «порядок», «очищающую ее от исторических случайностей».

Но мы против абсолютизирования этих частных физических понятий на все времена, ибо установление основных физических принципов в каждую эпоху — это в то же время установление именно тех принципов, на которые впредь должно быть обращено в первую очередь критическое внимание с возникновением новых фактов, не укладывающихся в данную физическую систему, построенную на этих принципах. Возведение в абсолют данных физических понятий, как показывает история физики,—это тормоз для дальнейшего развития науки и источник многих «идеалистических шатаний» [2]).

Вот иллюстрация сказанного на примере новой квантовой механики.

Дирак проделал очень большую работу над систематическим изложением современной нам квантовой механики и по существу сделал первую попытку ее аксиоматизации.

Дирак по историческому обычаю также делает попытку частные физические принципы, принципы квантовой механики в ее современном виде возвести в абсолют.

А так как квантовая механика в ее настоящем виде, как выясняет Дирак, дает возможность лишь вычислить результат предполагаемого эксперимента, а «не удовлетворительное описание всего хода явлений» (Дирак), то эти принципы квантовой механики, возведенные в абсолют, заставляют его таким образом формулировать цель теоретической физики вообще: «Единственная цель теоретической физики состоит в вычислении результатов, которые могут быть сравнены с опытом, и вовсе нет необходимости в удовлетворительном описании всего хода явлений» [3]). И там же:

«Всякое описание того, что происходит с фотоном в течение опыта, будет просто мнемоническим правилом для запоминания окончательного результата опыта.

Описание, которое нам позволяет дать квантовая механика, есть только способ выражения, полезный для вывода и для держания в памяти результатов опыта и никогда не приводящий к неверным следствиям» [4]).

То-есть на новом этапе, на новой базе повторяется старая методологическая ошибка. Ведь на основании той же ньютоновской механики формулировалась, например Гельмгольцем, на все времена опять же «единственная задача теоретической физики».

«Конечная цель естественных наук заключается в нахождении и изучении движений, лежащих в основе всех изменений, а также причин, вызывающих эти движения, т. е. в сведении к механике» [5]).

---

[1]) Хвольсон, Физика наших дней, стр. 330.
[2]) Об опасности впасть в философский релятивизм см. страницей ниже.
[3]) Dirac, Die Prinzipien der Quantenmechanik, стр. 4—6.
[4]) Там же.
[5]) Гельмгольц, Закон сохранения силы.

подходим к природе». Это — махизм. Ради «удобства» практики он сохраняет каузальность (причинность) для макроскопических явлений: «Для практики мы конечно будем сохранять каузальность, так как она дает правильные результаты» [1]). Но ради «удобства» и «целесообразности» квантовой механики, ради исключения из ее противоречий он принцип причинности отрицает для микрокосмоса, считая, что явления в нем подчиняются статистическим законам, в основе которых якобы лежит беспричинность. «...Было бы непростительным логическим кругом, если бы мы считали, что макроскопическая каузальность должна заставлять нас позади статистических законов принимать и постулировать абсолютно каузальную детерминированность» [2]). При этом интересно отметить, что макроскопическая причинность Шредингером трактуется как средний статистический результат беспричинности в микрокосмосе. Мы здесь имеем постановку вопроса, как раз противоположную той, которую имели в классике. Там считалось, что статистическая закономерность может быть сведена к динамической. Здесь в основе динамической закономерности лежит статистическая. Более того, каузальность «сводится» к беспричинности.

Мы видели, что большинство руководящих физиков стало на путь идеалистического отрицания причинности. И только немногие из буржуазных физиков борются за материализм в этом вопросе, правда за ограниченную механистическую его форму. Но они в этом вопросе делают уступки махизму. Примером является Планк. Он уступает Шредингеру в его утверждении, что причинность не обладает об'ективностью закона природы, что вопрос о ненарушимости принципа причинности есть вопрос о целесообразности. В ответ на слова Шредингера: «Один из самых жгучих вопросов, которые занимают нас теперь... это вопрос о целесообразности ненарушимости постулата причинности», Планк говорит: «Прежде всего я вполне соглашаюсь с вами, что этот вопрос в сущности есть вопрос о целесообразности». К числу причин, что ряд физиков занял идеалистические позиции в рассматриваемой нами проблеме, несомненно принадлежит обострение кризиса, который переживает капитализм в настоящий момент, а также незнание диалектики.

Тов. Ленин выдвинул как важнейшую задачу марксистов-естественников задачу переработки тех завоеваний в области естествознания, которые делаются буржуазными учеными. Он неоднократно подчеркивал, что задача заключается в умении «вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов» [3]). Однако эта задача в основном еще до сих пор не выполнена.

Таково же положение и с критическим отношением к рассматриваемой нами проблеме.

Некоторые из марксистов отвергают «соотношение неточностей» только на том основании, что из него буржуазные физики делают идеалистические выводы (отрицают принцип причинности). Правда, эти выводы, делаемые буржуазными физиками из теории, являются сигналом о каком-то неблагополучии в ней. Но одних этих выводов безусловно недостаточно для отбрасывания теории. Анализ ее конкретного содержания должен вскрыть конкретные недостатки ее предпосылок.

Ряд товарищей обнаруживает упрощенческий подход к вопросу, незнание науки, физическую безграмотность, изучение предмета заменяет «прожектерством», бесплодными рассуждениями «вообще».

---

[1]) «Die Naturwissenschaften», № 1 за 1929 г.
[2]) Там же.
[3]) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм.

Тов. Сталин в своей речи «Новая обстановка, новые задачи хозяйственного строительства» указал как на одну из важнейших задач, стоящих перед хозяйственниками в новых условиях, на задачу научиться руководить по-новому. Он говорил: «Для этого требуется далее, чтобы наши хозяйственные руководители руководили предприятиями не «вообще», не «с воздуха», а конкретно, предметно (разрядка наша. — *Авторы*), чтобы они подходили к каждому вопросу не с точки зрения общей болтовни, а строго деловым образом, чтобы они не ограничивались... общими фразами и лозунгами, а входили в технику дела, вникали в детали дела (разрядка наша. — *Авторы*), вникали в «мелочи», ибо из «мелочей» строятся теперь великие дела» [1]).

Критика т. Сталина отрицательных «методов» работы «вообще», практиковавшихся и практикуемых иногда еще и сейчас хозяйственниками, правильно характеризует подход некоторых марксистов к современным физическим теориям. Задача марксистов-естественников заключается в том, чтобы всю свою работу перестроить на основе лозунга т. Сталина об овладении наукой, в том, чтобы по-настоящему, всерьез взяться за переработку физики на основе диалектического материализма. Важнейшим условием для решения этих задач является борьба со всякими искажениями марксизма-ленинизма.

Теперь необходимо в нескольких словах пробежать снова по статье, связать наши выводы с тем, что говорилось вначале.

Таким образом кризис физики и на этом этапе в сущности опять связан с проблемой материи, но уже на новой основе. Если раньше тот этап кризиса, о котором писал Ленин, был связан с атомом вещества, то настоящий — с электроном и, если можно так сказать, с атомом действия. Итак, физика собирается в поход за пределы электрона.

* * *

Оживляя в памяти высказывания буржуазных физиков, мы еще раз отмечаем их своеобразную направленность.

Почти все физики связывают соотношения неточностей с критикой именно тех категорий теоретико-познавательного характера, под знаменем которых до сих пор фактически развивалось познание об'ективного мира.

И ни один из физиков в сущности в развернутом виде [2]) не рассматривает вопроса с точки зрения изменения именно самих физических категорий, так глубоко свойственного об'ективному ходу развития физики.

В заключение авторы выражают благодарность т. Б. М. Гессену за систематическую помощь в работе и т. А. А. Максимову за ряд ценных указаний.

---

[1]) «Техника», стр. 15.

[2]) Правда, очень четко сформулированы некоторые вопросы в книге Фока, но предполагая, что всякая физическая величина может быть измерена мгновенно (как это формулируется Фоком), предполагая, что «имеет смысл говорить о ее значении и в определенный момент», очень трудно возражать против слова «ignorabimus» в трактовке соотношения неточностей.

. Неприменимость к электрону понятия «импульса в точке», например импульса, отнесенного к мгновению, дает оружие против «ignorabimus».

Как показал Энгельс, а в особенности Ленин [1]), эта сторона развития физики теснейшим образом связана с постановкой вопроса об относительной и абсолютной истине, что в свою очередь теснейшим образом связано с центральным вопросом философии — с пониманием взаимоотношения суб'екта и об'екта.

Это один из пунктов, на котором «свихнулся» метафизический материализм.

«Главный недостаток всего предшествующего материализма до фейербаховского включительно заключается в том, что предмет, действительность, чувственность рассматриваются только в форме об'екта или в форме созерцания, а не как чувственно-человеческая деятельность, не в форме практики, не суб'ективно. Поэтому действенная сторона в противоположность материализму развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как последний, естественно, не знает действительной чувственной деятельности, как таковой» [2]).

Рассматривая предмет, действительность лишь только в форме об'екта, игнорируя «чувственно-человеческую деятельность», суб'ективную сторону взаимодействия суб'екта и об'екта, игнорируя человеческую практику как исторический процесс, уточняющий на каждом этапе наше знание об об'ективном мире, игнорируя человеческую практику как критерий истины, метафизический материализм понятно видит твердую опору в физике лишь в нахождении неизменных физических неисторических, вечных истин, некритически возводя многие физические категории в «вечные истины».

Но когда развитием физики подрывается вечность некоторых истин, метафизический материалист заходит в тупик или, не умея правильно поставить и разрешить вопрос об относительной и абсолютной истине, не видя в развитии нашего знания движения «от относительного к абсолютному», не видя того, что отрицание сплошь и рядом «фундаментальных принципов» развитием физики не есть голое отрицание всего прошлого этапа развития знания, а его органический рост, не видя того, что наше знание все точнее и точнее начинает отображать об'ективный мир, порукой чему является все возрастающая способность человечества активно вмешиваться и изменять этот мир, метафизический материалист не имеет возможности со своих позиций последовательно противостоять идеализму. Идеализм выступает часто очень решительно против традиций и вместе с критикой старых физических понятий об'являет поход против материализма.

«Отрицая абсолютный характер важнейших и основных законов, они скатывались к отрицанию всякой об'ективной закономерности в природе, к об'явлению закона природы пустой условностью, «ограничением ожидания», «логической необходимостью» и т. п. Настаивая на приблизительном, относительном характере наших знаний, они скатывались к отрицанию независимого от познания об'екта, приблизительно верно, относительно правильно отражаемого этим познанием» [3]).

Таким образом проблема опять сводится к основному вопросу—суб'ект и об'ект, опять неправильно трактуется их взаимоотношение, но теперь идеализмом «раздувается гиперболически» одна суб'ективная сторона этого

---

[1]) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Энгельс, Анти-Дюринг.
[2]) Маркс, Тезисы о Фейербахе.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, изд. 3-е, стр. 214. Энгельс, Анти-Дюринг, глава IX, «Нравственность и право, вечные истины».

взаимоотношения, извращается совершенно характер развития нашего знания «от относительного к абсолютному».

«Этот вопрос о соотношении релятивизма и диалектики едва ли не самый важный в об'яснении теоретических злоключений махизма» [1]).

Ведь под знаменем махизма выступает в основном идеализм в современной физике.

В согласии с большинством физиков Нильс Бор [2]) например считает, что «следствием постулата (квантового. — *Авторы)* является отказ от причинного, пространственно-временного описания или координации атомных феноменов». Мизес [3]) рассматривает причинность как понятие донаучного мышления. «Оказывается, что неизбежно приходится сдать еще одну излюбленную позицию, имеющую свои корни в практической жизни в донаучном мышлении и вознесенную угодливыми философами на недосягаемую высоту вечных логических категорий: наивное понятие причинности». Защиту принципа причинности этот автор называет упрямством, правда психологически понятным. «С известным, психологически понятным, упрямством и теперь еще сопротивляются против отказа от глубоко укоренившейся мыслительной традиции, связанной с так называемым законом причинности» [4]). То же самое по существу утверждает Иордан [5]). «Когда современная теория отказалась от идеи причинности, то она стала ближе соответствовать своей задаче—описывать современное состояние наших знаний.

Действительно, можно развить последовательную и без пробелов замкнутую в себе физическую систему понятий, в которой принцип причинности не имеет места. Такую систему мы имеем в современной квантовой механике». Гааз считает, что «причинность с точки зрения квантовой механики нужно отрицать для элементарных процессов физики» [6]).

Крайнюю позицию в вопросе о причинности занимает Гейзенберг [7]), утверждая, что природа «делает свободный выбор» в элементарных процессах.

Дирак же например в своей книге [8]) пишет, что прогресс физики «состоит в том, что наши уравнения становятся инвариантами по отношению к все более широким классам преобразования. Такое положение вещей... указывает... также и на признание о т с у т с т в и я п р о и з в о л а в п р и р о д е» (разрядка наша. — *Авторы*).

Мысль о свободе выбора в микрокосмосе выражает Джинс, говоря: «По-видимому, смертельная безысходность цепи, связывающей причину со следствием, исчезла, и мы стоим перед возможностью свободы, о которой мы не имели до сих пор понятия».

Существенно отметить, что при этом эти физики смотрят на причинность идеалистически как на суб'ективную категорию, а не как на об'ективную закономерность природы. Бор рассматривает ее как форму описания явлений, Мизес — как понятие, Иордан — как идею, Шредингер — как установку нашего мышления. В своей статье «Was ist Naturgesetz» он пишет, что когда говорят о причинности, то «речь идет не о решении о действительном строении природы, как она выступает перед нами, но о целесообразности или удобстве той или иной установки нашего мышления, с какой мы

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 252.
[2]) Нильс Бор, Квантовый постулат и новое развитие атомистики, русск. пер., «УФН», т. VIII, вып. III, стр. 307.
[3]) Мизес, Вероятность и статистика, стр. 235.
[4]) Там же, стр. 236.
[5]) Статья в «УФН», т. VIII, 1927 г.
[6]) Гааз, Волны материи и квантовая механика, стр. 115.
[7]) См. дискуссию на V сольвейевском конгрессе о причинности и вероятности.
[8]) «Die Prinzipien der Quantenmechanik», Leipzig, 1930 г.

конца использовать Богданова как политического единомышленника в борьбе против меньшевиков. «Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым, как большевики, и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции и дал нам возможность совместно провести в революции ту тактику революционной социал-демократии (большевизма), которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной» (Лен. сб. I, стр. 91).

Ленин, глубже, чем кто-либо, понимая связь и взаимоотношение философии и политики, решает этот важнейший вопрос, исходя из коренных задач рабочего класса, именно — подчиняя вопросы философии политике партии. Ленин все время сознавал неизбежность открытой и жестокой схватки с некоторыми большевиками (Богданов, Базаров) по вопросам философии и систематически вел эту борьбу. Но до тех пор, пока из своих ревизионистских философских взглядов Богданов и др. не делали политических выводов, он, Ленин, считал возможным в вопросах политики итти до поры до времени вместе с ними. В то время когда уже открытая драка стала совершенно неизбежной, Ленин писал: «Мы должны подраться из-за философии так, чтобы «Пролетарий» и большевики, как фракция партии не были этим задеты. И это вполне возможно» (Лен. сб. I, стр. 94). Это не точка зрения золотой середины, это не позиция нейтралитета в вопросах философии, это не непартийность философии. Наоборот, это глубочайшее проведение принципа партийности философии. «Бой абсолютно неизбежен— пишет Ленин, — и партийные люди должны направить свои усилия не на то, чтобы замазывать или откладывать, или увертываться, а на то, чтобы практически необходимая партийная работа не пострадала... Как это сделать? «Нейтральностью? Нет. Нейтральности в таком вопросе быть не может и не будет» (там же, стр. 98). «Вы должны понять, — пишет Ленин Горькому, — и поймете, конечно, что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и вреде известной проповеди, то он обязан выступить против нее» (там же, стр. 97).

Здесь Ленин показал классический образец диалектического применения принципа единства политики и философии, именно—подчинения философии политике, вместе с тем философски обосновывая свою политику. Большевистская партийность философии, проведенная до конца, непримиримость и воинственность в борьбе за чистоту революционной теории марксизма для Ленина не некая абстракция, голый принцип, а насущная задача революционной практики, «чтобы практически необходимая работа не страдала».

Когда же эмпириокритицизм, эта суб'ективно идеалистическая философия Богданова и др., стал переноситься на политику, стала «страдать» «практически необходимая партийная работа», когда она стала служить делу политического ревизионизма, — здесь уже разговор другой: философская драка становится непосредственной политической борьбой.

Когда Богданов, Луначарский и другие организовали на Капри свою философскую школу, Ленин прямо заявил, что это—организация новой политической фракции, и со всей решительностью выступил против этой школы, против ее установок и ее организаторов и руководителей.

Отзовизм и ультиматизм — это ликвидаторство слева, это бегство из революционных рядов пролетариата и предательство его интересов, возникшее в условиях жестокой реакции после революции 1905 г.; политика отказа от самостоятельной революционной стратегии и тактики пролетариата в определенных конкретных исторических условиях, своей теоретической, гносеологической основой имело философию махизма — эмпириокритицизм.

Не случайно же все, впавшие в отчаяние, растерявшиеся и растерявшие все и вся в области стратегии и тактики большевизма в годы реакции — Богданов, Базаров, Луначарский и др., — всю теоретическую премудрость этой растерянности черпали из идеалистического арсенала махизма.

В свете обстановки эпохи реакции 1908 — 1911 гг., в свете политической и теоретической борьбы различных партий и групп внутри большевистской партии необходимо посмотреть на документ, печатаемый ниже, — письмо Л. Б. Каменева к А. А. Богданову.

Письмо с исключительной яркостью характеризует раздвоенность, политическую неустойчивость и шараханье в сторону махизма в области философии.

Л. Б. Каменев в своем роде характерная фигура. Почти на каждом крутом переломе истории классовой борьбы, когда поражения или трудности требуют новых жертв, больших напряжений для их преодоления, когда требуется перейти к новым методам работы, к новым методам борьбы с врагом, — почти неизменно на этих этапах он выступает как сила колебания, неустойчивости, доходящей до дезертирства из революционных рядов пролетариата.

В 1907 г. при выборах во II государственную думу партия большевиков стала перестраиваться на новые методы борьбы в соответствии с исходом революции 1905 г. Каменев задерживается на старых методах работы, стоя на позициях бойкота выборов. В 1908 г. в разгар борьбы с отзовизмом, ультиматизмом и бойкотизмом (это ликвидаторы слева) Каменев пишет организатору антибольшевистской фракции А. Богданову, что он, Каменев, его (Богданова) «политический и идейный единомышленник уже ангажировавший печатно и в области философии и в области политики бойкота и еще нигде печатно или на действиях не взявшему своих слов обратно».

Эта позиция Каменева есть не что иное, как предательство по отношению к Ленину. На словах он—Каменев—поддерживает кое-как Ленина в борьбе с Богдановым и в то же время пишет письмо Богданову с заверением что он его (Богданова) политический единомышленник, т. е. согласен с ним (с Богдановым) в его борьбе против Ленина.

В 1905 и 1908 гг. он выступает, как об этом он сам пишет, сторонником «новой философии». «Еще в 1905 г. я, хорошо ли, дурно ли, высказался за революционно-пролетарский характер философии в марксизме, подразумевая под «новой философией» именно ту струю в ней, представителем которой являетесь вы. Это я высказал печатно и на сем пункте продолжаю стоять и теперь и готов его всегда и всячески отстаивать». Это письмо написано Каменевым в самый жестокий разгар борьбы Ленина с махизмом, оно написано после дискуссии с Богдановым и Луначарским в Женеве в 1908 г., где по тезисам Ленина «десять вопросов референту» выступал Иннокентий (Дубровинский) уже после того, как был написан Лениным «Материализм и эмпириокритицизм» (предисловие Ленина помечено сентябрем 1908 г.). Надо полагать на этом основании, сколь серьезно Каменев был сторонником махизма, заявляя, что он «на сем пункте продолжает стоять и теперь и готов его всегда и всячески отстаивать». Он готов был всячески отстаивать реакционную философию, философский идеализм худшего толка, доходящую до прямой поповщины.

Л. Каменев, Томский и Рыков в эти годы занимали общую политическую позицию. При обсуждении вопроса об отзовизме и богостроительстве на расширенной редакции «Пролетария» от 23/VI 1909 г. Каменев, Рыков и Томский колебались по ряду пунктов, а Томский занимал откровенно примиренческую позицию.

Предисловие к письму Л. Б. Каменева—А. А. Богданову*

П. Юдин

Полоса жестокой реакции, наступившая после революции 1905 г., тяжело отразилась на состоянии рабочего движения России 1908—1911 гг. На головы революционных организаций пролетариата обрушились все силы старого мира, на-смерть перепуганные революцией 1905 г. Под натиском сил реакции колеблющиеся элементы среди революционных организаций рабочего класса растерялись, потеряли перспективу, потеряли веру в силу рабочего класса.

Как это всегда бывает в пору высокого под'ема и успехов революционного движения пролетариата, когда рабочий класс штурмует и берет одну за другой крепости капитализма, к нему примыкают колеблющиеся мелкобуржуазные элементы и на время становятся попутчиками революции.

Но как только революция вступает в полосу неизбежных временных поражений, трудностей и вынужденных отступлений, попутчики революции, мелкобуржуазные революционеры, впадают в панику: одни идут на прямую и открытую капитуляцию перед врагом, другие эту же капитуляцию прикрывают псевдореволюционной фразеологией. Только Ленин и его партия на всех этапах истории революционной борьбы пролетариата, в годы подготовки и собирания сил рабочего класса, в годы под'ема и побед революции и в годы тяжелых поражений и трудностей неуклонно и последовательно отстаивали интересы пролетариата, ни на одну минуту ни в одном вопросе не отступая от намеченной цели.

В пору наибольшего разгула и свирепствования царской реакции, в феврале 1908 г., Ленин писал: «Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падает духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя и своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций. Именно поэтому она свободна и от слабых сторон буржуазных революций. И эта пролетарская партия идет к победе» (т. XII, стр. 126).

Разброд и растерянность, паника и нытье в годы реакции захватили и некоторую часть большевиков. И среди них находились люди, которые стали терять революционную перспективу, строго научное мировоззрение марксизма стали подправлять мистицизмом. А. В. Луначарский начинает проповедывать свою религию социализма. «Бог, — писал тогда Луначарский, —

---

* Письмо Л. Каменева А. Богданову и предисловие к нему Юдина предоставлены нам редакцией журнала «Пролетарская революция», где они печатаются в очередном (первом) номере. — Р е д.

человечество, цельное социалистическое человечество. Это единственное божество, что нам доступно. Этот бог не родился еще — строится только. А кто богостроители? Конечно сам пролетариат в первую голову, в тот исторический момент, который мы переживаем... Бог есть человечество грядущего, строй его вместе с человечеством настоящего, примыкая к передовым его элементам» (сб. «Литературный распад», № 2, 1909 г.). Или еще «Религия есть чувство связи индивида с высшим началом. Только в чрезвычайной мере оно выявляется в новой религии. С этой точки зрения научный социализм — самое религиозное из всех религий, и истинный демократ — самый глубоко религиозный человек» (журнал «Образование» № 10, 1909 г., статья Луначарского «Будущее религии»).

«С новым пониманием подходя к философии Маркса, взвешивая эмоциональный смысл ее, связь с мировоззрениями и оценками прошлого, я, в отличие от других товарищей, работающих над дальнейшим развитием первооснов философии Маркса, осмеливаюсь сказать, что философия эта есть философия религиозная, что она вытекает из религиозных исканий прошлого, оплодотворенная фактом экономического роста человечества, что она дает самое светлое, самое реальное, самое активное разрешение тем «проклятым вопросам» человеческого самосознания, которые иллюзорно разрешались старыми религиозными системами» (Луначарский, «Религия и социализм», т. II, стр. 326).

Философской основой идейных и политических шатаний среди социал-демократии был главным образом махизм. Главными представителями махизма из социал-демократов были А. А. Богданов, Базаров, Юшкевич и другие. Представители махизма были и среди меньшевиков и большевиков, однако меньшевики пытались приписать махизм целиком большевизму. Так например в № 20 «Neue Zeit» от 14 февраля 1908 г. к статье Богданова «Ernst Mach und die Revolution» было помещено предисловие, в котором писалось, что «в русской социал-демократии обнаруживается, к сожалению, сильная тенденция сделать то или иное отношение к Маху вопросом фракционного деления в партии. Очень серьезные тактические разногласия большевиков и меньшевиков обостряются спором по вопросу, совершенно, по нашему мнению, с этими разногласиями не связанному, именно—согласуется ли марксизм в теоретико-познавательном отношении с учением Спинозы и Гольбаха или Маха и Авенариуса?» По предложению Ленина в «Пролетарии» № 21, 26 апреля 1909 г. было напечатано заявление от редакции, где говорилось: «В действительности этот философский спор фракционным не является и, по мнению редакции, быть не должен; всякая попытка представить эти разногласия, как фракционные, ошибочна в корне. В среде той или другой фракции есть сторонники обоих философских направлений».

В «Голосе социал-демократа» в 1908 г. А. Деборин выступил со специальной статьей «Философия Маха и русская революция», где «ученно» доказывал, что большевизм, его тактика и политика целиком основаны на махизме.

На самом же деле только большевизм в лице Ленина провел до конца последовательную, решительную и глубоко принципиальную борьбу с махизмом. Историю отношения Ленина к махизму, в частности к махизму, подновленному якобы «марксизмом», к эмпириокритицизму А. Богданова с исчерпывающей ясностью изложил сам Ленин в письме М. Горькому от 25 февраля 1908 г. (см. Лен. сб. I, стр. 90—94).

Один из самых замечательных моментов истории борьбы Ленина с махизмом Богданова — это вопрос о взаимоотношении философии и политики. Подвергая глубокой и уничтожающей критике эмпириокритицизм, не уступая ни в одном принципиальном вопросе, последовательно отстаивая против Богданова философию марксизма, Ленин вместе с тем сумел до

тер новой философии в марксизме, подразумевая под «новой философией» именно ту струю в ней, представителем которой являлись Вы. Это я высказал печатно и на сем пункте продолжаю стоять и теперь и готов его всегда и всячески отстаивать.

С другой стороны я—единственный, насколько помнится, выступивший печатно с защитой бойкота (в июле 1907 г.) вижу теперь себя вынужденным признать точку зрения Ленина единственно политической линией. Я полагаю, он опять оказался на высоте положения политического вождя, призывая социал-демократию признать возможность и считаться с возможностью Столыпинского решения вопроса в России и призывая относиться к этой возможности, как полагается марксистам—об'ективистам, а не по Виллих-Шаперовски, т. е. не по-бунтарски, не по-отзовистски.

Меж тем для меня становится все яснее, что в Женеве сделано все, чтоб работа политическая была невозможна для философских противников. Кто это сделал? и как это сделалось? почему философские—серьезные и неизбежные—разногласия стали пунктами, вокруг которых стали группироваться разные политические линии — решить для меня трудно. Надо сказать, что информация у меня покуда односторонняя, ибо информация т. Ал(ексин)ского, к которому я обратился, пестрит такими характеристиками («хамство», дирижерская палочка, персонификация и пр. и пр.), которые для моего уха немножко слишком грубы, когда касаются тт., которых я знаю, как большевиков не со вчерашнего дня.

Это для меня свидетельствует, что, вероятно, с обеих сторон было сделано много излишних и вредных для единства фракции шагов. Возможно ли изжить последствия этих шагов внутри себя, не доводя дело до формального раскола? Очень хотелось бы верить в положительный ответ и для него работать. Но как?

Положение для меня, как видите, весьма гнусное. Но,—и тут я обращаюсь к Вашему письмецу ко мне—я не предполагал, что оно будет сделано для меня еще и двусмысленным. Вы пишете, что меня хотят «ассимилировать». Это быть может с «их» стороны нехорошо, но естественно: естествен борющейся группе расчет на прозелитизм. Но вскрывая их планы, Вы в то же время авансом и без приведения каких бы то ни было оснований выражают недоверие политическому и идейному единомышленнику (уже ангажировавшему печатно и в области философии и в области политики—бойкота и еще нигде печатно или на действиях не взявшему своих слов обратно *). Какова здесь цель и была ли цель здесь вообще — не знаю.

В Вашем письме ясно указание, что я, пожалуй, пойду на то, чтоб заменить в редакционной коллегии кандидата определенной группы без ее прямого уполномочия и, кроме того, группы, которая имела и имеет основания считать меня своим единомышленником. Где основания в моем политическом прошлом для подобных обвинений?

---

*) В письме к Богданову же от 26 ноября 1928 г., которое, повидимому, является первым вариантом публикуемого нами письма, автор продолжает так:

«По существу же дела, я, конечно, никогда бы не согласился заменить в коллегии кандидата определенной группы без прямого уполномочия этой группы. Но если, с одной стороны, мне будут ставить ультиматум: чтоб работать вместе политически, ты должен одобрить все шаги, предпринятые нами против наших философских противников, а с другой стороны — без всякого повода и авансом выражать недоверие, то, конечно, для меня в борьбе этих групп не остается другого выхода, кроме отстранения от этой борьбы».

Социальная демагогия церкви в связи с мировым экономическим кризисом

М. Шейнман

(О феодально-клерикальном социализме наших дней)

Мировой экономический кризис капитализма и связанное с ним резкое обострение классовых противоречий заставили еще больше, чем прежде, все организации буржуазии перестроиться таким образом, чтобы успешнее побороть растущую в массах ненависть к капитализму, чтобы отстоять капиталистический строй от угрожающей ему пролетарской революции. Одной из таких организаций, стоящей на-страже буржуазного общества, одной из опор этого общества является церковь. За последние годы наблюдается повсеместное (в буржуазных странах) усиление религиозной реакции, небывалое еще до сих пор сращение аппарата церкви с аппаратом буржуазного государства. Больше, чем когда-либо раньше, буржуазные государства укрепляют позиции религии и религиозных организаций (конкордаты, законы о богохульстве, денежные субсидии церкви, школа под контролем попов и т. д.). Буржуазия всемерно укрепляет церковь, так как в ее лице она имеет сильное, еще пользующееся влиянием в массах орудие борьбы против растущего революционного под'ема, против коммунизма и СССР. И действительно, церковные организации во всех странах сотрудничают с фашизмом, ведут широкую бешеную кампанию против коммунизма и СССР (вспомним «крестовый поход» 1930 г.), помогая буржуазии перекладывать тяжести кризиса на плечи трудящихся.

Но для того, чтобы лучше выполнить возлагаемые на нее задачи, церковь вынуждена перестроиться и маскироваться в «нейтральные», а иногда даже и в «революционные» наряды. Можно провести аналогию этой маскировки поповщины с национал-социализмом, который в демагогических целях также бросается антикапиталистическими фразами. И социал-фашизм перед лицом растущей в рабочем классе вражды к капитализму вынужден лепетать что-то невнятное о «национализации», об «обобществлении» крупной промышленности, чтобы удержать массы от перехода на сторону коммунизма. В тех же демагогических целях они позволяют себе даже нападки на капитализм. Такая маскировка за последние годы стала широко применяться и церковью. Смысл ее — обмануть массы, затемнить их классовое сознание и удержать их отход к коммунизму. Для церкви характерно то, что она маскируется в наряды феодального социализма и заимствует свои демагогические лозунги у осужденного ею же каких-нибудь несколько десятков лет тому назад христианского социализма.

Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» дают следующую характеристику феодального социализма:

Понятно теперь, почему Каменев (вместе с Рыковым и Богдановым) воздержался при голосовании проекта резолюции, признающего правильным помещение статьи («Не по дороге») против богостроительства, написанной самим же Каменевым.

Под давлением Ленина Каменев написал статью против Луначарского. Но когда лицом к лицу Каменев встал перед Богдановым и Лениным, он начал отказываться от своей статьи не голосуя за пункт, признающий правильным помещение этой статьи (см. протоколы ред. «Пролетария», «ПЗМ» № 9—10 за 1931 г.).

В письме к Богданову Каменев писал: «Положение для меня, как видите, весьма гнусное». Да, действительно, положение гнусное! — бороться против Ленина и не показывать виду, что ведешь эту борьбу!

Такова позиция Каменева в вопросах философских. А в вопросах политических? Он не знает, куда ему примкнуть: к отзовистам ли или к Ленину? Официально он с Лениным и в то же время уверяет Богданова, что он и философский и политический единомышленник его. В разгоревшейся борьбе с новой антибольшевистской фракцией он не знает, какую ему занять линию, и лучшим уделом для себя считает золотую середину, «ибо в поднявшейся склоке» я стою и надеюсь удержаться на «средней линии». Стараясь удержаться на «средней линии», Каменев по существу обвиняет Ленина в том, что он создал обстановку раскола: «меж тем для меня становится все яснее, что в Женеве сделано все, чтобы работа политическая была невозможна для философских противников». Известно, что Женева тогда была политическим центром большевиков. Видите ли, Каменеву «трудно решить», кто виноват в том, что философские разногласия «стали пунктами, вокруг которых стали группироваться разные политические линии».

Каменев всю «вину» за ревизионизм ликвидаторов «слева», отзовистов и ультиматистов сваливает на Ленина: «в Женеве сделано все, чтоб работа политическая была невозможна».

В 1910 г., когда шла борьба с Троцким, он вместе с Рыковым занимает примиренческую позицию.

В 1917 г. в самый ответственный момент — взятия власти пролетариатом в Октябрьскую революцию — Каменев вместе с Зиновьевым дезертирует из революционных рядов большевистской партии.

Ну, а последующая история «колебаний» Каменева — блок с Троцким, борьба против линии партии в момент, когда требовалось величайшее напряжение сил, чтобы отстоять линию партии в борьбе против контрреволюционного троцкизма!

Когда правые оппортунисты во-всю развернули свою антипартийную борьбу, призывали капитулировать перед кулачеством, Каменев вместе с Зиновьевым опять заключают блок с Бухариным.

Партия, разбившая наголову все антипартийные уклоны с их теориями и теорийками, успешно строя социализм, на деле, на практике доказывая великую силу и правоту учения марксизма-ленинизма, беспощадно сметает со своего пути все контрреволюционные белогвардейские элементы, пытающиеся тормозить победное шествие социализма.

Контрреволюционная белогвардейская организация Рютина, Иванова, Галкина и др. собрала в себе все, что имелось и имеется гнусного и предательского по отношению к рабочему классу у всех оппозиций и прямых врагов, и преподнесла это в виде «своей» программы. Их программа — прямая капитуляция перед кулачеством и международной реакцией буржуазии. Эта организация—предел, куда неизбежно ведет логика борьбы против партии, строящей социализм. Средины нет и не может быть. Или с социализмом или с его врагами. Рютин и другие пошли с врагами социализма и сами стали

в ряды врагов рабочего класса. Каменев и Зиновьев и на этот раз решили занять «срединную линию» между партией и ее врагами, а на деле это означает итти вместе с врагами рабочего класса.

История повторяется. И на этот раз контрреволюционная организация свою махровую реставраторско-капиталистическую программу попыталась увязать с «философией» и «философски» ее обосновать. На сей раз эту роль постарался выполнить Я. Э. Стэн — «левацкий» идеолог, меньшевиствующий идеалист. На примере Стэна характерно иллюстрируется, как меньшевиствующий идеализм (группы Деборина, Стэна, Карева) неизбежно ведет в лагерь врагов революции. Партия, осудившая философские взгляды Стэна, Карева, квалифицируя их как проповедь идеализма меньшевистского толка, исключительно глубоко вскрыла теоретическую и политическую сущность идеологических процессов, происходящих в нашей стране. Меньшевиствующий идеализм Стэна, претворившийся в практике, есть прямой меньшевизм, прямая белогвардейщина, раскрывшая свою «внутреннюю» сущность в группе Рютина и других.

Мировоззрение нашей партии, ее философия—диалектический материализм Маркса, Энгельса, Ленина — от начала до конца строго и единственно научное мировоззрение. Каждый шаг политики и стратегии нашей партии имеет глубокое философское обоснование. Философия же нашей партии находится в теснейшей и ненаразрывной связи со всей практикой борьбы рабочего класса.

Вот почему Ленин и Сталин с такой решительностью и непримиримостью ведут борьбу с малейшими попытками ревизии теоретических основ марксизма.

Марксизм всесилен, писал Ленин, ибо это единственно правильное учение, подтвержденное всей историей борьбы рабочего класса. Марксизм-ленинизм всесилен и непобедим, ибо это подтверждено величайшим опытом победы социализма в течение 15 лет пролетарской диктатуры.

Письмо Богданову

Л. Каменев

28 ноября 1908 г. (Женева).

Дорогой товарищ!

Третьего дня, получив Ваше письмецо от т. Ал(ексинского), я известил Вас об этом открыткой. Теперь, пользуясь несколькими свободными минутами, хочу сообщить Вам первые впечатления мои в Женеве. Полагаю, что это будет Вам, не безынтересно, ибо в поднявшейся «склоке» я стою и надеюсь удержаться на «средней линии». По поводу этой линии я уж получил от ярых вояк указание, что примиренчество ни к чему не приводит. Некоторые из этих тт. могли говорить, ссылаясь на собственный опыт. Но этот опыт, полагаю, не обязателен для всех времен и обстоятельств и, мне кажется, что как обязательна была для меня борьба с примиренчеством в 1904 г., настолько же обязательно примиренчество сейчас.

Впрочем по поводу самой «склоки», моего отношения к ней и возможной для меня позиции я собираюсь писать Вам специально, когда несколько больше ознакомлюсь с ходом женевских историй. Но Вы поймете, что для меня положение сложнее, чем для кого-либо другого. Еще в 1905 г. я, хорошо ли дурно ли, высказался за революционно-пролетарский харак-

социалистов, от которых она в свое время отмежевывалась и сейчас отмежевывается.

Современный христианский социализм есть детище империализма и потому по своей форме он несколько отличается от христианского социализма середины XIX в. Тогда критика «неустройства» капитализма была тоже демагогической, но по форме иногда резкой. Тогда христианский социализм был еще способен «поражать» буржуазию «горьким, остроумным и едким суждением» (Маркс). Современный христианский социализм не смеет громко говорить и в своей критической части напоминает старческое брюзжание хорошо вышколенного, преданного своему барину лакея. Он очень осторожен, он боится слишком «резко» выразиться, а главное он боится, что его критика тех или иных вопиющих противоречий капитализма может быть всерьез воспринята массами.

Об'ясняется это тем, что в середине XIX в., когда еще не было организованного массового рабочего движения, и буржуазное общество чувствовало себя достаточно крепким, можно было себе позволить более резкую критику недостаков и противоречий общественного устройства. Ныне почва очень накалена, и критика капитализма очень хорошо воспринимается миллионами трудящихся, а буржуазия далеко не так прочно себя чувствует, чтобы позволить своей служанке — церкви — бросать в массы, хотя бы и в целях защиты капитализма, резкую критику существующего строя.

Реальная угроза пролетарской революции не дает смелости и феодальному лагерю (а католическая церковь больше, чем другие церкви, отражает интересы и настроения также и этого лагеря) критиковать буржуазное общество, с которым этот лагерь связан тысячами нитей.

Еще одно характерно для современного клерикального социализма: если Ламеннэ например (а он—виднейший представитель христианского социализма) был отлучен от церкви, а его писания запрещены ею, то в настоящее время если не по форме, то по существу папа и другие церковные иерархи в своих энцикликах буквально списывают все у Ламеннэ и др.

Христианский социализм неоднороден. Одним своим крылом, «левым», он смыкается с социал-фашизмом и организационно входит в ряды партий II интернационала, другим — с оголтелым фашизмом. К этому последнему лагерю принадлежит (наряду с другими) католическое его течение, которое мы в настоящей статье и рассмотрим.

Антикапиталистическая демагогия церкви

В сентябре 1930 г. было опубликовано заявление пражского архиепископа Кордача о серьезности современного положения и о том, что если не будут приняты экстренные меры, то «весь мир будет охвачен пламенем революции».

«Горе нациям, государственные мужи которых хотя и видят угрозу, но не уделяют ей достаточного внимания. Наше время созрело для мировой революции. И если правители и капиталисты не станут следовать законам христианства, весь мир будет потоплен красным океаном огня»—заявил Кордач.

Что привело общество к этому положению? Епископ Кордач отвечает на этот вопрос:

— Банки и биржи — вот источник зла.

Буржуазная «Прагер тагеблатт», об'явившая, что выступление Кордача можно сравнить только с выступлением Лютера против католицизма, 18/XI 1930 г. публикует содержание второго интервью этого епископа. В нем Кордач вновь обрушивается на банки, биржи, проценты и на финансистов и «господство мамонизма» и заявляет: «разве не ужасно, что

президент Американского банка получает ежегодно 300 тысяч долларов жалованья?» Создатель людей, продолжает он дальше, обеспечил всем минимум средств существования. Теперь же оказывается, что рабочий не может даже «в поте лица добывать хлеб свой», и все выгоды современного промышленного развития использует маленькая кучка. Рабочий не хочет милостыни, он хочет работы. Теперешнее положение «противоречит священному писанию». «Необходимо притти к какому-нибудь уравнению, и это уравнение должно иметь нравственную основу».

Одновременно с этим выступлением пражского епископа в целом ряде документов, обращений и посланий высших иерархов церкви разных стран (почти исключительно католической) стали проскальзывать нотки подобной критики капитализма.

Так, берлинский епископ Шрейбер в послании к верующим («Религия и жизнь», 25/I 1931 г.) пишет, что клевещут на церковь те, кто приписывает ей связь с капитализмом: еще Лев XIII (конец XIX в.) в своих посланиях выступал в защиту прав рабочих и против роста капитализма. Католическая церковь, пишет Шрейбер, всегда выступала за «равную справедливость», за особую защиту хозяйственно и социально слабых. Церковь никогда не боялась осуждать «эгоистический капитализм».

Другой видный деятель католической церкви в Германии и «специалист» по советским делам (т. е. по клевете на СССР) священник Муккерман в речи на всегерманском католическом слете в Нюренберге (в 1931 г.) воскликнул: «99 процентов германского народа настроено теперь против капитализма».

В ряде своих статей и брошюр, направленных против коммунизма и социализма, Муккерман нападает на «эгоистический капитализм» и финансистов: «Дело зашло уже так далеко, что банкир стоит над политиком, а судьбы народов являются об'ектом финансовых сделок» (Муккерман, «Большевизм угрожает»). Реакционная организация «Народный союз католической Германии» в антикоммунистической листовке «Бог или демоны», защищая церковь от обвинений в связи с капитализмом, пишет: «Церковь сама готова честно бороться против всякого эксплоататорского капитализма... Следуя примеру своего основателя, божественного спасителя, церковь во все времена с особенной любовью относилась к бедным, к рабочим, ко всем нуждающимся и бесправным...»

Федеральный совет христианских церквей Америки в послании от 31/VIII 1931 г. порицает «серьезные несовершенства экономического строя, который допускает резкий контраст крупных состояний и нищеты». Послание предлагает церквам требовать коренных изменений в современных экономических условиях и «протестовать против эгоистического стремления к богатству». «Общество должно обратить усиленное внимание на нездоровое состояние современного распределения национального дохода и на контроль духа наживы, скрывающегося за этим положением. Общественное мнение должно также восстать против накопления собственности, особенно путем крупных спекуляций, не считающихся с общественными последствиями...»

Можно было бы без конца умножать число подобных примеров антикапиталистической демагогии виднейших представителей католицизма во всех странах. Эта демагогия однако ни в какой мере не означает, что князья церкви против капитализма как такового. Нет, церковь не против капитализма. Она служит ему верой и правдой и именно поэтому она демагогически в целях обмана масс бросает громкие фразы против банков, спекуляций, против классового эгоизма, против «эксплоататорского», «несовершенного» капитализма, против монополий, ратуя за «справедливый», «ответственный» капитализм.

Свое антикапиталистическое выступление архиепископ Кордач закан-

«Чтобы приобрести сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что заботится уже не о своих собственных интересах, а составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплоатируемого рабочего класса... Так возник феодальный социализм — частью жалоба, частью пасквиль, частью отголосок прошлого, частью угроза будущего, — по временам метко поражающий буржуазию горьким, остроумным и едким суждением, но всегда производящий комическое впечатление полною неспособностью понять ход новейшей истории...»

Критика буржуазного общества феодальным социализмом совершенно противоположна пролетарской критике последнего. В то время как пролетарская критика капитализма имеет целью организацию масс для его свержения и построения социалистического общества, феодальный социализм, критикуя капитализм, тащит назад, к докапиталистическому обществу, рисуя в идиллических красках патриархальные отношения между крестьянином и помещиком, между различными группами городского населения.

Особым течением в феодальном социализме был так называемый «христианский социализм». О нем Маркс и Энгельс (в «Коммунистическом манифесте») писали:

«Как поп шел всегда рядом с феодалами, так и поповский социализм не отстает от феодального... Христианский социализм есть святая вода, которою поп кропит озлобление аристократа...»

Наиболее яркие представители христианского социализма, например священник Ламеннэ (во Франции), в своей критике капитализма временами метко поражали буржуазию «горьким и едким суждением» (Маркс). В своей книжке «Слова верующего» (1833 г.), осужденной папой в специальном послании, Ламеннэ писал: «Каждая пчела имеет право на известную часть меда, необходимого для ее существования, и если среди людей встречаются такие, которые лишены самого необходимого, то это оттого, что справедливость и милосердие исчезли среди них... Бог не создавал ни великих, ни малых, ни владык, ни рабов, ни царей, ни подданных; он создал всех людей равными...»

Ламеннэ бичует современное ему общество, обрекающее трудящихся на нищету и рабство. Что изменилось, спрашивает он, по сравнению с прежним рабством? И отвечает: «народ все еще стонет под тяжестью того же бремени», в результате всех своих трудов он имеет «пот, горе, наготу, голод при жизни, а после смерти — могилу в общей яме» (Ламеннэ, «Современное рабство»).

Однако критикуя буржуазное общество, Ламеннэ и подобные ему христианские социалисты не осуждали и не осуждают, а защищают существование частной собственности на орудия и средства производства. Выход из зол современного общества с его делением на классы, на богатых и нищих, по учению Ламеннэ и ему подобных,— в примирении принципов «христианской любви» в общественной жизни. Христианские социалисты увековечивают общественное неравенство. «Всегда будут бедные, потому что человек никогда не уничтожит в себе греха... Если вы хотите постараться уничтожить бедность, старайтесь уничтожить грех» (Ламеннэ, «Слова верующего»). Рецепт, который давно рекомендуют всякого рода защитники эксплоататорского общества трудящимся, — это борьба с «общественным неустройством» путем «самоусовершенствования» человека, но ни в коем случае не путем свержения господства эксплоататоров.

Задача заключается лишь в смягчении общественных противоречий, а для этого есть один рецепт: «упражняться в добродетели и любви своего ближнего...» (Ламеннэ). Недаром Энгельс называл рецепты такого рода, исходящие от христианских социалистов, «чувствительным вздором».

Выступая против капитализма, христианские социалисты «упрекают буржуазию гораздо более в том, что она порождает революционный пролетариат, чем в том, что она создала пролетариат вообще» («Коммунистический манифест»). И действительно, христианские социалисты врага видят в социализме, а не в капитализме. «Каждый имеет право сохранять то, что ему принадлежит» — в этих словах Ламеннэ выступает против посягательств на частную собственность. Для них характерна идеализация докапиталистических отношений: «...когда земля была прекрасна, обильна и плодоносна, ее обитатели жили счастливо, потому что жили братьями...» (Ламеннэ).

Пропаганда христианских социалистов развернулась в Европе в середине XIX в. (в Англии, Франции, Германии) в связи с ростом рабочего движения и должна была служить орудием разложения его, выхолащивания его революционного духа, а с другой стороны, явилась предупреждением для буржуазии об ожидающих ее опасностях. Ожидание социальных потрясений и страх перед ними дает содержание для пропаганды христианских социалистов, желающих задержать ход развития истории.

«Все потрясается, все двигается, все принимает новый лик... Я вижу, как народы поднимаются в смятении, а короли в своих коронах бледнеют. Между ними происходит борьба, борьба не на жизнь, а на смерть. Я вижу, как один трон, два трона рушатся, и народы разбрасывают их обломки по земле» («Слова верующего»).

Напуганные революционными событиями (чартизм в Англии, революция 1830 г. во Франции, 1848 г.—во Франции и других странах), идеологи христианского социализма выступали в роли спасителей буржуазного общества, предлагая в качестве средств спасения от всех зол один рецепт — примирение классов, отличаясь «полной неспособностью понять ход новейшей истории» («Коммунистический манифест»).

Наиболее яркий представитель христианского социализма Ламеннэ все бедствия современности об'ясняет таким образом:

«То, что сейчас творится, посылается провидением в назидание тебе», — «и вот почему надо ждать и молиться богу, чтобы он сократил дни испытания» («Слова верующего»).

Христианский социализм целиком реакционен и враждебен пролетариату.

Проповедуемое им учение до сих пор имеет влияние на известные слои рабочего класса и особенно на мелкую буржуазию в странах Западной Европы.

Организации рабочих, в той или иной мере руководствующиеся принципами христианского социализма, программа Коминтерна называет «наиболее реакционными отрядами классового врага в стране пролетариата», которые освящают «святой водой религии все гнусности капиталистического режима». Организации эти носят «романтически-феодальную окраску» (Программа Коминтерна).

Необходимо знать врага, чтобы лучше его бить. В настоящей статье мы рассмотрим, как прежде всего под влиянием современного экономического кризиса оживает христианский социализм, как реакционнейшая организация буржуазии, католическая церковь, вернейшая служанка денежного мешка и непримиримый враг коммунизма и СССР, заговорила языком христианских социалистов, как эта реакционная идеология культивируется церковной иерархией исключительно в целях спасения буржуазного общества от растущей пролетарской революции.

Тот факт, что церковь решительно отмежевывается от самого слова «социализм», не имеет при этом значения. Важнее то, что ныне церковь для своей социальной демагогии использует фразеологию и идеи христианских

чивает словами: «Христос, однако, не пришел для того, чтобы проклинать капитал. Он указал, что капитал должен оплодотворять труд...»

Берлинский епископ Шрейбер, боясь, как бы его демагогия не была всерьез воспринята верующими как антикапиталистическая, пишет, что церковь защищает «правильно приобретенную частную собственность и она не может осуждать тот капитализм, который выполняет требования справедливости и человеколюбия!» «Подобно тому, — пишет он, — как задачей церкви не является выступать за ту или иную государственную форму, подобно этому она не выступает за ту или иную хозяйственную систему».

Это заявление Шрейбера от начала до конца конечно лживо, ибо, как известно, против коммунизма, как и против государства пролетарской диктатуры, церковь самым решительным образом борется. Она была активным участником антисоветской интервенции, а ныне является таким же активным участником подготовки новой войны против СССР. Заявление же главарей церкви о «нейтральности» церкви в отношении к той или иной хозяйственной или экономической системе имеет целью прикрыть тот факт, что все эти демагоги и их церковь служат капитализму.

Демагогическая критика капитализма со стороны церкви, как видим, весьма умеренна. Причину этой умеренности вскрывает статья «Антикапиталистическое иконоборство», напечатанная в органе тяжелой промышленности Германии «Бергверксцейтунг» от 3/I 1931 г. Статья является ответом на выступление Кордача и ряд подобных ему антикапиталистических выпадов церковных деятелей. Автор статьи упрекает этих церковников в том, что они забывают «силу внушения, какой обладают разные меткие слова», и которые «поддаются рассеянию в массы». Защищая капитализм от «пристрастной» критики, автор высказывает опасение, что даже осторожная критика капитализма со стороны деятелей церкви слишком опасна, так как подхватывается массами.

Статья поэтому одобрительно отзывается о выступлении кельнского архиепископа кардинала Шульте с директивой, в которой он «увидел себя вынужденным прежде всего провести резкую черту между капитализмом и мамонизмом и предупредить против ложно запечатлевшихся выражений, могущих показаться согласующимися с марксистскими взглядами...» Кордачу же «нехватает чувства реальности, и это является шагом назад по отношению кельнских директив».

Вот чем об'ясняется ограниченность и трусость в критике капитализма у современного «христианского социализма»: страх перед тем, что массы в эту критику капитализма вложат свое понимание современности и свою ненависть к этому строю и отсюда сделают не те выводы, которые делают господа кардиналы, вынуждает церковь в ее антикапиталистической демагогии к осторожности. И если она, несмотря на это, все же выступает с подобной демагогией, то это об'ясняется только опасением за судьбы капитализма и стремлением помочь ему.

Толчок к антикапиталистической демагогии церкви дал мировой экономический кризис капитализма, который и заставил церковную верхушку воспринять фразеологию христианского социализма. Опасение за судьбу капитализма и заодно с этим за судьбы церкви, страх перед революционизированием масс, боязнь, что углубление кризиса приведет к взрыву — вот чем об'ясняется усилившаяся антикапиталистическая демагогия церкви в духе христианского социализма. Это признает и сам Кордач, восклицая: «Горе нациям, государственные мужи которых не видят угрозу»... «время пришло для мировой революции...» Это признает и священник Муккерман, обвиняя современный капитализм в том, что он является причиной роста коммунизма.

В этом же духе составлено пастырское послание главы польских католиков кардинала Глонда (апрель 1932 г.): «Буря приближается, ибо небо краснеет... Цивилизованные нации ввергаются в социальный хаос...»

Еще откровеннее писал орган польских католиков «Пшеглонд католицки» (номер от 6/IX 1931 г.) в статье «Милосердие». Описывая последствия кризиса, журнал предупреждает:

«Богатые и могущественные люди моралью обязаны поторопиться и явиться на помощь своим бедным и убогим братьям. Так говорил христос. Впрочем это подсказывает нам уже чисто практический наш разум; он показывает нам выгоду таких забот... Рабочее сословие, лишенное заработков, выданное на произвол голода и холода—это чрезвычайно податливая жертва всякой зловредной агитации.

Изголодавшиеся массы чрезвычайно легко могут поддаться нашептываниям дьявола революции, который только и ожидает подобных моментов, чтобы бросить в водоворот событий побольше взрывчатых веществ...»

К сказанному вполне применимо замечание Маркса и Энгельса о феодальных социалистах:

«Главное обвинение их против буржуазии как раз и состоит в том, что при ее господстве развивается рабочий класс, который взорвет на воздух весь общественный строй...» («Коммунистический манифест»).

Церковь и кризис капитализма

Нынешний мировой экономический кризис, как уже было сказано, явился причиной оживления христианско-социалистического движения, его католического крыла в частности. Ненависть широчайших масс трудящихся к капитализму, возросшая еще больше в связи с кризисом, вызывает в рядах церкви большую тревогу. Кризису посвящены десятки посланий виднейших представителей церкви ряда стран. Два специальных послания посвятил кризису папа Пий XI. Последнее послание по этому вопросу выпущено им 3 мая 1932 г. и носит название «О молитве и покаянии пред святым сердцем исусовым при испытаниях, переживаемых родом человеческим». Послание начинается с описания кризиса, размеров безработицы и переходит к «ужасным последствиям», которыми угрожает миру кризис. «Сейчас все человечество столь сильно сдавлено финансовым и экономическим кризисом, что чем больше оно мечется, тем более неразрываемой кажется стягивающая его петля...» Чего хочет папа своими энцикликами?

Он хочет помочь буржуазии переложить тяжести кризиса на трудящихся, он хочет выгородить капитализм, внушив миллионам верующих, что не капитализм повинен в кризисе.

В чем причины кризисов? Все нынешние бедствия, отвечает на этот вопрос папа, есть «печальное наследие греха». Эта мысль пронизывает все церковные документы о кризисе. Не капитализм повинен в страданиях миллионов трудящихся, обреченных на безработицу и обнищание, а «греховность» людская, в частности люди расплачиваются за «первородный грех». Это учение, проповедуемое попами всех стран, является насмешкой над страданиями миллионов. Цель подобной проповеди—выгородить капитализм. Однако с этим нельзя выступать перед массами, не скомпрометировав саму церковь. И папа прибегает к демагогии в духе отвергнутой церковью в свое время демагогии христианских социалистов. Кроме «греха» корень всех зол в «сребролюбии», «алчности» и «эгоизме», заявляет он. От алчности происходит недоверие, вражда, погоня за личной выгодой и все бедствия современного положения.

Этот эгоизм доведен ныне до чрезмерности. В результате мы имеем «нарушение справедливого равновесия, вследствие чего мы видим богатства наций, собранными в руках весьма малого числа частных лиц, которые по своему капризу регулируют мировым рынком, к громадному вреду для масс...» Все это было бы не так плохо, если бы это не вело к углублению классовых противоречий и росту коммунизма и атеизма. Кризисом «пользуются разрушительные партии для своей пропаганды», жалуется в своем послании папа.

Какой же выход из кризиса? В этом вопросе обнаруживается все скудоумие современных христианских «реформаторов» (как и вообще всех лекарей буржуазии) и вся их зависимость от империализма.

«Мы заклинаем господом как отдельных лиц, так и целые нации... добровольно отказаться от мелочного индивидуализма и мелочного эгоизма» и об'единиться для спасения общества. Более равномерное распределение земных благ, по мнению Пия XI, способствовало бы смягчению противоречий, раз'едающих общество.

Не надеясь на то, что капиталисты добровольно откажутся от своих богатств, папа рекомендует молитву как универсальное спасение от кризиса. «Молитва уничтожает самую причину современных затруднений... а именно — ненасытную алчность к земным благам. Молящийся человек смотрит ввысь на блага, находящиеся на небе, о которых он помышляет и которых он желает...»

Рецепт найден.

Обвинение в алчности относится не к одним капиталистам, но больше всего к рабочим, которые смеют желать земных благ. «Если бы те, которые вследствие чрезмерного промышленного перепроизводства впали в безработицу и нужду, пожелали бы отвести надлежащее количество времени на молитву, то работа и производство очень скоро вошли бы в разумные границы, и борьба, которая сейчас разделяет человечество на два больших войска, сражающихся за переходящие интересы, уступила бы место благородной и мирной борьбе за приобретение небесных вечных благ» — пишет Пий XI в своем послании. Это самая циничная насмешка князя церкви над миллионами безработных.

Рядом с молитвой, добавляет папа, «покаяние и умерщвление плоти» могли бы сыграть решающую роль в деле выхода из кризиса.

Вся беда лишь в том, что «имеются люди, которые хотели бы отказаться от умерщвления плоти...» — жалуется папа. Нужны «добровольные жертвы», даже «болезненное отречение» (все это конечно требуется от рабочих) и самоусовершенствование общества согласно тем же принципам «христианской любви».

Вот какова точка зрения церкви на современный кризис: он послан богом в качестве наказания за грехи, и основное средство лечения этого зла — молитва к богу, чтобы он «сократил период страдания» (из послания папы о кризисе 2 октября 1931 г.).

Фразеология Пия в этой части буквально повторяет христианского социалиста Ламеннэ. Последний писал: «то, что сейчас творится, посылается провидением в назидание тебе» — «и вот почему надо ждать и молиться богу, чтобы он сократил дни испытания» («Слова верующего»). Из всех воздыханий церкви по поводу кризиса остается таким образом одно: призыв к молитве и благотворительности. Католическая церковь с большим шумом об'явила «крестовый поход благотворительности» в пользу пострадавших от кризиса. Воистину гора родила мышь: от грозных выпадов против биржи

и банков осталась лишь смиренная просьба к богатым пожертвовать старое платье и тарелку супу безработным.

Иначе конечно и быть не может: слишком связана церковь с капитализмом, с теми же банками, с тою же биржей, чтобы посметь сколько-нибудь серьезно выступить против этого общественного строя. Церковь, наоборот, стремится замазать глубокие трещины, которые раздирают капиталистическое общество, для того, чтобы продлить его существование.

Христианский социализм и его отношение к капитализму

Критика капитализма христианским социализмом полезна для буржуазии, так как затуманивает сознание масс и мешает им видеть истинные причины их бедственного положения. Об этом свидетельствует следующий любопытный факт: как сообщает папский официоз («Оссерваторе Романо» 8/VI 1932 г.), 19 мая на заседании американского сената сенатор Лонг сделал внеочередное заявление относительно папской энциклики о кризисе, зачитав из нее то место, где говорится о сребролюбии, индивидуализме и скоплении национальных богатств в руках немногих людей. Затем он предложил напечатать энциклику полностью в официальном органе американского конгресса. Это предложение было единогласно принято всеми присутствовавшими сенаторами. Для американских капиталистов папские нападки на эгоизм и сребролюбие не опасны, а наоборот, весьма и весьма выгодны.

«Шатание умов», особенно усилившееся в связи с кризисом (в том числе конечно и среди миллионов верующих трудящихся), вынудило верхи церкви изложить свое отношение к классовой борьбе, к капитализму и социализму. Основным документом по этому вопросу является папская энциклика «об общественном порядке, его восстановлении и усовершенствовании», выпущенная 15 мая 1931 г.

Поводом к изданию этого послания послужил 40-летний юбилей послания папы Льва XIII (1891 г.) «Rerum novarum», в котором церковь уже тогда изложила свой взгляд на капитализм, социализм и классовую борьбу. Послание нынешнего папы Пия XI от 15 мая 1931 г. излагает взгляды Льва XIII и дает ответ на вопрос, как смотрит церковь на те изменения в общественном развитии, которые произошли за последние 40 лет.

Три основных вопроса, являющиеся центральными в папской энциклике: 1) вопрос о собственности, 2) о классах и 3) о государстве.

Лев XIII, пишет Пий XI, бесстрашно защищал собственность от социализма и он доказал, что уничтожение частной собственности вместо того, чтобы быть полезным для рабочих, — «явилось бы для них величайшим несчастьем». Частная собственность дана человеку «от природы», и уничтожение ее явится нарушением законов природы. Так пишет нынешний глава католической церкви Пий XI, повторяя Льва XIII. Но известно, что миллионы людей не владеют никакой собственностью, как же здесь дело обстоит с «природным даром»? На это церковь отвечает: рабочий тоже может стать собственником путем экономии и сбережения со своей зарплаты. В духе Бернштейна, эти реакционеры заявляют, что развитие капитализма ведет к увеличению числа собственников. Уничтожение же собственности было бы несправедливостью по отношению к рабочему (так как лишает его возможности на свои сбержения приобрести собственность и стать собственником); уничтожение частной собственности на землю лишает рабочего возможности покупать землю. Так изворачиваются в ответе на вопрос о собственности церковные авторитеты (Лев XIII, Пий XI и др.), прикрывая свое служение денежному мешку маской рабочелюбия, притворяясь, что верят в то, что рабо-

чему в условиях буржуазного господства есть из чего экономить, чтобы стать собственником [1]).

Но Пий XI, а с ним все церковные писатели понимают, что очень уж открыто от всего этого несет апологией капитализма и может оттолкнуть верующие слои трудящихся от церкви. Поэтому для обмана масс папа пишет, что изложенную точку зрения церкви на капитализм неправильно истолковывают в том смысле, что церковь за имущих, за собственников, за капиталистов. Это, пишет Пий, не так, и он развивает теорию о «природе собственности». Эта природа двойственна: человеку собственность дана от творца для того: 1) чтобы каждый мог о себе позаботиться, себя обеспечить и 2) чтобы с помощью этого божьего дара удовлетворять требования всей «человеческой семьи». Собственность имеет следовательно две стороны: личную и общественную. Однобокое толкование собственности ведет к искажениям; однобокое толкование в духе первой части ведет к господству буржуазного либерализма, требующего беспрепятственного развития капитализма; однобокое толкование в другую сторону ведет к победе коллективизма.

Церковь, говорит папа, в своих взглядах на собственность разумно сочетает и видит обе стороны частной собственности: индивидуальную и общественную. К чему вся эта «философия» клонится? К тому прежде всего, что частная собственность священна и неприкосновенна, что она принадлежит капиталисту, что он, и только он, ею распоряжается, и хотя она дана ему богом для «общего блага», но нельзя даже протестовать против «злоупотребления» ею (хотя бы оно и было «грехом»), так как бог дал человеку свободу распоряжения собственностью и следовательно свободу злоупотребления ею [2]).

Остается лишь благочестивое пожелание, чтобы капиталисты при употреблении своей собственности думали не только о своей пользе, но и об общей. Вот все, что относится ко «второй природе» собственности: капиталисты должны быть лучше, чем они есть. Частная собственность, подчеркивается в послании Пия, настолько неприкосновенна, что государство не может не только уничтожить, отменить ее (имеется в виду безбожный СССР), но препятствовать ей. Оно может только в «рамках божественных законов делать те или иные указания собственнику». Таково отношение церкви к капиталистической собственности. И основное обвинение, которое в громадном количестве книг, брошюр, посланий, проповедей и т. д. выдвигается ею против коммунизма,— это то, что коммунизм выступает против частной собственности.

Из этого отношения к капиталистической собственности вытекает отношение к классам и классовой борьбе. Собственность, излагает взгляды церкви Пий XI, — от бога; для одних это собственность на природные богатства, землю и др.; другим собственность дана богом в форме рабочей силы, и как капиталист обязан смотреть за тем, чтобы его собственность не бездействовала, точно так же рабочий обязан работать [3]), соединяя свой труд со средствами производства других, так как «одна часть без другой ничего сделать не может», так как труд не может существовать без

---

[1]) Рузвельт, избранный недавно президентом САСШ, на одном из избирательных собраний цитировал эту энциклику Пия XI, назвав ее «одним из самых великих документов современности»... Еще бы, ведь энциклика эта категорически заявляет о незыблемости и вечности капиталистической эксплоатации трудящихся.

[2]) См. книгу священника Cathrein: «Socialismus und Katholizismus», изд. 1929 г., стр. 37. Книга одобрена церковным начальством.

[3]) Это и есть религиозное освящение принудительного труда, которое имеет место в странах буржуазных и в колониях.

капитала и наоборот. Классовое же деление общества вечно и неизменно.

Второе обвинение против коммунизма заключается в том, что он хочет изменить это богом установленное деление общества на классы. Папа высказывается и против «манчестерской школы буржуазии», которая требует свободы капиталистической наживы и эксплоатации рабочих, и против тех, кто говорит, что «весь продукт труда принадлежит рабочим». Последнее учение, пишет папа, более опасно, чем первое, ибо оно легко вкрадывается в простодушные сердца. Против «сытой буржуазии», которая все для себя хочет (это — явная демагогия, ибо и сам папа и вся церковная верхушка принадлежат к «сытой буржуазии», миллионами которой эти эксплоататоры невежества живут), и против притязаний рабочих на то, что «якобы все является творением их рук» и им принадлежит. Нужно справедливое распределение богатств.

Что же означает «справедливое распределение» богатств? Об этом мы узнаем из главы папского послания, которая носит название «Депролетаризация пролетариата». «Депролетаризация пролетариата» — это цель, осуществления которой, по его словам, особенно в настоящее время надо всячески добиваться.

До сих пор, жалуется папа, мы видим громадную массу пролетариев, неимущих, и кучу сверхбогачей. Это говорит о том, что земные богатства неправильно распределены. «Поэтому всеми силами нужно работать в том направлении, чтобы в будущем по крайней мере вновь создаваемые богатства в меньшей мере концентрировались у имущих, а широким потоком текли к наемным рабочим». Это, спешит он оговориться, не освобождает рабочих от обязанности работать (так как «человек рожден для труда, как птица для летания»). Нужно лишь, чтобы они путем бережливости смогли увеличить свое имущество. Таким путем и совершится «депролетаризация» по рецепту феодальных социалистов клерикального толка.

Капиталист в будущем от своих «избытков» (этот термин постоянно фигурирует в пропагандистской церковной печати) уделит немного рабочим в форме лучшей зарплаты, а те путем «сбережения и экономии» будут накоплять и подниматься из рядов пролетариата вверх по социальной лестнице [1]).

Требование «хорошей зарплаты» расходится с практикой чернорясников, поддерживающих политику чрезвычайных декретов. Церковь повсюду помогает буржуазии грабить трудящихся. Пий XI, требуя хорошую зарплату для рабочих, тут же оговаривается: «если же этого, при нынешних условиях, не во всех случаях возможно достигнуть, то велением справедливости является,—как только в этих условиях наступят те или иные изменения,—обеспечить каждому взрослому рабочему зарплату должной высоты» [2]). Это значит, что рабочие должны терпеть исключительные законы впредь до того как «минует» кризис. Рабочих все время стараются убаюкать сказками о скором наступлении «нормальных» условий труда. Но и в «нормальных» условиях эксплоатации рабочего капиталистом рабочие всегда должны учитывать жизнеспособность предприятий, т. е. не требовать чрезмерного, ибо и «чрезмерно низкая и чрезмерно высокая зарплата вызывает безработицу...»

На этих принципах должны строиться взаимоотношения людей на про-

---

[1]) Католический писатель священник В. Гатрейн в книжке «Социализм и католицизм» жалуется, что осуществлению этого благочестивого пожелания мешает любовь рабочих к роскоши; сюда относится тяга к вину, к кино, спорту и т. д. Рабочий должен жить экономно и трезво, поучает сей муж (V. Cathrein, «Socialismus und Katholizismus», стр. 66).

[2]) Цитировано по немецкому изданию Папской энциклики, изд. «Germania», Berlin, стр. 24.

изводстве («труд не может существовать без капитала, капитал без труда»), на этих же принципах должно быть построено отношение людей в обществе. Необходимо устранить, требуют клерикальные социалисты, существующее положение, при котором общество разделено на враждующие классы, и сплотить все «органы общественного организма»; люди должны разделяться на «сословия» не по принципу их отношения к «партиям рынка труда», а по тем функциям, которые каждый выполняет. Принадлежащие к одной профессии образуют корпорации, корпорации об'единяют рабочих и работодателей. Ныне существующие организации должны рассматриваться как подготовка к созданию корпоративного общественного устройства, корпоративного государства.

Таким образом от демагогических нападок на «эгоистический капитализм» церковь переходит к признанию частной собственности «естественным» и прирожденным правом, от утверждения, что существование классов соответствует божьему велению [1]), христианский социализм приходит к корпоративному государству, т. е. к государству фашистскому.

Так клерикальный социализм в теории приходит к фашизму, которому во всех странах церковь служит на практике.

Капитализм как таковой не может быть осужден; «он сам по себе не плох» — обобщает свою точку зрения Пий XI в своем послании. Его нужно лечить, исправлять.

«Идеальный» капитализм, за который ратует церковь, — это капитализм без классовой борьбы, с классовым сотрудничеством, без резких классовых различий, без эгоизма, индивидуализма, безработицы, без конкуренции, т. е. капитализм «организованный». Ярче всего эти мечтания выразил конгресс Католического рабочего интернационала в Утрехте (Голландия) в сентябре 1931 г.

По сообщению папской газеты «Оссерваторе романо», этот конгресс католиков-рабочих об'явил, что «экономическая жизнь не должна быть отдана всецело во власть безудержной индивидуальной конкуренции и также не должна сопровождаться чрезмерным сосредоточением источников богатства. Экономические силы должны быть подчинены суровой дисциплине справедливости и социального милосердия. Не индивидуализм, не коллективизм, а корпоративная солидарность, не допускающая борьбы классов и исчезновения морального долга». Таков идеальный капитализм феодального социализма.

Во всей этой поповской демагогии кое-что взято у социал-фашизма, кое-что у национал-социализма.

Главное несчастье современного общества, по мнению церкви,—«развращение души». Главное средство исцеления—«нравственное обновление» в духе «христианской любви»,—тогда рабочие и будут менее требовательны, а капиталисты станут добрее, тогда-то и будет достигнуто полное «сотрудничество классов». Нужно убить в людях (конечно в рабочих, крестьянах) «жадность к земным благам» и добиться того, чтобы люди искали небесного счастья.

Отсюда практический лозунг церкви: итти в рабочие массы, проповедывать «христианскую философию общества», проповедывать любовь к ближнему, «единство и единение» всех «органов общественного тела».

---

[1]) «Уравнение высших и низших в гражданском обществе невозможно. Социалисты к этому стремятся, но всякая борьба против естественного порядка безнадежна, так как от природы между людьми существуют самые глубокие и разнообразные неравенства» (из послания Льва XIII, 1891 г. Все сказанное в этом послании признается как незыблемое и нынешним папой Пием XI).

Все это учение католической церкви об обществе целиком исходит из признания вечности и незыблемости капитализма. Те антикапиталистические выпады, которые она себе позволяет, диктуются стремлением замазать противоречия капитализма. Ее идеал «усовершенствованный» капитализм, в котором буржуазия продолжала бы спокойно господствовать, а рабочие на нее безропотно работали бы. Ее практическая цель — с помощью религиозного одурачивания затемнить классовое сознание рабочего класса и облегчить буржуазии осуществление фашистской диктатуры.

Отношение христианского социализма к коммунизму и СССР

Из отношения к капитализму вытекает и отношение христианского социализма к коммунизму и Советскому союзу. Свою ненависть к стране пролетарской диктатуры церковь достаточно откровенно показала за все 15 лет существования советской власти в форме призыва к «крестовым походам», поддержки интервенции, поддержки русских белогвардейцев и всех вообще антисоветских мероприятий мировой буржуазии. В своем послании об «общественном порядке» Пий XI рассматривает социализм двух направлений: 1) крайнего, коммунистического, и 2) умеренного, социал-демократического. Коммунизм, по его словам, характерен двумя признаками: 1) проповедью непримиримой классовой борьбы и 2) острой ненавистью к частной собственности. Он идет к цели насилием. Придя к власти (имеется в виду СССР), он показал себя «безбожным, террористическим и бесчеловечным». С ним должна вестись беспощадная борьба. Поэтому-то «с глубокой болью видим мы беспечность, с какой взирают на ужасающую опасность, идущую с этой стороны» — жалуется папа, тем самым науськивая полицейский аппарат буржуазного государства на коммунистов.

Известно, что и сама церковь ведет самую решительную борьбу против коммунизма и Советского союза. Наряду со всякого рода клеветническими вымыслами по адресу СССР ее писатели пытаются доказать невыполнимость программы коммунистов.

Католический поп В. Гатрейн в своей книжке «Социализм и католицизм» пишет, что социализм помимо того, что он идет против божьих законов — 1) практически неосуществим, 2) плановое хозяйство невозможно у культурного многомиллионного народа, 3) распределение, в частности распределение рабочей силы, ставит неразрешимые задачи перед социализмом. Вся подобная аргументация «от практики» ныне перед лицом громадных успехов социалистического строительства в СССР уже не действенна, а потому требуется нечто другое. В своей новейшей агитации против коммунизма католицизм особое ударение делает на вопросе о «защите прав личности», которой коммунизм будто бы угрожает. В брошюре «Большевизм угрожает»[1]) священник Муккерман наиболее полно изложил этот новый аргумент старого мира против коммунизма. Вся западноевропейская культура, утверждает автор, стоит под знаком «личности» («Persönlichkeit»). Большевизм угрожает личности. Большевизм, пишет «Германия» (орган католического центра), «создает безличного массового человека» («Германия» 3/V 1932 г.).

В книжке священника Нотгеса «Католицизм и коммунизм»[2]), широко рекламируемой клерикальной прессой как лучшее пособие по вопросу, мы читаем, что христианство всегда отстаивало права личности, в то время

[1]) F. Muckermann, Der Bolschewismus droht, Katolische Tatverlag, Köln.
[2]) Nötges, Katholizismus und Kommunismus, Katholische Tatverlag, Köln, 1931 г., стр. 180.

как большевизм «душит» эти права (Нотгес, стр. 56), «обезличивает ее в коллективе» (Муккерман, стр. 28). Церковь старается сыграть на собственнических инстинктах мелкого буржуа, пугая, что большевизм убивает «личность», растворяя ее в коллективе. В действительности только коммунизм открывает широчайшие возможности для всестороннего развития личности, и разве нынешний кризис капитализма не подтвердил, что именно капитализм является величайшим препятствием к развитию общества, к развитию науки и техники и обрекает абсолютное большинство людей на прозябание, на голод, безработицу, нищету и дикость.

Наряду с «крайним направлением» в социализме, пишет в своем послании Пий XI, есть еще «умеренное»—социал-демократическое. Его позиции папа передает в следующих словах: он отказывается от насилия; напуганный своим собственным учением, этот социализм стоит за смягчение классовой борьбы, если не за полный от нее отказ. Этот социализм таким образом приближается к христианству: «Замечается приближение программных требований социализма к требованиям христианской социальной реформы» (подчеркнуто в папском послании.—*М. Ш.).* Социал-демократическая программа, говорит папа, является исходным пунктом классового сотрудничества. Справедливые требования умеренного социализма «не противоречат христианству и в них ничего специфично-социалистического нет». Делая кивок в сторону социал-фашистов, папа однако подчеркивает, что социалистическое учение в корне расходится с христианством, что никакого сближения между социализмом и христианством не может быть. А то, по словам папы, что ныне существует под видом социализма (т. е. социал-фашизма), ничего общего с действительным социализмом не имеет и в своих требованиях дальше тех требований, которые выдвигает клерикальное крыло феодального социализма, не идет. В действительности мы и видим тесное сотрудничество социал-фашизма с церковью. «Не индивидуализм и не коллективизм, а корпоративный солидаризм» — формулирует папа свою программу. «Корпоративный солидаризм» папы есть не что иное, как оголтелый фашизм.

О феодально-романтической окраске клерикального социализма

Программа Коммунистического интернационала отмечает феодально-романтическую окраску клерикального социализма. Феодальные романтические черты можно проследить на ряде требований современного христианского социализма. Нападая на «эгоистический» капитализм, клерикальные социалисты выставляют себя защитниками мелкой собственности и в этом сходятся с национал-социализмом Гитлера. Священник Гатрейн, решительно отстаивающий крупную капиталистическую собственность, нападает на универсальные магазины, которые «угрожают всему мелкому и среднему торговому сословию» (Cathrein «Social und Katholizis», стр. 65)

Поп Муккерман, «защищая» личность от большевизма, рисует царство «свободных личностей» в следующих словах: «они хотят заработать столько, чтобы этим они могли существовать. Кусочек земли они хотели бы иметь, чтобы там построить скромный дом. Женщина должна там быть, и таким образом они хотят создать свой очаг. Они хотят сами для себя создать маленькое царство, которое только им принадлежит. Оно должно быть устроено так, как им нравится. Чужой, которого это не касается, не должен о нем говорить. Там, где это возможно, при домике должен быть садик, где выращиваются любимые цветы и фрукты. Если позволяют средства, тогда

покупают авто, опять-таки каждому по его вкусу» [1]). В этом счастье, говорит поп Муккерман, и этому счастью «угрожает большевизм». В действительности капитализм давно разрушил независимость мелкого производителя и разоряет его ежедневно и ежечасно, но это воспевание мелкого собственника именно характерно для феодального социализма.

Феодальным в клерикальном социализме является мечта о цеховом устройстве общества. В изданной в 1931 г. в Мюнхене книге «Лев XIII и рабочий вопрос» [2]), рабочим дается совет брать пример при создании своих организаций со средневековых ремесленных союзов. «Те же средства, организации, которые делали сильными ремесленников средневековья, могут освободить современный пролетариат...» (стр. 17).

Клерикальный социализм нападает на акционерные общества, и Пий XI в своей энциклике (15/V 1931 г.) пишет, что «худшие несправедливости и обманы творятся в полумраке анонимности, за фасадом нейтральных фирм». Гатрейн («Социализм и католицизм») требует, чтобы государство смотрело за акционерными обществами и не допускало крахов и неправильных сделок.

Феодальные нотки в христианском социализме звучат в демагогических нападках на банки и денежную спекуляцию (Муккерман и др.), на «дух мамонизма», дух корысти, который, по словам этих авторов, не связан с хозяйственной системой, а коренится в «падшей натуре человека» независимо от классовой принадлежности его (Гатрейн, стр. 52). Феодальной ноткой является требование церкви (в частности в послании папы от 15/V 1931 г. и др.), чтобы женщина не шла на фабрики, а целиком принадлежала семье. В этом же духе составлены два послания папы: 1) о женщине и браке и 2) о воспитании детей.

Наконец феодальный социализм решительно выступает против «культа машины». Характерно, что нападки на «культ машин» раздаются в клерикальной прессе тогда, когда речь идет об индустриализации СССР, но не видно, чтобы церковь боролась против машин в условиях капитализма.

Поп Нотгельс посвящает целую главу своей книги «Католицизм и коммунизм» «коммунистическому рабству» и доказывает, что в СССР существует культ машины, что там воспеваются трактор и машина в песне и музыке, что там есть свои «святые места»—Магнитогорск и т. п.

Таковы феодально-романтические черты современного христианского социализма католического толка.

Стоя целиком на почве буржуазного общества, всемерно отстаивая это общество как богом установленное, христианский социализм пытается внести в этот капитализм лишь некоторые «поправки» от докапиталистического, от феодального прошлого, рассчитывая создать «идеальный» капитализм и задержать распад капиталистической системы.

При этом надо заметить, что ныне он вносит значительно меньше чисто феодальных поправок, чем например христианский социализм XIX в., что об'ясняется тем, что католический клерикализм ныне целиком сросся с капитализмом.

Для всей современной церкви, а не только для современного христианского социализма характерна рабочелюбческая фразеология. Во всех документах, исходящих от папы и других церковных иерархов за последние годы, подчеркивается особое расположение церкви к рабочим

---

[1]) Muckermann, Der Bolschevismus droht, стр. 4.

[2]) C. Walterbach, Leo XIII und die Arbeiterfrage, Verlag Leohaus, Hauptstelle Katholischer Socualer Vereine, München.

В католической печати подчеркивается, что церковь стоит на-страже интересов рабочих. Эта рабочелюбческая маска нужна церкви для завоевания симпатий рабочих и для приостановления процесса разрыва рабочих с церковью, а что этот разрыв является фактом, об этом с тревогой пишет вся церковная печать. В частности этому посвящено папское послание от мая 1932 г.

В своем послании «Об обострении экономического кризиса» (2 октября 1931 г.) папа пишет, что его особенно беспокоит положение «наименее обеспеченных рабочих и пролетариев». Церковные писатели доказывают, что церковь всегда заботилась о рабочих, что на практике своей она всегда так делала и не могла иначе поступать, так как христос сам был рабочим. Что христос был «рабочим», утверждается даже в папских посланиях. В книжке «Лев XIII и рабочий вопрос» мы читаем: «Христос был очень близок рабочему сословию. В лице св. Иосифа он избрал себе квалифицированного рабочего, ремесленника в качестве приемного отца для того, чтобы таким образом дать рабочему сословию покровителя и ходатая. Больше того, он сам (т. е. христос.—*М. Ш.)* является составной частью рабочего народа: разве он не был 30 лет рабочим в Назарете...» Таким образом христос признан «рабочим от станка», и «доказано», что верный оплот эксплоататоров — католическая церковь — лучший друг рабочих. Но рабочий должен не только быть благодарен церкви за то, что она дала ему бога-рабочего. Она дала ему и «рабочего папу». Церковная печать называет одного из самых реакционных пап конца XIX в. Льва XIII «рабочим папой». Показное рабочелюбие — один из методов обмана масс, ибо на деле никогда церковь так открыто не служила эксплоататорам, как в наше время, — в эпоху пролетарских революций и империалистических войн [1]).

Мы ознакомились с одним из направлений современного феодального социализма — христианским социализмом католического толка. Мы оговариваем — «католического толка» потому, что есть еще другое, мелкобуржуазное крыло христианского социализма, которое организационно входит в состав партий II интернационала и носит название «христианский социализм», «религиозный социализм» и т. д.

Идеология христианского социализма глубоко реакционна: проповедь классового мира, вечности и богоустановленности капиталистического строя, резкая борьба против коммунизма и СССР, проповедь фашистских взглядов на общество и государство — вот что характеризует христианский социализм нашего времени.

Католическая и другие церкви создали вокруг себя большие массовые организации, об'единяющие много миллионов рабочих, крестьян и мелкой буржуазии, в среду которых и вносится эта идеология. Эти массы воспитываются церковью в духе ненависти к коммунизму и СССР.

---

[1]) Попытки глубже проникнуть в рабочие массы, чтобы затуманить их классовое сознание, характерны для нынешней политики церкви. В этом отношении любопытен состоявшийся в сентябре этого года в пролетарском центре Германии — в Эссене—очередной всегерманский католический слет. Буржуазная и церковная пресса утверждает, что на торжествах этого слета участвовало 250 тыс. человек. Слет происходил под лозунгом: «Христос в большом городе», для этого-то и был избран Эссен местом слета. Требуя об'явление коммунистов вне закона, отдельные докладчики на слете (на котором участвовали князь Левенштейн, герцог Макс Саксонский, специальный представитель палача Хорти, которого телеграфно приветствовал и фон-Папен) в демагогических целях требовали даже «слома диктатуры капитала». Все это конечно сплошная демагогия, рассчитанная на привлечение симпатии рабочих. Самое интересное в работе этого слета—это поиски новых методов внедрения буржуазной идеологии в массы трудящихся и мобилизации сил религиозной контрреволюции для борьбы с коммунизмом и его влиянием среди промышленных рабочих.

Интернационал католических профсоюзов, католический интернационал молодежи, католические женские интернациональные об'единения и многие другие организации, охватывающие большие массы, в том числе и немало пролетарских элементов, воспитывают своих сторонников в духе этой реакционной идеологии.

Таким образом через церковь капитал привязывает к себе более отсталые слои трудящихся, воспитывая их на идеях фашизма, приодетых в церковные одеяния.

В статье «Лев Толстой и его эпоха» Ленин писал, что учение Толстого утопично, а по содержанию «реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова, но отсюда не следует, ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов». Социализм в учении Толстого Ленин называет феодальным социализмом, т. е. социализмом, соответствующим идеологии классов, «которым идет на смену буржуазия».

При этом Ленин напоминает замечание Маркса, что критический элемент этого социализма «стоит в обратном отношении к историческому развитию». Критические элементы в современном христианском социализме именно вследствие того, что общественное развитие шагнуло очень далеко вперед, вследствие того, что классовые противоречия необычайно обострились,—эти элементы критики капитализма совершенно ничтожны. Мы здесь имеем громкую демагогическую фразу, такую же, какую позволяют себе например гитлеровцы в своих нападках на капитализм. Зато в такой же степени, как ничтожны критические элементы в христианском социализме, в такой же мере выросло его реакционное значение. Для партий Коминтерна борьба с ними есть борьба за те пролетарские массы, которые еще находятся в плену у этой реакционной идеологии.

Достижения в области физики за 15 лет

С. Хайкин

Оценивая успехи и достижения советской науки и в частности советской физики за пятнадцать лет, конечно можно и нужно говорить об отдельных крупных научных открытиях, об отдельных достижениях советских физиков, но решающими в оценке должны быть однако не эти отдельные открытия, а все развитие науки, весь размах научной мысли в целом, с одной стороны, и удельный вес науки, ее роль в развитии советской техники и экономики — с другой. Поэтому при подведении итогов развития советской физики за пятнадцать лет прежде всего необходимо остановиться на вопросе о росте масштаба научной работы по физике за истекшие пятнадцать лет и о том значении, которое имеет этот рост для развития советской техники, для решения огромных задач, стоящих перед ней.

История развития нашей физики начинается в сущности с Октябрьской революции. В дореволюционные времена в России не существовало сколько-нибудь крупных физических научных центров в том смысле, как мы это представляем себе сейчас. Несколько кафедр физики при университетах и два—три небольших, не только по нашим масштабам, но и по масштабу того времени, института — этим ограничивалась вся сеть физических научно-исследовательских учреждений в дореволюционной России. Среди работников этих кафедр и институтов были отдельные крупные и даже выдающиеся ученые, но весь размах работы был настолько скромен, что какой-либо ведущей роли ни в мировой науке, ни в развитии техники русская дореволюционная физика не играла. И это конечно не случайное обстоятельство, а естественное следствие той обстановки, тех окружающих условий, в которых находилась наука и в частности физика в России в дореволюционные времена. Весьма отсталая в техническом отношении дореволюционная русская промышленность не имела собственной научной базы, не искала новых технических путей, а пользовалась достижениями и методами заграничной техники. Все те отрасли промышленности, развитие которых теснейшим образом связано с развитием физики и рост которых возможен только при наличии широко поставленной научно-исследовательской работы в области физики, либо вовсе отсутствовали в дореволюционной России, либо находились в зачаточном состоянии и играли роль вспомогательных, сборочных предприятий при крупных иностранных фирмах. В таком состоянии находилась например вся русская электротехническая и радиотехническая промышленность, оптическая и светотехническая промышленность, большинство новых областей машиностроения (двигатели внутреннего сгорания, турбины, точное машиностроение), промышленность изоляционных материалов и т. д. Словом, все те отрасли промышленности, которые главным образом ставят перед физикой новые проблемы, которые

своими запросами форсируют развитие, расширение и углубление научного исследования в области физики, отсутствовали в дореволюционной России.

Если к этим об'ективным условиям, к отсутствию связи между физикой и техникой прибавить еще и то, что в дореволюционной России точные науки и в частности физика не пользовались особым вниманием со стороны правительственных организаций (это отношение к физике и к точным наукам вообще являлось до известной степени следствием указанных об'ективных условий), то станет совершенно ясным, почему в дореволюционные времена русская физика не играла и не могла играть сколько-нибудь заметной роли в мировой науке.

Повторяем, и дореволюционная русская физика дала несколько выдающихся ученых, несколько крупных открытий и вкладов в мировую науку, но это были лишь отдельные достижения, которые все же не могли поднять русскую физику на сколько-нибудь значительную высоту, ибо не существовало об'ективных условий для развития этой области науки в целом.

Поэтому все те успехи и достижения, о которых будет итти речь ниже, следует отнести за счет послереволюционной эпохи, рассматривать как достижения советской физики.

Огромный размах развития советской физики прежде всего отражается в росте сети физических научно-исследовательских учреждений в СССР. Вместо нескольких кафедр физики и «карликовых» физических институтов, об'единявших вряд ли более сотни научных работников, в СССР сейчас насчитывается несколько десятков физических научно-исследовательских учреждений, об'единяющих тысячи научных работников.

Среди этих учреждений наиболее крупным является Ленинградский физикотехнический комбинат, руководимый академиком А. Ф. Иоффе и об'единяющий три крупнейших института: физикотехнический — под руководством акад. А. Ф. Иоффе, электрофизический — под руководством акад. А. А. Чернышева и химико-физический — под руководством акад. Н. Н. Семенова.

Крупнейшим научным учреждением является Ленинградский оптический институт, руководимый акад. Д. С. Рождественским и акад. С. И. Вавиловым. В Москве крупным физическим научным центром является Научно-исследовательский институт физики московского государственного университета им. М. Н. Покровского, об'единивший вокруг себя группу крупнейших советских физиков. Большой научный центр создан за последние годы в Харькове в виде Украинского физикотехнического института. Создан ряд физикотехнических институтов не только в столицах, но и в краевых и областных административных и культурных центрах — в г. Горьком, Томске, Свердловске. Помимо этого возник целый ряд отдельных физических лабораторий не только в различных отраслевых научно-исследовательских институтах (например Теплотехнический институт или Институт цветных металлов в Москве), но и при отдельных крупных промышленных предприятиях (например завод «Светлана» в Ленинграде, Электрозавод в Москве, некоторые авиационные заводы и т. д.). Это последнее обстоятельство имеет особое значение потому, что оно является показателем проникновения физики в промышленность, показателем той связи между физикой и техникой, которая установлена и все время развивается и крепнет.

Этот количественный рост советской физики вызвал в ней весьма существенные качественные изменения. Вместо отдельных разрозненных ученых и исследователей у нас выросли крупные, тесно спаянные научные коллективы, в которых общей работой, общими запросами и интересами об'единены все, начиная от крупнейших ученых с мировыми именами и кончая молодыми научными работниками, недавно пришедшими со школьной скамьи. И это опять-таки не случайно. Весь размах научной работы, огром

ные запросы, которые пред'являют к науке развитие советского хозяйства, рост техники и индустриализация страны, требуют не только новых масштабов, но и новых методов научной работы, и в первую очередь коллективных методов работы, ибо только силами целого коллектива, а не разрозненными усилиями отдельных, хотя бы и талантливых, ученых могут быть разрешены все те сложные, в большинстве своем комплексные и многосторонние проблемы, которые поставлены перед советской физикой.

Эти научные коллективы, разрабатывающие определенный круг вопросов, создали в целом ряде случаев определенные научные направления и стали играть значительную и иногда даже ведущую роль во всей мировой науке.

Оценивая значение и роль в мировой науке этих отдельных направлений развития советской физики, необходимо прежде всего отметить большой удельный вес советской теоретической физики, в частности работы советских теоретиков в области квантовой физики и теории строения вещества. Имена советских физиков, работающих в этой области,— Гамов, Френкель, Фокк, Тамм, Ландау, Иваненко, Румер, Шубин, Розенкевич и др.,— хорошо известны за границей и пользуются среди иностранных ученых большим авторитетом. Работы упомянутых ученых в области строения ядра, теории строения твердого тела и в частности металлов, связи между теорией квант и теорией относительности и т. д. представляют собой значительный вклад в мировую науку. Особенно большой интерес вызвали в свое время работы Г. А. Гамова по теории строения ядра.

Роль советских теоретиков в области квантовой физики подчеркивается не только числом их работ, которые занимают видное место в мировой научной литературе, но и тем непосредственным интересом, который проявляют иностранные ученые к советской теоретической физике. Лучшим показателем этого интереса является систематическое участие крупнейших иностранных ученых в конференциях по теоретической физике, происходивших за последние годы в Союзе. Ни одна из этих конференций не проходила без участия целого ряда крупных иностранных теоретиков.

Говоря об успехах советской теоретической физики, необходимо помимо указанных имен отметить еще ряд советских физиков — Крутков, Тимирязев, Фредерикс, Бурсиан, Леонтович и др., — работы которых внесли много нового и ценного в различные отделы теоретической физики.

Несомненно, одна из руководящих ролей в мировой науке принадлежит советской физике в области изучения строения и свойств твердого тела. Работы акад. А. Ф. Иоффе и группы его сотрудников — Курчатова, Кобеко, Гольдгаммера и др. — по изучению строения и физических свойств кристаллов заложили основу новой области физики, именно — физики твердого тела, создание и развитие которой является одним из крупных достижений советской физики. В этой области необходимо отметить также работы томского физика Кузнецова и группы его сотрудников по изучению механических свойств твердого тела и работы московского физика Млодзеевского по строению кристаллов. Роль и значение физики твердого тела исключительно велики. Помимо того огромного научного интереса, который представляет эта область физики, с ней теснейшим образом связан целый ряд вопросов, имеющих огромное практическое значение. Таковы например вопросы электрического пробоя и прочности изоляторов, в разработке которых советская физика также занимает одно из ведущих мест и достигла весьма значительных успехов (работы Вальтера, Инге и др.). Вопросы изучения свойств изоляционных материалов и создания новых типов их имеют огромное значение для нашей электротехнической промышленности и для проблемы электрификации в целом. Неменьшее практическое значение имеет и другая проблема, тесно связанная с физикой кристаллов, именно — изучение строения

металлов и применение новых методов для исследования строения металлов и металлических сплавов (использование рентгеновских лучей и электронных волн).

Работы советских физиков в этой области (Курдюмова, Конобеевского, Тартаковского и др.) закладывают основу нового направления в физике, именно — металлофизики, значение и роль которой с точки зрения интересов и нужд социалистического строительства настолько велики и вместе с тем настолько очевидны, что вряд ли нуждаются в каком-либо пояснении.

К заслугам советской физики следует также отнести создание нового направления химической физики, которое сейчас стало уже вполне самостоятельной дисциплиной и выходит за рамки физики в том смысле, как мы ее сейчас понимаем. Однако мы считаем здесь необходимым упомянуть о нем, ибо исторически это направление возникло и развилось у нас благодаря работам советских физиков (акад. Семенов, Кондратьев, Рогинский и др.) и превратилось сейчас в весьма важную и имеющую огромное значение для всего народного хозяйства дисциплину, занимающую промежуточное положение между физикой и химией.

Очень значительны успехи советской физики и в области оптики. Здесь прежде всего необходимо указать на работы группы оптиков, работающих в Институте физики МГУ (акад. Мандельштам, Ландсберг, Леонтович и др.), в области рассеяния света. Открытое Ландсбергом и Мандельштамом (одновременно с Раманом в Калькутте) явление комбинационного рассеяния света представляет собой одно из наиболее принципиальных и интересных явлений, открытых в оптике за последние десятилетия. О том, как велико научное значение этого открытия, можно судить по тому факту, что со времени открытия явления Рамана — Ландсберга — Мандельштама в мировой научной литературе появилось уже несколько сот работ, посвященных этому явлению. Другая группа московских оптиков (акад. Вавилов, Левшин и др.) изучает чрезвычайно сложные и запутанные явления флуоресценции и внесла уже в эту мало разработанную область много ценного и нового.

Не менее значительными являются работы по оптике Ленинградского оптического института (акад. Рождественский, Тренин, Фриш, Прокофьев, Гросс и др.). Особенно велики заслуги Ленинградского оптического института в области прикладной оптики и оптотехники. Работы института по расчету оптических систем (Игнатовский и др.), по разработке методов изготовления и обработки оптического стекла (Гребенщиков) подвели широкую научную базу под советскую оптотехническую промышленность (оптическое стекло, микроскопы, бинокли, фотоаппараты и т. д.) и обеспечили развитие этой отрасли промышленности, освобождающее нас от импортной зависимости в отношении опто-фото- и киноаппаратуры.

Успехи оптической лаборатории Института физики МГУ в отношении непосредственного разрешения задач, выдвигаемых социалистическим строительством, более скромны, однако к 15-й годовщине Октября и эта лаборатория пришла с известными достижениями. Под руководством Г. С. Ландсберга в лаборатории разработан метод оптического контроля качества чугуна (выяснение количества кремния и других примесей, определяющих качество чугуна и его свойства). Применение этого метода на автозаводе им. Сталина показало, что благодаря быстроте анализа с его помощью может быть разрешена одна из актуальнейших задач металлургии: изменение и исправление качества чугуна во время самого металлургического процесса. Этот метод применяется впервые не только у нас, но во всем мире и является весьма ярким примером того, как физика может оказаться весьма полезной не только при разработке общих принципиальных проблем техники, но и при разрешении отдельных конкретных запросов сегодняшнего дня, запросов, чи-

сло которых непрерывно растет вместе с ростом и развертыванием советской промышленности.

Бесспорно ведущую роль в мировой науке играет советская физика в области учения о колебаниях. Работами акад. Мандельштама, Папалекси, Андронова, Витта и др. создано новое направление в учении о колебаниях, которое стало известно под именем «теории нелинейных колебаний». Это новое направление значительно расширило наши знания в области колебательных процессов и облегчило разрешение целого ряда принципиальных и весьма актуальных вопросов радиотехники (например вопроса о борьбе с помехами). Происходивший недавно в Париже международный электротехнический конгресс с несомненностью показал, что в области общего учения о колебаниях советская физика не только не отстает от заграничной, но во многих вопросах оказывается значительно впереди заграничной. Также весьма значительны успехи советской физики в области разработки физических основ радиотехники и вопросов излучения и распространения радиоволн (работы Введенского, Рожанского, Кобзарева, Щукина и др.). Благодаря всем этим успехам советская радиопромышленность получила достаточно широкую научную базу для своего дальнейшего развития и для полного освобождения от иностранной зависимости не только в области производства, но и в области научно-технических разработок. К этому непосредственно примыкают работы советских физиков в области дециметровых волн (Рожанский, Романов, Капцов, Грехова, Слуцкин, Штейнберг и др.). В эту пока еще очень мало разработанную область советские физики внесли однако достаточно ясности для того, чтобы оказалось возможным начать практическое применение дециметровых волн для целей радиосвязи и в этом направлении не только не отстать от заграницы, но даже в некоторых отношениях опередить иностранную технику.

Наконец здесь же следует указать на работы советских физиков в области музыкальной, архитектурной, физиологической акустики и электроакустики (Андреев, Ржевкин, Беликов, Зернов, Лившиц и др.). Этими работами создана научная база для целого ряда отраслей техники, развитие которых было бы немыслимо или во всяком случае весьма затруднено при отсутствии этой базы (например говорящее кино, промышленность музыкальных инструментов и т. д.).

Весьма значительны достижения советской физики в области изучения магнитных явлений. Работы Акулова, Дорфмана, Аркадьева не только представляют значительный научный интерес, но многие из них нашли себе применение при решении целого ряда актуальнейших практических задач из области электромашиностроения, связи и т. д. Многие из этих работ, в особенности работы Акулова, принадлежат к числу наиболее значительных во всей мировой науке за последнее время исследований по вопросам ферромагнетизма, гистерезиса и т. д.

Успехи советской физики в области электронных и термионных явлений (Лукирский, Романов, Капцов, Векшинский) обеспечили широкое развитие советской электровакуумной промышленности, которая вообще является новой отраслью промышленности и в СССР возникла всего лишь около десяти лет тому назад. Успехи молодой советской электровакуумной промышленности в значительной степени обусловлены именно интенсивной научной работой в области электронных и термионных явлений. С другой стороны, внедрение электронных и газовых приборов в технику оказалось возможным благодаря работам крупнейших советских инженеров (акад. Чернышев, Вологдин и др.), разрабатывающих целый ряд физических проблем, возникающих в области электротехники, высоких напряжений и т. д.

Как несомненное достижение советской физики следует отметить сов-

дание совершенно нового направления — теплофизики, которая ставит себе задачей разработку физических проблем, лежащих в основе современной теплотехники (проблемы теплопередачи и теплообмена, физические методы исследования процессов горения и взрыва горючего и т. д.). Это новое направление, развиваемое в Н.-И. Институте физики МГУ Предводителевым и группой его сотрудников, является первой попыткой во всей мировой науке подвести научный фундамент под современную теплотехнику. Дальнейшее развитие этой области физики несомненно будет иметь большое значение при разрешении всех важнейших проблем энергетики и теплового хозяйства (теплофикация, рациональное сжигание топлива, усовершенствование двигателей внутреннего сгорания и т. д.). К этому направлению близко примыкает область молекулярной физики, в которой работы советских физиков (Ильин, Ребиндер, Семенченко) также занимают видное место. Эти работы помимо своего научного интереса имеют во многих случаях и большое практическое значение, ибо они тесно связаны с целым рядом актуальных проблем современной техники (изучение свойств строительных материалов, проблемы флотации и т. д.).

Далее вкратце отметим работы акад. Лазарева и группы его сотрудников по биологической физике, работы Щпольского по фотохимии, Мысовского, Баранова и других по радиоактивности, работы Гольдмана, Успенского, Карчагина и т. д. Этот перечень можно было бы продолжать и дальше, но в кратком очерке конечно невозможно сколько-нибудь полно охватить все многочисленные работы тысячи советских физиков. В заключение отметим лишь успехи, достигнутые за последнее время советскими физиками в области экспериментального изучения строения ядра. Мы имеем в виду работы Украинского физико-технического института (Обреимов, Лейпунский и др.) по разрушению ядра лития. Правда, пока это лишь повторение (отчасти с помощью новых методов) опытов, проделанных уже в Англии Кокрофтом и Уоллтоном, но самое овладение этой тонкой и сложной экспериментальной методикой является известным достижением, а главное дает основание рассчитывать на дальнейшие, уже самостоятельные успехи Украинского физико-технического института в этой области.

Размах научно-исследовательской работы по физике в Советском союзе в известной степени может быть охарактеризован числом научных с'ездов и конференций как по физике вообще, так и по определенным разделам физики: за истекшие 15 лет было созвано 7 физических с'ездов, на которых число участников достигало иногда 600 чел., и помимо этих с'ездов—конференции по отдельным разделам физики (ряд конференций по теоретической физике, по физике твердого тела, по колебаниям, по акустике и т. д.) или даже по отдельным проблемам (например конференции по строению ядра, пьезоэлектрическая конференция и т. д.).

До некоторой степени характерным для размаха научной работы является положение дела с научной продукцией советских физических институтов. В Советском союзе сейчас регулярно выходят три физических журнала, печатающих оригинальные работы (из них один на немецком языке), и один журнал рефератного и обзорного характера. Помимо этого работы советских физиков занимают немало места в иностранных журналах. Так например наиболее распространенный журнал «Zeitschrift für Physik» иногда до 30 проц. бывает заполнен работами советских физиков.

Таковы вкратце успехи советской физики в области научно-исследовательской работы и подготовки научной базы для дальнейшего развертывания промышленности, дальнейшей индустриализации Советского союза. Но этой областью не ограничиваются задачи советской физики. Огромной важности задача, стоящая перед всем народным хозяйством в целом, стоит и перед физикой. Это — проблема создания новых кадров, подготовки физиков-исследо-

вателей в таком количестве и такого качества, чтобы они могли удовлетворить уже сейчас очень значительную и в дальнейшем несомненно еще более возрастущую потребность наших научно-исследовательских институтов и промышленных лабораторий в физиках. Проблема кадров теснейшим образом связана с основной задачей советской физики — созданием научной базы для индустриализации Союза. Внедрение физики в технику и сельское хозяйство, проникновение физических методов в промышленные исследования и испытания немыслимо без огромного числа физиков-исследователей, которые должны явиться исполнителями этой важнейшей задачи. И чем теснее будет связь физики с техникой, чем больше будут внедряться физические методы в технику, тем больше физиков будут требовать техника и промышленность, тем острее будет стоять проблема кадров в отношении физиков-исследователей.

В отношении подготовки новых кадров достижения советской физики за истекшие пятнадцать лет весьма значительны. Свидетельствует об этом прежде всего тот факт, что совершенно подавляющее большинство физиков-исследователей в СССР еще не достигло тридцатипятилетнего возраста, т. е. ко времени Октябрьской революции в лучшем случае они только успели попасть в стены высших учебных заведений. Таким образом почти вся огромная армия советских физиков состоит из людей, подготовленных в советских вузах и институтах. Армия эта немалая по количеству и далеко неплохая по качеству [1]), о чем свидетельствует хотя бы приведенный выше краткий перечень достижений советской физики за пятнадцать лет.

[1]) Результат подготовки научных кадров в НИИФ (по сведениям университетской секции ГУС).

По годам	Аспиранты		Действительные члены	Научные сотрудники I разр	Научные сотрудники II разр.	Количество научных трудов
	Принято	Выпущ.				
1923	—	—	12	5	—	8
1924	—	—	13	6	5	1
1925	15	—	11	5	—	24
1926	6	—	10	6	—	21
1927	2	—	10	6	—	14
1928	3	2	9	5	—	24
1929	4	17	13	7	—	17
1930	20	2	14	8	—	15
1931	18	2	17	12	7	30
1932	15	1	24	31	28	До 1/X сд. 20

Важнейшие научные работы и их результаты:

1) Открытие явления комбинационного рассеяния света (открыто Л. И. Мандельштамом и Г. С. Ландсбергом, одновременно с Раманом в Калькутте). Научное значение работы характеризуется тем, что со времени открытия явления Рамана—Ландсберга—Мандельштама появилось в мировой литературе несколько сот работ, посвященных этому явлению.

2) Новые работы в области ферромагнетиков, в частности разработка методов магнитоструктурного анализа (Н. С. Акулов). Работы Акулова пользуются широкой известностью за границей. Метод магнитоструктурного анализа вводится на наших заводах.

3) Разработка общей теории нелинейных колебаний (работы Мандельштама, Андронова, Витта) пользуется известностью за границей.

Новые методы, разработанные Мандельштамом, Андроновым и Виттом широко применяются для решения целого ряда важнейших вопросов радиотехники (в ПРЛ ВЭСО).

4) Методы спектрального анализа металлов и обнаружения в них небольших примесей разработаны Г. С. Ландсбергом.

Метод уже применяется с успехом на заводе им. Сталина для анализа чугуна.

Подготовка физиков-исследователей сосредоточена, с одной стороны, в физических отделениях университетов (Москва, Ленинград, г. Горький, Томск, Пермь, Ростов) и в специальных физико-механических вузах (Ленинград, Харьков, Свердловск), а с другой стороны — в научно-исследовательских институтах в форме аспирантуры. Тесная связь большинства упомянутых вузов с соответствующими научно-исследовательскими институтами обеспечивает возможность поместить студентов в обстановку научной работы, без чего конечно невозможна подготовка физиков-исследователей. Эта связь между вузами и научно-исследовательскими институтами является одним из важнейших условий, способствующих успешному разрешению проблемы кадров в области физики.

В отношении количественном наши успехи в области подготовки кадров огромны. Что же касается вопроса о качестве подготовки, то при оценке ее надо учитывать то обстоятельство, что специалисты, которых мы сегодня начинаем готовить, приступят к практической работе через четыре-пять лет, т. е. примерно к концу второй пятилетки. А за это время наша техника и наука несомненно продвинутся далеко вперед. И с точки зрения тех более высоких требований, которые через пять лет будет пред'являть техника к физике, с точки зрения той более усложненной обстановки, в которую через несколько лет попадет пришедший сегодня на учебу студент или аспирант, та подготовка, которую давали наши физические вузы и аспирантура, не всегда может оказаться достаточной. Поэтому успехи советской науки и техники выдвигают на первый план проблему качества подготовки специалистов. Эта проблема поставлена во весь рост в постановлении ЦИК СССР от 20 сентября с. г., и все указания, содержащиеся в этом постановлении, конечно в полной мере относятся и к подготовке кадров физиков. Необходимо в кратчайший срок добиться того, чтобы и в отношении качества наши успехи по подготовке кадров физиков стали столь же значительны, как и успехи в отношении количества.

Таковы в общих чертах успехи советской физики за пятнадцать лет. Они несомненно весьма значительны, особенно если учесть то скромное наследство, которое получила советская физика от старой, дореволюционной русской физики. Однако учитывать нужно не только наследство, но и те изменения в условиях, в окружающей обстановке, которые произошли после Октябрьской революции. И учтя эти изменения, учтя ту исключительно благоприятную обстановку, которая создана в Советском союзе для развития науки вообще и физики в частности, надо прямо сказать, что сделано не очень много, вернее сделано недостаточно. Советская физика еще не сумела до конца использовать те благоприятные условия, в которые она поставлена. Одним из наиболее благоприятных условий для развития физики является рост техники, которая в своем развитии пред'являет физике все новые и новые требования, ставит все новые и новые задачи и тем самым форсирует развитие физики. В этом отношении ни одна эпоха не благоприятствовала так развитию физики, как переживаемая нами эпоха перестройки всего народного хозяйства на основах новой техники. И если к этому благоприятному обстоятельству прибавить еще то исключительное внимание, которое уделяют развитию науки наши правительственные и общественные организации, то от советской физики можно потребовать большего, чем сделано до сих пор, ибо кому много дано, с того много и спрашивается. Советская физика еще не всегда чутко прислушивается к запросам и нуждам нашей техники и всего народного хозяйства в целом. Мы еще не всегда умеем использовать для практических целей достижения физики, внедрять в технику новейшие физические методы. Еще нередко наши научные работы, которые могли бы иметь немалое практическое значение, либо остаются в нед-

рах лабораторий, либо появляются на страницах научных журналов в таком виде, который не дает возможности использовать полученные результаты для практических целей, применять их в технической обстановке.

Наконец мы еще не научились достаточно полно использовать основное, наиболее существенное преимущество всей социалистической системы народного хозяйства, которое ставит и советскую науку в исключительно благоприятные условия по сравнению с условиями в капиталистических странах,—именно плановость нашего народного хозяйства. Мы имеем полную возможность в наших условиях планировать научную тематику, создавать такие планы научных исследований, в которых не только были бы отражены наиболее актуальные технические задачи сегодняшнего дня, но были бы учтены и те проблемы, которые только в будущем возникнут в технике. Другими словами, мы имеем возможность так планировать научную тематику, чтобы не только разрешать для техники наболевшие очередные вопросы, но широким фронтом развертывать научную базу для дальнейшего развития техники. Только при таком планировании советская физика сможет использовать все то огромное преимущество, которое она имеет перед наукой капиталистических стран и которое заключается в плановости нашего хозяйства.

Между тем в этом направлении советская физика сделала еще очень немного. До последнего времени сколько-нибудь серьезных планов научной тематики, которыми наши научно-исследовательские институты могли бы руководствоваться в своей работе, создано не было. Только в последнее время в этом направлении наметились некоторые успехи. Группами физиков, работающих в разных областях, были разработаны тематические планы на вторую пятилетку по соответствующим разделам физики. Эти планы охватывают все наиболее актуальные как с точки зрения их научного интереса, так и с точки зрения их практического значения в связи с задачами второй пятилетки проблемы, относящиеся ко всем основным разделам физики. Составленная на вторую пятилетку тематика уже обсуждена в совещаниях, в которых участвовали крупнейшие советские физики, и в дальнейшем должна быть обсуждена на конференциях по планированию науки, созываемых НКТП и Госпланом. Таким образом к началу второй пятилетки будет окончательно намечена тематика научно-исследовательской работы по физике во вторую пятилетку.

Наличие тематического плана научной работы наряду со всеми другими условиями, благоприятствующими развитию советской физики, обеспечит ее дальнейшие успехи, еще более значительные, чем те, которые мы можем констатировать сейчас, подводя итоги к 15-й годовщине Октябрьской революции. И этих успехов советская физика должна добиться во что бы то ни стало, она должна справиться со стоящей перед ней задачей — не только не отставать в развитии от техники, но опередить ее, и притом опередить настолько, чтобы в своем дальнейшем развитии техника могла двигаться по пути, уже расчищенному *советской* физикой, ибо техника капиталистических стран скоро останется позади и мы должны будем пойти своими собственными, вполне самостоятельными путями.

О развитии и значении работ Мичурина

(К 15-й годовщине Октября)

А. Сахалтуев

Работы знаменитого русского селекционера-плодовода Ивана Владимировича Мичурина несомненно представляют яркий образец того, насколько глубоко активное вмешательство человека может перестроить существующие виды организмов. Занимаясь в течение ряда десятилетий созданием сортов плодовых растений, выдерживающих северный климат, Мичурин кропотливой предварительной разработкой вопроса создал научную основу для плодоводства в таких районах, которые об этом прежде не могли и мечтать.

Советская власть прочно укрепила материальную базу для работ Мичурина, окружила эти работы вниманием и заботливостью, ведя неустанную борьбу с косностью и традициями тех «ортодоксов» науки, которые не понимали (или сознательно отвергали) революционного значения работ Мичурина.

Подведем некоторый итог достижениям Мичурина, посмотрим, какие практические результаты дают эти достижения в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства и что сделано и делается для их популяризации и дальнейшего развития.

Иван Владимирович Мичурин начал свою работу в 1875 г. в г. Козлове, теперь Мичуринске, на небольшом клочке земли, расположенном возле его квартиры, имея очень маленькие средства—жалованье мелкого железнодорожного служащего.

Упорный и настойчивый в проведении своих идей по революционизированию нашей флоры, отказывая себе в самом необходимом, И. В. в 1885 г. купил — с долголетней рассрочкой — небольшой клочок земли недалеко от Козлова. Здесь Мичурин проработал 15 лет, целиком отдавшись делу выведения новых сортов. Однако почвенные условия этого участка не были пригодны для работ И. В., и в 1900 г. он приобретает новый участок. На этом участке площадью в 10 га, расположенном в полутора километрах от Козлова, Мичурин ведет свои работы и по настоящее время, но после Октябрьской революции площадь участка увеличилась в три раза и кроме того создано репродукционное отделение питомника площадью в 250 га.

Царское правительство ничего не сделало для развития работ исследователя; тупоголовые бюрократы глушили всякую инициативу, все новое, революционное; американцы же еще в ту пору звали И. В. в Америку; от предложений американцев, очень выгодных в материальном отношении, Мичурин отказался, предвидя деляческий характер этих предложений, остался в нашей стране и в течение 57 лет работы вывел более 200 новых сортов.

В настоящей статье я не имею возможности останавливаться на подробном описании новых сортов плодовых, ягодных и огородных растений.

выведенных И. В. Мичуриным. Отмечу лишь главнейшие из них. Всесоюзным совещанием по стандартизации ассортиментов, состоявшимся в Киеве в декабре 1931 г., признаны стандартными следующие сорта Мичурина: «из яблонь — славянка, бельфлер-китайка, бессемянка Мичурина, шафран-китайка, пипин шафранный; из груш — бере-зимняя Мичурина; из слив — терн сладкий Мичурина; из вишен — плодородная Мичурина» [1]. Из сортов, выведенных И. В. для средней и северной части Союза, наиболее ценны: антоновка полуторафунтовая, обладающая весом до 600 грамм и обильными урожаями; антоновка шафранная, полученная из семени антоновки обыкновенной, оплодотворенной пыльцей ранета орлеанского; она хорошо сохраняется в свежем виде до марта, имеет обильную и правильную урожайность, дерево ее неприхотливо к почве и отличается выносливостью. Славянка, обладающая постоянной урожайностью, нетребовательностью к почве, морозостойкостью, — перворазрядный сорт для севера. Бельфлер-китайка — сорт, легко выносящий морозы под 58 градусом северной широты, и, как пишет И. В., «сорт во всех отношениях перворазрядный». Бессемянка мичуринская — сорт перворазрядный, отличающийся лежкостью до мая и полной выносливостью в отношении морозов, пригодный для разведения в садах средней и отчасти северной части Советского союза, так же как и кандиль-китайка и пипин шафранный; груша бере-зимняя Мичурина, имеющая крупные плоды, позднее созревание и лежкость до весны. Среди сортов, выведенных И. В. для северной и средней полосы Союза, имеются такие, произрастание которых на севере казалось совершенно невозможным: абрикосы, миндаль, грецкие орехи, шелковицы, ренклоды, виноград.

Известно, что север европейской части Союза и Сибирь совершенно лишены садов. Только советская власть, только социалистическая реконструкция могли поставить проблему продвижения плодоводства на север и дать работам Мичурина надлежащий размах.

После Октябрьской революции, в 1921 г., на базе достижений И. В. Мичурина было основано репродукционное отделение питомника — в настоящее время вместе с основным питомником Селекционно-генетическая станция, а в 1931 г. — комбинат имени В. И. Мичурина.

Селекционно-генетическая станция не входит в комбинат, но является чрезвычайно важной и неотъемлемой частью научных учреждений и организаций, развернутых на базе работ И. В. Мичурина. Директором станции является И. В. Мичурин, заместителем И. С. Горшков, очень много сделавший для станции в самый трудный период ее организации.

Особо следует подчеркнуть тот интерес и внимание, которые оказывал работам Мичурина В. И. Ленин. Так, в 1922 г. Тамбовским губисполкомом и питомником была получена телеграмма СНК следующего содержания: «Опыты по получению новых культур растений имеют громадное государственное значение. Срочно пришлите доклад об опытах и работах Мичурина Козловского уезда для доклада председателю СНК т. Ленину. Исполнение телеграммы подтвердите. Управдел СНК Горбунов».

В настоящее время Селекционно-генетическая станция является центром работ И. В. Мичурина: в основном питомнике Мичурин ведет свои исследовательские работы, а в репродукционном отделении они разрабатываются и проверяются в массовом масштабе.

Отделение имеет ряд прекрасно оборудованных лабораторий: цитологическую, генетическую, селекционную, химическую и кабинет по электрификации и воздействию ультрафиолетовых лучей на развитие растений. Кадры станции — 30 научных работников.

[1]) См. журнал «Соц. плодо-овощное хозяйство» № 3 за 1932 г., стр. 11.

Очередные темы, над которыми работают научные работники СГС, следующие: секция селекции работает над темой — «Селекция и генетика яблони с целью получения скороспелых, выносливых, урожайных, транспортабельных, пригодных для технической переработки и механической уборки сортов». Методика работы — межвидовые, межродовые и внутриродовые скрещивания форм различного географического происхождения с последующим изучением и отбором гибридных сеянцев. По секции генетики ведется экспериментальная разработка методов вегетативного сближения, экспериментальная работа по вызыванию мутаций и изучение явлений фотопериодизма у плодово-ягодных растений. В цитологической лаборатории ведутся работы по изучению исходных форм гибридов, в кабинете по электрификации ставятся установки для ионизации растений. И наконец в химической лаборатории проводится химическое изучение сортов Мичурина с целью их сравнительной оценки.

За 11 лет существования питомника им проделана огромная работа: опылено свыше одного миллиона цветков, площадь питомника выросла по садам, плодоносящим, с 10 га в 1929 г. до 15 га к 1932 г., по молодым насаждениям — с 10 до 65 га, по питомнику — с 35 до 80 га, по гибридным сеянцам — с 4 до 15 га за этот же промежуток. Развитие работ станции характеризуется и выпуском из питомника посадочного материала. Так, в 1929 г. было выпущено 35 тыс. саженцев, в 1930 г.—55 тыс. саженцев, в 1931 г. — 90 тыс. саженцев и 20 тыс. черенков (для прививки), в 1932 г.— 120 тыс. саженцев и 250 тыс. черенков, а всего за 4 года 300 тыс. саженцев и 270 тыс. черенков. Этими черенками можно заокулировать около полутора миллиона дичков. В порядке консультаций станцией послано до 30 тыс. ответов по различным вопросам. За весь период существования станции ее посетило 15 тыс. человек экскурсантов из различных мест Союза (колхозники, специалисты, учащиеся). Станция принимала участие в ряде районных и двух заграничных выставках — в Германии и в Америке. Работы станции были засняты на кинофильм. Станцией проведен ряд экспедиционных обследований и собрана коллекция диких и культурных видов семячковых и косточковых пород (больше трехсот сортов). Изданы два первых тома трудов И. В. Мичурина — «Итоги полувековых работ по выведению новых сортов плодовых и ягодных растений», первый том трудов опытно-помологического питомника и ряд популярных книжек о работах Мичурина и станции. В 1932 г. была послана экспедиция на Дальний Восток: в Уссурийский край и на Амур для отыскания новых видов плодово-ягодных растений и собирания исходных форм для селекции.

* * *

Учебно-опытный комбинат имени И. В. Мичурина — следующее звено по продвижению достижений и методов Мичурина в наше социалистическое хозяйство.

Составные части комбината: Научно-исследовательский институт северного плодоводства с системой зональных станций, опорных пунктов и кружков мичуринцев, учебный отдел, включающий вуз селекции плодово-ягодных культур, садово-огородный техникум и ряд других учебных заведений, и производственная часть. (См. на стр. 233 «схему Построения учреждений и организаций на базе работ И. В. Мичурина после революции»).

Научно-исследовательский институт северного плодоводства за один с небольшим год своего существования оброс системой зональных станций, имеющих единый план работы по выведению, распространению и популяризации мичуринских плодовых сортов, разработанный станциями совместно

СХЕМА

ПОСТРОЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ НА БАЗЕ РАБОТ ИВ. ВЛАД. МИЧУРИНА ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

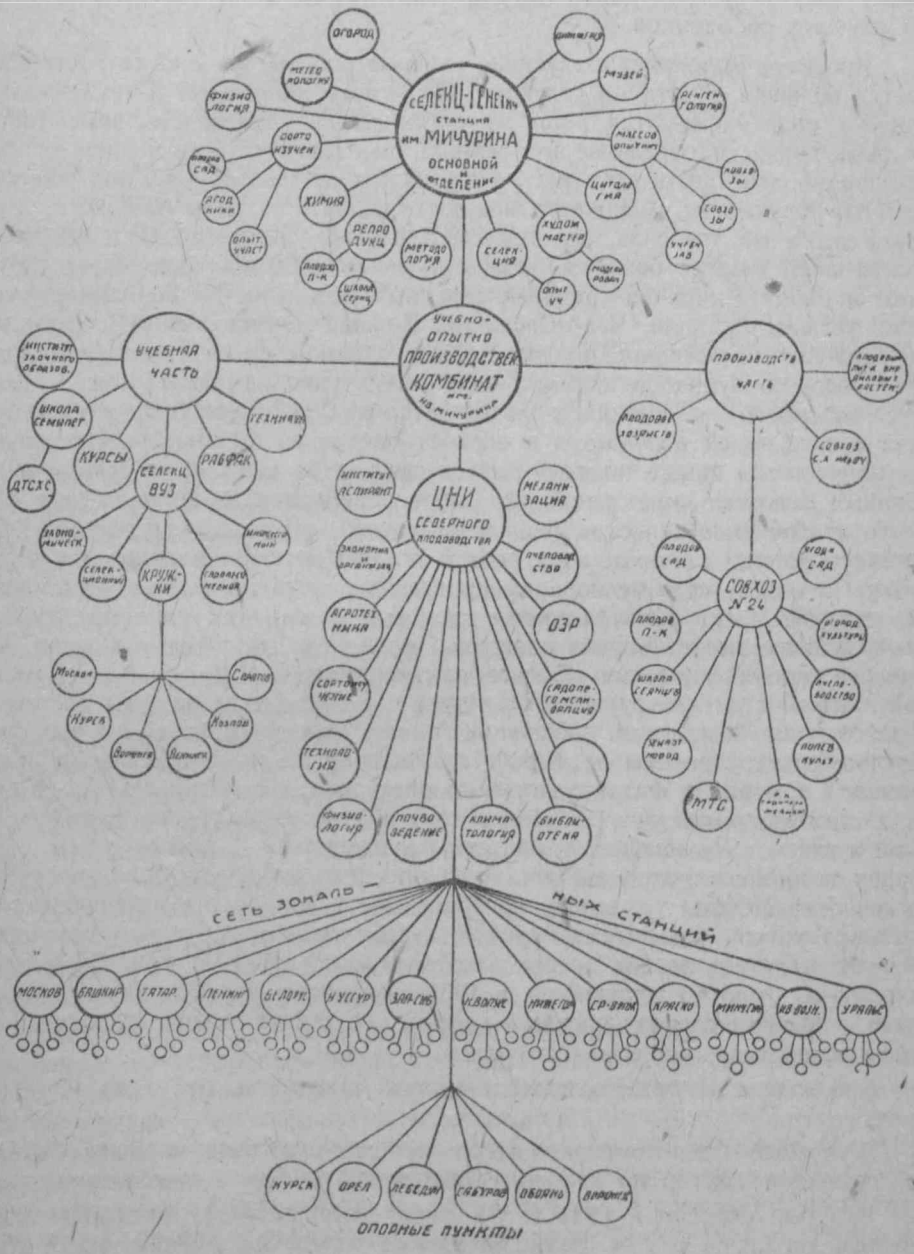


Схема построения учреждений и организаций на базе работ Мичурина после революции.

и под руководством института. С 1931 г. по 1932 г. число станций выросло с 4 до 14 и опорных пунктов с 10 до 40. Роль станций очень велика — они являются основными двигателями в проведении всех мероприятий в области плодоводства в районе, а также принимают активное участие в разработке районных пятилеток. Кадровый состав научных работников вырос за год по самому институту с 45 до 60 научных работников, а по станциям с 98 до 340 научных работников.

Институт выполняет следующие научные работы: по всей сети станций ведется большая работа по селекции. По отделу экономики и организации хозяйств разрабатываются вопросы организации производственных типов плодовых хозяйств, отделение агротехники работает над применением в переработанном виде опыта крупных американских хозяйств, — и здесь уже достигнуты результаты, дающие возможность снизить затраты на один га плодового сада в два, три раза, чем сохраняются миллионы рублей. Отделом связи с заграницей ведется большая работа по популяризации идей нашей пятилетки и работ Мичурина среди иностранных специалистов Германии, Америки, Англии, Франции, Чехо-Словакии, Польши и Финляндии. В ответ на это буржуазный немецкий плодовод Янсон в одном из немецких руководящих плодовых журналов написал «обличительную» статью на тему: «Движется опасность для немецкого плодоводства из Советского союза». Отделом связи с заграницей получается и обрабатывается до 80 иностранных научных журналов, а также поддерживается связь с большим количеством иностранных опытных учреждений. Из работ отдела механизации следует отметить изобретение тульским рабочим Коротковым, теперь студентом ВУЗ, плодовоуборочной машины; идет работа по изобретению машины для ягодников. По отделу садо-мелиорации проведена работа по выявлению площадей, которые могут быть засажены плодовым садом, как например кубанские и донские пески. Борьба с засухой пойдет в значительной мере по линии насаждений плодовых деревьев, так например в ЦЧО в районе Каменской степной станции груша конкурирует с дубом. Отдел защиты растений разработал на Московской зональной станции авиометод борьбы с вредителями, им ведутся работы по борьбе с плодожоркой и по обобщению иностранного опыта. По фитопаталогии ведется работа с пятнистостью растений. Отдел удобрений разрабатывает тему «Географическое изучение удобрений в связи с химизацией в области плодоводства» и вместе с тем, как и отдел экономики и агротехники, ведет большую работу на производственных участках. Отдел технологии разрабатывает вопрос о консервировании скоропортящихся плодовых продуктов и принимает участие в руководстве работами местного завода треста Союзплодоовощ. В 1931 г. в Институте аспирантуры было 15 аспирантов, в 1932 г. принято еще 20 человек. Здесь наряду с другими специальностями впервые готовятся высококвалифицированные кадры селекционеров-плодоводов.

Библиотека Научно-исследовательского института имеет до 17 тыс. томов.

В учебный отдел комбината входят вуз селекции плодово-ягодных культур, техникум, сектор по заочному обучению, рабфак и школа-семилетка.

Вуз был основан в 1931 г. Он имеет селекционное, плодоводческое, садо-мелиоративное и с.-х. технологическое отделения. Общее число студентов с 300 в 1931 г. выросло до 391 в настоящее время. В техникуме число учащихся — 265 и на рабфаке 100. По ноябрь месяц с. г. вузом выпущено 33 селекционера и плодовода и техникум выпускает 36.

Сектор заочного обучения, переведенный в 1931 г. из Тимирязевской академии, вырос за один год на 100 проц. В настоящее время он охватывает

2.188 заочников-вузовцев, учащихся техникума и бригадиров, разбросанных по всему Союзу, по 470 районам, из которых наиболее охвачены ЦЧО, Московская и Средневолжская области и Северный Кавказ. В совхозе комбината в осеннюю (1931 г.) и весеннюю (1932 г.) посадку засажено 2.300 га сада, из которых около 500 га мичуринских сортов.

* * *

Как известно, плодоводство распространено лишь в ничтожном количестве районов Советского союза. Линия возможного при обычных, немичуринских, сортах промышленного плодоводства охватывает лишь небольшую часть европейской части Советского союза — она идет к югу от Петрозаводска, к западу от Вологды, к востоку от Ярославля и Костромы, к востоку от Самары, изгибаясь затем по направлению к Астрахани.

Даже линия, указывающая на область окраинного плодоводства,— те места, где лишь встречаются плодовые деревья, захватывает только небольшую южную часть Сибири. Мичуринские сорта пошли за линию окраинного плодоводства, они встречаются в Архангельске, Омске, Томске, Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Владивостоке. Сорта Мичурина распространены в Северной Америке: в Брандоне, Чикаго, Квебеке и Вашингтоне.

В самых различных местах средней и северной части нашего Союза мы имеем целый ряд плодоводов-селекционеров, идущих по стопам И. В., работающих над продвижением южных плодовых сортов на север. Так в Никольске, лежащем под 59 градусом северной широты и 45 градусом восточной долготы, около сорока лет работает Спирин; здесь же расположен северный опорный пункт. Спирин с успехом применяет методы И. В. Мичурина по выведению новых сортов, им же распространяются сорта, выведенные Мичуриным и другими оригинаторами, и получены свои сорта малины и других ягод. На Урале, в Челябинске, работает Ярушин, здесь же расположена Уральская зональная станция. Перспективы работы здесь огромны, так как, не говоря уже о северной и средней части Урала, и южный Урал почти не имеет садов, если не считать маленьких любительских «садиков». В Красноярске работают братья Крутовские. Вс. Крутовский получил ряд ценных для Сибири и севера гибридов [1]); здесь же расположена Красноярская зональная станция. Имеются выведенные здесь же сорта яблонь. Академик Кащенко, работая в Томске, вывел несколько десятков устойчивых в сибирском климате яблонь. Лукашев, живущий в Сибири в Хабаровске, имеет ряд интересных работ; выведенная им груша так и называется по его имени «лукашевка». Худяков в Уссурийском крае вывел виноград и смородину.

Таким образом мы имеем целое движение в селекции плодовых сортов, основная задача которого — продвинуть южные культуры на север. Зональные станции и опорные пункты, расположенные большей частью вблизи от местожительства вышеупомянутых исследователей и в работе которых по большей части эти исследователи принимают участие, играют очень большую роль в деле продвижения мичуринских сортов и методов в массы. Зональные станции (в числе 14) раскинуты по всей северной и средней части Советского союза, от его западных границ до берегов Тихого океана. Наиболее крепкая из них—Московская зональная станция, она обладает богатыми коллекциями и ею ведутся скрещивания по ягодным культурам.

[1]) Когда колхозники при обсуждении вопроса о внедрении садоводства в колхозы захотели иметь сорта, которые бы уже в первый же год плодоносили, Крутовский подобрал такие сорта.

Интересна Суйфуно-Уссурийская станция, расположенная в лесу, где растут актинидии, дикие абрикосы, имеется богатейший материал для гибридизации.

До 50 кружков, задача которых применять, разрабатывать и популяризировать достижения Мичурина, разбросаны по Советскому союзу и охватывают свыше 1 тыс. человек.

***

Какие задачи ставят Мичурин и его сотрудники? Продвижение плодоводства на север, на поля совхозов и колхозов, обогащение плодового ассортимента средней полосы Союза и создание ассортимента для севера, улучшение сортов, садо-мелиорацию придонских, приволжских и др. песков, число которых по Союзу очень велико.

Исполнимы ли эти задачи? Обоснованием утвердительного ответа на этот вопрос служат приведенные нами выше факты.

Мичурин — это не одиночка, Мичурин — это целое движение. Последователи его разбросаны по всему Советскому союзу. В обращении к садоводам, ударникам-рационализаторам, комсомольской и колхозной молодежи [1]) Мичурин призывает перенести разведение и проверку выведенных им растений «непосредственно в производство на широкие совхозные и колхозные поля». И кое-что в этом направлении уже сделано.

Иногда указывают на факты отдельных неудач, на случаи частичного вымерзания отдельных растений того или другого сорта [2]).

Но здесь сказывается непонимание самого главного — надо переносить в другие районы в первую очередь не сорта, а методы работы Ивана Владимировича. Нет универсальных для всех районов сортов.

В начале работы И. В. Мичурина был период, когда он пытался остаться верным канонам старого плодоводства, пойти по пути перенесения на север южных и заграничных сортов, но очень скоро он убедился, что это не путь к поставленной им цели, а тупик. Нужны новые методы.

Эти методы, созданные Мичуриным, в основном сводятся к следующему: нужно не переносить сорта, а создавать на месте свои.

Мичурин берет исходные формы для гибридизации со всех частей света и скрещивает их с местными сортами, стремясь улучшить последние. Один из основных его принципов — брать сорта, удаленные как по родству, так и в особенности по их территориальному распространению. Мичурин считает, что в новых условиях передаваемые по наследственности свойства отца и матери не будут очень сильно преобладать в гибриде. Растения берутся в молодом возрасте, широко используются как материал для гибридизации диких растений. И. В. выработал ряд способов и приемов, облегчающих выведение новых сортов. Так, следует отметить метод ментора, когда в крону молодого дерева прививается сорт, обладающий качествами, которые должны улучшить сорт, полученный в результате. Метод вегетативного сближения, когда нескрещивающиеся друг с другом виды для облегчения скрещивания в дальнейшем сближаются друг с другом вегетативным путем. Метод посредника, когда для скрещивания двух нескрещивающихся форм создается третья, уже могущая быть скрещенной с одной из исходных форм.

Мичурин считает, что следует закалять растения, ставить их в спартанские условия (он их сажает очень густо) для того, чтобы растение не изнеживалось.

---

[1]) См. журнал «Соц. плодо-овощное хозяйство» № 3 за 1932 г.

[2]) Следует отметить, что большинство мичуринских сортов стойко вынесло суровую зиму 1929 г.

Мичурин затрагивает ряд проблем теоретического естествознания: он требует пересмотра для плодовых деревьев законов Менделя, говорит о необходимости управлять процессами онтогенеза. Мичурин развивает такие моменты в учении Дарвина, на которые у последнего имеются лишь отдельные указания (например межвидовая гибридизация, являющаяся краеугольным камнем методики Мичурина).

Но все эти вопросы требуют специального рассмотрения. Теоретическая биология должна еще оценить и впитать в себя тот богатейший конкретный материал, который имеется в работах Мичурина.

Некоторые профессора старой школы пытаются игнорировать достижения Мичурина [1]). В прошлом году на конференции в Киеве группа научных работников-плодоводов (Симиренко и др.) выступила с тезисом «достижения Мичурина признаем (еще бы не признавали, когда они признаны партией и правительством.— *А. С.*), а методику не признаем». Смехотворность этого тезиса ясна: как мог Мичурин достичь таких блестящих результатов по революционизированию нашей флоры, если бы у него была негодная методика?! Но кроме того в этом тезисе имеется и реакционное содержание—он мешает развитию нашего социалистического плодоводства. Выступления эти не получили достаточного отпора на конференции. Им дан был отпор лишь впоследствии в печати.

Так в классовой борьбе идет работа по распространению достижений Мичурина, по продвижению плодовых культур на север. Но необходимо отметить, что к 15-й годовщине Октября научные организации и учреждения, развернутые на базе работ И. В. Мичурина, достигли мощного развития. Под руководством партии и правительства преодолевая отдельные трудности и недостатки, из маленького питомника, бывшего до революции, они выросли в ряд организаций всесоюзного значения.

На основе достижений и методов И. В. Мичурина проблема социалистического северного плодоводства будет разрешена.

---

[1]) Так например профессор Алешин, работающий в мичуринском вузе, в серии своих популярных учебных пособий по плодоводству совершенно обошел достижения Мичурина.

ОБЗОР РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ КОНГРЕССОВ

XIV международный конгресс физиологов в Риме

Х. Коштоянц

Международные физиологические конгрессы являются одними из самых авторитетных биологических конгрессов мира. Они привлекают к себе не только физиологов, биохимиков, фармакологов, но и работников самых разнообразных ветвей биологии.

Закончивший свою работу в сентябре настоящего года XIV международный физиологический конгресс состоялся в Риме согласно решению предыдущего конгресса в Америке в 1929 г. Весной 1932 г. значительная группа американских физиологов заявила протест против созыва конгресса в Риме, мотивируя это недопустимостью созыва Международного научного конгресса в стране, где ученые и Академия наук принесли присягу фашизму. Американцы даже предложили во изменение решения Бостонского конгресса созвать конгресс в Швейцарии. Этот немаловажный штрих нужно особо отметить как нечто характерное для общей политической обстановки внутри конгресса. Президент конгресса акад. Ботацци (Неаполь) в своей статье, написанной за несколько дней до открытия конгресса, специально подчеркнул, что вопреки протесту американцев с'езд все же состоится в фашистской Италии. Он с пафосом указывал, что Рим—резиденция наместника христа на земле—всегда в истории человечества являлся центром, притягивавшим к себе и императоров, и варваров, и пилигримов, что в Рим тянутся также ученые со всех концов мира. Таким образом статья акад. Ботацци, руководителя конгресса, была проникнута духом воинствующего фашизма и направлена против группы радикально настроенных американских ученых. Статья эта в значительной степени служила лейтмотивом общего характера руководства конгрессом со стороны итальянского организационного комитета и деятельности конгресса в основном.

Открытие конгресса имело место 29 августа. Оно происходило в одной из старинных аудиторий древнего мира—реставрированном зале Юлия Цезаря в знаменитом римском Капитолии. Организовано все было с той исключительной помпезностью, внешней торжественностью, которой современная Италия придает чрезвычайно большое значение. В церемонии открытия приняли участие видные итальянские государственные деятели во главе с Муссолини. На открытии присутствовали: министр народного просвещения Италии, сенаторы, депутаты, академики, представители печати, представители различных министерств. Открытие конгресса сопровождалось короткими выступлениями президента конгресса акад. Ботацци, председателя Итальянского биологического общества, а также кратким приветствием Муссолини. На этом же заседании был заслушан программный доклад английского ученого Хилла (Лондон) на тему: «Обмен энергии в мышцах и нервах».

Заседание длилось не более часа. Необходимо остановиться на наиболее ярких моментах некоторых выступлений. Акад. Ботацци в своем слове предложил

собравшимся членам Международного научного конгресса почтить память умерших видных работников в области физиологии по традиционному фашистскому обычаю поминовения умерших. В большом зале нашелся лишь один человек, который ответил на этот призыв фашистского руководства конгресса возгласом «Presente».

Чрезвычайно характерна была также первая часть программного доклада проф. Хилла. Проф. Хилл остановился на ряде общеполитических и экономических вопросов. Как и на прошлогоднем Лондонском конгрессе по истории науки и техники, проф. Хилл развивал на Римском конгрессе свои теоретические общеполитические соображения о мировом кризисе, о политических и экономических отношениях стран мира. Он указывал на то, что политики и экономисты мира не могут привести в порядок существующие политические и экономические отношения и что интернациональные научные конгрессы своей единой целеустремленностью должны послужить примером в этом отношении для политиков и экономистов. Инженеры и ученые должны управлять миром. Однако проф. Хилл счел для себя возможным тут же особенно ярко подчеркнуть твердость и волю итальянского организационного комитета, который сумел настоять на созыве конгресса именно в Риме вопреки колебаниям в этом вопросе. Таким образом проф. Хилл, пренебрегая протестом американских коллег против созыва конгресса в фашистской Италии, в своей собственной речи с полной ясностью проиллюстрировал всю «обоснованность» этой характеристики конгресса как единодушного целого.

Итальянский организационный комитет снабдил делегатов членскими значками конгресса, на которых была изображена волчица, кормящая Ромула и Рема,—эмблема города Рима,—опирающаяся передними и задними лапами на эмблему фашизма.

Характерным является также следующий штрих: огромная группа делегатов—до 200 человек—не была допущена в зал заседания, несмотря на то, что в нем еще оставались свободные стулья. Никакие уговоры, убеждения не могли тронуть колоритную группу стражи Капитолиума, облаченную в воинские формы различных эпох (древнего Рима, времен Наполеона). Специальные хранители дверей успокаивали делегатов, указывая на то, что таков обычай Италии: двери закрываются, как только входит в помещение президиум, как только вошел в зал Муссолини.

На конгрессе присутствовали делегаты 37 национальностей. Зарегистрировано было до 1.200 членов конгресса. Это количество уступает числу членов Бостонского конгресса, где по данным отчета присутствовало 1.800 чел. Этот конгресс, как и предыдущий, состоял однако не только из ученых членов физиологических обществ, являющихся активными работниками конгресса, но также и из лиц, имеющих то или иное отношение к ним. Членами конгресса были их жены, взрослые дети и пр. Примерно 30 проц. членов настоящего конгресса в Риме падало именно на эту категорию лиц. Благодаря этому работа конгресса в значительной степени была заражена туристским духом.

Итальянский организационный комитет не мог избежать этого и настолько, что с 3 по 7 сентября члены конгресса фактически были переданы в «распоряжение» коммерческой туристской организации Кук и К°. Различного рода банкеты, экскурсии несомненно были организованы с большой пышностью и в значительной степени дали возможность ученым конгресса ознакомиться с красотами Италии, но это было слишком односторонне. Итальянский организационный комитет не сумел использовать досуг членов конгресса для ознакомления их с научно-исследовательскими учреждениями Италии, с одной стороны, и богатейшими сокровищами искусства — с другой.

Так например совершенно случайно мы имели возможность ознакомиться всего лишь с одним физиологическим институтом в Риме, а поездка на мировую биологическую станцию в Неаполе по плану длилась всего лишь не более часа. На осмотр знаменитого Неаполитанского музея путеводители из Кука и К° отвели

столько же минут, сколько на осмотр ничем не знаменитой соборной церкви того же города.

Из числа многих приглашений на банкеты, обеды и т. д. необходимо особо отметить характерное приглашение, которое было получено группой делегатов конгресса, в том числе и всеми делегатами Советского союза, на личную аудиенцию к папе римскому. Советская делегация на аудиенцию не явилась. Небольшая группа ученых, явившаяся на аудиенцию, стоя на коленях (ритуал Ватикана) по примеру стоявших впереди руководителей конгресса, заслушала речь папы о связи науки с религией, о роли физиологии и получила папское благословение не только для себя, но и для тех правительств, как выразился папа, делегатами которых являются присутствующие на аудиенции. На личную аудиенцию к папе римскому явился также постоянный организационный комитет, кроме представителя в этом комитете от СССР акад. И. Павлова.

Советская делегация во главе с акад. Павловым И. П. состояла из акад. Палладина А. В. и профессоров: Штерн Л. С., Разенкова И. П., Завадовского Б. М., Збарского Б. И. и Коштоянца Х. С. Помимо названных семи официальных представителей в работах конгресса принимал участие ленинградский физиолог д-р М. П. Березина, прибывшая на конгресс из Лондона. Таким образом советская делегация состояла из восьми человек. В статье акад. Ботацци, на которой мы останавливались выше, указывалось на то, что в работах конгресса принимают участие двенадцать русских физиологов, причем вместе были сложены как советские ученые, так и русские физиологи-эмигранты. Мало того, акад. Ботацци в своей статье ни в какой мере не останавливался на содержании и существе предстоящей работы советских делегатов на конгрессе, невзирая на то, что в составе этой делегации должен был быть акад. И. П. Павлов. О предстоящих же докладах делегатов других стран статья уже заранее информировала общественность. Этот бросающийся в глаза пробел в значительной степени был заполнен большинством итальянских газет, которые, начиная с 27 августа, т. е. за три дня до открытия конгресса, опубликовали ряд заметок о приезде советских делегатов в Рим на конгресс, о составе делегатов и о их докладах. Такое внимание было оказано только советской делегации.

В основу организации и распределения работ научной части конгресса итальянский организационный комитет положил закостеневший уже, старый, традиционный способ механического распределения большинства заявленных докладов по секциям. Иначе и не могло быть: крупный деятель постоянного международного оргкомитета англичанин Хилл в своем докладе прямо заявил, что весь смысл вступительных докладов при открытии конгресса—в традиции и что ломать старых традиций не нужно. На Римском конгрессе число докладов достигло рекордной цифры—450—в сравнении с предыдущими конгрессами (Париж—159, Стокгольм—238). Эти доклады без всякой принципиальной установки были распределены по четырем секциям А, В, С, Д. Лишь в редких случаях собранные на одном секционном заседании доклады были связаны общими темами и конечно абсолютно не была обеспечена возможность обсуждения каких бы то ни было актуальных проблем. Заседания конгресса происходили с 29 августа по 3 сентября. Первое число было об'явлено днем перерыва в работах конгресса. Таким образом за пять дней работы конгресса научной части было уделено всего лишь 21 час. На протяжении этого времени пестрой лентой прошли 450 десятиминутных докладов и демонстраций. Само собой разумеется, что в таких условиях не могло быть и речи о каком бы то ни было деловом обсуждении поставленных докладов в отведенные для прений по каждому докладу 5 минут. Совершенно без обсуждения и даже без вопросов прошли неограниченные временем три крупнейших доклада на пленумах конгресса, а именно: доклады проф. Хилла, акад. И. П. Павлова (СССР) и проф. Пауля Каррера (Цюрих).

В аудиториях университета на заседаниях секций бывало не более 40—50 чел. Кинематографической лентой в трехчасовом заседании проходили 15 докладов из самых разнообразных областей на четырех международных языках мира. Кстати об аудиториях: на средней стене—распятие христа, на одной боковой стене—портрет короля Италии, на другой—Бенито Муссолини: символ единения короля, папы и фашизма. В только что охарактеризованных условиях участникам конгресса трудно было на самом конгрессе действительно включиться в обсуждение какой-нибудь интересующей его проблемы и еще труднее было охватить работу конгресса в целом.

XIV международный конгресс, как и все предыдущие конгрессы, не ставил и не мог ставить перед собой планового, углубленного обсуждения отдельных остро назревших в физиологии вопросов (участники многих предыдущих конгрессов указывали, что бесполезно на протяжении многих лет ими ставился вопрос о введении плановости в научную работу международного конгресса). Среди 450 докладов, в большинстве своем представлявших отдельные эмпирические работы, однако были и такие, которые показывали значительные сдвиги в дальнейшем развитии физиологической науки. Одним из центральных докладов на Римском конгрессе несомненно являлся доклад английского физиолога Арчибальда Хилла, известного своими исследованиями в области физиологии сократимых тканей. Его доклад, зачитанный, как мы уже упоминали выше, на торжественном заседании открытия конгресса, в своей научной части выявляет огромные достижения в дальнейшем развитии проблемы физиологии мышц и нервов. Работа Хилла, представленная в этом докладе, продемонстрировала перед конгрессом огромные технические достижения его лаборатории в деле изучения тончайших процессов теплообразования в мышцах и нервах. Как известно, благодаря тонкой работе Хилла и его сотрудников в настоящее время миотермические определения (определения теплообразования в мышцах) достигли большой чувствительности, большой точности. Хилл рассказал конгрессу в докладе, а также демонстрировал на секции последние достижения своей лаборатории, позволяющие исследовать процессы теплообразования в таком об'екте, как нерв. Для того чтобы иметь представление о тонкости работы, достаточно указать, что начальная теплота одиночного нервного импульса представляет собой всего лишь $^1/_{40000}$ часть начальной теплоты одиночного мышечного сокращения и что при максимальном стимуле, длящемся одну секунду, поддающемся правильной невротермической записи, начальная теплота равна всего лишь $7 \times 10 - {}^6$ калорий на грамм, т. е. приблизительно $^1/_{40000}$ части того количества тепла, которое обнаруживается в мышечном сокращении той же продолжительности. Создание такого термопиля, определение таких тонких теплообразовательных процессов в нерве приводят к пределам чувствительности гальванометра. В этой большой работе по созданию тончайших методов исследования термодинамики нерва приняла непосредственное участие д-р Березина, молодой советский физиолог, бывшая в научной командировке у проф. Хилла.

Указывая на трудности, стоящие перед исследователем в деле регистрации процесса теплообразования в нерве, трудности, связанные с условиями гальванометрических исследований, и связи последних со средней энергией молекул, Хилл в своем докладе чрезвычайно ярко указывал на следующее обстоятельство: «Среднюю энергию конечно можно уменьшить путем охлаждения, все же совершенно бесполезно охлаждать лишь одну часть прибора и невозможно охладить все вместе, так как на термопиле находится нерв. Физики часто задавали вопрос: «Почему не поместить весь ваш прибор в жидкий водород?» Ответ тот, что под горою аппаратов где-то далеко, скрыто, лежит живой нерв. В этом-то и заключается разница между физикой и физиологией!» В устах Хилла, чрезвычайно далеко идущего по линии чисто механических и физико-химических аналогий живой ткани

с элементами неживого мира, последнее заключение конечно звучит многозначительно. Всегда можно было сделать Хиллу упрек в том, что, идя из области физики в область биологии, его школа недооценивала своеобразия процессов в биологических системах.

Касаясь большого вопроса о соотношении между химическими процессами и процессами теплообразования, Хилл указывает на то, что дальнейшие исследования по линии термодинамики нерва должны итти в плоскости анализа молекулярных процессов. С его точки зрения многого нужно ожидать от применения Х-лучей в изучении кристаллических структур, от изучения двойного преломления и общего комплекса молекулярной структуры сократимых тканей, т. е. тех областей, исследование которых только-только начинается. В этом аспекте он указывал на работы как своих учеников (Феng, Гартри), так и других авторов (фон-Мюральт), которые показывают ряд глубинных процессов физиологии сократимых тканей, связанных несомненно с молекулярными изменениями их. Останавливаясь на таком интересном вопросе, как вопрос о «хронаксии», или «шкале времени», Хилл говорил следующее: «Здесь мы имеем перед собой проблему общей физиологии, проблему величайшего интереса, на которую до сих пор обращено очень мало внимания, исключая частного случая электрической возбудимости. «Шкала времени» ткани не может зависеть от видимой структуры. Гистологического различия между мышечными волокнами черепахи зимой и летом не существует, очень мало этой разницы между крылом мухи и жабы, однако их «шкалы времени» совершенно различны. Разница эта должна быть обусловлена различиями молекулярной структуры или молекулярной организации. За об'яснением их природы наши взоры устремляются к физической и органической химии».

Здесь несомненно Хилл ставит большие вопросы о необходимости разработки физиологической характеристики сократимых тканей у различных животных, хотя конечно исследование этого большого вопроса требует не только методов физической и органической химии, но также и подходов физиологических. Наконец в своем докладе проф. Хилл указал на положительное решение вопроса о существовании отрицательного колебания тепла, вопроса, до последнего времени являющегося открытым в области физиологии. В решении этого вопроса также приняла участие д-р Березина, показавшая отрицательное колебание тепла на нерве краба. Для того опять-таки, чтобы уяснить себе тонкость работы, достаточно представить, что открытое лабораторией Хилла отрицательное теплообразование представляет собой лишь 5 проц. начального тепла. Хилл считает, что это отрицательное теплообразование имеет место во время ранних стадий известной эндотермической реакции восстановления фосфагена. Измерение этого незначительного количества тепла требует величайшей осторожности, и именно лаборатория Хилла, которая сама пустила в ход поговорку «тот, кто верит в отрицательное тепло, плохо кончит», смогла разрешить этот вопрос. Со спокойствием тонкого и точного исследователя Хилл заявил на конгрессе: «Надеюсь, что тем, которые поверят в него, не грозит никакой опасности. Мы сделали все возможное, чтобы не верить в него» (отрицательное колебание тепла).

Мы не без основания подробно остановились на содержании научной части доклада проф. Хилла. В нем сконцентрированы те основные вопросы, вокруг которых по существу протекала наиболее важная часть работ конгресса, вокруг которых группируется ряд других важных сообщений из области физиологии сократимых тканей и проводящих нервных путей. В связи с этим необходимо остановиться на докладе проф. Винтерштейна (Бреславль), сообщившего о своих дальнейших исследованиях по обмену веществ нерва. Проф. Винтерштейн, будучи участником IV всесоюзного с'езда физиологов в Харькове (1930 г.), в интересном докладе изложил свою точку зрения на качественное своеобразие тех процессов, которые протекают в нервном волокне при электрическом раздражении и при физиологи-

ческом возбуждении. В своей статье «Физиологическое возбуждение и электрическое раздражение», напечатанной в известном немецком журнале «Die Naturwissenschaften» [1]), проф. Винтерштейн, аргументируя с большой силой фактами и тонким теоретическим анализом, указал на то, что повышение газообмена при электрическом раздражении является искусственным явлением и полностью отсутствует при физиологическом возбуждении. Эти воззрения и фактический материал лаборатории Винтерштейна, из которых он исходит, имеют несомненно огромный методологический интерес. На Римском конгрессе проф. Винтерштейн привел доказательства этих своих положений также на опытах, проделанных с нервами теплокровных. Так же, как и в опытах с нервами хладнокровных, проведенных прежде, в опытах с нервами кролика показано отсутствие повышения образования угольной кислоты при физиологическом рефлекторном возбуждении.

Винтерштейн подчеркивал в докладе, что физиологическое тоническое возбуждение ведет к большому повышению образования аммиака, доходящего до 130 проц., и что использование сахара и образование аммиака являются именно теми химическими процессами, которые связаны с физиологическими процессами возбуждения.

Эти процессы, как подчеркивал Винтерштейн, не носят характера окислительных процессов. Для нас этот доклад, как и прежние работы Винтерштейна, особенно важен тем, что углубляет представление о нервных волокнах как о биологической системе, имеющей своеобразные черты обмена веществ. Особенно важен последний момент, ибо опыты Винтерштейна об обмене различных нервов одного и того же животного (об этом см. подробно ниже) кладут начало большой главе о своеобразных чертах обмена веществ в различных тканях различных животных. Как известно, опыты Винтерштейна и его полемика направлены против школы Мейергофа и Жерарда, подчеркивающей повышение газообмена при электрическом раздражении и не ставящей вопроса о качественном отличии электрического раздражения от физиологического возбуждения. На конгрессе был представлен доклад Шмидта (Америка), ученика Жерарда и Мейергофа, который продемонстрировал факт повышения поглощения кислорода в связи с электрическим раздражением. Однако в докладе Шмидта по-новому ставится вопрос о том, что повышение поглощения кислорода не идет параллельно с силой, интенсивностью электрического раздражения, а идет параллельно с повышением токов действия, возникающих в нервах при чрезвычайно слабой интенсивности электрического раздражения. Работая на нерве с подпороговыми раздражениями, суммируя их, меняя направление тока, Шмидт наблюдал повышение поглощения кислорода параллельно с повышением токов действия в нерве. Этот доклад идет несомненно в плоскости споров между Винтерштейном и школой Мейергофа—Жерарда и указывает на то, что противники Винтерштейна своими работами приближаются к тому, чтобы более глубоко и правильно понимать процессы, протекающие в нервной системе при электрическом раздражении. Доклад Винтерштейна и Шмидта происходил на одном и том же секционном заседании, собравшем всех видных работников мира в области изучения физиологии нервов и мышц. На этом заседании был заслушан доклад известного новыми открытиями в области химизма мышечного сокращения молодого ученого Люндсгарта (Копенгаген), который в небольшом докладе дал лишь развитие частного вопроса о соотношении между распадом фосфогена и пирофосфата в мышце, отравленной монойодуксусной кислотой. Он указывал на то, что пирофосфат в своем распаде является источником энергии мышечного сокращения.

В своем докладе на этом же заседании акад. Палладин (СССР) указывал на необходимость изучения химизма мышечного утомления не только в состоянии об'ективного утомления, но и суб'ективной усталости.

---

[1]) См. русский перевод В. А. Мужеева под редакцией и с предисловием автора этой статьи в журнале «Успехи современной биологии» № 3—4 за 1932 г.

Необходимо особо подчеркнуть работы Дейтике (Франкфурт) и фон-Муральта (Гейдельберг), которые касаются вопросов, затронутых в докладе Хилла, о молекулярных процессах в сократимых тканях. Дейтике в своем докладе указывал на те изменения коллоидов мышечных белков, которые происходят в период мышечного сокращения. Изучая растворимость белковых коллоидов мышцы хладнокровных в различных состояниях работы мышцы, Дейтике установил изменение этой растворимости в зависимости от анаэробного и аэробного условий сокращения. В аэробных условиях изменения, наступающие в растворимости мышечных коллоидов, обратимы, в то время как при анаэробных условиях наступают необратимые процессы изменения коллоидов.

Работа Дейтике не только подчеркивает необходимость изучения молекулярных процессов в мышце, но ставит большой вопрос о связи между типами биохимических процессов и молекулярной структурой. Нам представляется важным, что показана роль кислорода не только в ходе биохимических процессов, но и в процессах, связанных с молекулярной структурой. Дальнейшие исследования в этом направлении должны показать глубокую взаимосвязь биохимических процессов и молекулярных структур.

В работах фон-Муральта были развиты дальнейшие данные о поперечно-полосатой структуре мышц, о двойной преломляемости ее в течение процессов сокращения. Работа фон-Муральта представляет особый интерес, ибо намечает новый путь оптического исследования процессов, протекающих в сократимых тканях. Доклад его представил сводку уже отчасти ранее опубликованных работ в этом направлении.

Помимо вопросов, связанных с химизмом мышечной и нервной деятельности, термодинамики их, а также работ о молекулярной структуре сократимых тканей на секционных заседаниях были заслушаны доклады, касающиеся большого вопроса о «хронаксии», «шкале времени». Здесь особенно необходимо отметить доклад французского исследователя Ляпика (Париж), предложившего термин «хронаксия», который в докладе на тему «Физиологический метахроноз и его роль» выставил ряд новых положений для учения о хронаксии. Ляпик предложил по аналогии с метаморфозом (изменение формы) ввести понятие метахроноза (изменение времени). В докладе подчеркивались те огромной важности изменения в хронаксии различных тканей, которые к настоящему времени установлены в паталогических случаях и в опытах с ядами. Исходя из опыта, проделанного Ляпиком совместно с ленинградским профессором Орбели в 1930 г. об изменениях хронаксии мышцы в условиях раздражения симпатического нерва, Ляпик ставит вопрос о нормальных физиологических условиях изменения хронаксии тканей и зависимости ее от различных физиологических процессов, протекающих в организме как целом. Введение понятия метахроноза по аналогии с метаморфозом несомненно ставит учение хронаксии на высоту большой биологической проблемы. Ибо изучение частного, казалось бы, физиологического явления хронаксии в аспекте изучения «шкалы времени» тканей в различных физиологических состояниях, в условиях воздействия и взаимодействия различных систем организма друг с другом, наконец изучение хронаксии тканей в различные периоды индивидуального развития и в зоологическом ряду едва ли не является одной из больших привлекательных проблем общей и сравнительной физиологии. Именно в этом духе говорил в своем докладе коротко Арчибальд Хилл. Ученики Ляпика — Джеспер (Париж), Фредерик (Льеж)—показали в своих докладах зависимость хронаксии периферических органов от центральной нервной системы. В докладе Джеспера приводились данные о хронаксии у «правшей» и «левшей», а Фредерик доложил об изменениях хронаксии висцентрального нерва у «головоногих» и зависимость хронаксии этого нерва как от центральных нервных приборов, так и от условий периферии.

В связи с этими докладами необходимо остановиться на докладе проф. Гесс (Цюрих), который дал материал, характеризующий различную чувствительность различных нервов к различным формам электрического раздражения. В большом количестве опытов с цереброспинальными, с симпатическими и парасимпатическими (афэрентными и эфферентными) нервами кроликов проф. Гесс показывает разное отношение к фарадическому току этих нервов. В этих опытах с огромной ясностью показана физиологическая характеристика нервных волокон различного происхождения, связанных с различными частями центральной нервной системы, имеющих, как думает Гесс, различную характеристику субстрата возбудимых тканей. В докладе Винтерштейна, о котором мы упоминали выше, также приводились данные относительно различной интенсивности поглощения кислорода мякотных и безмякотных нервных волокон у теплокровных (поглощение кислорода в два с половиной раза больше у мякотных, чем у безмякотных). Мало того, Винтерштейн докладывал также о различной интенсивности поглощения кислорода нервными волокнами одного и того же животного в различные периоды его индивидуального развития (у телят интенсивность выше, чем у взрослых животных).

Обобщая, можно сказать, что на конгрессе было приведено немало фактов, с полной очевидностью подчеркивающих природу нервных волокон как биологических образований, характеризующих своеобразные процессы обмена веществ, протекающих в них, подчеркивающих зависимость этого обмена (а также хронаксии и отношения к различным источникам тока) от связи этих нервных волокон с нервными центрами, их морфологического происхождения и т. д. и т. п. Было приведено много фактов, со всей ясностью подчеркивающих необоснованность учения о нервных волокнах как однозначных проводников возбуждения.

Проф. Ашер (Берн) в своей докладе пытался доказать, что раздражение симпатического нерва оказывает такое же действие на мышцы, как адреналин, и что необходимо думать, что при раздражении симпатического нерва в мышце образуется адреналин. Доказательством этого он считает то, что жидкость, оттекающая от мышцы после симпатического раздражения, имеет адреналиновое действие на сердце. Далее, что симпатическое раздражение так же, как адреналин, сокращает хронаксию в мышце. Особенно важным является та часть доклада, в которой проф. Ашер излагал результаты своих термоэлектрических определений на мышцах при симпатическом раздражении. Он указывает, что образование тепла при симпатическом раздражении протекает независимо от сокращения мышцы. Сам по себе вопрос, поднятый Ашером, не нов, однако его наблюдения имеют принципиальное значение в учении о симпатической иннервации мышц, открытом и разрабатываемом в Ленинграде под руководством проф. Орбели. Ашер прав, указывая на то, что наблюдения над теплообразовательными процессами под влиянием симпатического нерва дают новые данные для понимания зависимости обмена веществ от трофических влияний нервной системы.

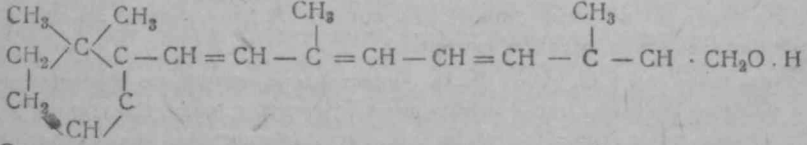
Значительная группа работ была представлена также по физиологии центральной нервной системы. Здесь необходимо отметить доклад, сделанный де-Клейном, работником лаборатории покойного Магнуса (Утрехтский фармакологический ин-т), о зависимости тонуса гладкой мускулатуры кишечного тракта от центральной нервной системы у млекопитающих. Эти опыты открывают новые пути экспериментального изучения физиологии тонуса полостных органов. В связи с целым рядом клинических данных они несомненно должны дать много нового. Лаборатория Магнуса создала учение о координации движений животных и зависимости ее от центральной нервной системы. Ученики Магнуса создают новое направление в вопросе о центральном регулировании тонуса гладкомышечных полостных органов. В свете данных сравнительной физиологии центральной нервной регуляции тонуса гладкой мышцы беспозвоночных животных эти данные имеют также особое значение.

Проф. Бете (Франкфурт) выступил с докладом о своей теории пластичности нервной системы и развивал соображения о том, что способность нервной системы приспособляться к внешним и внутренним условиям пластичности не только зависит от анатомических условий, но также и физиологических. Пластичность и способность сохранять равновесие имеет место при нарушении морфологической целостности организма. Проф. Бете пытался свою теорию пластичности нервной системы применить к об'яснению явления «правши» и «левши».

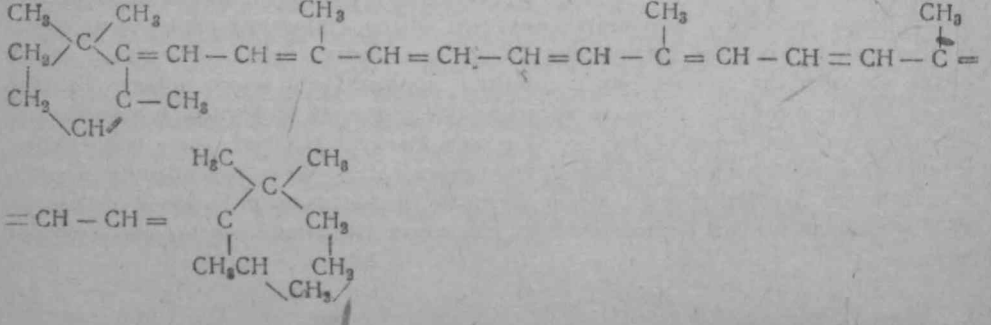
Наконец проф. Фишер (Берлин) демонстрировал свою большую и очень тонкую работу по изучению токов действия в коре головного мозга. Применяя различные раздражения органов чувств (свет, давление и пр.), проф. Фишер наблюдал наступление типичных токов действия в коре мозга кроликов, кошек, собак и обезьян, кураризированных до опыта. Многочисленные опыты с определением токов действия в различных участках коры мозга при раздражении различных периферических аппаратов приводят проф. Фишера к выводу о том, что описываемый им метод исследования токов действия в коре может по-новому поставить сложную проблему локализаций в коре мозга.

Этим в основном исчерпывается круг вопросов в области физиологии сократимых тканей и периферической и центральной нервной системы. Можно сказать, что именно эти вопросы были центральными на конгрессе. Они были представлены наиболее интересными докладами, и неслучайно именно им были посвящены помимо секционных заседаний два пленарных доклада: доклад проф. Хилла и доклад акад. Павлова.

Третье и последнее пленарное заседание было посвящено докладу проф. Каррера (Цюрих), крупнейшего биохимика, «О каротиноидах и витамине А». На основании многочисленных работ в своей лаборатории Каррер, как известно, дал блестящее исследование химической природы одного из наиболее распространенных пигментов растительного и животного мира каротина. Им были изучены двенадцать производных каротиноидного пигмента растений. В изучении каротина было установлено, что каротин обладает интересным физиологическим действием, являясь фактором, возбуждающим рост. Изучая свойства очищенных препаратов витамина А, Карреру удалось доказать схожесть этого витамина с подробно им изученными каротиноидами. Об этом говорит целый ряд исследований по линии цветных реакций, по линии окислительных опытов, по линии изучения абсорбационных спекторов витамина А. На основании подробного изучения Каррер характеризует витамин А как дериват каротина, который имеет такую же кольцевую группу и аналогичную, но более короткую алифатическую, весьма насыщенную боковую цепь. Витамин А, по Карреру, имеет следующую структуру:



Оптически активная же форма каротина имеет следующую структуру:



Из области работ по витаминам необходимо указать на работу Сан-Джорджи, который привел свои дальнейшие исследования о химической природе витамина С, добытого из апельсинов и надпочечных желез. Докладчик, как и в прежних своих работах, указывал на химическое сходство витамина С и гексуровой кислоты, а также пытался доказать, что функция надпочечных желез животных связана с образованием витамина С.

Американцы Морган и Эмерсон представили доклад о нарушениях в белковом обмене собаки в условиях недостаточности витамина А. На этом докладе следует остановиться потому, что авторы исследовали вопрос о нарушении образования и выделения алантоина, являющегося, как известно, специфическим продуктом дальнейшего распада мочевой кислоты у определенной группы млекопитающих, в том числе и собаки. Экспериментальная работа Моргана и Эмерсона, показавшая возможность нарушения именно этой стороны специфических черт обмена веществ в отношении белков у млекопитающих, является крайне ценной, глубоко осмысленной в ряду чисто эмпирических исследований о тех или иных нарушениях в организме, в условиях отсутствия тех или иных витаминов. В основном же на конгрессе фигурировали по линии витаминов именно такие эмпирические работы. Выдающийся исследователь вопроса о витаминах Функ представил на этом конгрессе в общем узкий доклад из другой области о влиянии передней доли гипофиза на жировой обмен. Такие же эмпирические работы, как и по линии витаминов, были представлены и в области эндокринологии. Большинство докладов ничем не отличалось от бесконечного количества мелких, частных, казуистических, грубо эмпирических работ, которыми пестрят многие специальные физиологические журналы. И это неслучайно. Находясь в тисках капиталистической системы, неся на себе все тяготы кризиса и загнивания капитализма, научная работа в области физиологии так же, как и в других областях, переживает глубочайший кризис. Из моря эмпирических докладов числом около 450 мы пытались дать то наиболее ценное, большое, положительное, которое несомненно также имеется в качестве достижения в ряде крупных европейских и американских лабораторий. Элементы стихийного диалектического материализма в той или другой форме проглядывают в докладах отдельных буржуазных ученых. Все наиболее здоровое, имеющее перспективы для дальнейшего развития, глубоко понимает всю ограниченность механистического направления в физиологии, а также тот беспросветный мрак и тупик, в который ведет витализм. В высказываниях и беседах отдельных ученых (Иордан и др.) мы видели большой интерес к вопросам диалектического материализма, который является единственно научным путем понимания явлений живой природы.

На фоне работы конгресса безусловно большим вниманием пользовались доклады советских делегатов.

С неизменным глубоким уважением и вниманием был встречен акад. И. П. Павлов, который без ограничения времени сделал доклад о тридцатилетних достижениях в области изучения высшей нервной деятельности в своих лабораториях, а также в тех клиниках, которые для всестороннего развития школы Павлова создаются советским правительством.

В представленных тезисах проф. Беритова (напечатаны в трудах конгресса) были указаны основные пути развития науки о поведении в свете диалектического материализма и роль физиологии в этой науке. Беритов в своих тезисах подчеркивает необходимость изучения вопросов поведения животных в свете истории развития этих животных, иллюстрируя это итогом шестилетних работ своей лаборатории по вопросам поведения животных, по своему развитию находящихся на различных ступенях зоологического ряда. Он указывает на необходимость изучения особенностей типов поведения на разных этапах развития животного мира и переходов между этими типами. В докладе Беритова указывалась также необходимость разработки высших форм поведения — поведение человека в связи

и неразрывно с трудовыми процессами его. Впервые в истории международных научных конгрессов в трудах Римского конгресса в тезисах Беритова было формулировано понимание Марксом проблем сознания человека и роль труда при этом.

В докладе проф. Штерн (Москва) были продемонстрированы дальнейшие успехи в развитии более двадцати лет разрабатываемых ею вопросов дыхания тканей, полученные в период ее шестилетней работы в Москве. Проф. Штерн в яркой форме подчеркнула перед иностранными учеными, с которыми она начинала и вела большую часть своей научной деятельности, огромное значение разработки вопросов окисления в живых системах под углом зрения диалектического материализма. Убедительными аргументами ею была показана необходимость изучения окислительно-восстановительных процессов в их единстве. Крупнейший специалист в этой же области проф. Тунберг (Швеция) должен был заявить в прениях по докладу, что теоретические установки проф. Штерн открывают новые перспективы для дальнейшей разработки этой важной проблемы физиологии.

Проф. Б. М. Завадовский (Москва) на общем фоне узко эмпирических докладов о роли тех или других желез внутренней секреции дал продуманный доклад об обмене гормонов в организме животных, поставив при этом ряд методологических проблем и проиллюстрировав вместе с тем огромные возможности развития эндокринологии в СССР благодаря массовым мероприятиям в области реконструкции социалистического животноводства.

Проф. Збарский (Москва) в своем докладе о белковом обмене у рабочих горячих цехов проиллюстрировал громадный материал Института питания по изучению белкового обмена в условиях высокой температуры как у экспериментальных животных, так и у рабочих на производстве. В секции, где присутствовали виднейшие представители буржуазной науки о питании, проф. Збарский подчеркивал те подходы к вопросам питания, которые применяются в Советском союзе и которые особенно ставят вопросы качественной значимости тех или других пищевых веществ.

Акад. Палладин (Киев), как указывалось выше, на секционном заседании, обсуждавшем вопросы физиологии мышц, поставил по-новому вопросы химических процессов при утомлении мышц, намечая новую главу этой области в химии мышц.

Проф. Разенков (Москва) в своем докладе о гуморальной природе нервного раздражения привел огромный экспериментальный материал, добытый его лабораторией, о гуморальных агентах нервного возбуждения и поставил вопрос о единстве нервно-гуморальной регуляции, рассматриваемой почти всеми исследователями как совершенно несвязанные процессы.

Наконец автором настоящей статьи были продемонстрированы итоги экспериментальной работы в лаборатории сравнительной физиологии животных Биологического института Коммунистической академии о физиологической характеристике гладкой мускулатуры кишечного тракта у различных позвоночных животных и в различные периоды индивидуального развития. На основании большого фактического материала была подчеркнута необходимость изучения физиологических процессов в свете истории развития животных, установления типов физиологических процессов на разных стадиях развития, переходов от одного типа к другому, в общей связи разработки проблем истории развития функций [1]).

Отдельные делегаты конгресса указывали на то, что они специально посещали доклады советских ученых, которые имеют определенную целеустремлен-

[1]) Подробно основные установки этого доклада и некоторая часть фактического материала доклада даны в другой статье автора. См. Х. С. Коштоянц «Физиология и теория развития», журнал «Под знаменем марксизма» № 5—6. 1932 г.

ность, вооружены определенными методологическими установками. Многие из них из'являли здесь же желание приехать в Советский союз для глубокого всестороннего обсуждения тех или других научных вопросов. В личной беседе отдельные выдающиеся ученые, как голландский физиолог Иордан, проявляли большой интерес к общим проблемам диалектического материализма. Мало того, среди самих иностранных ученых имеется критическая оценка различных направлений и взаимная теоретическая борьба. Так, Винтерштейн несомненно ведет борьбу с явно выраженным механистическим направлением Мейергофа, Жерарда. На заседании секции можно было видеть и чувствовать явно недружелюбное отношение к его докладу со стороны например школы Хилла. Физико-химическое механистическое направление вызывало реакцию неудовлетворенности и критического отношения со стороны например проф. Иордана.

Успехи докладов советских делегатов в большой степени также обуславливались ознакомлением иностранных ученых с масштабами, возможностями для научной работы в Советском союзе. Громадные возможности лаборатории эндокринологии Института животноводства, Института питания и т. д., с которыми знакомились иностранцы в связи с докладами советской делегации, а также ознакомление с общими условиями научного строительства в Советском союзе вызывают огромный интерес европейских и американских ученых, и это не случайно: кризис зажал, сузил возможности развития научной работы в капиталистических странах. На конгрессе присутствовали: крупнейший немецкий физико-химик Михаэлис, нашедший себе пристань в Америке; один из основателей изучения витаминов польский ученый Функ, после ряда путешествий нашедший теперь узкий масштаб работы во Франции, и т. д. и т. п. Проф. Функ прямо заявлял, что ему нехватает именно тех масштабов для работы, которые могут быть и имеются только в Советском союзе.

Огромный интерес к докладам советских ученых, к научному строительству в Советском союзе и к общим вопросам величайшей в истории человечества социалистической стройке в СССР сближал в личных беседах передовую часть конгресса с советскими делегатами. При этих встречах было завязано очень много связей, было получено очень много просьб, предложений и согласий на поездку в СССР для научных докладов, временной работы со стороны ряда выдающихся физиологов мира.

Мы указывали выше, что научной работе конгресса было уделено всего лишь 21 час, остальное время было занято различными приемами, банкетами и экскурсиями.

Никаких организационных вопросов помимо вопроса о месте следующего конгресса организационным комитетом не было поставлено, несмотря на то, что например в программном докладе проф. Хилла было сделано немаловажное предложение о формах печатания и издательства научной литературы в области физиологии. Предложение его повисло в воздухе и никем не обсуждалось.

Центральным организационным вопросом конгресса был вопрос о месте созыва следующего, XV международного конгресса. Обсуждение его протекало особенно остро потому, что уже к началу конгресса было известно, что советская делегация поставит вопрос о созыве следующего конгресса в СССР. Этот вопрос уже ставился на предыдущем Бостонском конгрессе и поэтому очевидно был предварительно продуман отдельными руководителями конгресса (например Хиллом). Наконец об этом извещала уже итальянская пресса в заметках о советской делегации еще до открытия конгресса.

Советскому читателю известно, что в период между Бостонским и Римским конгрессом проф. Хилл как член постоянного организационного комитета конгресса своевременно обращался к послу СССР в Лондоне т. Сокольникову с просьбой дать ему ряд об'яснений о состоянии науки и положении научных работников

в СССР в связи с могущим возникнуть в Риме вопросом о созыве XV конгресса в СССР. В Риме этот вопрос возник. По поручению Ученого комитета ЦИК СССР советской делегацией во главе с акад. И. П. Павловым было подано официальное заявление от имени Ученого комитета о созыве следующего конгресса в СССР. Решение этого вопроса не прошло без серьезной борьбы. Представитель Франции в постоянном организационном комитете, а также ряд представителей католических стран оказались против созыва конгресса в СССР. Однако после достаточно долгих споров и возражений со стороны французского представителя благодаря деятельному участию акад. И. П. Павлова и его авторитету в постоянном оргкомитете последний все же единогласно решил местом созыва XV конгресса избрать СССР. На протяжении шести дней на секционных заседаниях, банкетах, экскурсиях в живой форме тот же вопрос обсуждался и среди тысячной массы членов конгресса. Были и противники, но в основном мы видели яркое сочувствие друзей Советского союза. Аплодисментами подавляющего большинства массы членов конгресса на заключительном пленуме конгресса вопрос был решен в пользу СССР, и это несмотря на то, что уже во время работы конгресса венгерская делегация, вероятно по настоянию французских делегатов, сделал от имени своего правительства предложение о созыве следующего конгресса в Венгрии; кроме того проф. Франк сделал предложение о созыве конгресса в Германии. Делая это предложение, проф. Франк однако указал на то, что представители германской делегации согласны с созывом XV конгресса в СССР с тем, чтобы XVI международный конгресс был созван в Германии. На последнем пленарном заседании акад. И. П. Павлов от имени советской делегации и Ученого комитета внес предложение о созыве конгресса в СССР. Предложение, как указывали мы выше, было встречено бурными аплодисментами друзей Советского союза и т. д. Международный физиологический конгресс в 1935 г. будет созван в Стране советов.

В беседах с советскими делегатами крупнейшие представители физиологической науки, а также молодежь, недовольная существовавшими до сих пор формами бесплановогo, бесхребтового проведения конгресса, подчеркивали свою уверенность в том, что именно в Советском союзе, в стране планового строительства, они надеются увидеть первый опыт созыва Международного научного конгресса, который действительно должен в итоге планового, программного обсуждения определенных проблем обобщить, синтезировать опыт человеческого знания в области физиологии и наметить пути дальнейших поисков и работ. Тем ответственней и почетней становится работа советского организационного комитета по созыву и руководству XV международным конгрессом в СССР.

Первый международный конгресс по психологии религии

Л. Дунаевский

Жесточайший, невиданный в истории мировой кризис капитализма влечет за собой все убыстряющееся загнивание капиталистической культуры. Религия и церковь — опора реакционных классов в деле эксплоатации трудящихся — употребляют все средства для спасения капиталистического общества. Ради этого религиозные мракобесы пытаются подчинить своему влиянию широкие трудящиеся массы, изобретая все более утонченные формы воздействия на них. Церковь в западных капиталистических странах все более и более прибегает в целях демагогии к лженаучной и к лжесоциалистической фразеологии. В этих же целях церковники стараются подчинить своему влиянию и использовать эмпирическую и экспериментальную психологическую науку.

В этом свете заслуживают внимания работы Венского исследовательского института психологии религии, руководимого К. Бетом, а также созданного вокруг него Международного общества психологии религии и организованного последним I международного конгресса по психологии религии (25—30/V 1931 г., Вена).

В нашем распоряжении имеется только краткий обзор работ конгресса, сделанный Отто Наргафтом, а также тезисы некоторых докладов — в №№ 2 и 3 журнальчика данного общества «Zeitschrift für Religionspsychologie».

Термин «Religionspsychologie» приходится переводить так: «психология религии», — и это терминологически самое точное. По существу же правильнее говорить о работах данного общества как о «религиозной психологии», так как здесь дело идет о теологической по существу трактовке религиозной и антирелигиозной психики; принципы, методы, результаты и т. д. носят у поповствующих психологов сугубо идеалистический и поповский характер. Да и персонально это часто «психологи в рясах» — пасторы, ксендзы, епископы, профессора теологических факультетов, ведущие за собой даже таких «признанных» ученых, как психотехник Вильям Штерн (недавно посетил Москву, участвуя в работах Международного психотехнического конгресса), Дриш, психоаналитики фрейдистского и адлеровского толка, американские психогигиенисты и т. д.

Автор обзора Наргафт считает, что данный конгресс является поворотной вехой в трех отношениях.

Во-первых, конгресс дал «живую картину межнаучной работы». Основоположники общества всегда считали, что «религиозная психика только тогда может быть успешно исследована, когда в религиозно-психологических исследованиях примут участие помимо теологов и психологов также и педагоги, медики и криминалисты, т. е. все те, которым в их соприкосновении с людьми из всех слоев населения все вновь и вновь противостоит религиозная жизнь в ее многообразных путях и пестрых оттенках». На конгрессе в самом деле были не только «теоретики», но и «практики»,—воспитатели, врачи и т. д.

Далее конгресс выявил многообразие методов исследования религии, своеобразный «интерметодизм», причем конгресс, по мнению Наргафта, «доказал, что это об'единение различных исследовательских методов во всяком случае целесообразнее, чем ограничение каким-либо одним».

Наконец Наргафт говорит: «благодаря этому конгрессу в первый раз был осуществлен опыт «вселенского» (интерконфессионального) сотрудничества в чисто научных вопросах лиц, принадлежащих к различным вероисповеданиям». «Представители римско-католической, евангелической и православно-анатолийской церквей, иудейской религии, свободной церкви и свободных религиозных общин (сект) участвовали на этом конгрессе в общем обсуждении проблем», притом «в полной гармонии», «в целесознательном единстве, подчиняясь однозначной научной цели»!

Автор обзора, прямо захлебываясь от восторга, утверждает, что, мол, «хотя здесь совершенно не шла речь о какой-либо теологической конференции, принадлежащие к различным религиозным исповеданиям выступали таким образом, что при этом конфессиональный момент отнюдь не подчеркивался и на нем не ставилось никакого ударения».

Каковы однако те «научно-психологические» формы обмана масс, которые легли в основу такого трогательного об'единения представителей различных исповеданий и различных «научных» профессий, выполняющих единый социальный заказ капитализма? Конгресс не принял какой-либо единой платформы, также не было на конгрессе достаточно подробного доклада и о платформе Венского института (правда, из ответного слова Бета на адрес, обращенный к нему от конгресса, мы можем уяснить себе сущность той идеалистической окрошки,

защитником которой Бет принципиально выступает в борьбе с различными психологическими направлениями). Но это и не столь существенно для работ конгресса, ибо его главной целью была не выработка подлинно научных методов, а задача защиты капитализма через религию и лженауку от натиска пролетариата.

Как дипломированные лакеи поповщины пытались укрепить служанку капитала — религию, видно из слов Зомнера, утверждавшего на конгрессе: «Психическая гигиена отрицает, что всякая суб'ективная религия болезненно действует на психику. Наоборот, в некоторых суб'ективных религиях она видит здоровое психическое влияние» (!). Здесь мы видим прямую защиту религии.

Содержание докладов на данном конгрессе, как ничто другое, ярко вскрывает боязнь попов перед ростом революционного под'ема среди трудящихся, перед ростом безбожных настроений, массовым отпадением от религии и церкви; оно показывает, что попам и идущим за ними псевдоученым приходится сейчас не столько останавливаться на изучении психики верующего, сколько уяснять себе причины колоссального роста неверия и активного атеизма, для того чтобы лучше бороться против революционной волны нарастающего на почве глубочайшего экономического кризиса безбожия в массах трудящихся европейского и американского населения, побороть сомнения в своей пастве, заставить колеблющихся вновь обрести покой «в лоне Иисуса», одним словом, найти новые источники религиозного одурманивания и задержки революционного процесса.

Среди 37 докладов, заявленных конгрессу, 17 непосредственно уже по своему заглавию говорят о тех или иных специальных работах по изучению неверия, и само собой разумеется, что и в остальных докладах разговорам о «неверующей психике» отводится значительное место. Эти 17 докладов мы назовем здесь полностью: Рудольф Аллерс (Вена) «Невроз и неверие», Карл Бет (Вена) «Метабионтика и неверие», Марианна Бет (Вена) «Неверие как явление психической недостаточности», Франц Брандль (Вена) «Религиозные настроения преступников», Анри Клявье (Монпелье) «Ответственность верующих за образование комплекса неверия», Цирил Фляуэр (Кэмбридж) «Некоторые интеллектуальные и волевые факты неверия», Курт Кербер «Душевные страдания молодого преподавателя религии», Фриц Кюнкель (Берлин) «Неверие как характерологическая проблема», Иоганнес Линдворский (Прага) «Мыслительно-психологические факторы при возникновении и усилении трудностей веры», Трауготт Эстеррейх (Тюбинген) «Значение парапсихологических фактов и их исследования для религиозного неверия и веры», Оскар Пфистер (Цюрих) «Различные виды неверия в психоаналитическом освещении», Альфред Ремер (Лейпциг) «Убыль детской веры», Арвид Рунестам (Упсала) «Самопознание и неверие», Г. Шлеммер (Берлин) «Религиозное неверие в юношеском возрасте», Карл Шнейдер (Рига) «Душевное сопротивление учащихся религии», Карл Швейцер (Берлин, Шпандау) «Душа и дух и их отношение к вере и безверию», Вильгельм Тимме (Мюнстер) «Существует ли естественная иррелигиозность?».

Остановимся подробнее на содержании отдельных докладов. Наибольший интерес представляют для нас доклады о причинах нарастания безбожия в странах Европы и Америки.

«Почему божественный голос не всеми воспринимается?» На эту тему говорила М. Бет. «Кое у кого отсутствует способность утверждать существование вещей, которые нельзя схватить руками. Другие обладают этой способностью, однако не решаются в этом — по ряду мотивов — сознаться или не находят ясного выражения для того, чтобы проформулировать то, с чем они вошли в близкое соприкосновение».

Но в прениях некоторые усомнились, «мыслимо ли, чтобы существовали люди, в которых «высшее» не говорило бы» (мы передаем точно текст Наргафта). На это М. Бет ответила, что и «ей это кажется немыслимым и что психологически нет никаких оснований отрицать, что бог говорит в каждом человеке, и даже душевно больной еще сам решает». Тут на помощь М. Бет пришел сам Карл Бет своей «новой» теорией «метабионтических» переживаний.

В своей статье «Религия как метабионтика» Бет так раз'ясняет смысл своего откровенно мистического учения, идущего по стопам теософских и антропософских мудрствований: «В человечестве наряду с принадлежностью к биологическому царству мы находим также свойство сознания быть метабионтическим—принадлежать к иной жизненной связи, нежели физиологически обусловленной, или по крайней мере к ней стремиться и организовываться в направлении к ей, причем организовываться не столько через тело, сколько именно душевно. Если человек эту связь с душевной сферой жизни находит установленной таким образом, что для него эта другая жизнь отчетливо предстает как действительность, то в нем образуется то, что мы называем религией».

Но на вопрос, почему же не всякий верит в это «нечувственное», Бет отвечает указанием, что, мол, «не всякий это присущее ему ощущение жизненно-ритмической включенности использует для восприятия».

Конечно подробного разбора «метабионтическая» дребедень Бета не заслуживает. Суть ее такова: человек от природы религиозен, в каждом говорит бог. Но сознательно, мол, некоторые люди по разным причинам становятся атеистами.

Такой же мысли придерживается англичанин Цирил Фляуэр. Неверие разделяется, по Фляуэру, на два вида: «неверие наивное, лишенное софистики, и неверие интеллектуальное, пропитанное софистикой». Неверие, лишенное софистики, быстро переходит в стадию колебания, «когда восприятие, или различение среды, не поспевает за готовностью психической структуры к правильному реагированию». Когда «колебание» становится элементом сознания, действие тормозится, возникает сомнение, а с ним, по мнению Фляуэра, возможность веры. «Отношение теологов к сомнению было в целом в высшей степени неблагоприятно, поскольку сомнение встречали враждебно, всячески стремились его заглушить, вместо того чтобы его по существу оценить, затем тщательно изучить и разрешить. Попытка заглушать сомнения сама по себе ответственна за возникновение типов неверия, которые отвергают подлинное убеждение, в то время как само сомнение при правильном к нему подходе этого не дало бы».

Сомнение Фляуэр распределяет по трем видам: 1) активное сомнение — «одна из наиболее ценных служанок истины»; 2) пассивное сомнение, которое характеризуется равнодушием к притязаниям истины и возникает в связи с недостаточным знанием или отсутствием интереса или с наличием внутреннего конфликта; 3) скептицизм, сомнение в его разрушительном виде,— эта установка базируется на отсутствии веры в способность человека познать истину.

Но вот французский профессор Анри Клявье, поставив в парадоксальной форме вопрос об ответственности верующих за комплекс неверия, значительно всполошил свою аудиторию и дал ряд фактов, констатирующих рост безбожия во Франции.

Клявье утверждает, что «неверие это не простой факт, но комплексный, скорее подсознательного образования, нежели сознательного, имеющий много корней». «Среди многочисленных причин современного неверия основная — это установка верующих. Неверие французов, обычно покоющееся на логике и разуме, не составляет здесь исключения».

Клявье насчитывает 5 комплексов неверия, давая в качестве иллюстрации ряд фактов из жизни или литературы: 1) комплекс сексуального характера — это

связано с переживанием наступления половой зрелости, «ревностью и ненавистью к исповеднику своей жены», несчастным браком и т. д.; 2) комплекс неверия благодаря «оттоку инстинкта жизненной экспансии»; 3) комплекс неверия — «защита личной автономии» (здесь Клявье рассказывает про молодого католика, ставшего анархистом, и молодого протестанта, ставшего коммунистом); 4) комплекс неверия благодаря «эстетической революции»; 5) комплекс неверия благодаря «моральной революции».

Выводы Клявье таковы: «1) верующие — не единственные агенты неверия, 2) верующие — главные агенты неверия; 3) полезность для дела веры анализа комплексов неверия; 4) неверие мира — часто дань вере; 5) мир ожидает всегда с тем же самым страстным желанием, чтобы дети бога воскликнули: «Моя вина! Сжалься над нами, господи».

Ради успешной борьбы с неверием и революцией почти каждый из присутствовавших ученых мракобесов давал свой анализ неверия. Рижский профессор Карл Шнейдер особенно подробно говорил о «душевном сопротивлении религии учащихся». Даем буквальный перевод его тезисов.

«1. Необходимо с точки зрения методической указать, что по отношению к такой сложнейшей психологической проблеме, как неверие, нельзя подойти с какой-либо одной единственной психологической методикой, но здесь как раз надо всячески предостерегать от физикалистически задуманной методики и вместо последней надо подойти к вопросу с различных сторон.

2. Сопротивления учащихся религии носят чисто условный характер и могут быть поняты только с социально-психологической точки зрения.

3. Интеллектуальное сопротивление наступает в самых разнообразных промежуточных формах, от радикального скепсиса до полного равнодушия. Обычно остается еще некоторый интеллектуально-религиозный минимум. Встречаются формы, в которых «в голове» религия, а «в сердце» нет. Но вообще часто отсутствует интеллектуальное «принятие всерьез» религии, причем научно-популярная литература оказывает на учащихся пагубное влияние.

4. Эстетические сопротивления ведут или к отклонению религии, так как все религии содержат нечто устрашающее, или к превращению религиозного в эстетическое: так, весьма эстетически настроенные учащиеся любят изображения мадонн и т. д.

5. Но особенно многочисленны разнообразные формы этического сопротивления. Они или чисто отрицательного характера: «религия мешает жизни», или сильно позитивно-этического: «религиозная этика недостаточна», «не социальна» и т. д., или они вырастают в разрыв между религиозно-этическими требованиями и их осуществлением. Отклоняется сильно всякая религия, которая не делает ударения на этике,—но часто остается религиозно-этический минимум. В настоящее время приходится наблюдать именно социально-этические сопротивления религии (народные, политические и т. п. причины).

6. Основная, далее не определимая эмоциональная установка также часто действует, как антирелигиозная.

7. Часто можно хорошо наблюдать генезис этого сопротивления, и здесь должно отыскать ряд известных терапевтических возможностей».

Данный конгресс уделил много внимания и вопросам методики психологии религии.

Доклад женевского профессора Бергера дал повод к оживленной дискуссии по поводу анкетного метода исследования религиозности. Оказывается, анкеты Бергера показали, что «непонимание идей о спасении широко распространено», что, мол, «внутри современного культурного человечества растет желание к обновлению внутренней жизни». Ясно, что здесь под туманными

формулировками очевидно «честно верующего» христианина скрывается правда о фактическом массовом отходе от церкви широких слоев трудящихся. Но ведь если теолог скажет это прямо,—он выдаст себя с головой! Вот почему идет речь о «непонимании», об «обновлении внутренней жизни» и т. д. Вот почему посыпались на конгрессе возражения, что другие исследования, мол, говорят иное, что важны не ответы на анкеты, но «живое сочувственное обхождение с человеком» и т. п.

Профессора Нас и Райц фон-Френтц (по всей вероятности испытанные в делах веры католики-иезуиты.—*Л. Д.*) заявили: «Когда людей приводят к разумному пониманию и они замечают, о чем, собственно, идет речь при таком понятии, как спаситель в христианском смысле, они тотчас же как бы «расцарапываются» (это буквально: aufgekratzt; литературно надо перевести: «их тотчас же хватает за живое») и они положительно отвечают на предложенный им материал понятий».

Итак, теологи хотят всесторонне обновить свой «научный базис», используя и «описательную психологию», и «экспериментальную», и «анкеты», и психоанализ, и наконец изучение преступности. Так, Франц Брандль доложил конгрессу, что его «обширное исследование преступного мира нарушителей собственности показало, что 66 проц. из них неверующие, а 34 проц.—верующие—конечно не в каком-либо специально церковном смысле!» Брандль предполагает, используя схемы Кречмера, продолжить эту работу в смысле «глубинной психологии»! Ясно, что эта «глубина» скажется в полном пренебрежении к фактам, в подтасовывании, во всяких словесных ухищрениях, которыми так богаты дипломированные лакеи поповщины.

Те же эксперименты, ради которых теологические психологи сажают перед аппаратом «философски образованных», религиозно-воспитанных людей, например студентов, профессоров теологических факультетов и т. д., пред'являют им те или иные слова (например «Иисус», «дева Мария» и т. д.) и затем исписывают целые томы «показаний самонаблюдений испытуемых»,—яркий показатель процесса технизации, модернизации современной церкви и ничего более! Таковы например опыты Наса (описанные в № 4 журнальчика «Zeitschrift für Religionspsychologie») по изучению «экстатических явлений», где студент теологии показывает, как «воспрянуло, осветилось внутренним светом существо» при восприятии слова «Иисус» и т. д.

Хотя попы и называют это «экспериментальной наукой», но здесь конечно науки и в помине нет.

Такова методика теологической психологии религии. С нею мы должны быть знакомы для того, чтобы лучше знать своего врага и успешнее с ним бороться.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Обзор журнала „Erkenntnis“ за 1931 г.

В. Брушлинский

Журнал «Erkenntnis» («Познание») выходит с 1930 г. вместо журнала «Annalen der Philosophie» («Летопись философии»). Издается он «по поручению Общества эмпирической философии (Берлин) и Союза Эрнста Маха (Вена) Рудольфом Карнапом и Гансом Рейхенбахом. Выходит отдельными книжками (до 6 в год), составляющими вместе один том в год, общим размером около 30 листов. Редакция помещается в Берлине; место издания—Лейпциг, книгоиздательство Ф. Мейнера.

О задачах журнала редакция сообщает следующее:

«Эркеннтнис—научно-философский журнал. Он не ориентируется на метод какой-нибудь философской системы. он не считает, что философия покоится на каком-то особом праве разума, которое могло бы воздвигнуть общеобязательное познание независимо от специальных наук, но он желает разрабатывать философию по методам частных наук, исходя из конкретных проблем и освободившись от предрассудка априорной наднаучной дисциплины. Форма журнала служит формой выражения такого рода философии, в которой имеются отдельные проблемы, подлежащие разрешению независимо от рамок какой-нибудь системы, и в которой познания многих лиц соединяются вместе для построения одной общей науки, заинтересованной в «познании» в таком же смысле, как и всякая специальная наука. Такого рода научная философия может быть осуществлена только в теснейшем контакте со специальными науками, прежде всего с естественными науками, и потому помещаемые в журнале «Эркеннтнис» статьи касаются главным образом таких пограничных областей математики, физики, биологии, социологии и т. д., в которых эти науки имеют дело с философскими вопросами. Поэтому сотрудниками журнала «Эркеннтнис» являются не только философы, но также и представители специальных наук, интересующиеся исследованием фундамента своей дисциплины. Об'единить философию со специальными науками для живой и плодотворной работы—такова цель журнала «Эркеннтнис».

При ближайшем ознакомлении с журналом оказывается, что та «научная философия», к которой зовут и которую провозглашают редакторы и сотрудники «Эркеннтнис», представляет собою не что иное, как слегка подновленный махизм, сочетаемый с так называемой «логистикой», или «математической логикой», т. е. с новейшей разновидностью ультраформальной антидиалектической логики, использующей некоторые приемы математики для придания себе более внушительной «научной» внешности. Американские философы называют защищаемое журналом «Эркеннтнис» философское направление «неопозитивизмом», или «логическим позитивизмом», и думают, подобно самим этим «неопозитивистам», что им удалось «превзойти» «старую» противоположность между материализмом и идеализмом. Это конечно совершеннейший вздор. Как известно, еще в 1908 г. Ленин с исчерпывающей ясностью и с исключительной силой вскрыл внутреннюю лживость и реакционную сущность претензии махистов на то, что ими якобы «преодолена»

коренная противоположность материализма и идеализма. Ленин показал, что махизм есть вид идеализма. Точно так же и «логический позитивизм», главным органом которого является журнал «Эркеннтнис», представляет собою одну из разновидностей идеализма, именно ту его разновидность, которая не решается прямо и открыто признать себя идеализмом, драпируется в тогу мнимой научности и ведет борьбу против материализма с позиций мнимого отвергания всякой метафизики.

Перед нами четыре книжки II тома журнала «Эркеннтнис», вышедшие в 1931 г. Остановимся на наиболее крупных и характерных статьях, помещенных в этих книжках.

В книжке первой имеется статья профессора Эрвина Фрейндлиха: «Вопрос о конечности мирового пространства, как астрономическая проблема». Фрейндлих различает два рода конечных величин: ограниченные и безграничные. Примером первых может служить конечная площадь какого-нибудь земельного участка, ограниченного, скажем, межевыми столбами. Примером вторых является поверхность земного шара, не ограничиваемая никакими внешними рубежами и определяемая исключительно своими внутренними «отношениями связи», т. е. «радиусом кривизны», иначе говоря — величиной земного диаметра. И вот Фрейндлих задается вопросом: «Не существуют ли наряду с бесконечным, безграничным трехмерным пространством также и такие пространства, которые замкнуты в себе, конечны и безграничны, подобно тому, как существует шаровая поверхность как конечная безграничная поверхность наряду с плоскостью, мыслимой как бесконечно простирающаяся во все стороны?» (стр. 44). И он отвечает, что нет никаких оснований отрицать существование такого рода пространств, так как математики разработали обстоятельную теорию этих пространств по аналогии с теорией таких замкнутых поверхностей, как поверхность шара, яйца, эллипсоида и т. д. С точки зрения абстрактного формализма, характерной для буржуазных математиков и разделяемой также и Фрейндлихом, голая аналогия решает вопрос. Для нас, разумеется, такая постановка и такое решение проблемы совершенно неприемлемы. Для нас геометрия представляет собою не логическую конструкцию, вытекающую из тех или других произвольно выбранных аксиом и постулатов, а научное отражение одной из сторон действительного материального мира. «Математика и другие науки абстрагируют о д н у из сторон тела, явления, жизни»—читаем мы у Ленина (Лен. сб. XII, стр. 388). «Математика имеет своим об'ектом пространственные формы и количественные отношения реального мира, стало быть, весьма реальный материал» — читаем мы у Энгельса («Анти-Дюринг», издание «Московский рабочий», Москва, 1922 г., стр. 15).

Для Фрейндлиха же различные системы геометрии — это чисто априорные построения, которые лишь впоследствии «применяются» к «миру явлений» (понимаемому к тому же в махистском смысле совокупности «элементов») в целях наиболее удобного его описания. К какому же роду пространств принадлежит «пространство нашего физического опыта»?—спрашивает Фрейндлих. Является ли это пространство бесконечным и эвклидовым или же оно есть замкнутое, конечное, хотя и безграничное, пространство по аналогии с конечною, хотя и безграничною, поверхностью шара? Повторяем, что такая постановка вопроса для нас с самого начала совершенно неприемлема, ибо понятие в себе замкнутого, конечного, хотя и безграничного, пространства покоится исключительно на формальном принципе аналогии с шаровой поверхностью и на столь же формальном принципе логической непротиворечивости этого понятия. Но с точки зрения буржуазных ученых, этих формальных принципов вполне достаточно для того, чтобы обосновать правомерность такой постановки вопроса.

Понятие в себе замкнутого, безграничного, но конечного пространства есть такая же произвольная конструкция, как, скажем, понятие пространства пяти или

десяти измерений. В качестве вспомогательного приема, употребляемого в тех или других математических операциях, такого рода понятие может быть полезным и даже необходимым (точно так же, как, скажем, понятие квадратного корня из отрицательной величины, $\sqrt{-1}$). Но это еще не дает права на основании одной лишь формально логической непротиворечивости понятия такого пространства приписывать ему без дальнейших рассуждений то или иное реальное значение. Уже относительно отрицательных величин Энгельс указывал на то, что реальное значение они имеют только в своем отношении к положительным величинам. «Отрицательные величины алгебры реальны лишь постольку, поскольку они относятся к положительным величинам, реальны лишь в своих отношениях к последним; взятые вне этого отношения, сами по себе, они мнимы» («Архив Маркса и Энгельса», т. II, стр. 199. Разрядка наша.— В. Б.). Тем более это справедливо относительно таких понятий, как $\sqrt{-1}$, как пространство пяти измерений или как неэвклидовское, в себе замкнутое, конечное, хотя и безграничное, пространство, о котором говорят Эйнштейн и Фрейндлих.

Фрейндлих утверждает, что до эйнштейновской теории относительности обсуждение вопроса о конечности или бесконечности мирового пространства носило характер «чистой спекуляции» и что только теория относительности Эйнштейна дает возможность перенести эту проблему на почву физического и астрономического опыта. Эйнштейн провозгласил абсолютную относительность всех движений—не только равномерных и прямолинейных, но и всех остальных. Фрейндлих безоговорочно солидаризируется с Эйнштейном. Между тем теория Эйнштейна в том виде, как она создана Эйнштейном и его буржуазными единомышленниками, нуждается еще в основательной материалистически-диалектической переработке. Она страдает формализмом и не возвышается до понимания того обстоятельства, что самое различие между относительным и абсолютным относительно и что в относительном есть абсолютное. Только с чисто формальной, суб'ективистско-релятивистской точки зрения можно говорить о том, что все равно, как «описывать» движение земли вокруг солнца — в терминах ли движения земли (геоцентрическая система) или же в терминах движения солнца (гелиоцентрическая система).

Фрейндлих ставит в заслугу Эйнштейну то, что он своей теорией относительности превратил геометрию в часть физики, поскольку у него свойства пространства об'являются зависящими от силы тяготения. У Эйнштейна действительно получается некоторое так сказать «математическое» единство пространства, времени и материи, но единство это совершенно иного порядка, чем то, которое устанавливается диалектическим материализмом. Мы, диалектические материалисты, стоим за неразрывное единство материи, пространства, времени и движения, но мы не отождествляем их, рассматривая пространство и время как основные и всеобщие формы бытия, а движение — как способ существования материи. Мы исходим из об'ективного бытия, из материи, а не из формалистической математико-физической конструкции. Фрейндлих же исходит именно из формализма эйнштейновской теори относительности. Последовательное проведение этой теории, указывает он, приводит к тому выводу, что мировое пространство является конечным, замкнутым в себе, хотя и безграничным, и если для простоты принять, что материя в этом пространстве распределена приблизительно равномерно и что она не движется (хорошенькая «простота»!), то радиус кривизны мирового пространства будет постоянной величиной, обратно пропорциональной квадратному корню из средней плотности материи.

Фрейндлих считает, что в отличие от доэйнштейновских «спекуляций» относительно конечности мира этот теоретический вывод из теории относительности допускает проверку опытом а именно — астрономическим опытом. И Фрейндлих останавливается на некоторых новейших данных из области астро-

номии, пытаясь показать, что они не противоречат вытекающему из теории относительности выводу о конечности мирового пространства.

Для Фрейндлиха прежде всего возникает вопрос о размерах сконструированного им конечного, замкнутого в себе мирового пространства. Астрономия в последние годы обогатилась новыми данными, значительно изменившими прежние представления о расстояниях, отделяющих нашу солнечную систему от звездных туманностей и звездных куч. Новейшие измерения показали, что расстояния эти гораздо более грандиозны, чем думали раньше, что они исчисляются миллионами и десятками миллионов световых лет. В связи с этим средняя плотность материи в мировом пространстве (под «средней плотностью материи» Фрейндлих понимает количество небесных тел, приходящееся на одну кубическую единицу пространства) оказывается значительно меньшей, чем предполагали раньше, а это означает, что размеры всего мирового пространства по формуле Эйнштейна — Фрейндлиха выражаются чрезвычайно большим числом, а именно — примерно 100 млрд. световых лет.

Если принять конструкцию Эйнштейна — Фрейндлиха, то окажется, что та часть мирового пространства, которая наблюдается нами с помощью самых крупных телескопов, составляет не более $^1/_{1000}$ всего мирового пространства. Фрейндлих считает, что эти новейшие открытия астрономии относительно расстояний небесных тел вполне гармонируют с защищаемым им учением о конечности мира и о его размерах.

Следующая группа вопросов, затрагиваемых Фрейндлихом в качестве подлежащих проверке астрономическим опытом,— это вопросы распределения материи и распределения скоростей в мировом пространстве. Фрейндлих указывает на то, что в замкнутом, конечном неэвклидовом пространстве ни одна точка не может, предпочтительно перед другими, претендовать на то, что она есть центр этого пространства, подобно тому, как на поверхности шара любая точка может с одинаковым правом рассматриваться как центр всей поверхности. В бесконечном эвклидовом пространстве, более или менее равномерно наполненном материей, тоже нельзя ни одну точку рассматривать, предпочтительно перед другими, как центр мира. Однако в последнем случае предположение существования бесконечного количества материи, более или менее равномерно распределенной в бесконечном пространстве, создает, по утверждению Фрейндлиха, непреодолимые трудности как для ньютоновской механики, так и для эйнштейновской теории относительности, в результате чего приходится делать допущение о постепенном уменьшении плотности материи по направлению к «окраинам» мира. Если бы такое уменьшение плотности материи действительно имело место, то, продолжает Фрейндлих, мы должны были бы наблюдать очень значительные разницы в количестве материальных масс в различных частях мирового пространства и очень большие скорости (приближающиеся к скорости света) для тех звезд, которые с «окраин» устремляются к гравитационному центру материального мира. До самых последних лет астрономы нигде не наблюдали таких исключительных скоростей. Но недавно удалось измерить смещения в спектральных линиях некоторых весьма отдаленных туманностей, дающие основания заключить о скоростях порядка 10 тыс. км. в секунду. Если это так, если эти туманности действительно движутся со столь большими скоростями, все больше и больше удаляясь от нашей звездной системы, то это, по мнению Фрейндлиха, говорило бы в пользу бесконечного эвклидового пространства с неравномерным распределением материи и противоречило бы концепции конечного неэвклидового мирового пространства, не имеющего ни центра, ни окраин. В приложении к своей статье Фрейндлих сообщает, что Эйнштейн нашел удовлетворительное об'яснение этому явлению путем видоизменения своих уравнений, из которых выводится конечность мира. Дело в том, что раньше в этих уравнениях фигурировала некоторая произвольно введенная постоянная величина

(так называемый «космологический член»). Теперь Эйнштейну удалось обойтись без этой произвольной константы, и в результате получилось такое решение уравнений, которому соответствует конечный и замкнутый неэвклидовый мир, однако не с постоянным, а с изменяющимся с течением времени радиусом кривизны. Так как все изученные до сего времени спиральные туманности стремительно удаляются от нашей системы, то нужно предположить, заявляет Фрейндлих, что мир переживает теперь фазу «экспансии». Правда, Фрейндлих вынужден признать, что величина радиуса кривизны при таком решении эйнштейновских уравнений получается слишком малой, но он утешает себя тем, что со временем и этот пункт получит удовлетворительное разрешение.

Чем вызвано желание буржуазных ученых во что бы то ни стало обосновать учение о конечности мира? Что толкает буржуазную мысль в эту сторону? Почему Фрейндлих склонен признать вероятный конец мира в виде распыления материи в пустоте, в виде превращения материи в излучение? Почему он считает, что «обратный процесс не может быть утверждаем с одинаковой вероятностью» (стр. 58)? Фрейндлих не делает из всех этих положений откровенно поповских выводов, как это делают другие буржуазные ученые и философы. Он выступает в костюме строгой научности, но этот костюм конечно мало меняет существо дела. Существо же дела заключается в неизлечимой, смертельной болезни, потрясающей весь капиталистический мир, и в глубоко упадочном настроении буржуазии, вызванном этой смертельной болезнью капитализма. Приближающийся конец капиталистической системы, смутно предчувствуемый буржуазными идеологами, толкает их мысль к представлению о «конце всех вещей». Вот та глубокая подоплека, которая побуждает Шпенглера вопить о гибели европейской культуры, а физиков и астрономов настраивает на мысли о гибели всей вселенной. Вместе с тем конечность мира в пространстве и во времени — очень удобная вещь для всякого рода поповской проповеди. А в разлагающемся буржуазном мире религия находится в большом почете: она нужна и для одурачивания трудящихся масс и для утешения теряющих почву под ногами капиталистов.

Книжка 2—3 содержит труды «Второго с'езда по теории познания точных наук», заседавшего в сентябре 1930 г. в Кенигсберге. Из прочитанных на этом с'езде докладов наибольший интерес представляют доклады проф. Ганса Рейхенбаха и проф. Вернера Гейзенберга о принципе причинности в современной физике.

Доклад Рейхенбаха озаглавлен: «Понятие истины в физике». Рейхенбах начинает с предупреждения о том, что его понимание теории познания отличается от обычного понимания, господствующего в школьной философии: для него, дескать, теория познания не является такой дисциплиной, которая черпает свои познания из чистого разума с претензией на то, чтобы делать затем предписания представителям частных наук; для него теория познания «неразрывно связана с точным естествознанием» и имеет своей задачей «анализирование научного мышления, кристаллизующегося в тех или иных теориях и концепциях положительных наук».

Что такое истина?—вопрошает Рейхенбах. Каким образом решается вопрос об истинности таких утверждений, которые высказывают нечто о будущем? (Ибо именно такого рода утверждения составляют содержание физики и именно они нуждаются, по мнению Рейхенбаха, в особом гносеологическом оправдании). Традиционное понимание истинности физических утверждений связывает понятие истины с понятием детерминизма. Рейхенбах выступает против связывания этих понятий. Он считает, что концепция детерминизма нуждается в критическом пересмотре.

Сводя проблему истины к проблеме научного предсказания, Рейхенбах заявляет, что нельзя разрешить эту проблему так, что, мол, всякое научное предсказание (всякое положение физики) само по себе либо истинно либо ложно, только мы,

дескать, не всегда имеем достаточно знаний для того, чтобы ответить на этот вопрос. «До тех пор, — говорит Рейхенбах, — пока к понятию истины не подойдут со стороны понятия приближения к истине, оно с необходимостью останется пустым понятием» (стр. 161). А это для Рейхенбаха означает не что иное, как то, что понятию вероятности принадлежит приоритет над понятием истины. Истина — это лишь предельный случай вероятности (стр. 162). «Физик обозначает свои положения как более или менее вероятные, а последующие опыты делают данное научное предсказание более вероятным, но никогда не истинным» (там же. Разрядка наша.—В. Б.).

Для Рейхенбаха как для представителя суб'ективистско-антидиалектического мышления «релятивное только релятивно и исключает абсолютное» (Ленин). Поэтому «вероятность» как нечто относительное и приблизительное отрывается им от «истины», «приближение к истине» отрывается от самой «истины». Это значит, что для Рейхенбаха нет подлинного приближения к истине, так как истина превращается у него в нечто потустороннее, никогда и ни в какой мере недостижимое.

Рейхенбах ошибается, думая, что эта его точка зрения отличается какой-либо оригинальностью, и утверждая, что до него понятие вероятности всегда сводили к понятию истины, вместо того чтобы, наоборот, понятие истины сводить к понятию вероятности, как это делает он сам. Достаточно назвать хотя бы Юма, агностицизм которого тоже представлял собою своего рода пробабилизм (учение о том, что всякое знание, касающееся действительности, является лишь более или менее вероятным и не способно дать никаких достоверных истин).

Рейхенбах предостерегает против гипостазирования тех «суб'ективных вспомогательных средств», к которым прибегают физики при установлении законов явлений и которые Рейхенбах называет «физическими моделями» (например ньютоновскую концепцию силы притяжения Рейхенбах называет «моделью», которая, мол, помогла Ньютону сформулировать приблизительный закон движения планет, но сама по себе не имеет никакого познавательного значения). В настоящее время мы должны, по мнению Рейхенбаха, быть готовыми к тому, чтобы отказаться от последней черты, общей всем до сих пор применявшимся физическим моделям,— от идеи детерминизма (стр. 163).

Итак, идея детерминизма, или идея строгой причинности (Рейхенбах отождествляет эти понятия), а вместе с тем и покоящееся на этой идее понятие строгой истины являются всего лишь «моделью», или «схемой», имеющей весьма ограниченное и условное значение. «Для модели не лишено смысла заключать из наличия состояния А к наступлению состояния В. Но для действительности этим утверждением еще ровно ничего не сказано, потому что нам неизвестен ни один случай, в котором бы было строго реализовано состояние А» (стр. 164).

Это основной аргумент Рейхенбаха. На нем следует несколько остановиться. Диалектический материализм признает и учитывает приблизительный и относительный характер каждого отдельного положения науки. Но это ведет его не к отрицанию об'ективной истины, не к суб'ективизму и пробабилизму, не к отказу от детерминизма, а к диалектическому пониманию развития человеческого познания, к диалектическому учению о взаимоотношении между относительной и абсолютной истиной. Особенно глубоко освещены эти вопросы у Ленина, поднявшего диалектический материализм на новую, высшую ступень. Здесь нет возможности подробно изложить взгляды Ленина на эти вопросы. Приведем только две небольшие выдержки, показывающие общее направление марксистско-ленинского разрешения указанной проблемы. Ленин пишет: «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования понятий, законов и т. д., каковые понятия, законы и т. д. (мышление, наука, «логическая идея») и охваты

вают условно, приблизительно -универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» (Лен. сб., IX, стр. 202). «Самая простая истина, самым простым индуктивным путем полученная, всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен. Ergo: связь индукции с аналогией — с догадкой (научным провидением), относительность всякого знания и абсолютное содержание в каждом шаге познания вперед» (там же, стр. 198. Подчеркнуто нами. — В. Б.).

Рейхенбах полагает, что понятие вероятности господствует решительно во всех высказываниях физики, а не только в так называемых «статистических законах». Различие между «каузальными» и «статистическими» законами Рейхенбах усматривает лишь в том, что в первом случае переход от одной вероятности к другой (более высокой) достигается методами анализа единичного явления, а во втором случае—методом перехода к большим числам, причем оба эти метода вполне равноправны и сопутствуют друг другу. Рейхенбах ставит себе в заслугу то, что он еще в 1925 г. (за год до появления квантовой механики) указал на ту возможность, что квантовая теория придет к признанию принципиальной границы, выше которой не может подниматься степень вероятности при анализе отдельных явлений. Развитие квантовой механики, говорит Рейхенбах, пошло именно по этому пути. Принципиальная ненаблюдаемость некоторых явлений, принципиальная, т. е. абсолютная, граница познания — вот последняя и высшая мудрость целого ряда современных буржуазных физиков, все глубже и глубже погружающихся в болото агностицизма и поповщины. Но Рейхенбах вслед за многими другими буржуазными учеными не ограничивается одним лишь агностицизмом: он его «углубляет» и дополняет проповедью индетерминизма. Он отвергает всякие попытки истолковать постулированную им якобы принципиальную невозможность определить ход тех или других отдельных процессов только как дефект нашего познания природы. Он считает, что принцип строгого детерминизма вообще не имеет смысла в применении к физическим явлениям. Нет никакой строгой истины: есть только вероятность различных степеней.

Доклад Гейзенберга «Закон причинности и квантовая механика» развивает в основном те же мысли, что и доклад Рейхенбаха, но в несколько более осторожной форме. Гейзенберг считает, что новейшее развитие атомной теории создало «новую ситуацию», требующую пересмотра нашего понятия причинности. В чем же состоит эта «новая ситуация»? Старая физика базировалась, по Гейзенбергу, на следующем принципе: «Если теперешнее состояние какой-нибудь изолированной системы с точностью известно во всех своих определяющих моментах, то отсюда можно вычислить будущее состояние этой системы» (стр. 174). Гейзенберг говорит, что в основе этого принципа лежит допущение относительно принципиальной возможности познать изолированную систему во всех существенных определяющих моментах. Тем самым предполагается, что воздействия, связывающие об'ект с наблюдающим суб'ектом и впервые позволяющие наблюдателю делать какие бы то ни было высказывания об этом об'екте, можно сделать столь незначительными, что они становятся несущественными для хода процессов. Как раз это предположение, говорит Гейзенберг, и об'является неправильным представителями новейшей квантовой теории, устанавливающими принципиальную невозможность нахождения всех необходимых для вычисления будущего состояния определяющих моментов какой-нибудь изолированной системы.

Гейзенберг ссылается на так называемые «отношения неопределенности» (Unbestimmtheitsrelationen), которые, дескать, обуславливают принципиальную невозможность точного определения местонахождения электрона в данный момент времени или принципиальную невозможность точного измерения силы электрического поля в данном месте и в данное время. Самый процесс определения место-

нахождения электрона или процесс измерения силы электрического поля вносит, мол, не поддающиеся учету изменения в об'екты нашего наблюдения.

Правда, математическая схема квантовой механики позволяет из «волновой группы», репрезентирующей начальное состояние системы, выводить путем дифференциальных уравнений «волновую группу», репрезентирующую последующее состояние системы. Однако за исключением некоторых специальных случаев квантовая теория дает только статистические высказывания даже и при том условии, что все определяющие моменты даны. «Таким образом, решающее различие между классической теорией и квантовой механикой состоит в том, что если относительно какой-нибудь замкнутой системы известны, путем предшествующего измерения, все определяющие моменты, то:

а) в классической теории поведение системы при каком-нибудь последующем наблюдении является вполне определенным;

б) в квантовой же теории поведение системы при новых экспериментах может быть, как правило, указано лишь статистически. Только для специально подобранных экспериментов квантовая теория позволяет делать однозначные предсказания» (стр. 179). И это дает Гейзенбергу повод говорить об «известной степени детерминизма, которая, мол, имеет место в квантовой теории. Соответственно этому Гейзенберг формулирует ограничительный закон причинности, имеющий силу для атомной физики: «Если точно известны определяющие моменты какой-нибудь изолированной системы для данного времени (эти определяющие моменты суть величины, характеризуемые вектором в гильбертовском пространстве), то для всякого последующего времени над этой системой могут быть произведены такие эксперименты, результаты которых точно детерминированы и могут быть вычислены наперед при условии, что система не подвергается никаким возмущениям, кроме тех, которые причиняются названными экспериментами» (стр. 180).

Правда, никому не возбраняется, говорит Гейзенберг, в тех случаях, когда наблюдаемые нами явления оказываются не детерминированными, ссылаться на то, что мы еще не знаем их причин. Однако, по Гейзенбергу, это не спасает принципа причинности. Ибо, по его мнению, определяющие моменты атома полностью выражены в соответствующей волновой функции, и если тем не менее поведение атома оказывается лишь статистически определимым, то это зависит от природы самого атома, вернее от взаимодействия между атомом и тем аппаратом, с помощью которого он становится об'ектом наблюдения. «Современная атомная физика, — заявляет Гейзенберг, — трактует не о сущности и строении атомов, а о тех явлениях, которые мы воспринимаем, когда наблюдаем атомы» (стр. 182).

Доклад Гейзенберга полон неясностей и вызывает ряд недоуменных вопросов. Основная мысль докладчика—о принципиальной неопределенности поведения атомов и о принципиальных границах нашего познания — не получает никакого хоть сколько-нибудь убедительного обоснования. Можно вполне согласиться с тем, что те приемы, с помощью которых мы наблюдаем внутриатомные процессы, вносят известное возмущение в эти процессы. Но отсюда отнюдь не следует, что физическая наука никогда не найдет таких методов, которые давали бы возможность со все большей и большей точностью учитывать это возмущающее влияние аппаратов наблюдения. Постулировать принципиальное бессилие человеческой науки перед лицом выдающихся достижений этой науки — это характерно для представителей упадочного класса, начинающего терять веру в свои силы и переносящего свою классовую ограниченность на все дальнейшее развитие человеческого познания — «живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, об'ективного, абсолютного человеческого познания» (Ленин).

Что же касается постулата о принципиальной недетерминированности внутриатомных процессов, то это есть уже прямой шаг к самой настоящей попов-

щине. Ни Гейзенберг, ни Рейхенбах не делают прямых поповских выводов из своей критики детерминизма. Но эти выводы делаются другими.

Только диалектический материализм способен дать научный анализ всех тех методологических проблем, которые привели буржуазных ученых к отрицанию всемогущества человеческого познания и к отказу от детерминизма. А здесь безусловно встают в новом аспекте такие проблемы, как проблема необходимости и случайности, проблема относительного и абсолютного, проблема суб'екта и об'екта, проблема статистической и динамической закономерности и т. д. Марксизм-ленинизм отрицает абстрактный, механический детерминизм, но он не приходит ни к индетерминизму, ни к постулированию принципиальных границ человеческого познания. Он целиком и полностью стоит на почве детерминизма, понимаемого диалектико-материалистически.

В четвертой книжке имеется большая статья Рудольфа Карнапа «Преодоление метафизики путем логического анализа языка». Карнап — один из вождей того неопозитивистского течения, главным органом которого является журнал «Erkenntnis». До недавнего времени Карнап был профессором философии в Вене; теперь он профессор натурфилософии естественно-научного факультета немецкого университета в Праге (Чехо-Словакия).

Что понимает Карнап под метафизикой, которую он «преодолевает»? «Метафизика,— говорит Карнап,—желает найти и выразить такое познание, которое недоступно эмпирической науке» (стр. 236). Все имеющие смысл «предложения» (Sätze) Карнап подразделяет на три класса: 1) Такие предложения, которые истинны в силу одной уже своей формы («тавтологические» или «аналитические» суждения). Эти предложения, по Карнапу, ничего не говорят о действительности. К ним Карнап относит формулы логики и математики. 2) Предложения, заключающие в себе логическое противоречие: они ложны в силу самой своей формы. 3) Все остальные предложения суть суждения опыта, относятся к области эмпирической науки и могут быть как истинными, так и ложными. Все прочие предложения, не принадлежащие ни к одному из этих трех классов, по Карнапу, лишены всякого смысла. Такими бессмысленными предложениями об'являются им все «метафизические» предложения, причем под «метафизикой» он понимает не только «спекулятивную метафизику», претендующую на познание из «чистого мышления» или из «чистой интуиции» независимо от опыта, но и такую «метафизику», которая исходит из опыта, но через особого рода умозаключения желает познавать то, что лежит позади непосредственного опыта («вещь в себе»). И Карнап перечисляет те «метафизические» направления, против которых он борется. Это — «реализм (Карнап имеет в виду материализм. — В. Б.) и его противники: суб'ективный идеализм, солипсизм, феноменализм, позитивизм (в старом смысле)» (стр. 237).

Философская позиция Карнапа вполне ясна: это — «стыдливый» идеалист, мнящий себя поднявшимся над коренной противоположностью материализма и идеализма. Ясно также и то, что позиция Карнапа не отличается большой оригинальностью. Еще Юм делил все об'екты человеческого познания на отношения между идеями и на то, что он называл «фактами опыта». И Юм тоже полагал, что математика имеет дело не с одной из сторон действительного материального мира, а с идеальными отношениями, не зависящими от действительности.

Как же «преодолевает» метафизику неопозитивист Карнап? Он считает, что хотя противники метафизики существовали уже очень давно, но лишь «новейшая логика» (он имеет в виду «логистику») дает строгий и точный ответ на вопрос о том, возможна ли метафизика, причем ответ этот дается путем анализа языка. Анализ языка показывает, что существуют такие комбинации слов, которые лишь на первый взгляд кажутся предложениями, на самом же деле не образуют собою никакого предложения. Эти мнимые предложения являются в строгом смысле...

бессмысленными. Происходит это или от того, что в них фигурируют слова, не имеющие никакого значения, или от того, что слова, имеющие значение, сочетаются в них таким образом, что получается нарушение законов логического синтаксиса.

Для того, чтобы какое-нибудь слово имело значение или смысл, оно должно, по Карнапу, удовлетворять следующим требованиям: 1) должна быть определена форма того наипростейшего предложения, в котором может выступить это слово (например для слова «камень» форма элементарного предложения будет: «х есть камень»); 2) для этого элементарного предложения должен иметься ответ на вопрос о том, из каких предложений оно может быть выведено и какие предложения могут быть из него выведены.

С этим критерием Карнап подходит к анализу «метафизических слов» и обнаруживает, что эти слова лишены значения или смысла. В качестве примера он берет слово «принцип» (в «метафизическом» смысле «принципа бытия», «мирового принципа» и т. п.) и слово «бог». Слово «принцип», говорит Карнап, имело первоначально эмпирическое значение «начала» («то, из чего что-нибудь происходит»). Метафизики же употребляют его в каком-то другом, сверхэмпирическом значении, причем они не могут указать, в каком именно. Подобным же образом и слово «бог» имело некогда «эмпирическое» значение, обозначая некоторые существа, обитающие в тех или других эмпирических предметах. Теперь же, по Карнапу, оно утратило это первоначальное наивное значение, но не приобрело никакого другого. Понятия «сущности», «вещи в себе», «бесконечного» «абсолютного» являются, по Карнапу, такими же бессмысленными метафизическими словами, как и слово «бог».

Далее идут примеры бессмысленных сочетаний осмысленных слов. Предложение «Цезарь есть и» бессмысленно уже в силу своей грамматической формы, поскольку союз «и» не может быть предикатом. Предложение же «Цезарь есть простое число» бессмысленно потому, что содержит смешение логических категорий: «простое число» не может быть ни утверждаемо, ни отрицаемо относительно лиц (а равно и относительно вещей). Карнап думает, что если бы язык был построен строго логически, с распределением слов по различным логическим категориям, то бессмысленные предложения второго типа были бы практически столь же невозможны, как и бессмысленные предложения первого типа («Цезарь есть и»).

После этих формалистических упражнений в «логическом анализе» слов и предложений Карнап приводит выдержку из книжки одного из модных метафизиков современной Германии Мартина Гейдеггера «Что такое метафизика» (1929 г.). Выдержка действительно состоит почти из сплошного набора слов на тему о том, что «ничто ничтит» (Das Nichts nichtet — образовано по аналогии с предложением «дождь дождит»). С помощью пространного «логического анализа» Карнап обнаруживает бессмысленность этой выдержки. Но и без этого громоздкого «анализа» вполне очевидно, что никакого положительного научного смысла в рассуждениях Гейдеггера о «ничто» нет. Однако это не значит, что эти рассуждения не имеют определенного социального смысла. Они весьма характерны для упадочнической дегенеративной философии современной буржуазии, теряющей почву под ногами и убегающей в мистику слов — подальше от той действительности, которая уже не сулит ей прочного и длительного владычества над трудящимися массами. Но Карнап интересуется только формальной логикой и занимается лишь схоластическими «анализами» отдельных слов и предложений.

Обобщая свои «анализы», Карнап заявляет: «всякая метафизика бессмысленна» (стр. 233). Но если «метафизика», по Карнапу, не имеет никакого теоретического содержания, то она все же служит, по его мнению, для выражения

«жизнечувствования» тех индивидуумов, которые создают метафизические системы. Но и тут Карнап пытается занять позицию неумолимого противника метафизики. Он заявляет, что если искусство (особенно музыка) является адэкватным средством для выражения жизнечувствования, то метафизика представляет собою весьма неадэкватное выражение этого жизнечувствования, так как она хочет быть тем, чем она не может быть, а именно — познанием. «Метафизики,— говорит Карнап,— это музыканты без музыкальной способности» (стр. 240).

Вот и все «преодоление метафизики» неопозитивистом Карнапом. Совершенно очевидно, что никакого действительного преодоления метафизики здесь нет и в помине. Нет даже просто понимания метафизики. Карнап старательно разрабатывает механистические, формально логические, схоластические схемы и критерии для определения «значения» и «смысла» слов и предложений, не замечая, что эти его схемы и критерии сами лишены всякого конкретного содержания и потому не могут дать никакого правильного представления ни о науке, ни о метафизике. Об'являя войну всякой метафизике, Карнап сам впадает в метафизику феноменалистического типа, утверждающую, что задача науки состоит лишь в наиболее удобном описании явлений. «Сущность» для Карнапа есть метафизическое, бессмысленное слово. Он не понимает, что «сущность является», что «явление существенно», что «мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка к сущности второго порядка и т. д. без конца» (Лен. сб. XII, стр. 182). С другой стороны, логист и механист Карнап не в состоянии понять ни гносеологических, ни социально-экономических корней отвергаемых им на словах идеализма и метафизики. Он не понимает, что «философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный» (там же, стр. 326), и что он питается и закрепляется «классовым интересом господствующих классов» (там же). Не понимая всего этого, Карнап не может выбраться из пут механистического идеализма с позитивистской окраской, несмотря на все свои нападки на всякую «метафизику», несмотря на все свои стремления к «научной философии». Не научная философия, а особого рода схоластика, использующая целый арсенал бесплодных формально логических формул логистики для придания себе наукообразной внешности, не «преодоление» метафизики, а идеализм, механицизм и формалистика — вот что такое «неопозитивизм» Карнапа.

Буржуазная ограниченность проявляется на каждом шагу в философствовании «антиметафизика» Карнапа точно так же, как и в философствовании других руководителей и сотрудников «лево»-буржуазного журнала «Эркеннтнис».

Редакционная коллегия журнала „ПЗМ“ { **В. В. Адоратский, А. М. Деборин, Э. Кольман, А. А. Максимов, М. Б. Митин, М. Н. Покровский, А. К. Тимирязев, П. Ф. Юдин.**

Уполномоченный Главлита № В—43372. Набор сдан 26/XII—32 г., подписан к печати 16/I—33 г. Зак. № 2482. Изд. № 1105. Тираж 34.625

Типография газеты „Правда“, Москва, ул. им. Горького, 48

ИНСТИТУТ
ФИЛОСОФИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

подготовляет издание

СОЧИНЕНИЙ Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ В 15 ТОМАХ.

В 1933 г. выйдут из печати следующие тома:

1. Том VII — «Философия права» — пер. Столпнера. Под редакцией и с предисловием Пашуканиса.

2. Том II — «Энциклопедия философских наук». Часть II — «Философия природы» — пер. Столпнера. Под редакцией и с предисловием А. Максимова.

3. Том XI — «Лекция по истории философии». Часть III — пер. Столпнера. Под редакцией и с предисловием Болотникова.

БИБЛИОТЕКА МАТЕРИАЛИЗМА.

Под редакцией Адоратского, Митина, Луппола.

В 1933 г. из печати выйдут:

1. Робинэ — «Избр. филос. работы» — 2 тома, пер. Юшкевича. Под редакцией и с предисловием Луппола.

2. Пристли — «Избр. филос. работы». — 1 том, пер. Виноградова. Под редакцией и с предисловием Ческиса.

3. Чернышевский — «Избр. филос. работы». — Под редакцией и с предисловием Смирнова.

4. Бэкон — «Избр. филос. работы» — пер. Брушлинского. Под редакцией и с предисловием Быховского.

КЛАССИКИ ФИЛОСОФИИ.

1. Кант — «Пролегомены» — пер. Фохта. Под редакцией и с предисловием Сараджева.

2. Кант — «Докритические работы» — пер. Фохта. Под редакцией и с предисловием Митина.

3. Аристотель — «Метафизика» — пер. Кубицкого. Под редакцией и с предисловием Вандека и Тимоско.

Цена 3 руб.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОД

НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

12-й ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. В., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет непримиримую борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, с меньшевиствующим идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» об'единяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма; отдел теоретической экономии и теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1933 ГОД:

на 1 год — 18 руб.
на ½ года — 9 руб.
на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки — 3 руб.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, конторами Союзпечати, всеми письмоносцами, книжными магазинами Книгоцентра, организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.